Коммунистический Интернационал после Ленина

Л. Троцкий

Л. Троцкий

Коммунистический Интернационал после Ленина

Великий организатор поражений

СПАРТАКОВЕЦ

ПРИНТИМА

Материалы для этой книги и машинописные оригиналы были представлены Научной библиотекой «Прометей», архивом Центрального Комитета Лиги Спартаковцев США, секции Интернациональной Коммунистической Лиги (IV Интернациональной).

Prometheus Research Library
Box 185, Canal Street Station, New York, New York 10013, USA;

Spartacist League/U.S.
Box 1377 GPO, New York, New York 10116, USA;

121019, г. Москва, Г-19, а/я 19, ИКЛ.

ISBN 5-900696-01-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

к русскому изданию

Мы публикуем здесь собрание документов Льва Троцкого, в которых представлена суть противостоящей сталинизму программы левой оппозиции по принципиальным вопросам международной политики. Первые две работы — «Что же дальше?» и «Критика программы Коммунистического Интернационала» — представляют собой кодификацию той политической программы, с которой левая оппозиция вышла на VI конгресс Коммунистического Интернационала, состоявшийся в 1928 г. Они имели решающее значение для расширения левой оппозиции в международном масштабе.

Помимо двух этих документов мы публикуем также работы «Китайский вопрос после VI конгресса» и «Кто руководит ныне Коминтерном?», которыми заканчивалось французское издание книги «Коммунистический Интернационал после Ленина», вышедшее в 1930 г. В предисловии к французскому изданию, которое Троцкий написал в 1929 г., он заявил, что это издание «является первым и единственным изданием этой книги, за которое я могу нести ответственность перед читателями». До настоящего времени эти работы ни разу не публиковались на русском языке.

К лету — осени 1928 г., когда были написаны эти произведения, Троцкий и его сторонники уже пять лет вели политическую борьбу с бюрократическим перерождением ВКП(б) и Коминтерна. Начало ей положил сам Ленин, который заключил блок с Троцким в декабре 1922 г., чтобы бороться против Сталина, и даже предлагал сместить последнего с поста Генерального секретаря.

Пока Ленин был жив, сталинские бюрократические злоупотребления (типа тех, что он совершил по отношению к грузинским коммунистам) еще не обретали характера открытой политической программы. Но не прошло и года после безвременной смерти Ленина в январе 1924 г., как Сталин выступил с теорией «социализма в отдельной стране». Это был прямой отказ от программы революционного интернационализма, на основании которой большевис-

тская партия Ленина и Троцкого возглавила Октябрьскую революцию 1917 г., в результате которой было создано первое в мире рабочее государство. До начала 1924 г. все вожди большевиков, и Сталин в том числе, признавали, что революция могла выжить только при условии ее распространения на одну или более развитых капиталистических стран, особенно на Германию. Критическим поворотным пунктом явилась неудача германской революции в 1923 г., означавшая перспективу длительного периода изоляции советского рабочего государства. Сталин стал представителем интересов растущей бюрократической прослойки в партии и государственном аппарате, для которой материальные привилегии и официальные должности стали важнее мировой революции. Теория «социализма в отдельной стране», возможно служившая первоначально обоснованием позиции бюрократии, стала оправданием самого ее существования. На основе этой доктрины, рожденной благодаря понесенному поражению, вырос ряд других.

На VI конгрессе Коминтерна, состоявшемся в 1928 г., Сталин и иже с ним стремились положить тезис о «социализме в отдельной стране» в основу программы Коминтерна. Ядро этой книги — ответ Троцкого «Критика программы Коммунистического Интернационала», написанный в яркой обличительной форме, — представляет собой мощное выступление в защиту как марксистской ясности, так и революционного интернационализма. Он представил на рассмотрение VI конгресса эту работу вместе с письмом «Что же дальше?», чтобы последовательно доказать фальшивую сущность «теорий» сталинистов и выставить на всеобщее обозрение перечень жалких неудач, пережитых Коминтерном под их руководством, таких, как удар в спину китайской революции 1925—1927 гг. и развал всеобщей забастовки в Британии в 1926 г.

В тот момент Троцкий характеризовал сталинистскую бюрократию как центристский нарост, захвативший контроль над партией, которая все еще могла быть реформирована; он полемизировал против тех противников Сталина, которые хотели объявить о смерти партии. Даже после их исключения из партии в 1927 г. Троцкий и левая оппозиция отказались оставить ВКП(б) Сталину до тех пор, пока представлялась хотя бы малейшая возможность преодоления бюрократического перерождения партии изнутри. Однако в статье «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», написанной в 1935 г., Троцкий пересмотрел свой анализ триумфа бюрократии и аналогии со свержением радикальных якобинцев во время Французской революции: «Во внутрен-

них спорах русской и международной оппозиции Термидор условно понимался, как первый этап буржуазной контрреволюции, направленный против социальной базы рабочего государства... Переворот 9-го термидора не ликвидировал основных завоеваний буржуазной революции; но он передал власть в руки более умеренных и консервативных якобинцев, более зажиточных элементов буржуазного общества. Сейчас нельзя уже не видеть, что и в советской революции давно уже произошел сдвиг власти вправо, вполне аналогичный термидору, хотя и в более медленных темпах и замаскированных формах...

Разгром левой оппозиции в самом прямом и непосредственном смысле означал переход власти из рук революционного авангарда в руки более консервативных элементов бюрократии и верхов рабочего класса. 1924 год — это и есть началс советского Термидора».

Одновременно Троцкий однозначно утверждал, что победа сталинской фракции не означала капиталистической контрреволюции; напротив, «эта узурпация оказалась возможна и может держаться только потому, что *социальное содержание диктатуры бюрократии определялось теми производственными отношениями, которые заложила пролетарская революция*» (там же).

Германия, 1933 г.: решающее испытание Коминтерна

Именно победа Гитлера в 1933 г., которая явилась историческим поражением германского и мирового пролетариата и за которую Сталин несет полную ответственность, побудила Троцкого произвести переоценку Термидора и природы бюрократии. В 1928 г., встав фактически перед лицом кулацкого восстания, охваченный паникой Сталин порвал с Бухариным и произвел левый поворот в экономической политике, начав тем самым в своей характерной жестокой манере проводить в жизнь значительные элементы экономической программы Троцкого. Действия Сталина, особенно в сфере индустриализации, стали драматическим доказательством правоты пятилетней борьбы Троцкого с правым курсом. Однако «левый» поворот сталинистов сопровождался по всему миру так называемой политикой «третьего периода», заключавшейся в сектантской оппозиции тактике единого фронта и официальным профсоюзам, возглавлявшимся социал-демократами.

Начало Великой депрессии в 1929 г. ввергло Германию в глубокий социальный кризис, который поставил вопрос о том, какому классу быть у власти. Буржуазия мобилизовала ударные отряды фашизма на разгром организованных рабочих и сохранение власти капитала. Объединившись в борьбе с нацистской угрозой, немецкие коммунистические и социал-демократические рабочие могли бы остановить фашистов и проложить дорогу к пролетарской революции в Германии. За это и агитировал неоднократно Троцкий. Социал-демократия, действуя в качестве опоры немецкого капитализма, отказалась мобилизовать рабочий класс на борьбу с фашистами. Сталин же, обозвав социал-демократию «левым крылом фашизма», отказался дать разрешение на осуществление объединенных акций рабочих. Таким образом, в создавшейся критической ситуации Германская коммунистическая партия, действуя в соответствии с декларациями Сталина, уклонилась от своей обязанности указать пролетариату революционный путь к выходу из кризиса. В результате Гитлер пришел к власти практически без единого выстрела.

В ноябре 1931 г. Троцкий предупреждал: «Победа фашизма в Германии означала бы неизбежную войну против СССР» (Ключ к международному положению — в Германии // Бюллетень оппозиции, 1931, № 25—26, ноябрь—декабрь). Однако в 1933 г. вслед за взятием власти Гитлером в рядах Коминтерна не было ни одного значительного проявления фракционной оппозиции гибельному курсу сталинистского руководства, не говоря уже о расколе. Раболепная уступчивость входивших в Коминтерн партий подчеркнула для Троцкого правильность двух сделанных им принципиальных выводов. Первый — то, что, несмотря на революционные устремления большей части своей опоры в рабочем классе, Коминтерн превратился в простую агентуру Сталина и его фракции; второй — что это положение уже невозможно исправить, действуя в рамках внутренней фракции. Решительный политический и организационный разрыв стал необходимым, поскольку фракция Сталина настолько преуспела в удушении ВКП(б) и Коминтерна, что ее смещение могло теперь быть достигнуто лишь насильственным путем, в результате *пролетарской политической революции.* Опыт Германии показал, что продолжавшееся правление консервативной бюрократической касты представляло собой смертельную угрозу для дальнейшего существования советского рабочего государства. В своей классической книге «Что такое СССР и куда он идет?» (недавно опубликован-

ной на русском языке под названием «Преданная революция») Троцкий отмечал: «Чиновник ли съест рабочее государство, или же рабочий класс справится с чиновником? Так стоит сейчас вопрос, от решения которого зависит судьба СССР».

Поскольку ВКП(б) и Коминтерн как орудия осуществления революции погибли, Троцкий приступил к организации и перегруппировке кадров для нового Интернационала. Даже часть его приверженцев полагала, что это было «преждевременно»; он отвечал: «Интернационал нужен пролетариату *всегда и при всяких условиях.* Если Интернационала сегодня нет, об этом надо сказать громко и немедленно же приступить к подготовке нового Интернационала» («Еще раз о Парижской конференции. Шаг вперед или шаг вправо», 10 сентября 1933 г.). Именно этому делу, имевшему жизненно важное значение, Троцкий посвятил всю свою оставшуюся жизнь, вплоть до его убийства сталинским агентом в августе 1940 г.

В документах 1928 г., которые мы публикуем здесь, Троцкий предупреждал, что принятие Коминтерном догмы о «социализме в отдельной стране» (которую он характеризовал как одну из форм национал-реформизма) неизбежно приведет к его гибели. В работе «Критика программы Коммунистического Интернационала» он отмечал: «Это будет началом распада Коминтерна по линии социал-патриотизма». Это высказывание оказалось пророческим: охваченный паникой после победы Гитлера Коминтерн приступил к претворению в жизнь политики «народных фронтов», формально принятой им в 1935 г. и означавшей подчинение борющихся против фашизма рабочих партий тем буржуазным силам, которые считались «прогрессивными». Коминтерн превратился в орудие дипломатических маневров Кремля, в аппарат для приковывания международного пролетариата к его империалистическим правителям.

В конце 1930-х гг. Сталин подавил революцию в Испании, стремясь добиться расположения «демократических» империалистов, своих предполагаемых союзников против нацистской Германии. Сталин сделал и еще один подарок своим империалистическим «союзникам» военного времени, ликвидировав Коммунистический Интернационал в 1943 г. одним росчерком пера. Затем, предав возможности для осуществления революций в ряде стран в конце второй мировой войны, особенно в Италии, Франции и Греции, сталинизм позволил капитализму выжить и тем самым подготовил почву для своего собственного окончательного распада.

В кровавых чистках конца 1930-х гг. Сталин уничтожил значительную часть командного состава Красной Армии. Это деяние сыграло важную роль в чудовищных поражениях, понесенных СССР на первых этапах нацистского вторжения. Ценой огромных потерь для советских людей, будь они в военной форме или без нее, гитлеровские войска были в конечном итоге разбиты, и в Восточной Европе были созданы бюрократически деформированные рабочие государства. Многонациональный советский пролетариат и его Красная Армия сражались, защищая Советский Союз, родину Октября. Однако Сталин вел войну не от имени «социализма», даже не под лозунгом защиты первого рабочего государства. Напротив, он провозгласил ее «Великой Отечественной войной», то есть войной в защиту Родины, а значит, войной, основанной на русском *национализме*.

Окончательный упадок сталинизма

Все преемники Сталина вышли из одной и той же политической сточной ямы. Вдохновляемые духом русского национализма, неотъемлемого от теории «социализма в отдельной стране», они, подобно Сталину, проводили политику неприкрытого классового сотрудничества под вывеской «мирного сосуществования» с империализмом. Горбачев довел этот курс до его логического завершения, предательски оставив Афганистан на милость поддерживаемых империалистами головорезов-муджахединов, а затем дав зеленый свет капиталистической контрреволюции в Восточной Европе.

В СССР Горбачев встал на путь «рыночных реформ», следствием которых явился отказ от планирования в плановой экономике в 1988 г. Как и нетрудно было предсказать, такое развитие событий привело к экономическому хаосу, поскольку руководители начали грабить свои предприятия, а спекулянтам были обеспечены условия для процветания. Крах политической монополии бюрократии в 1989 г. вызвал явный раскол КПСС на враждебные фракции, *каждая* из которых в конечном счете соглашалась с неизбежностью реставрации капитализма. Все разногласия между ними сводились к вопросу о том, с какой скоростью будет распродаваться государственная собственность, созданная десятилетиями труда, крови и пота советских рабочих, а в особенности о том, *кто* станет ее новым владельцем.

Конкурируя между собой, сталинисты отбросили свое «социалистическое» облачение, как если бы эта изношенная мантия была заражена проказой. В республиках СССР сталинистские чиновники с легкостью перешли на националистические позиции, зачастую в союзе с открытыми фашистами. Встав лицом к лицу с надвигающейся перспективой распада СССР, часть заместителей Горбачева выступили против него в августе 1991 г., стремясь защитить не «социализм», а свои синекуры и подачки, которые они имели, будучи винтиками бюрократической машины, управлявшей переродившимся рабочим государством.

Даже небольшое количество московских рабочих могло, выступив, с легкостью разогнать контрреволюционный сброд на ельцинских баррикадах. Однако патетический ГКЧП велел рабочим оставаться дома, боясь высвободить силы, могущие привести к пролетарской политической революции против всех фракций расколовшейся бюрократии. Руководители переворота были против любых действий, которые могли бы не понравиться империалистам; в итоге они капитулировали перед поддерживаемыми империалистами сторонниками Ельцина.

В последующие 18 месяцев, при отсутствии какого-либо руководства, способного мобилизовать распыленный советский пролетариат, по частям произошла консолидация буржуазной контрреволюции. Перерожденное рабочее государство Сталина и его наследников, опиравшееся на социальный фундамент, заложенный Октябрьской революцией, было разрушено; это событие стало всемирно-историческим поражением для международного рабочего класса. Сегодня, для того чтобы смести возродившийся класс капиталистов, необходима социалистическая революция.

Кто несет ответственность за эту катастрофу? Прежде всего — *сталинисты.* В 1920-е гг. Сталин уничтожил ленинскую партию, отрицая самую суть ее программы; впоследствии он истребил ее кадры. В июле 1933 г. Троцкий отмечал: «Нынешняя ВКП не есть партия; это аппарат управления в руках бесконтрольной бюрократии» («Нужно заново строить коммунистические партии и Интернационал» // Бюллетень оппозиции, 1933, № 36—37, октябрь). В конце концов КПСС рухнула под своим собственным весом, показав, что без приманки в виде привилегий и возможности осуществления репрессий эта 18-миллионная «партия» являлась просто бюрократическим фасадом. Ее труп породил всевозможных уродов, от проимпериалистических «демократов» до проповедующих неоцаризм фашистов. Что же касается тех остат-

ков, которые стремятся унаследовать звание (и собственность!) бывшей КПСС, то они хотят восстановить вовсе не партию Октября, а ту бюрократическую машину, которая эту партию уничтожила.

Именно троцкисты, и только они, боролись против перерождения партии большевиков. Значение публикуемых ниже документов состоит не только в их содержании, но также и в том, что они означали расширение левой оппозиции в международном масштабе. Будучи членами Программной комиссии VI конгресса Коминтерна, лидер американской компартии Джеймс П. Кэннон (James P. Cannon) и один из руководителей канадских коммунистов — Морис Спектор (Maurice Spector) прочли переведенные выдержки статьи Троцкого «Критика программы Коммунистического Интернационала». Убедившись в правильности изложенного там анализа, Кэннон, вернувшись в США, стал основателем американского троцкистского движения, вместе со многими его сторонниками из американской компартии; Спектор сыграл аналогичную роль в компартии Канады. Тем самым они обеспечили важное проникновение сил левой оппозиции на североамериканский континент, в цитадель мирового империализма. Это обеспечило большую часть той тонкой нити революционной преемственности, воплощением которой является сегодня Интернациональная Коммунистическая Лига (IV Интернациональная).

На протяжении десятилетий сталинистские предатели стремились к тому, чтобы рабочие оставались в распыленном состоянии; при помощи лжи и террора они пытались стереть всякие признаки революционного интернационалистского сознания. В этой книге воплощена суть революционной интернационалистской программы Троцкого, которую он стремился провести в жизнь — сначала в рамках Коминтерна, затем при помощи IV Интернационала. Политические наследники того пролетариата, который осуществил Октябрьскую революцию, должны востребовать свое подлинное право первородства. По этой причине мы представляем эти жизненно важные исторические документы трудящимся бывшего Советского Союза.

22 июня 1993 г.

Научная библиотека «Прометей», архив Центрального Комитета Лиги Спартаковцев США, секции Интернациональной Коммунистической Лиги (IV Интернациональной).

ОТ РЕДАКЦИИ

Работы Льва Троцкого, публикуемые в этой книге, были подготовлены к печати с машинописных русскоязычных оригиналов, находящихся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета в Кембридже (штат Массачусетс, США), и публикуются с разрешения этой библиотеки. Содержание книги было подготовлено нами. Данное собрание документов в этом же порядке было впервые опубликовано на французском языке под названием «l'Internationale communiste après Lénine» (les Éditions rieder. Paris, 1930). В предисловии к французскому изданию Троцкий заявил, что это издание «является первым и единственным изданием этой книги, за которое я могу нести ответственность перед читателем». Принимая редакторские решения, мы обращались к французскому изданию 1930 г. Данные работы при жизни Троцкого были также опубликованы на многих языках (кроме русского).

Ниже мы приводим названия всех оригиналов, включая отметку, означающую местонахождение в Хогтонской библиотеке («T-number»). В каждом случае из хранящихся в Хогтонской библиотеке вариантов данной статьи мы использовали наиболее поздний.

«Коммунистический Интернационал после Ленина», 15 апреля 1929 г. (T3192). Эта статья была опубликована на французском языке как предисловие к изданию 1930 г. и публикуется здесь также как предисловие.

«Что же дальше?», 12 июля 1928 г. (T3121).

«Критика программы Коммунистического Интернационала», 28 июня 1928 г. (T3117).

«Китайский вопрос после VI конгресса», 4 октября 1928 г. (T3142).

«Кто руководит ныне Коминтерном?», сентябрь 1928 г. (T3129).

Наш подход к редактированию материалов при подготовке их к печати был крайне осторожным. Мы изъяли из текста места,

вычеркнутые самим Троцким и отсутствующие во французском издании 1930 г. Изменения строго ограничены модернизацией написания (использование современного русского стандарта при нумерации съездов и т. д. и написании китайских фамилий). Были исправлены явные опечатки и грамматические ошибки. В некоторых немногочисленных случаях мы ввели последовательную форму, например, при написании «то есть», а также сокращений, используемых при обозначении дат. При написании названий событий, государств и т. д. мы придерживались того же подхода, которым руководствовался Троцкий, кроме тех случаев, где современный стандарт явно требует написания с большой буквы, например: «Октябрьская революция», «Советская Республика» (в значении Советский Союз как конкретное государство). Все цитаты из собраний сочинений Ленина взяты из первого издания.

В нескольких случаях в Хогтонском оригинале были найдены ошибки, придающие тексту Троцкого непонятное или противоречивое в данном контексте значение. Главным образом такие ошибки выглядят как опечатки, когда одна буква была заменена другой, в результате чего получилось другое слово. В этих случаях мы заменяли неправильное слово правильным, подтверждая наше изменение французским изданием 1930 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ
к французскому изданию

Настоящая книга состоит из четырех самостоятельно написанных частей, составляющих, однако, неразрывное целое. Книга посвящена основным проблемам Коммунистического Интернационала. Она охватывает все стороны его деятельности: его программу, его стратегию и тактику, его организацию и личный состав его руководства. Поскольку главной, во всех отношениях решающей, партией Коммунистического Интернационала является ВКП, правящая партия Советского Союза, настоящая книга включает в себя также и оценку внутренней политики ВКП за весь последний период, открывшийся болезнью и смертью Ленина. В этом смысле книга представляет собой, надеюсь, достаточно законченное целое.

Моя работа не выходила в свет на русском языке. Она написана была уже в тот период — 1928 г., — когда марксистские произведения на актуальные темы стали в Советской Республике наиболее запретным из всех видов литературы. Чтобы обеспечить своим рукописям хоть некоторое распространение, я превратил первые две части этой книги в официальные документы, адресованные мною VI конгрессу Коммунистического Интернационала, заседавшему летом прошлого года в Москве. Третья и четвертая части этой книги были написаны уже после конгресса и в рукописном виде переходили из рук в руки. Передача таких рукописей каралась и карается ссылкой в глухие места Сибири, а за последнее время — тяжким одиночным заключением в каторжной тюрьме Тобольска.

Только вторая из четырех частей этой книги, именно критика программы, вышла в свет на немецком языке. Книга в целом жила до сих пор утробной жизнью рукописи. В виде настоящего французского издания она впервые появляется на свет. Так как, однако, рукописи мои разными путями проникали с западной границы Китая в страны Европы и Америки, то я считаю необходимым заявить здесь, что настоящее французское издание

является первым и единственным изданием этой книги, за которое я могу нести ответственность перед читателями.

Решением VI конгресса критикуемый в этой книге проект программы стал официальной программой Интернационала. Но критика моя в результате этого не утратила ничего от своей актуальности. Наоборот. Все роковые ошибки проекта остались на своем месте: они только юридически закреплены и превращены в символы веры. В программной комиссии конгресса возник общий вопрос о том, как быть с критикой автора, который не только исключен из Коммунистического Интернационала, но и сослан в Центральную Азию. Раздались отдельные робкие голоса насчет того, что надо учиться и у противников и что правильные мысли остаются правильными, независимо от того, от кого они исходят. Но победила другая, более цельная группировка — почти без сопротивления и борьбы. Почтенная старая женщина, которая была некогда Кларой Цеткин, заявила, что нельзя считаться с правильными мыслями, раз они исходят от Троцкого. Она выполняла этим только данное ей за кулисами поручение. В систему Сталина входит давать недостойные поручения по возможности достойным людям. Робкий голос разума сразу умолк. Комиссия прошла мимо моей «Критики», зажмурив глаза. Благодаря этому все сказанное мною о проекте сохраняет свою силу и в отношении нынешней официальной программы. Она теоретически несостоятельна и политически вредна. Она должна быть изменена и будет изменена.

Участники VI конгресса, как всегда «единогласно», осудили снова «троцкизм». Для этого они, в сущности, и созывались в Москву. Большинство из них появилось на политической арене вчера или третьего дня. Ни один из них не принимал участия в создании Коммунистического Интернационала. Лишь очень немногие участвовали в одном или двух из четырех конгрессов, которые проходили под руководством Ленина. Все это рекруты нового политического курса и агенты нового организационного режима. Обвиняя меня или, вернее, подписываясь под обвинением меня в нарушении ленинских принципов, делегаты VI конгресса обнаружили гораздо больше покорности, чем ясности теоретической мысли и знакомства с историей Коминтерна.

До VI конгресса Интернационал не имел оформленной программы. Эту программу заменяли манифесты и принципиальные резолюции. I и II конгрессы обратились с манифестами к между-

народному рабочему классу. Особенно обширен был манифест II конгресса, имевший во всех отношениях программный характер. Оба манифеста были написаны мною, одобрены нашим ЦК без поправок и приняты первыми двумя конгрессами, имевшими учредительное значение.

III конгресс принял программно-тактические тезисы, охватывавшие основные вопросы мирового рабочего движения. С защитой этих тезисов, мною выработанных, я выступал на III конгрессе. Внесенные в тезисы поправки, не всегда в лучшую сторону, одинаково направлялись как против Ленина, так и против меня. Путем решительной борьбы с тогдашней оппозицией в лице Тельмана, Бела Куна, Пеппера и прочих путаников мы с Лениным добились того, что конгресс принял мои тезисы почти единогласно.

Главный доклад на IV конгрессе — о положении Советской Республики и о перспективах международной революции — Ленин поделил со мной пополам. Мы выступали плечо к плечу, мне принадлежало заключительное слово по обоим докладам. Незачем говорить, что в краеугольных документах Коминтерна, вырабатывавшихся мною или при моем сотрудничестве, излагались и применялись те самые основы марксизма, которые теперь рекрутами сталинского периода осуждаются в качестве «троцкизма».

Не лишним будет прибавить, что нынешний руководитель этих рекрутов не принимал в тот период ни малейшего — ни прямого, ни косвенного — участия в трудах Коммунистического Интернационала, притом не только на конгрессах или в комиссиях, но и в подготовительной работе, главная часть которой ложилась естественно на русскую партию. Нет ни одного документа, который свидетельствовал бы не говорю уже о творческом участии Сталина в работах первых четырех конгрессов, но хотя бы о его серьезном интересе к этим работам.

Дело этим, однако, не ограничивается. Если взять списки делегатов первых четырех конгрессов, то есть списки наиболее ранних и беззаветных друзей Октябрьской революции, учредителей Коммунистического Интернационала, непосредственных международных сотрудников Ленина, то окажется, что, за очень небольшими исключениями, все они после смерти Ленина не только были отстранены от руководства, но и исключены из Коммунистического Интернационала. Это касается в одинаковой степени Советского Союза, как и Франции, Герма-

нии, как и Италии, Скандинавии, как и Чехословакии, Европы, как и Америки. Ленинскую линию Коминтерна нарушили, как оказывается, те, которые вместе с Лениным ее вырабатывали. Защищают линию Ленина те, которые боролись против нее при жизни Ленина или примкнули к Коминтерну лишь в последнее время, не зная вчерашнего дня и не задумываясь о завтрашнем.

Результаты смены политики и личного состава руководства слишком хорошо известны. Начиная с 1923 г. Коминтерн знал только поражения: в Германии и Болгарии, в Англии и Китае. В остальных странах поражения были не так драматичны, но не менее глубоки. Непосредственной причиной поражений являлась во всех этих случаях оппортунистическая слепота руководства. Самое глубокое из поражений Сталин подготовляет в Советской Республике. Он как бы поставил себе целью войти в историю со званием великого организатора поражений.

* * *

В Советской Республике работники ленинского Коминтерна находятся в ссылке, в тюрьме или в изгнании. В Германии и во Франции дело до ссылок, разумеется, не дошло. Но поистине это не вина Тельманов или Кашенов. Эти «вожди» требуют от капиталистической полиции, чтоб она не допускала соратников Ленина на территорию буржуазной демократии. В 1916 г. Кашен защищал мою высылку из Франции доводами разнузданного шовиниста. Теперь он требует моего невпущения во Францию. Что ж! Он только продолжает свое дело, как я продолжаю свое.

Во время первых четырех конгрессов я стоял, как известно, особенно близко к французским делам. Мне приходилось часто обсуждать с Лениным вопросы французского рабочего движения. Ленин время от времени в полушутливой форме, но очень серьезно по существу спрашивал меня: «Не слишком ли вы снисходительно относитесь к парламентским флюгерам типа Кашена?» Я отвечал в том смысле, что Кашены представляют только временный мостик к французской рабочей массе; как только поднимутся и окрепнут серьезные революционеры, они уберут Кашена и ему подобных с пути. По причинам, о которых подробно говорится в этой книге, дело затянулось. Но я нисколько не сомневаюсь, что флюгера дождутся своей судьбы. Пролетариату нужны инструменты из стали, а не из жести.

Единый фронт Сталина, буржуазной полиции, Тельмана и Кашена против соратников Ленина есть бесспорный и немаловажный факт в политической жизни сегодняшней Европы.

* * *

Какой общий вывод вытекает из этой книги? С разных сторон нам пытаются приписать план создания IV Интернационала. Эта мысль ложна насквозь. Коммунизм и демократический «социализм» образуют две глубокие исторические тенденции, корни которых уходят в соотношения классов. Существование и борьба II и III Интернационалов представляют длительный процесс, тесно связанный с судьбою капиталистического общества. Промежуточные, или «центристские», тенденции могут в известный момент приобретать большое влияние, но не надолго. Попытка Фридриха Адлера и К° создать промежуточный Интернационал — № 2 1/2 — казалась вначале чрезвычайно многообещающей, но очень скоро потерпела банкротство. Политика Сталина, хотя и исходит из других исторических основ и традиций, представляет собою разновидность того же центризма. Фридрих Адлер пытался с линейкой и циркулем в руках построить политическую диагональ между большевизмом и социал-демократией. Сталин не задается такими доктринерскими целями. Его политика есть линия эмпирических зигзагов между Марксом и Фольмаром, между Лениным и Чан Кайши, между большевизмом и национал-социализмом. Но если свести сумму этих зигзагов к их основному выражению, то получится тот же арифметический итог: 2 1/2. После всех ошибок и вызванных ими жестоких поражений сталинский центризм давно уже был бы политически ликвидирован, если бы он не опирался на идейные и материальные ресурсы государства, вышедшего из Октябрьской революции. Но и самый могущественный аппарат не может спасти безнадежную политику. Между марксизмом и социал-патриотизмом нет места для сталинизма. Пройдя через ряд испытаний и кризисов, Коммунистический Интернационал сбросит с себя иго безыдейной бюрократии, способной лишь на дерганья, зигзаги, репрессии и подготовку поражений. Нам незачем строить IV Интернационал. Мы продолжаем и развиваем линию III, который мы подготовляли во время войны и в основании которого мы вместе с Лениным участвовали после Октябрьской революции. Нить идейной преемственности мы ни

на минуту не выпускали из рук. Оценки и предвидения наши подтверждены фактами величайшего исторического значения. Никогда мы не были так несокрушимо убеждены в правоте наших идей и в неизбежности их победы, как теперь, в годы травли и изгнания.

Константинополь, 15 апреля 1929 г.

Л. Троцкий

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?
(VI конгрессу Коминтерна)

1. Цель настоящего письма

Эта попытка объяснения может иметь смысл лишь при том условии, если она будет свободна от каких бы то ни было элементов умолчания, двусмысленности, дипломатии. Это требует названия всех вещей своими именами, в том числе и очень неприятных и тяжких для партии вещей. Обычным стал в таких случаях окрик, что критику подхватывают враги и ею пользуются. Сейчас, однако, даже неловко ставить вопрос о том, чем больше воспользовался классовый враг: политикой ли руководства, которая довела китайскую революцию до тягчайших поражений, или придушенными предупреждениями оппозиции, которые нарушали фальшивый престиж непогрешимости?

Несомненно, что социал-демократия в ряде случаев делала попытку нажить капиталец на критике оппозиции. И было бы странно, если бы она этого не делала. Социал-демократия в широком историческом смысле есть сейчас паразитарная партия. Выполняя работу страховки буржуазного общества снизу, социал-демократия в послевоенные годы, особенно же после 1923 г., в течение которого она явно сходила на нет, живет ошибками и промахами коммунистических партий, их капитуляциями в решающие моменты или, наоборот, авантюристскими попытками вернуть назад революционную ситуацию, которая уже прошла. Капитуляция Коминтерна осенью 1923 г., затем упорное непонимание руководством значения этого гигантского поражения, авантюристская ультралевая линия 1924—1925 гг., грубо оппортунистическая политика 1926—1927 гг. — вот что возродило социал-демократию, вот что дало ей возможность собрать на последних германских выборах свыше 9 миллионов голосов. Ссылаться в этих условиях на то, что социал-демократия выдергивает иногда

те или иные критические замечания оппозиции и, послюнявив, преподносит рабочим, значит поистине заниматься бирюльками. Социал-демократия не была бы собою, если бы не шла и дальше этого, если бы в лице своего левого крыла, которое есть необходимый клапан при с.-д. партии, как партия в целом — клапан при буржуазном обществе, не выражала время от времени фальшивых «симпатий» оппозиции, поскольку последняя остается небольшим и придавленным меньшинством и поскольку такие «симпатии» социал-демократам ничего не стоят, а в то же время завоевывают ответные симпатии рабочих.

У нынешней социал-демократии нет и не может быть собственной линии в основных вопросах. Тут ей линию диктует буржуазия. Но если бы социал-демократия просто вторила всему, что говорят буржуазные партии, она перестала бы быть полезной для буржуазии. По второстепенным, неактуальным или отдаленным вопросам социал-демократия не только может, но обязана играть всеми цветами радуги, вплоть до ярко-красного. Подхватывая те или другие суждения оппозиции, социал-демократия надеется к тому же вызвать раскол в коммунистической партии. В глазах всякого, понимающего эту механику, идейно убогий характер имеют попытки скомпрометировать оппозицию ссылкой на то, что какой-либо из правых барышников или левых недорослей социал-демократии одобрительно процитировал ту или другую фразу нашей критики. По существу же во всех сколько-нибудь серьезных вопросах *политики*, прежде всего в китайском и в англо-русском, сочувствие международной социал-демократии было на стороне «реалистической» политики руководства, отнюдь не на нашей стороне.

Но гораздо важнее общая оценка борющихся тенденций внутри ВКП и Коминтерна со стороны самой буржуазии. У нее нет никакого основания вилять и притворяться в этом вопросе. И тут надо сказать, что все сколько-нибудь серьезные, значительные и авторитетные органы мирового империализма по сю, как и по ту, сторону океана считают оппозицию своим смертельным врагом и либо прямо выражали за весь последний период свое условное и осторожное сочувствие ряду шагов официального руководства, либо же высказывались в том смысле, что полная ликвидация оппозиции, окончательный ее разгром — Остин Чемберлен требовал даже расстрелов — являются необходимой предпосылкой «нормальной эволюции» советской власти в сторону буржуазного режима. Даже по памяти, не располагая никакими источниками

для справок, можно было бы указать на многочисленные заявления такого рода: информационный бюллетень французской тяжелой промышленности (январь 1927 г.), докладная записка информатора американских министров и миллиардеров Айвили, отзывы «Таймс», «Нью-Йорк Таймс», отзыв Остина Чемберлена, переданный многими изданиями, в том числе американской газетой «Нейшн», и пр. и пр. Достаточно того одного, что наша партийная печать после первых не вполне счастливых попыток сочла себя вынужденной вовсе отказаться от передачи отзывов наших классовых врагов о том кризисе, через который проходила за последние месяцы и проходит сейчас наша партия. Эти отзывы слишком ярко подчеркивают революционно-классовую природу оппозиции.

Мы думаем поэтому, что ясность выиграла бы в огромной степени, если бы к VI конгрессу изданы были две добросовестно составленные книги: *белая книга*, с откликами серьезной капиталистической печати на разногласия в Коминтерне, и *желтая* — с такими же отзывами социал-демократии.

Во всяком случае, фальшивый страх перед возможными попытками социал-демократов впутаться в наш спор не удержит нас ни на минуту от ясного и точного указания на то, что мы считаем гибельным для политики Коминтерна и что считаем спасительным. Социал-демократию мы можем раздавить, и мы ее раздавим, не дипломатничаньем, не игрой в прятки, а правильной революционной политикой, которую еще только нужно выработать.

2. Почему не созывался свыше четырех лет конгресс Коминтерна?

После V конгресса прошло свыше четырех лет. За это время радикально менялась линия руководства, менялся состав руководства, как отдельных партий, так и Коминтерна в целом. Избранный V конгрессом председатель не только смещен, но и исключен из партии и лишь накануне конгресса восстановлен снова. Все это совершалось без участия конгрессов, для созыва которых не было никаких объективных препятствий. В самых жизненных вопросах мирового рабочего движения и Советской Республики конгресс Коминтерна оказывался лишним, его отсрочивали из года в год, как помеху и обузу, и созвали лишь тогда,

когда сочли, что конгресс будет стоять перед совершенно законченными фактами.

В течение этих четырех лет, заполненных величайшими событиями и глубокими разногласиями, находилось место для бесчисленных бюрократических съездов и совещаний, для гнилых насквозь конференций Англо-русского комитета, для конгрессов демократической Лиги борьбы с империализмом, для юбилейно-театрального съезда друзей Советского Союза — не нашлось только времени и места для трех очередных конгрессов Коминтерна.

Во время гражданской войны и блокады, когда иностранным делегатам приходилось преодолевать неслыханные трудности и некоторые из них гибли в пути, съезды ВКП и конгрессы Коминтерна созывались правильно, в соответствии с уставом и духом пролетарской партии. Довольно обычные ссылки на то, что сейчас у нас слишком много «практической» работы, означают лишь признание того, что мысль и воля партии мешают работе руководства, что съезды являются обузой в наиболее важных и серьезных делах. Это есть путь бюрократической ликвидации партии.

Формально все вопросы за эти четыре с лишним года решались Исполкомом или Президиумом; фактически же — Политбюро ВКП; еще точнее — Секретариатом, опирающимся на зависимый от него аппарат партии. Дело идет здесь, конечно, не об идейном влиянии ВКП, которое при Ленине было неизмеримо выше, чем теперь, и имело могущественное творческое значение, а о чисто закулисном организационном аппаратном всемогуществе Секретариата ЦК ВКП, чего при Ленине не было и в помине и против чего Ленин сурово предупреждал в своих последних советах партии.

Коминтерн был объявлен единой международной партией, с полным подчинением ей всех национальных секций. Ленин в этом вопросе до конца играл сдерживающую роль. Он неоднократно предостерегал против централистических увлечений руководства, опасаясь при недостатке политических предпосылок бюрократического вырождения централизма. С отходом Ленина от работы восторжествовала, однако, крайняя централистическая установка. Исполком был объявлен полновластным Центральным комитетом единой мировой партии, ответственным только перед ее конгрессами. Что же мы видим, однако, на деле? Конгрессы не созывались тогда, когда они были всего более

нужны: одна китайская революция оправдала бы созыв двух конгрессов. Исполком — в теории могущественный центр мирового рабочего движения, в действительности беспощадно перекраивался за эти годы несколько раз. Из Исполкома устранены выбранные V конгрессом члены, которые играли в нем руководящую роль. Это относится ко всем или по крайней мере ко всем важнейшим секциям Коминтерна. Кто же перекраивал Исполком, ответственный только перед конгрессом, раз не было конгресса? Ответ совершенно очевиден. Менявшееся в своем составе руководящее ядро ВКП подбирало каждый раз заново состав Исполкома, совершенно независимо от устава Коминтерна и решений V конгресса.

Изменения самого руководящего ядра ВКП совершались опять-таки всегда за спиною не только Коминтерна, но и самой ВКП, в период между съездами и независимо от них — в порядке аппаратных переворотов. «Искусство» руководства состояло в том, чтобы ставить партию перед совершившимся фактом, а затем съезд, откладывавшийся в зависимости от хода закулисной механики, подбирался в строжайшем соответствии с новым составом руководства, причем вчерашнее руководящее ядро, выбранное прошлым съездом, объявлялось попросту «антипартийной верхушкой».

Перечислять все важнейшие этапы этого процесса было бы слишком долго. Ограничусь одним фактом, но таким, который стоит многих. Во главе V конгресса не только формально, но и по существу стояла группа Зиновьева. Именно эта группа придала основной тон работам V конгресса борьбой против так называемого «троцкизма». Руководящая фракция V конгресса не дожила, однако, до VI конгресса ни в одной из партий Коминтерна, а центральная группа этой фракции устами Зиновьева, Каменева, Сокольникова и других заявила в июльской декларации 1925 г., что «сейчас уже *не может быть никакого сомнения* в том, что основное ядро оппозиции 1923 г. правильно предупреждало об опасности сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима».

Более того, на том же объединенном пленуме ЦК и ЦКК 14—23 июля 1926 г. руководитель и вдохновитель V конгресса Зиновьев заявил, и заявление это по стенограмме снова было опубликовано ЦК перед XV съездом, что самыми главными ошибками своей жизни он, Зиновьев, считает две: ошибку 1917 г. и борьбу против оппозиции 1923 г.

«Вторую ошибку, — говорил Зиновьев, — я считаю более опасной, потому что ошибка 1917 г., сделанная при Ленине, была Лениным исправлена... а ошибка моя 1923 г. заключалась в том, что...

Орджоникидзе: Что же вы морочили голову всей партии...

Зиновьев: ...Да, в вопросе о сползании и в вопросе об аппаратно-бюрократическом зажиме Троцкий оказался прав против вас».

Но вопрос о сползании, то есть с *политической линии,* и вопрос о *партийном режиме* исчерпывают всю сумму разногласий. Зиновьев считал в 1926 г., что оппозиция 1923 г. была в этих вопросах права и что величайшей ошибкой его жизни, большей даже, чем его противодействие Октябрьскому перевороту, была его борьба с «троцкизмом» в 1923—1925 гг. Между тем совсем на днях газеты опубликовали постановление ЦКК, восстанавливающее Зиновьева и других в партии за их «отказ от троцкистских заблуждений». Вся эта история, которая, несмотря на полную документальность, будет казаться совершенно фантастической нашим внукам и правнукам, не заслуживала бы, может быть, упоминания в этом письме, если б речь шла только о лице или группе, если бы дело это не было теснейшим образом связано с идейной борьбой всех последних лет в Коминтерне, если б оно органически не выросло из тех самых условий, которые позволили четыре года обходиться без конгрессов: из неограниченного могущества бюрократических методов. Идеологией Коминтерна ныне не руководят, а распоряжаются. Теория на орудия познания и предвидения превратилась в техническое орудие управления. Оппозиции приписывают определенные взгляды и на основании этих взглядов ее судят. Людей причисляют к «троцкизму» и отчисляют от него, как чиновников в канцеляриях.

Такого рода идеологические перевороты неизбежно сопутствуют организационным переворотам, которые идут всегда сверху и успели сложиться в систему, в своего рода нормальный режим не только ВКП, но и других партий Коминтерна. Официальные мотивы каждого очередного свержения руководства редко совпадают с действительными мотивами. Идейная двойственность является неизбежным последствием полной бюрократизации режима. Руководящие элементы коммунистических партий в Германии, во Франции, в Англии, в Америке, в Польше и пр. не раз совершали за эти годы вполне безнаказанно чудовищные оппортунистические шаги, прикрываясь покровительственной окраской во внутренних вопросах ВКП.

Последние примеры слишком еще свежи в памяти. Китайское руководство Чен Дусю, Тан Пинсяна и К°, насквозь меньшевистское, пользовалось до самого последнего часа полной защитой ИККИ от критики оппозиции. И не мудрено: на VII пленуме ИККИ Тан Пинсян клялся:

> «При первом появлении троцкизма китайская коммунистическая партия и китайский комсомол тотчас же единогласно приняли резолюцию против троцкизма».
>
> Стенографический отчет, стр. 805.

В самом ИККИ и в аппарате его огромную роль играют элементы, которые по мере сил противодействовали и мешали пролетарской революции в России, в Финляндии, в Германии, в Болгарии, в Венгрии, в Польше и в других странах, но которые зато своевременно представили свидетельство о борьбе с «троцкизмом».

Игнорирование и попрание устава, постоянные организационные и идеологические перевороты, оттягивание съездов и конгрессов, рост самоуправства — все это не может быть случайным, все это должно иметь свои глубокие причины.

Объяснять эти явления одними лишь преимущественно личными причинами, кружковой борьбой за власть и пр. было бы недостойно марксизма. Разумеется, все такого рода моменты играют крупную роль (см. «Завещание Ленина»). Но дело идет в данном случае о столь длительном и глубоком процессе, что он должен иметь не только психологические, но и политические причины,— и он их имеет.

Основным источником бюрократизации всей системы ВКП и Коминтерна служило все возраставшее за эти последние пять лет расхождение между политической линией руководства и исторической линией пролетариата. Чем меньше эти две линии совпадали, чем больше линия руководства проверялась событиями, тем меньше ее можно было проводить партийными мерами, при свете критики, тем больше приходилось навязывать ее партии сверху аппаратными и даже государственными средствами. Чем больше аппарат высвобождался из-под критики и контроля собственной партии, тем восприимчивее и податливее становилось руководство по отношению к передаваемым через аппарат запросам и внушениям буржуазных классов. Это еще более сдвигало политическую линию вправо, а следовательно, требовало еще более жестких бюрократических мер для того, чтобы навязать ее пролетарскому авангарду.

Марксистская критика становилась в этих условиях для руководства совершенно нестерпимой. Бюрократический режим формалистичен; наиболее свойственной ему идеологией является схоластика. Последнее пятилетие было сплошь периодом схоластической перелицовки марксизма, услужливого приспособления его к потребностям политического сползания и бюрократического узурпаторства.

3. Политика 1923 — 1927 гг.

Несомненно, что одним из побудительных мотивов для повторных отсрочек VI конгресса было желание дождаться какой-либо большой международной победы. В таких случаях люди легче забывают о недавних поражениях. Но побед не было, и не случайно.

Европейский и мировой капитализм получил за это время новую серьезную отсрочку. Значительно окрепла с 1923 г. социал-демократия. Коммунистические партии выросли очень незначительно. Вряд ли кто-нибудь решится сказать, что компартии обеспечили себе за эти четыре-пять лет преемственность и устойчивость авторитетного руководства. Наоборот, эта преемственность и устойчивость оказались полностью расшатаны даже в той партии, где они были ранее наиболее обеспечены: в ВКП.

Советская Республика сделала за истекший период серьезные хозяйственные и культурные успехи, впервые показавшие миру силу и значение социалистических методов хозяйствования и, главное, скрытые в них великие возможности. Но эти успехи развертывались на основе так называемой стабилизации капитализма, которая сама была результатом ряда поражений мировой революции.

Вопреки оптимистическим заверениям соотношение внутренних сил и в хозяйстве, и в политике передвинулось к невыгоде для пролетариата. Отсюда ряд тяжелых кризисов, из которых не выходит ВКП.

Основной причиной кризиса Октябрьской революции является задержка мировой революции, вызванная рядом тяжких поражений пролетариата. До 1923 г. это были поражения послевоенных движений и восстаний, сперва при отсутствии, затем при молодости и слабости компартий. Начиная с 1923 г. положение резко

меняется. Мы имеем уже не только поражения пролетариата, но поражения политики Коминтерна. Ошибки этой политики в Германии, в Англии, в Китае и — меньшего масштаба — в ряде других стран таковы, что искать подобных им в истории большевистской партии совершенно невозможно: приходится лишь брать историю меньшевизма за 1905—1917 гг. либо отходить на десятки лет назад. Задержка в развитии Коминтерна является непосредственным результатом ошибочной политики последнего пятилетия. Сваливать ответственность на «стабилизацию» можно лишь при чисто схоластическом понимании природы этой последней, а главное, при желании уклониться от ответственности. Стабилизация не свалилась с неба и не явилась плодом автоматического изменения условий мирового капиталистического хозяйства. Она есть результат неблагоприятного изменения в политическом соотношении классовых сил. Пролетариат был обессилен капитуляцией руководства в Германии в 1923 г.; был обманут и предан в Англии руководством, с которым Коминтерн оставался в блоке в 1926 г.; в Китае он был загнан политикой ИККИ в капкан Гоминдана в 1925—1927 гг. Вот непосредственные и неоспоримые причины поражений. Пытаться доказывать, что и при правильной политике поражения были бы неизбежны, значит впадать в расслабленный фатализм и отрекаться от большевистского понимания роли и значения революционного руководства.

Обусловленные ложной политикой поражения пролетариата открывали буржуазии политическую передышку. Она пользовалась ею для упрочения своих экономических позиций. Разумеется, достигаемое буржуазией упрочение экономических позиций влияет «стабилизационно», в свою очередь, на политическую обстановку. Но основной причиной стабилизационных подъемов капитализма за последнее пятилетие явилось то обстоятельство, что руководство Коминтерна ни в каком смысле не оказалось на уровне событий. Недостатка в революционных ситуациях не было. Был хронический недостаток умения их использовать. Этот недостаток имел не случайный и не индивидуальный характер: он неизбежно вытекал из центристского курса, который может маскировать свою несостоятельность в период обыденщины, но неизбежно ведет к катастрофам при крутых революционных поворотах.

Чтобы понять значение нынешнего поворота влево, нужно уяснить себе до конца не только общую линию правоцентристского сползания, полностью обнаружившегося в 1926—1927 гг., но предшествовавший период ультралевизны 1923—1925 гг., подго-

товивший сползание. Дело идет, таким образом, об оценке всего послеленинского пятилетия.

Уже в период XII съезда ВКП, весной 1923 г., две позиции явно наметились по хозяйственным вопросам Советского Союза, разворачивались затем в течение всего пятилетия и нашли свою проверку в хлебозаготовительном кризисе 1927—1928 гг. ЦК считал, что главная опасность смычке с крестьянством угрожает со стороны слишком поспешного развития промышленности, и подтверждение этому нашел в мнимом «кризисе сбыта» 1923 г. Точка зрения, развивавшаяся на XII съезде мною, считала, наоборот, что главную опасность смычке и диктатуре пролетариата представляют собою ножницы сельскохозяйственных и промышленных цен, отражающие *отставание* промышленности; сохранение, тем более углубление, диспропорции неизбежно должно будет вести за собою дифференциацию в сельском хозяйстве и кустарной промышленности и общий рост капитализма. Этот взгляд был уже совершенно ясно развит мною на XII съезде. Там же формулирована была, в частности, та мысль, что *при отставании промышленности* хорошие урожаи станут источником питания не социалистических, а капиталистических тенденций и могут дать в руки капиталистических элементов орудие дезорганизации социалистического хозяйства.

Эти основные формулы обеих сторон проходят затем через всю борьбу последующего пятилетия, которое полно вздорных и реакционных по самому своему существу обвинений оппозиции в том, что она «боится мужика»,«боится урожая»,«боится обогащения деревни» или еще лучше — «хочет ограбить мужика». Уже на XII съезде, таким образом, особенно же в осенней дискуссии 1923 г., официальная фракция отбрасывала классовые критерии, оперируя такими понятиями, как крестьянство вообще, урожай вообще, обогащение вообще. В этом подходе уже сказывалось давление новых социальных прослоек, формировавшихся на основе нэпа, связывавшихся с государственным аппаратом, желавших, чтоб им не мешали подниматься вверх и чтоб их не освещали ленинским фонарем.

Решающее значение в этом процессе приобрели события международного порядка. Вторая половина 1923 г. была периодом напряженного ожидания пролетарской революции в Германии. Обстановка была поздно и нерешительно оценена. Внутри официального руководства шли глухие трения (Сталин — Зиновьев), правда, в рамках общей центристской линии. Перемена аллюра,

несмотря на все предупреждения, была предпринята в самый последний момент. Все закончилось ужасающей капитуляцией руководства германской компартии и сдачей врагу решающих позиций без боя.

Поражение само по себе имело грозный характер. Но оно получило еще неизмеримо более тяжкое значение вследствие того, что руководство ИККИ, в огромной степени вызвавшее поражение своим хвостизмом, не поняло размеров поражения, не оценило его во всей глубине, попросту не признало его.

Руководство упорно твердило, что революционная ситуация продолжает развиваться и что решающие бои предстоят в ближайшем будущем. *На этой в корне ложной оценке основана была вся ориентировка V конгресса* в середине 1924 г.

В то время как во второй половине 1923 г. оппозиция бьет тревогу по поводу надвигающейся политической развязки, требует действительного курса на вооруженное восстание и настойчиво предупреждает, что в такие исторические моменты несколько недель, иногда несколько дней решают судьбу революции на многие годы; в следующее полугодие, предшествовавшее V конгрессу, оппозиция, наоборот, упорно твердит, что революционная ситуация уже упущена; что нужно ставить парус не на попутный, а на встречный ветер; что в порядке дня — не вооруженное восстание, а оборонительные бои с наступающим врагом, объединение масс под частичными требованиями, создание опорных баз в профессиональных союзах и пр.

V конгресс взял демонстративный курс на вооруженное восстание в условиях политического отлива и тем сразу сбил и спутал все коммунистические партии.

1924 год, год крутого и явного стабилизационного поворота, стал годом авантюр в Болгарии и Эстонии и ультралевого курса вообще, все более враждебно сталкивавшегося с ходом развития. С этого времени начинаются поиски готовеньких революционных сил вне пролетариата, идеализация лжекрестьянских партий в разных странах, роман с Радичем и с Лафоллетом, раздувание роли Крестинтерна в ущерб Профинтерну, ложная оценка руководства английских профсоюзов, сверхклассовая дружба с Гоминданом и пр. и пр. Все эти костыли, на которые авантюристски пытался опереться ультралевый курс, стали затем основными устоями сменившего его откровенно правого курса, когда ультралевизна, не разобравшись в обстановке, расшиблась о стабилизационный процесс 1924—1925 гг.

Ультралевизна 1924—1925 гг., не способная понять обстановку, тем круче сменилась правым уклоном, который под знаком теории «неперепрыгивания через ступени» проводил политику приспособления к колониальной буржуазии, к мелкобуржуазной демократии, к профсоюзной бюрократии, к кулачеству — под именем «порядка» и «дисциплины».

Правоцентристская политика, сохранявшая видимость большевизма во второстепенных вопросах, подхвачена была затем волнами больших событий и получила свое убийственное чисто меньшевистское завершение в вопросах китайской революции и Англо-русского комитета.

Входить в детали этого исторического опыта, освещенного нами в другой работе, мы здесь не можем. Достаточно сказать, что объективные последствия политики ИККИ, приведшие в Англии и особенно в Китае к поражениям не меньшего значения, чем поражение германского пролетариата в 1923 г., дали стабилизации новые источники питания, снова отсрочили революцию и до крайности ухудшили международное положение СССР.

Конечно, было бы бесцельным педантством утверждать, что пролетариат Германии при правильном руководстве *непременно* овладел бы властью и *непременно* удержал бы ее; или что английский пролетариат при правильном руководстве *непременно* сверг бы Генеральный Совет и тем крайне приблизил бы час революционной победы; или что китайский пролетариат, если его не загоняли бы под подлое знамя Гоминдана, завершил бы победоносно аграрную революцию и *непременно* овладел бы властью, ведя за собою крестьянскую бедноту. Но *все эти три возможности были открыты.* Руководство же шло наперекор логике классовой борьбы, укрепляло врагов за счет собственного класса и тем делало все, чтобы обеспечить поражения.

Вопрос темпа есть решающий вопрос всякой борьбы, тем более борьбы мирового масштаба. Судьба Советской Республики неотделима от судьбы мировой революции. Ни столетий, ни многих десятилетий никто в наше распоряжение и бесконтрольное пользование не предоставил. Вопрос решается динамикой борьбы, где враг использует каждую ошибку, каждое упущение и занимает каждую незащищенную пядь. Без правильной политики Коминтерна международная революция затянется на неопределенный исторический срок — а время решает. Что потеряно международной революцией, то выиграно буржуазией. Строительство социализма есть состязание советского государства не с внутренней

буржуазией, а с мировой. Если б буржуазия выиграла новый большой исторический урок у мирового пролетариата, она, опираясь на могущественный перевес своей техники, своего богатства, своей армии и флота, опрокинула бы советскую диктатуру — экономическими ли средствами, политическими ли, военными ли, или комбинацией их — это уже вопрос второго порядка.

Время есть решающий фактор политики, особенно на крутых поворотах истории, когда идет смертельная борьба двух систем. С временем нам надо обращаться очень экономно: нового пятилетия ошибок, подобных тем, какие совершены за последние годы, не выдержит Коминтерн. Он держится тягой массы к революции, к Октябрю, к знамени Маркса и Ленина; но он живет за последние годы, расходуя основной капитал. *Нового пятилетия таких ошибок не выдержит Коминтерн.* А распадется Коминтерн, недолго продержится и СССР. Какой жалкой болтовней покажутся тогда сталинские псалмы о будто бы уже осуществленных девяти десятых социализма в нашей стране. Конечно, пролетарская революция и в этом случае проложила бы себе в конце концов пути к победе. Но когда? И ценою каких новых неисчислимых страданий и жертв? Новому поколению международных революционеров пришлось бы снова связывать разорвавшуюся нить преемственности и снова завоевывать доверие масс к величайшему историческому знамени, которое *можно* скомпрометировать непрерывной цепью ошибок, переворотов и идейных фальсификаций.

Эти слова надо ясно и отчетливо сказать международному пролетарскому авангарду, нисколько не пугаясь неизбежных воплей, улюлюканья и травли со стороны тех, оптимизм которых держится на трусливом закрывании глаз перед действительностью.

Вопрос о политике Коминтерна стоит поэтому для нас над всеми остальными вопросами.

Стабилизация европейской буржуазии, укрепление социал-демократии, задержка роста компартий, усиление капиталистических тенденций в СССР, поправение политики руководства ВКП и Коминтерна, бюрократизация всего режима, неистовый поход против левого крыла, загнанного в оппозицию, — эти процессы неразрывно друг с другом связаны, с разных сторон характеризуя период временного, конечно, но глубокого ослабления позиции международной революции и напора на пролетарский авангард вражеских сил.

4. «Полевение масс» и вопросы руководства

В своей речи, вернее в связке ругательств по адресу оппозиции, Тельман заявил на февральском пленуме ИККИ:

> «Троцкисты не видят полевения международного рабочего класса и не замечают, что положение становится все более революционным».
>
> «Правда», 17 февраля 1928 г.

Дальше он переходит, как полагается, к ритуальному доказательству того, что мы, вместе с Гильфердингом, хороним мировую революцию. Эти ребяческие россказни можно бы пропустить мимо себя, если бы дело не шло о второй по силе партии Коминтерна, которую в ИККИ представляет Тельман. Какого полевения рабочего класса не замечает оппозиция? Дело в том, что Тельман и с ним многие другие говорили о «полевении» и в 1924, и в 1925, и в 1926, и в 1927 гг. Упадок влияния компартии после ее капитуляции в 1923 г. и рост социал-демократии для них не существовали. Они не ставили себе даже вопроса о причинах этого явления. Пролетариат «левеет», а кто не верит, тот ликвидатор. Трудно говорить с человеком, который не хочет научиться первым буквам политического алфавита. К несчастью, дело не только в Тельмане, и даже совсем не в нем. III конгресс был подлинной школой революционной стратегии. Он учил *различать*. Это первое условие во всяком деле. Есть периоды отлива, есть периоды прилива. И тот и другой проходят, в свою очередь, через разные стадии. Надо политику приспособлять тактически к каждой стадии, выдерживая в то же время общую стратегическую линию на завоевание власти, и быть наготове, чтобы крутой перелом обстановки не застиг тебя врасплох. V конгресс опрокинул уроки третьего. Он повернулся к объективной обстановке спиною и анализ условий заменил агитаторским штампом: «рабочий класс левеет, положение становится все более революционным».

На самом деле рабочий класс в Германии стал оправляться от последствий поражения 1923 г. только с прошлого года. Оппозиция раньше других это констатировала. В том самом оппозиционном документе, который Тельман в своей речи цитировал, сказано:

> «В европейском рабочем классе наблюдается несомненный сдвиг влево. Он выражается в усилении стачечной борьбы и росте коммунистических голосов. Но это лишь первый шаг

сдвига. Число социал-демократических избирателей растет параллельно числу коммунистических избирателей, отчасти даже обгоняя это последнее. Если этот процесс развернется и углубится, то он вступит в следующую стадию, когда начнется сдвиг от социал-демократии к коммунизму».

«На новом этапе».

Насколько позволяют судить данные последних выборов в Германии и во Франции, приведенную выше оценку состояния европейского, особенно германского, рабочего класса можно считать почти бесспорной. К сожалению, печать Коминтерна, и в том числе печать ВКП, совершенно не дает серьезного, углубленного, документированного, иллюстрированного цифрами анализа настроений и течений в рабочем классе. Статистика, поскольку она вообще дается, просто подгоняется под определенную тенденцию, имеющую своей задачей охранение «престижа» руководства. Фактические данные исключительной важности, рисующие кривую рабочего движения за период 1923—1928 гг., неизменно замалчиваются, поскольку они опровергают ложные оценки и ложные директивы. Достаточно сказать, что основным информатором русских рабочих о борьбе германского пролетариата является Тряпичкин-Гамма. Все это вместе делает крайне затруднительным суждение о динамике полевения масс, об ее темпе, об ее формах, об ее возможностях.

Тельман не имел никакого права говорить на февральском пленуме ИККИ, будто «троцкисты не видят полевения международного рабочего класса». Мы не только видели полевение *европейского* рабочего класса, но и дали еще в конце прошлого года конъюнктурную оценку этого полевения. Наша оценка полностью подтверждена майскими выборами в рейхстаг. Полевение проходит через первую свою стадию, направляя пока еще главные массы в русло социал-демократии. Тельман этого в феврале не хотел видеть; он говорил: «Положение становится все более революционным». В таком общем виде это пустая фраза. Тельман слышал, вероятно, что социал-демократия — главная опора буржуазного общества. Можно ли сказать, что «положение становится все более революционным», раз растет главная опора буржуазного режима — социал-демократия? Тельман повторяет отдельные штампованные формулы, не связывая их воедино.

Приведет ли нынешнее, пока еще довольно мирное полевение масс непосредственно к революционной ситуации и когда именно, этого сейчас нельзя предсказать. Многое здесь зависит от нас,

но гораздо больше — от объективных условий. Чтоб приблизиться к революционной ситуации, «полевение» масс должно во всяком случае пройти еще предварительно через ту стадию, когда рабочие будут перетекать от социал-демократии к коммунистической партии. Как частичное явление это происходит, конечно, сейчас. *Но главное направление потока еще совсем не таково. Принимать первоначальную, еще полупацифистскую, полусоглашательскую стадию полевения за революционную стадию значит идти навстречу жестоким ошибкам.* Надо учиться различать. Кто просто из года в год твердит: «Массы левеют, положение революционно», тот не большевистский руководитель массы, а агитатор-пустозвон и тот наверняка рискует не узнать революции, когда она действительно приблизится.

Социал-демократия есть главная опора буржуазного режима. Но это опора противоречивая. Если бы рабочие от коммунистической партии перетекали к социал-демократии, можно было бы с полной уверенностью говорить об упрочении буржуазного режима. Так было в 1924 г. Тогда Тельман вместе с другими руководителями V конгресса этого не понимал; поэтому он и тогда отвечал ругательствами на наши доводы и советы. Теперь положение другое. Компартия растет рядом с социал-демократией, но еще непосредственно не за счет социал-демократии. Массы притекают к обеим партиям параллельно, к социал-демократии — пока более широким потоком. Отход рабочих от буржуазных партий и пробуждение рабочих от политической апатии, лежащей в основе этих процессов, не есть, конечно, упрочение буржуазии. Но рост социал-демократии не есть и революционная ситуация. Надо учиться различать. *Как же назвать нынешнее положение? Переходным, противоречивым, еще не дифференцированным, еще открывающим разные возможности.* Надо зорко следить за дальнейшим развитием всего процесса, не оглушая себя штампованными фразами и оставаясь всегда готовым к крутым поворотам обстановки.

Социал-демократия не просто радуется ныне приросту голосов, но и следит за притоком рабочих с тревогой, ибо он несет ей большие затруднения. Прежде чем рабочие начнут массами переходить от социал-демократии к компартии — а такой момент неизбежен, — следует ждать новых больших трений в самой социал-демократии, новых, более глубоких группировок и расколов. Это откроет, по всей вероятности, поле для активных, наступательных, маневровых действий компартии, по линии

«единого фронта», с целью ускорения процесса революционной дифференциации масс, то есть прежде всего отрыва рабочих от социал-демократии. Но горе, если «маневрирование» сведется к тому, что компартия будет снова глядеть в рот «левым» социал-демократам (да они могут еще очень полеветь), дожидаясь, не вырастут ли у них зубы мудрости. Такое «маневрирование» мы видели в малом масштабе в Саксонии в 1923 г., а в большем масштабе — в Англии и в Китае в 1925—1927 гг. Во всех случаях оно приводило к упущению революционной обстановки и к великим поражениям.

Когда Тельман говорит, что оппозиция не видит «полевения» масс и «революционной ситуации», то он на другом этапе повторяет те же шаблонные фразы, которые он противопоставлял нам на III конгрессе, когда боролся против ленинской стратегии. Оппозиция видит то, что видит Тельман, но видит кое-что сверх того. А Тельман за семь лет, прошедшие после III конгресса, ни на вершок не продвинулся вперед. *И в этом громадная опасность для германской компартии.* Что оценки Тельмана не принадлежат ему одному, об этом лучше всего свидетельствует проект программы, который говорит:

> «Усиливающийся процесс полевения масс, рост влияния и авторитета коммунистических партий... Все это ясно указывает на нарастание нового революционного подъема в центрах империализма».

Как программное обобщение это в корне ложно. Эпоха империализма и пролетарских революций уже знала и еще будет знать не только «усиливающийся процесс полевения», но и периоды поправения масс; не только рост влияния компартий, но и временный упадок этого влияния, особенно в случае ошибок, поражений, капитуляций. Если же дело идет о *конъюнктурной* оценке, в данный период более или менее верной для некоторых стран, но никак не для всего мира, то такой конъюнктурной оценке место не в программе, а в резолюции «по текущему моменту». Программа пишется на всю эпоху пролетарских революций. К несчастью, руководство Коминтерна не проявило за все эти пять лет понимания диалектики нарастания революционной ситуации и ее исчезновения. Оно ограничивалось перманентной схоластикой «полевения», не вдумываясь в жизненные этапы борьбы мирового рабочего класса. Закрепить этот метод в программе значило бы настежь открыть двери и окна всем сквозным ветрам оппортунизма и ультралевизны.

Благодаря поражению Германии в великой войне ее политическая жизнь отличалась особенно кризисным характером, и это ставило революционный авангард пролетариата каждый раз перед исключительно ответственными ситуациями. Непосредственной причиной поражений германского пролетариата в первое послевоенное пятилетие была крайняя слабость революционной партии; во второе пятилетие — ошибки руководства.

В 1918—1919 гг. революционной обстановке еще полностью не хватало революционной пролетарской партии. В 1921 г., когда отлив был налицо, довольно сильная уже коммунистическая партия делает попытку вызвать революцию при отсутствии для этого непосредственных предпосылок. Следующая затем подготовительная работа (борьба за массы) порождает в партии уклон вправо. Лишенное революционного размаха и инициативы руководство расшибается о резкий перелом всей обстановки влево (осень 1923 г.). На смену правому крылу приходит левое, господство которого совпадает, однако, уже с отливом революции. Но этого не хотят понять и упорно сохраняют «курс на восстание». Отсюда вырастают новые ошибки, которые ослабляют партию и приводят к низвержению левого руководства. Нынешний ЦК, негласно опираясь на часть «правых», вел все время ожесточенную борьбу с левыми, механически повторяя, что массы левеют, революция близится.

История развития германской партии дает картину резкого чередования фракций у власти — по отдельным отрезкам политической кривой: каждая руководящая группировка при крутом повороте политической кривой вверх или вниз, то есть в сторону временной «стабилизации» или, наоборот, революционного кризиса, терпит крушение и уступает место конкурирующей группе. Слабостью правой группировки оказалась ее неспособность при изменении ситуации перевести всю работу партии на рельсы революционной борьбы за власть. Слабостью левой группировки явилось недостаточное понимание необходимости мобилизовать в подготовительный период массы под переходными требованиями, вырастающими из объективной обстановки. Слабость одной группы дополнялась слабостью другой. Смещение руководства при каждом переломе обстановки не давало возможности руководящему кадру партии овладеть более широким опытом, включающим в себя и подъем, и упадок, и прилив, и отлив, и маневрирование, и штурм. Без обобщенного понимания характера нашей эпохи, как эпохи резких сдвигов и крутых поворотов, не может

воспитаться подлинно революционное руководство. Случайный же подбор руководителей «по назначению» неизбежно таит в себе опасность нового банкротства руководства при ближайшем большом социальном кризисе. Если б это несчастье произошло, нынешние единомышленники Тельмана по ИККИ на второй же день объявили его ликвидатором, вернее всего «троцкистом», и перешли бы к очередным делам. А что сделала бы в этом случае оппозиция? Она взяла бы, вероятно, Тельмана «под защиту», то есть доказала бы, что он лишь жертва неправильной линии и бюрократического режима.

Руководить значит предвидеть. Нужно заблаговременно перестать гладить по головке Тельмана только за то, что он подбирает на заборах самые грубые слова против оппозиции, как гладили на VII пленуме Тан Пинсяна за то, что он ругательства Тельмана переводил на китайский язык. Нужно сказать германской партии, что февральская оценка политической обстановки Тельмана груба, топорна, ложна. Нужно открыто признать стратегические и тактические ошибки последнего пятилетия и сделать их предметом добросовестного изучения, прежде чем заживут нанесенные ими раны: уроки стратегии могут крепко привиться только по живым следам событий.

5. Как подготовлялся нынешний левый сдвиг в ВКП

Совершенно исключительные затруднения с хлебозаготовками в этом году имеют не только хозяйственное, но и огромное политическое и партийное значение. Не случайно они дали толчок левому повороту. В свою очередь, эти затруднения по-своему подытоживают большую полосу хозяйственной и общей политики.

Переход от военного коммунизма к социалистическому хозяйству без *больших* отступлений был бы возможен только при условии непосредственного развития пролетарской революции в *передовых* странах. Задержка этого развития на годы привела нас к большому, глубокому и длительному отступлению нэпа весною 1921 г. Объем необходимого отступления определялся не только теоретически, но и прощупывался практически. Уже осенью 1921 г. пришлось углубить отступление.

29 октября 1921 г., через семь месяцев после перехода к нэпу, Ленин говорит на московской губпартконференции:

> «Этот весенний переход к новой экономической политике, это наше отступление... оказалось ли оно достаточным, чтобы мы, приостановив отступление, стали уже готовиться к наступлению? Нет, оно оказалось еще недостаточным... И мы теперь вынуждены это сознать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения... Вот почему мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальнейшем перейти, наконец, в наступление».
>
> Ленин, т. 18, ч. 1, стр. 397—398.

И далее в той же речи:

> «Скрывать от себя, от рабочего класса, от массы то, что в экономической области и весной 1921 г., и теперь, осенью—зимой 1921—1922 года, мы еще продолжаем отступление, — это значило бы осуждать себя на полную бессознательность, это значило бы не иметь мужества прямо смотреть на создавшееся положение. При таких условиях работа и борьба были невозможны».
>
> Ленин, т. 18, ч. 1, стр. 399—400.

Только весною следующего, 1922, года Ленин решается подать сигнал к приостановке отступления. Впервые он говорит об этом 6 марта 1922 г. на фракции съезда металлистов:

> «Мы можем теперь сказать, что это отступление, в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено... И я надеюсь и уверен, что и съезд партии скажет это официально от имени руководящей партии России».
>
> Ленин, т. 18, ч. 2, стр. 13.

И тут же прямое, честное, как всегда, истинно ленинское пояснение:

> «Слова о приостановке отступления не надо понимать в том смысле, что фундамент новой экономики нами уже создан и что мы можем идти спокойно. Нет, фундамент еще не создан».
>
> Ленин, т. 18, ч. 2, стр.13.

XI съезд на основании ленинского доклада принял по этому вопросу следующее постановление:

> «Съезд констатирует, что всей суммой проведенных и намеченных за последний год мер исчерпываются признанные партией необходимыми уступки частнохозяйственному капитализму, признает в этом смысле отступление законченным».
>
> Стенографический отчет, стр. 143.

Это глубоко продуманное и, как мы видели, тщательно подготовленное постановление предполагало, следовательно, что занятые партией *новые* исходные позиции дадут возможность открыть социалистическое наступление, медленное, но без новых движений вспять. Ожидания последнего руководившегося Лениным съезда в этом последнем отношении, однако, не оправдались. Весною 1925 г. открылась необходимость совершить новое отступление: признать за верхами деревни право эксплуатировать низы путем найма рабочей силы и аренды земли.

Необходимость нового гигантского по своим последствиям отступления, не предусматривавшегося стратегическим замыслом Ленина в 1922 г., вызывалась не только тем, что предельная черта отступления проведена была слишком «в обрез» (этого требовала элементарная осторожность), но и тем, что в течение 1923—1924 гг. руководство не поняло ни обстановки, ни задачи и теряло время, считая, что «выигрывает» его.

Мало того, новое тягчайшее отступление в апреле 1925 г. не было уже по-ленински названо поражением и глубоким отступлением, а было изображено как победоносное шествие смычки, как простое звено в общей механике социалистического строительства. Это и есть то самое, против чего Ленин предостерегал всегда всю свою жизнь, и в частности осенью 1921 г., когда пришлось продолжить и углубить весеннее отступление.

> «Не так опасно поражение, — говорил Ленин в уже цитированной нами речи на московской губпартконференции, — как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы... Не бояться признать поражения. Учиться на опыте поражения... Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает, как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни черта не стоят... Сила наша была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности. И поэтому надо говорить напрямик. Это интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны. *Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов*».
>
> Ленин, т. 18, ч. 1, стр. 396.

Но об этом замечательном предостережении начисто забыли на второй же день после отхода Ленина от руководства и ни разу по-настоящему не вспомнили до сегодняшнего дня.

Так как апрельские решения 1925 г. легализовали развертывав-

шуюся дифференциацию деревни и открывали ей шлюзы, то смычка означала в дальнейшем все возрастающий товарообмен рабочего государства с кулаком. Вместо того чтобы признать эту грозную опасность, сейчас же была создана услужливая теория врастания кулака в социализм.

В 1926 г. оппозиция следующим образом формулировала начавшийся с весны 1923 г. спор о смычке:

> «В о п р о с: Верно ли, что политика оппозиции угрожает нарушением смычки пролетариата и крестьянства?
> О т в е т: Это обвинение насквозь ложно. Смычке сейчас угрожают: отставание промышленности, с одной стороны, рост кулака — с другой. Недостаток промышленных товаров вгоняет клин между деревней и городом. Кулак начинает экономически и политически подчинять себе середняков и бедняков, противопоставляя их пролетариату. Этот процесс находится еще в самом начале. Но опасность смычке грозит именно отсюда. Недооценка отставания промышленности и роста кулака нарушает правильное, ленинское руководство союзом двух классов, эту основу диктатуры в условиях нашей страны».
> «Вопросы и ответы».

Отметим тут же, что, несмотря на остроту борьбы, оппозиция ничего не «преувеличивала» и в этом вопросе. Восставая против ренегатской теории о врастании кулака в социализм, пригодной лишь на то, чтобы проложить пути нашему врастанию в капитализм, мы говорили в 1926 г., что кулацкая опасность находится «еще в самом начале». Направление опасности мы указывали с 1923 г. Рост опасности мы иллюстрировали на каждом новом этапе. В чем же и состоит руководство, как не в умении понять опасность своевременно, то есть когда она находится еще «в самом начале», и предупредить возможность ее дальнейшего развития?

9 декабря 1926 г. на VII пленуме ИККИ Бухарин следующим образом обличал оппозицию по вопросу о смычке и хлебозаготовках:

> «Что было сильнейшим аргументом нашей оппозиции против ЦК партии (я имею в виду осень 1925 г.)? Тогда они говорили: противоречия растут неимоверно, а ЦК партии не в состоянии этого понять. Они говорили: кулаки, в руках которых сосредоточены чуть ли не все излишки хлеба, организовали против нас «хлебную стачку». Вот почему так плохо поступает хлеб. Все это слыхали... Оппозиция считала, что все прочее служит лишь политическим выражением этого основного явления. Затем те же товарищи выступали впоследствии и говорили: кулак еще усилился, опасность возросла еще более. Товарищи, если бы и

первое и второе утверждения были бы правильны, у нас в этом году была бы еще более сильная «кулацкая стачка» против пролетариата... Оппозиция клевещет, что мы помогаем росту кулачества, что мы все время идем на уступки, что мы помогаем кулачеству организовать хлебную стачку, а *действительные результаты* свидетельствуют об обратном...».

Стенографический отчет, т. II, стр. 118.

Разве одна эта бухаринская цитата не доказывает полную слепоту руководства в центральном вопросе нашей хозяйственной политики?

Бухарин, однако, не составлял исключения. Он только теоретически «обобщал» слепоту руководства. Наиболее ответственные руководители партии и хозяйства наперебой утверждали, что мы выбрались из кризисов (Рыков), что мы овладели крестьянским рынком и что вопрос заготовок стал чисто организационным вопросом советского аппарата (Микоян). Резолюция июльского Пленума ЦК 1927 г. гласила: развертывание хозяйственной деятельности в текущем году было в общем и целом бескризисным. В то же время официальная печать в один голос утверждала, что товарный голод в стране если не окончательно изжит, то по крайней мере значительно смягчен.

В противовес этому оппозиция снова писала в своих тезисах к XV съезду:

> «Падение общей массы заготовляемых хлебопродуктов является, с одной стороны, прямым свидетельством глубокого расстройства в отношениях между городом и деревней, а с другой — источником угрожающих нам трудностей».

В чем корни наших затруднений? Оппозиция отвечала:

> «Промышленность развивается за последние годы слишком медленно, отставая от развития народного хозяйства в целом... Растет благодаря этому *зависимость государственного хозяйства от кулацко-капиталистических элементов* в области сырья, экспорта, продовольственных запасов».

Такова идейно-политическая подготовка февральского (1928) левого поворота ЦК в вопросе о кулаке. В этой подготовке роли распределялись с полной отчетливостью. Руководство сползало вправо почти до самого последнего момента. «Поверните огонь направо!» — кричала оппозиция, стоя сама под огнем, тем слепцам, которые по ней стреляли.

Если б не было всей предшествующей работы оппозиции, начиная с тезисов 1923 г. и кончая плакатом 7 ноября 1927 г., если б оппозиция не дала заранее правильного прогноза и не

посеяла законной тревоги в рядах партии и рабочего класса, — хлебозаготовительный кризис только ускорил бы развитие правого курса в сторону дальнейшего развязывания капиталистических сил.

В истории бывало не раз, что авангард пролетариата или только авангард авангарда ценою собственного физического разгрома оплачивал новый шаг в движении своего класса или задержку наступления его врагов.

6. Шаг вперед, полшага назад

Толчок новой полосе в политике дал хлебозаготовительный кризис, который, в отличие от китайского, англо-русского и иных, нельзя было замолчать. Он немедленно отразился не только на хозяйстве в целом, но и на житейском обиходе каждого рабочего. Вот почему новая полоса в политике ведет свое начало от хлебозаготовок.

Без какой бы то ни было преемственности со вчерашним днем партия прочитала 15 февраля в «Правде» передовую статью, которую можно было принять за пересказ, а местами почти дословное воспроизведение платформы оппозиции к XV съезду.

Написанная под непосредственным давлением хлебозаготовительного кризиса, эта неожиданная статья гласила:

> «Из ряда причин, определивших затруднения в хлебозаготовках, следует отметить следующее. Выросла и разбогатела деревня. Вырос и разбогател прежде всего кулак. Три года урожая не прошли даром».

Итак, отказ деревни дать городу хлеб вызван тем, что «разбогатела деревня», то есть выполнила, по мере сил, бухаринский лозунг «Обогащайтесь!». Но почему же обогащение деревни срывает смычку вместо того, чтобы укреплять ее? Потому что, отвечает статья, *«вырос и разбогател прежде всего кулак»*. Таким образом, теория о том, что середняк рос за эти годы за счет кулака и бедняка, сразу отброшена как негодная ветошь. «Вырос и разбогател *прежде всего кулак*».

Однако и кулацкое обогащение деревни само по себе еще не объясняет расстройства обмена между городом и деревней. Смычка с кулаком — не социалистическая смычка. Но хлебный кризис состоит в том, что нет этой смычки. Значит, кулак не только вырос и разбогател, но и не находит нужным обменивать свои натураль-

ные накопления на червонцы; те товары, которые кулак хочет или может получить у города, он оплачивает таким количеством хлеба, которого городу совершенно не хватает. «Правда» формулирует и вторую, по существу основную, причину хлебного кризиса: «Увеличение дохода крестьянства... при относительном *отставании предложения промтоваров*... дало возможность крестьянству вообще, кулаку в особенности удержать у себя хлебные продукты».

Теперь картина ясна. Основной причиной является отставание промышленности и недостаток промышленных товаров. При этом условии не получается не только социалистической смычки с кооперированным середняком и бедняком, но и капиталистической смычки с кулаком. Если сопоставить две приведенные только что цитаты из «Правды» с цитатами из оппозиционных документов в предшествующей главе, то придется сказать: «Правда» почти дословно повторяет мысли и выражения оппозиционных «Вопросов и ответов», за переписку которых на машинке исключали из партии.

Статья «Правды» на этом, однако, не останавливается. С оговоркой, что кулак не является «основным держателем хлебных продуктов», статья признает, что он «является хозяйственным авторитетом в деревне», что «у него есть смычка с городским спекулянтом, дающим за хлеб дороже», что «он (кулак) имеет возможность вести за собой середняка»...

Оговорка насчет того, что кулак не является «основным держателем хлеба», не смягчает картины, а, наоборот, усиливает ее. Если принять довольно сомнительную цифру в 20%, которою теперь определяют долю кулака в товарном хлебе, тем более выступит тот факт, что кулак имеет возможность «вести за собою» на рынке середняка, то есть привлекать его к срыву государственных хлебозаготовок. И нью-йоркские банки тоже не владеют всем товарооборотом, но успешно ведут его тем не менее за собою. Кто пытается напирать на «скромные» 20%, тот тем самым еще более подчеркивает, что кулаку достаточно иметь в своих руках одну пятую хлебных паев, чтобы захватить ведущую роль на хлебном рынке. Так слабо, значит, воздействие государства — при *отставании промышленности* — на экономику деревни!

Другая неизбежная оговорка насчет того, что «ведущая» роль кулака наблюдается будто бы лишь в некоторых, а не во всех районах, тоже ничего не смягчает, скорее даже усиливает грозный смысл происходящего. Этих «некоторых» районов оказалось ведь достаточно, чтоб до основания потрясти смычку города с дерев-

ней? Что же было бы, если бы процесс охватил равномерно все районы?

Мы имеем дело с живым экономическим процессом, а не с устойчивой статистической средней. Дело совсем не в том, чтоб сложнейший и разветвленнейший процесс точно измерить на ходу количественно, а в том, чтоб определить его качественно, то есть показать, *куда растут явления*.

За чей счет новый «советский» кулак приобрел авторитет в деревне? За счет хозяйствующего рабочего государства и его орудий: государственной промышленности и кооперации. Если кулак получил возможность вести за собою середняка, то против кого? Против рабочего государства. В этом и состоит серьезный и глубокий *надрыв экономической смычки*, как предпосылка еще большей опасности, именно *разрыва политического союза*.

Но после шага вперед последовало уже по меньшей мере полшага назад. Как только с хлебозаготовками, благодаря исключительным административным мерам, слегка отлегло, так машина официального оптимизма снова пришла в действие.

Программное воззвание ЦК от 3 июня 1928 г. говорит о «сопротивлении кулачества, выросшего на фоне общего подъема производительных сил страны, *несмотря на еще более быстрый рост социалистического сектора хозяйства*».

Если так, если это верно, тогда не должно быть места тревоге. Тогда остается не ломать линии, спокойно строить «социализм в отдельной стране». Если удельный вес капиталистических, то есть прежде всего кулацких, элементов хозяйства из года в год падает, тогда по какому же случаю столь внезапная «паника» перед кулаком? Вопрос решается динамическим соотношением двух борющихся сил, социализма и капитализма,— кто кого? — и кулак «страшен» или «не страшен» только в зависимости от того, в какую сторону меняется это соотношение. Воззвание ЦК пытается тщетно спасти в этой части резолюцию XV съезда, которая исходила из непрерывно возрастающего будто бы перевеса социалистических элементов хозяйства над капиталистическими. Но ведь статья «Правды» от 15 февраля есть печатное опровержение этого неправильного тезиса, практически опровергнутого ходом хлебозаготовительных операций. Как же тут связываются концы с концами?

Если бы социалистический сектор рос за эти три урожайные года быстрее несоциалистического, то мы могли бы еще, пожалуй, иметь торгово-промышленный кризис, выражающийся в избытке

продуктов государственной промышленности, не находящих себе сельскохозяйственного эквивалента; между тем мы имели кризис хлебозаготовок, который «Правда» 15 февраля правильно объясняет как результат крестьянского и прежде всего кулацкого накопления сельскохозяйственных продуктов, не находящих себе эквивалента в промышленных товарах. Обострение хлебозаготовительного кризиса, то есть кризиса смычки, в результате трех урожаев только то и означает, что в общей динамике хозяйственного процесса социалистический сектор *ослабел* по сравнению с капиталистическим и частнотоварным вообще.

Та поправка, которую внес в это соотношение неизбежный в данной обстановке административный нажим, не меняет основного вывода нисколько. Тут дело идет о политической силе, к которой кулак хоть и приобщается, но лишь частично. Однако же самая необходимость прибегнуть к чрезвычайным методам из арсеналов военного коммунизма свидетельствует именно о неблагоприятном изменении соотношения сил в области экономики.

Перед лицом этой хозяйственной, объективной, жизненной проверки смешными будут попытки «статистически» доказать перевес роста социалистического сектора. Это все равно, как если бы полководец армии, которая с уроном отступила после боя, сдав важные позиции, стал хитрыми статистическими коэффициентами доказывать, что перевес на его стороне. Нет, кулак доказал — и его доводы убедительнее подогнанных под оптимизм статистических комбинаций, — что в этом очень важном бою, поскольку он велся *экономическим* оружием, перевес оказался на стороне кулака. Вопрос «Кто кого?» решается живой динамикой хозяйства. Если цифры противоречат неоспоримым результатам борьбы, значит, цифры врут или, в лучшем случае, отвечают совсем не на тот вопрос.

Мы имели ведь в 1927 г. не только вполне допустимые административные вторжения в хлебозаготовки, но и совершенно недопустимые вторжения в статистику. Накануне XIV съезда обновленное секретариатом ЦК статистическое управление почти полностью «рассосало» кулака. На эту социалистическую победу понадобилось всего несколько дней.

Но даже если оставить в стороне услужливость статистики, которая, как и все остальное, страдает от аппаратного самоуправства, то остается тот факт, что статистика, особенно у нас, при крайней распыленности важнейших процессов, всегда запаздывает. Статистика дает моментальный разрез процессов, не улавливая

их тенденций. Тут на помощь должна прийти теория. Наша правильная теоретическая оценка динамики процесса заранее предсказывала, что отставание промышленности повернет даже хорошие урожаи против социалистического строительства и породит рост кулачества в деревне, хлебные хвосты в городах. Факты пришли и дали свою неоспоримую проверку.

В подытоженных февральской статьей «Правды» уроках хлебозаготовительного кризиса мы имеем вынужденное, но тем более неоспоримое подтверждение возросшей диспропорции, с минусом на стороне государственного хозяйства, то есть с уменьшением удельного веса экономических основ пролетарской диктатуры, и наряду с этим — подтверждение настолько глубокой уже дифференциации крестьянства, что судьба хлебозаготовок, другими словами, судьба смычки оказывается под прямым и непосредственным контролем кулака, ведущего за собой середнячество.

Если диспропорция между городом и деревней унаследована от прошлого, если известный рост капиталистических сил неизбежно вытекает из самой природы нынешнего нашего хозяйства, то *обострение* диспропорции за последние годы и *передвижка* соотношения сил в сторону кулака являются полностью результатом ложной классовой политики руководства, которое не регулировало планомерно распределение народного дохода, а либо вовсе опускало вожжи, либо судорожно дергало их.

В противовес этому оппозиция с 1923 г. доказывала, что только твердая плановая установка на систематическое, из года в год, преодоление диспропорции позволит придать государственной промышленности действительно ведущую роль по отношению к деревне; что, наоборот, отставание промышленности неизбежно будет порождать углубление классовых противоречий в стране и снижение удельного веса экономических высот пролетарской диктатуры.

Мы брали, следовательно, кулака не изолированно, как пытались делать Зиновьев и Каменев на XIV съезде, а на основании решающего соотношения между государственной промышленностью и частнотоварным сельским хозяйством в целом. В пределах деревенской экономики мы брали кулака опять-таки не изолированно, а в связи с его экономическим воздействием на более зажиточные слои середняков и на деревню в целом. Наконец, эти два основных внутренних процесса мы брали не изолированно, а в их соотношении с мировым рынком, который через экспорт-импорт оказывает все большее определяющее влияние на темп нашего хозяйственного развития.

Исходя из всего этого, мы писали в наших тезисах к XV съезду:

> «Так как хлебные и сырьевые экспортные излишки мы получаем прежде всего от зажиточных слоев деревни и так как именно эти слои больше всего придерживают хлеб, то и оказывается, что через экспорт нас «регулирует», прежде всего, кулак и зажиточный».

Но, может быть, оппозиция «слишком рано» ставила вопросы, для которых в календаре руководства были заранее намечены свои сроки? После сказанного вряд ли есть надобность останавливаться на этом младенческом доводе, которым каждый раз кормят партию, когда приходится догонять упущенное. Приведем одно только поучительное свидетельство. 9 марта 1928 г. Рыков говорил на заседании Московского совета о хлебозаготовках:

> «Несомненно, эта кампания носит все типичные черты ударности. Если бы меня спросили, не лучше ли было бы, если бы удалось более нормальным путем, то есть не прибегая к такой ударной кампании, изжить хлебозаготовительный кризис,— я откровенно сказал бы, что это было бы лучше. Необходимо признать, что *мы пропустили время, прозевали* начало хлебозаготовительных затруднений, *не приняли раньше целого ряда мер*, которые необходимо было бы предпринять для успешного развития хлебозаготовительной кампании».
>
> «Правда», 11 марта 1928 г.

Если в этих словах запоздание признается главным образом под административным углом зрения, то нетрудно дополнить их политически. Для того чтобы необходимые административные мероприятия были проведены своевременно, нужно было, чтобы партия, вдохновляющая и направляющая государственный аппарат, своевременно получила хотя бы ту черновую ориентировку, которая выражена в передовой статье «Правды» от 15 февраля. Запоздание имеет, следовательно, не административный, а партийно-политический характер. Нужно было своевременно прислушаться к принципиальным предупреждениям оппозиции и деловым порядком обсудить предлагаемые нами практические меры.

В прошлом году оппозиция предлагала, в частности, провести принудительный заем у десяти процентов деревенских дворов, то есть у крестьянской верхушки, в размере 150—200 миллионов пудов. Тогда это предложение поносилось как мера военного коммунизма. Партию учили, что нельзя нажать на кулака, не обидев середняка (Сталин), или что кулак не представляет никакой опасности, так как он-де *заранее* ограничен рамками проле-

тарской диктатуры (Бухарин). А в этом году пришлось прибегнуть к 107-й статье, после чего Центральному Комитету пришлось разъяснять, что разговоры о военном коммунизме представляют контрреволюционную клевету, хотя еще накануне только он сам называл военным коммунизмом гораздо более осторожные и планомерные предложения оппозиции.

До тех пор пока белое зовет он белым, а черное — черным, правильной точкой зрения будет считаться та, которая дает возможность понимать, что происходит, и предвидеть будущее. Под это определение подходит точка зрения оппозиции, но никак не официального руководства. В конце концов факты стоят над самыми высокими учреждениями. Требовать теперь, *после* хлебозаготовительной кампании этой зимы и вызванного ею резкого кризиса официальной политики и идеологии, чтобы оппозиция признала свою ошибку, можно только в состоянии иерархического умоисступления. Это состояние никогда никого еще не доводило до добра.

Дело идет совсем не о том, *кто был прав*. Этот вопрос имеет значение лишь в связи с вопросом, *какая линия верна*. Смазывать этот последний вопрос после первых признаков поворота руководства было бы самым жалким и самым постыдным преступлением против партии. Она еще не разобралась. А все меры, споры, шаги имеют настоящую цену только в зависимости от того, разобралась или не разобралась партия. Принципиальная позиция еще не завоевана. Будущее не обеспечено. За шагами вперед следуют полушаги назад.

7. Маневр или новый курс?

Как же надлежит оценивать нынешний поворот влево? Видеть ли в нем комбинаторский маневр или же серьезный новый курс?

Вопрос «Маневр или курс?» есть вопрос о классовых взаимоотношениях и об их отражении в ВКП, которая, как единственная партия в стране, по-разному реагирует разными своими частями на давление разных классов.

По этому вопросу, то есть об отражении новых классовых группировок внутри нашей собственной партии, поразительное признание заключается в уже цитированной нами «исторической» статье «Правды» от 15 февраля. Это, пожалуй, наиболее замечательное ее место. Оно гласит:

«...В наших организациях, как в партийных, так и иных, народились в последнее время известные, чуждые партии элементы, не видящие классов в деревне, не понимающие основ нашей классовой политики и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди всех слоев деревни».

Хоть речь здесь идет о членах партии, но приведенные слова дают почти законченную характеристику новобуржуазного термидорианского политика-реалиста, в противовес коммунисту. «Правда», однако, ни словом не упоминает о том, каким образом оказались в партии эти элементы. «Народились» — и только. Откуда они, через какие ворота вошли; вклинились ли в партию извне и по какой причине; или выросли изнутри и на какой основе? И все это ведь в условиях непрерывной «большевизации» партии по линии крестьянского вопроса. Статья не объясняет, каким образом партия, несмотря на предупреждения, могла проглядеть термидорианцев, вплоть до того момента, как они обнаружили свою *административную силу* в политике хлебозаготовок; подобно тому как партия проглядела кулака до того момента, как он приобрел авторитет, повел за собой середняка и сорвал хлебозаготовки. Ничего этого «Правда» не объясняет. Но все равно. Мы впервые услышали в феврале 1928 г. от центрального органа то, что знали давно и что не раз высказывали, именно: в партии Ленина не только «народилось», но и оформилось крепкое правое крыло, которое тянет к неонэпу, то есть к капитализму в рассрочку.

В конце 1927 г. я следующим образом писал об этом:

«Официальная борьба против оппозиции ведется под двумя основными лозунгами: ПРОТИВ ДВУХ ПАРТИЙ и против «ТРОЦКИЗМА». Сталинская мнимая борьба против двух партий прикрывает формирование двоевластия в стране и *формирование буржуазной партии на правом фланге* ВКП и под прикрытием ее знамени. В целом ряде ведомств и в кабинетах секретарей происходят секретные совещания аппаратчиков-партийцев со спецами, устряловскими профессорами, для выработки методов и лозунгов борьбы с оппозицией. Это есть подлинное *формирование второй партии*, которая всеми путями стремится подчинить себе, и частично подчиняет, пролетарское ядро нашей партии и громит ее левое крыло. Прикрывая формирование этой второй партии, аппарат обвиняет оппозицию в стремлении создать вторую партию — именно потому, что оппозиция стремится вырвать из-под возрастающего буржуазного влияния и давления пролетарское ядро партии, без чего вообще нельзя спасти единства большевистской партии. Чистейшей иллюзией

> является мысль, будто диктатуру пролетариата можно сохранить одними словесными заклинаниями насчет единой партии. Вопрос об одной или двух партиях — в материальном, классовом, а не словесно-агитаторском смысле — решается именно тем, удастся ли и в какой мере пробудить и мобилизовать силы сопротивления внутри партии и внутри пролетариата».
>
> «На новом этапе».

В июне Сталин давал на тему о второй партии следующие разъяснения московским вузовцам:

> «Есть люди, которые усматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству, в развитии и развертывании кулацкого хозяйства. Эти люди не решаются говорить о возврате к помещичьему хозяйству, понимая, видимо, что опасно болтать о таких вещах в наше время. Но они тем охотнее говорят о необходимости всемерного развития кулацкого хозяйства в интересах... советской власти. Эти люди полагают, что советская власть могла бы опереться сразу на два противоположных класса: класс кулаков, хозяйственным принципом которых является эксплуатация рабочего класса, и класс рабочих, хозяйственным принципом которых является уничтожение всякой эксплуатации. Фокус, достойный реакционеров. Не стоит доказывать, что эти реакционные планы не имеют ничего общего с интересами рабочего класса, с принципами марксизма и задачами ленинизма».

Эти слова представляют собою несколько упрощенное изложение части вступительной главы из платформы оппозиции. Мы не держим этого в секрете, так как считаем, что *пока еще* Сталину ссылка за это не грозит. В сталинской речи не говорится, правда, открыто о формировании второй партии. Но если в пролетарской партии есть «люди» (кто такие?), которые держат курс на кулацко-капиталистическое хозяйство и только из осторожности не говорят о крупном помещичьем хозяйстве; если эти «люди», адрес коих не указан, связаны друг с другом такого рода платформой и руководствуются ею при хлебозаготовках, при выработке промышленных планов, тарифных ставок и пр. и пр., то это и есть кадры новобуржуазной, то есть термидорианской, партии. Можно быть в большевистской партии, не держа курса на Чан Кайши, Перселя, кулака, бюрократа; вернее сказать, при этом условии и можно быть в большевистской партии. Но нельзя быть в большевистской партии, держа курс на капиталистическое развитие. Вот эта простая мысль и была выражена в документе «На новом этапе».

Таким образом, правое крыло, «народившееся» от неизвестной причины, было впервые официально уловлено на хлебозаготов-

ках. На второй день после XV съезда, который снова демонстрировал стопроцентную монолитность, обнаружилось, что кулак не вывозит хлеба, между прочим, и по той причине, что в партии имеются влиятельные группировки, желающие жить в мире со всеми классами. Эти внутренние гоминдановцы совершенно не сказались ни в так называемой дискуссии, ни на съезде. Эти доблестные «партийцы» первыми голосовали, разумеется, за изгнание оппозиции как «социал-демократического» уклона. Они голосовали также за все левые резолюции, ибо давно научились понимать, что дело не в резолюциях. Термидорианцы в партии не краснобаи, а люди дела. Они образуют свою особую смычку с новыми собственниками, с мещанской интеллигенцией и с бюрократией и руководят важнейшими отраслями хозяйственной, культурной и даже партийной работы под «национально-государственным» углом зрения. Не случайно, следовательно, они не обнаружились в партии как идейное течение, а, так сказать, засыпались на хлебном деле. Это обстоятельство характеризует, впрочем, не только правых как правых, но и партийный режим в целом. И после того как оно официально признано, правое крыло остается анонимным, и внешнее впечатление таково, что партия опять «единогласно» осуждает кулацкий уклон. Тем не менее не секрет, что уклон этот солидно представлен «в наших организациях, как партийных, так и иных» («Правда», 15 февраля), не исключая Совнаркома и Политбюро. Вести левую политику можно не в блоке с правым крылом, а в открытой борьбе с ним. Между тем борьбы пока нет и в помине. Может быть, однако, правые так слабы, что нет надобности и в борьбе с ними?

Ясный ответ на этот вопрос имеет решающее значение для судьбы всего нынешнего поворота влево. Первое впечатление таково, что правые крайне слабы. Достаточно оказалось окрика сверху, чтобы заготовительная, а отчасти и всеобщекрестьянская политика сразу направилась по «левому» руслу. Но именно эта чрезмерная легкость достигнутых результатов и должна служить предостережением против слишком поспешных заключений насчет слабости правых.

Правое крыло есть мелкобуржуазное, оппортунистическо-бюрократическое, меньшевистски-соглашательское крыло, тянущее в сторону буржуазии. Было бы совершенно непостижимым, если бы в партии, включившей в свой состав революционные кадры большевизма и сотни тысяч рабочих, правое крыло могло бы стать в несколько лет самостоятельной силой и открыто

проводить свои тенденции, мобилизуя рабочие массы. Этого, конечно, нет. Правое крыло сильно как *передаточный аппарат давления непролетарских классов на пролетариат*. Это значит, что сила правого крыла партии находится *вне* партии, за ее пределами. Эта сила бюрократического аппарата, новых собственников, мировой буржуазии, следовательно, сила гигантская. Но именно потому, что правое крыло отражает давление других классов внутри партии, оно не может пока еще открыто выдвигать свою платформу и мобилизовать общественное мнение партии. Оно нуждается в прикрытии, в усыплении бдительности пролетарского ядра партии. То и другое дает ему аппаратный режим. Под дутой монолитностью партии он прячет правое крыло от взоров революционных рабочих и в то же время запугивает рабочих ударами по оппозиции, которая есть только сознательное выражение тревоги пролетариата за судьбу его диктатуры.

При оценке политических тенденций решает не только вопрос *что?*, но и вопрос *как?* Подход под этим вторым углом зрения приводит к неоспоримому выводу, что методы, приемы, способы руководства, отношение к идейно-политическим группировкам в партии остались теми же, на которых держался старый курс. Это одно имеет исчерпывающее значение, выводя нас из области догадок об искренности и серьезности реформаторских намерений и о прочих неуловимых материях в область безошибочных объективных показателей. Совершенно преступным легкомыслием было бы думать, что мы уже имеем перед собою сколько-нибудь продуманный, сколько-нибудь последовательный, сколько-нибудь обеспеченный курс революционной пролетарской политики. Нет, до этого далеко.

Мы имеем нечто более серьезное, чем верхушечный маневр, но нечто гораздо менее значительное, чем последовательный курс в духе платформы оппозиции. Как же назвать этот поворот? Пока мы не можем назвать его иначе, как *зигзагом*, может быть более глубоким, чем предшествующие зигзаги центристской кривой.

Значит ли это, что нынешний зигзаг исключает возможность развития его в левый курс? Поскольку дело зависит от предвидения и последовательности руководства, не только его политика последних годов, но и сегодняшнее поведение его должны склонить к скептическому ответу на поставленный вопрос. Но в том-то и дело, что первоначальный маневр перерос в глубокий политический зигзаг, захвативший своими зубьями более широкие круги партии и классовые прослойки. Вот почему было бы

неправильно отрицать *возможность* развития нынешнего зигзага в направлении последовательного пролетарского курса. Во всяком случае, оппозиция по сути своих взглядов и стремлений должна сделать все от нее зависящее, чтобы нынешний зигзаг развернулся в серьезный поворот на ленинскую дорогу. Такой исход был бы наиболее здоровым, то есть связанным с наименьшими потрясениями для партии и диктатуры. Это был бы *путь глубокой партийной реформы как необходимой предпосылки реформы советского государства.*

8. Социальные основы нынешнего кризиса

Голос внутрипартийной борьбы есть только отголосок более глубокого рокота. В классах накопились изменения, которые, если их не перевести своевременно на язык большевизма, поставят перед тяжким кризисом Октябрьскую революцию в целом.

Та торопливость, с какою через месяц-два после съезда руководство ломает курс, признанный XV съездом вполне правильным, сама по себе уже является безошибочным признаком того, что процесс классовых сдвигов в стране в связи со всей международной обстановкой подошел к критическому этапу, когда экономическое количество переходит в политическое качество. Прогноз, в этом направлении неоднократно развивавшийся с 1923 г., нашел в тезисах оппозиции к XV съезду следующее выражение:

> «В стране с подавляющим большинством мелкого и мельчайшего крестьянства и вообще мелких хозяйчиков важнейшие процессы до поры до времени совершаются распыленно и подспудно, чтоб затем сразу, неожиданно, прорваться наружу».

«Неожиданно», разумеется, только для тех, которые не способны марксистски оценить совершающиеся процессы, когда они находятся еще в самом начале.

И хлебозаготовительная стачка кулаков, ведущих за собою середняков, и шахтинская стачка спецов с капиталистами; и покровительство или полупокровительство влиятельной части государственного и партийного аппарата стачке кулаков; и гляденье коммунистов сквозь пальцы на контрреволюционные шашни техников и чиновников; и подлое самодурство смоленских и иных негодяев, прикрывающихся «стальной дисциплиной», — все это сейчас уже несомненные факты крупнейшего значения. В доступных всем тезисах оппозиции к XV съезду говорится:

> «Сращивание кулака, частника, буржуазного интеллигента с многочисленными звеньями не только государственной, но и партийной бюрократии есть самый несомненный и вместе с тем самый тревожный процесс нашей общественной жизни. Отсюда возникают зародыши двоевластия, угрожающие диктатуре пролетариата».

Циркуляр или манифест Центрального Комитета от 3 июня 1928 г. признает «злейший бюрократизм» государственного аппарата, а также партийного и профессионального. Циркуляр пытается дать объяснение этому бюрократизму: 1) остатки старого чиновничьего наследства; 2) продукт отсталости, некультурности масс; 3) недостаточное их «умение управлять»; 4) недостаточно быстрое втягивание масс в дело управления государством. Все указанные четыре обстоятельства имеются. Все они так или иначе объясняют бюрократизм. Но ни одно из них не объясняет бешеного, неистового *роста* бюрократизма. Культурность массы должна была за это последнее пятилетие повышаться. Аппарат партии должен был научиться более активно втягивать массы в дело управления. Старые чиновники должны были быть в значительной мере заменены новым поколением, выросшим уже в советских условиях. Бюрократизм, следовательно, должен был бы убывать. Между тем суть вопроса в том, что бюрократизм чудовищно возрос. Став «злейшим бюрократизмом», он возвел в систему такие методы управления, как командный зажим, застращивание, материальный гнет, фаворитизм, круговая чиновничья порука, потачки сильному, нажим на слабого. Чрезвычайно быстрое возрождение этих тенденций старого классового аппарата, несмотря на рост советского хозяйства и культурности масс, является результатом *классовых* причин, именно социального укрепления собственников, их переплета с государственным аппаратом и их давление через аппарат на партию. Без понимания классовых причин возрастающей бюрократизации режима борьба со злом слишком часто напоминает размахивание крыльев мельницы, не дающей помола.

Задержанный рост промышленности создал невыносимые ножницы цен. Бюрократическая борьба за их снижение только дергала рынок, отнимая у рабочего и не давая крестьянину. Огромные выгоды, полученные крестьянством от совершенной Октябрем аграрной революции, пожираются ценами на промышленные товары. Это разъедает смычку, толкая широкие слои деревни в сторону кулака с его лозунгом свободы торговли, внутренней и внешней. Внутренний торгаш находит в этих условиях и почву, и прикрытие, внешняя буржуазия — опору.

Пролетариат приступал к революции, естественно, с гораздо большими надеждами, а подавляющие его массы — с огромными иллюзиями. Отсюда, при замедленном темпе развития, при крайне низком материальном уровне жизни, неизбежно должно было вытечь снижение надежд на способность советской власти в более или менее близком будущем глубоко изменить весь строй жизни.

В том же направлении действовали поражения мировой революции, особенно за последние годы, когда руководство было уже в руках Коминтерна. Они не могли не внести нечто новое в отношения рабочего класса к мировой революции: большую сдержанность в надеждах; у уставших элементов — скептичность; у незрелых — голое недоверие и даже угрюмое ожесточение.

Эти новые мысли и новые оценки искали выражения. Если б они в партии находили его, у передовых слоев сложилось бы, может быть, менее наивное и приподнятое, более критическое, но зато и более уравновешенное, более устойчивое отношение к международной революции и прежде всего к своей собственной. Однако новые мысли, оценки, запросы и тревога загонялись вглубь. Пять лет пролетариат прожил под давно знакомым лозунгом: «Не сметь рассуждать, наверху сидят поумней тебя». Это порождало сперва возмущение, затем пассивность, далее замкнутость, заставляло политически свертываться. Рабочему со всех сторон говорили, а затем он и сам себе стал говорить: «Это тебе не восемнадцатый год».

Враждебные и полувраждебные пролетариату классы и группы отдают себе отчет в том ослаблении его удельного веса, которое ощущается не только через госаппарат или через профсоюзы, но и через повседневную экономику, через быт. Отсюда прилив самоуверенности у политически активных слоев мелкой буржуазии и подрастающей средней. Она перезнакомилась, перероднилась и перекумилась со всеми «аппаратами» и твердо рассчитывает, что теперь идет ее время.

Ухудшение международного положения СССР, рост враждебного нажима со стороны мирового капитала, под руководством наиболее опытной и озлобленной британской буржуазии, позволяет наиболее непримиримым в рядах внутренней буржуазии снова поднимать голову.

Таковы важнейшие элементы кризиса Октябрьской революции. Последняя кулацко-бюрократическая хлебная стачка была его частным проявлением. Кризис в партии является его наиболее общим и опасным отражением.

Разумеется, и сейчас еще нельзя, по крайней мере на расстоянии, предсказать, когда и в каком виде эти все еще полуподспудные процессы в сторону двоевластия попытаются принять открытое политическое выражение. Это зависит в огромной степени и от международных условий, а не только от внутренней политики. Одно ясно: революционная линия состоит не в том, чтобы гадать и ждать, когда растущий враг, улучив благоприятный момент, перейдет в наступление, а в том, чтобы самому повести наступление, прежде чем враг, по немецкому выражению, вырос выше деревьев. Упущенных лет не вернешь. Хорошо, что ЦК забил, наконец, тревогу по поводу угрожающих фактов, являющихся в значительной степени последствиями его собственной политики. Но одной тревоги и одних общих призывов мало. Еще перед XV съездом, когда лозунг нажима на кулака имел у руководящей фракции чисто литературный характер, оппозиция писала в своих тезисах:

> «Лозунг нажима на кулака и нэпмана... если его (лозунг) брать всерьез, предполагает изменение всей политики, новую группировку сил, новую ориентировку всех государственных органов. Об этом необходимо сказать точно и ясно. Ведь ни кулак, с одной стороны, ни бедняк, с другой, не забыли, что в течение двух лет (XIV—XV съезды) ЦК отстаивал совсем другую политику. Совершенно очевидно, что, замалчивая эту свою прежнюю установку, авторы тезисов исходят из мысли, будто для изменения политики достаточно дать новый приказ. Между тем осуществить не на словах, а на деле новый лозунг нельзя без преодоления ожесточенного сопротивления одних классов и без мобилизации сил других классов».

Эти слова сохраняют полностью свою силу и сейчас. Нелегко было повернуть партию с ленинского пути на правоцентристский. Для того чтобы в большевистской партии сложилось и окрепло влиятельное крыло, «не признающее» классов; для того чтобы существование этого крыла официально не замечалось партией и отрицалось руководством в течение годов; для того чтобы крыло это, не обнаруженное XV съездом, впервые официально объявилось *не через партию, а через... хлебную биржу*,— понадобились пять лет непрерывной пропаганды новой ориентировки, тысячи шпаргалок насчет врастания кулака в социализм, издевательства насчет иждивенческой психологии голодного; разгром статистических учреждений за то только, что они осмелились заметить кулака; торжество безыдейного чиновничества по всей линии; формирование новой пропагандистской школы катедер-социа-

листических софистов марксизма и многое-многое другое. Но прежде всего понадобилась злобная, неоглядывающаяся, грубая, нелояльная и самоуправная травля левого, пролетарского крыла. А все сложившиеся и окрепшие на этих основах элементы партии («народившиеся», по крылатому слову «Правды») тем временем обрастали отношениями, связями, симпатиями и далеко за пределами партии, с глубокими и разветвленными корнями в тяжеловесных классах. Циркулярчиком, хотя бы и самым бойким, этого устранить нельзя. Надо переучивать. Надо пересматривать. Надо перегруппировать. Надо перепахать засоренное поле глубоким плугом марксизма.

Попытка убаюкивать себя и партию той мыслью, что оппозиция слаба и бессильна, никак не вяжется с неистовой борьбой против нее. Оппозиция — это программа действий, проверенная в событиях, и кадры, закаленные в огне преследований и не дрогнувшие в своей верности партии. Такие кадры, выражающие восходящую историческую линию, неискоренимы и неистребимы. Оппозиция есть лезвие партийного меча. Обламывать лезвие — значит притуплять меч против врагов. Вопрос об оппозиции остается оселком всего левого курса.

Действительное, полное избавление не от одних внешних, но и от внутренних кризисов может дать только победоносное развитие международной революции. Эта мысль для марксиста азбучна. Но отсюда непроходимая пропасть до безнадежного фатализма. Есть кризис и кризис. Капиталистическое общество по самой природе своей не может освободиться от кризисов. Это вовсе не значит, что политика правящей буржуазии безразлична. Правильная политика поднимала буржуазные государства, ложная губила их или отбрасывала назад.

Официальная схоластика никак не хочет понять, что между механическим детерминизмом (фатализмом) и субъективным произволом стоит материалистическая диалектика. Фатализм говорит: «При такой отсталости все равно ничего не выйдет». Вульгарный субъективизм говорит: «Эка невидаль, захотел и построил социализм». Марксизм говорит: «Если осознаешь зависимость от мировых условий и от внутренней отсталости, то при правильной политике поднимешься, укрепишься и включишься в победоносную мировую революцию».

Кризисы в переходном советском режиме неизбежны, доколе крепко и прочно не возьмет власти пролетариат передовых стран. Но задача правящей политики в том, чтобы кризисы внутри

советского режима не сгущались до степени кризисов режима в целом. Первое для этого условие: охранять, развивать и укреплять положение и самосознание пролетариата как правящего класса. А единственным для этого орудием является самодеятельная, упругая и активная пролетарская партия.

9. Кризис партии

Правильная хозяйственная, как и общая, политика не обеспечивается одной только правильной установкой, которой у нас не было с 1923 г. Политика пролетарской диктатуры мыслима лишь на почве постоянного прощупывания всех классов и прослоек общества, притом не через запаздывающий, во многом не достаточный, не гибкий и не чуткий бюрократический аппарат, а через живую активную пролетарскую партию, через коммунистических разведчиков, пионеров и строителей социализма. Прежде чем статистика уловит факт растущей роли кулачества, а теоретики обобщат его, а политики переведут на язык директив, партия должна *ощутить* его через свои многочисленные щупальца и забить тревогу. Но для этого нужно, чтобы партия была во всей своей массе чуткой и упругой и, прежде всего, чтобы она не боялась глядеть, понимать и заявлять.

Социалистический характер нашей государственной промышленности при ее значительной раздробленности, при конкуренции отдельных трестов и заводов, при тяжелом материальном положении рабочих масс, при недостаточном культурном уровне значительных кругов трудящихся — социалистический характер промышленности в решающей степени определяется и обеспечивается ролью партии, внутренней добровольной связью пролетарского авангарда, сознательной дисциплиной хозяйственников, профессионалов, членов заводских ячеек и пр. Если представить себе, что эта ткань ослабевает, распадается, рвется, то станет совершенно очевидным, что от социалистического характера государственной промышленности, транспорта и пр. в течение короткого срока ничего не останется. Тресты и отдельные заводы заживут самостоятельной жизнью. От планового начала, и ныне слабого, не останется следа. Экономическая борьба рабочих примет ничем, кроме соотношения сил, не ограниченный характер. Государственная собственность на средства производства

превратится сперва в юридическую фикцию, а затем и эта последняя будет сметена. Таким образом, и здесь вопрос сводится к сознательной связи пролетарского авангарда, к ограждению его от ржавчины бюрократизма и гнили устряловщины.

Правильная политическая линия, как система, немыслима вообще без правильных методов ее партийной выработки и ее осуществления. Если в том или другом вопросе под действием тех или иных толчков бюрократическое руководство и нападет на след правильной линии, нет никаких гарантий того, что эта линия будет действительно проводиться и что завтра она не будет снова сломлена.

При условиях диктатуры партии в руках партийного руководства сосредоточивается такая гигантская власть, какой не знала ни одна политическая организация в человеческой истории. Соблюдение пролетарских, коммунистических методов руководства является в этих условиях более чем когда-либо жизненно необходимым. Всякое бюрократическое извращение, всякая фальшь отдаются немедленно же на всем рабочем классе. Между тем враждебность пролетарской диктатуры к буржуазной псевдодемократии послеленинское руководство постепенно приучилось распространять на те же жизненные гарантии сознательной пролетарской демократии, на которых зиждется партия, при помощи которых только и можно руководить рабочим классом и рабочим государством.

Это одна из центральных забот ленинской мысли последнего периода. Он ее продумывал во всем ее историческом объеме и во всей ее бытовой конкретности. Вернувшись после первой болезни к работе, Ленин ужаснулся росту бюрократизма, особенно в партии. Отсюда его мысль о ЦКК, разумеется, не о той, которая существует сейчас и представляет собою прямую противоположность ленинскому замыслу. Ленин напоминал партии, что не раз в истории победители перерождались, усваивая нравы побежденных. Он содрогался от негодования при каждой вести о сознательной несправедливости или грубости власть имущего коммуниста по отношению к подчиненным (эпизод с рукоприкладством Орджоникидзе). Он предупреждал партию против грубости Сталина — не безобидной внешней *грубоватости*, а внутренней моральной *грубости,* которая есть родная сестра вероломству и во всеоружии власти становится грозным орудием разрушения партии. Осюда же его горячая проповедь культуры и культурности — не в смысле нынешних дешевеньких схемок Бухарина, а в смысле

коммунистической борьбы с азиатчиной нравов, с наследием барства и хамства, с чиновничьей эксплуатацией наивности и невежества массы.

Между тем партийный аппарат пошел за последнее пятилетие по прямо противоположному пути, насквозь проникся бюрократическими извращениями госаппарата, прибавив к этому те специфические извращения, фальшь, маскировку, двойственность, которые выработала буржуазно-парламентская «демократия». В результате сложилось руководство, которое вместо сознательной партийной демократии дало: подтасовку и приспособление ленинизма для укрепления партийной бюрократии; чудовищное и нестерпимое злоупотребление властью по отношению к коммунистам и рабочим; подтасовку всей партийной выборной механики; применение в дискуссии методов, которыми могла бы гордиться буржуазно-фашистская власть, но никак не пролетарская партия (особые отряды боевиков, свистки по команде, сбрасывание с трибуны и тому подобные гнусности); наконец, и главное: отсутствие товарищеской спайки и добросовестности по всей линии отношений аппарата к партии.

Партийная печать распубликовала артемовское, смоленское и еще кое-какие дела в порядке сенсационных разоблачений. ЦК призвал бороться с гнилью. И вопрос как будто исчерпан. А между тем он почти и не открывался еще.

Прежде всего широкие круги партии не могут не знать, что распубликована лишь частица — не того, что вообще происходит, а того, что раскрыто. Почти в каждой губернии есть в большем или меньшем масштабе свое «смоленское» дело, и притом не первый месяц и даже иногда не первый год. Задолго до эры «самокритики» вспыхивали и тут же тушились читинское дело, херсонское, владимирское и многие другие; обнаруживались «стопроцентные» секретари губкомов, которые секретно и бесконтрольно тратили огромные средства на поддержку своей партийной свиты. При обнаружении каждого из таких дел устанавливалось незыблемо, что о преступлениях твердо знали сотни, иногда тысячи людей, тысячи членов партии, и молчали. Нередко молчали год, два, даже три. Это обстоятельство упоминалось и в газетах. Но выводов из него сделано не было. Ибо пришлось бы просто повторить то, что крайне сдержанно и осторожно говорилось в документах оппозиции. А без выводов смоленские и иные разоблачения остаются сенсацией, которая возбуждает партию, но не учит ее, скорее отводит ей глаза.

Корень вещей в том, что чем более аппарат независим от партии, тем более аппаратчики зависят друг от друга. *Взаимная страховка не местная «подробность», а основная черта бюрократического режима.* Одни аппаратчики творят безобразия, а другие молчат. А партийная масса? Партийная масса боится. Да, в партии Ленина, совершившей Октябрьскую революцию, рабочие-коммунисты *боятся* сказать вслух, что такой-то стопроцентный аппаратчик — негодяй, казнокрад, насильник. Вот основной урок «смоленских» разоблачений. И кому этот урок жгучей краской стыда не ударит в лицо, тот не революционер.

Кто он таков, в социальном смысле, герой артемовских, смоленских и иных дел? Бюрократ, освободившийся от активного контроля партии и переставший быть носителем пролетарской диктатуры. Идейно он опустошен, морально разнуздан. Это привилегированный и безответственный чиновник, сплошь да рядом малокультурный, пьяный кутила и насильник, словом, давно знакомый тип Держиморды (см. скрытое от партии письмо Ленина по национальному вопросу). Но с большим «своеобразием»: расточая пинки и зуботычины, проматывая народное добро или беря взятки, советский Держиморда ссылается не на «божью милость», а на «строительство социализма». Когда же пытаются к нему снизу прикоснуться, он вместо старого клича «крамольник» кричит «троцкист» и — побеждает.

В статье одного из руководителей ЦКК, в «Правде» от 16 мая, делается такое нравоучение по поводу смоленского дела:

> *«Мы должны решительно изменить свое отношение к тем членам партии и сознательным рабочим, которые знают о безобразиях и молчат».*

«Изменить свое отношение»? Значит, в этом деле могут быть *два* разных отношения? Да, это признает член Президиума ЦКК, заместитель народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции Яковлев. Люди, которые знают о преступлениях и молчат, сами считаются преступниками. Смягчить их вину может только факт личной темноты или нависшего над ними террора. Но Яковлев говорит не о темных людях, а о «членах партии и сознательных рабочих». Что же это за давление, что за террор, под действием которых рабочие-партийцы вынуждены униженно молчать о преступлениях лиц, будто бы ими выбранных и будто бы перед ними ответственных? Неужели это террор пролетарской диктатуры? Нет, ибо он направляется против партии, против интересов пролетариата. Значит, это давление и террор других

классов? Очевидно, ибо внеклассового социального давления не бывает. Классовый характер гнета, тяготеющего над нашей партией, мы уже определили: круговая порука партийных аппаратчиков, сращивание многих звеньев партийного аппарата с государственной бюрократией, с буржуазной интеллигенцией, с мещанством, с кулачеством в деревне; давление мировой буржуазии на внутреннюю механику сил — все это в совокупности создает элементы общественного двоевластия, которое через аппарат партии давит на партию. Именно это возраставшее за последние годы социальное давление использовал аппарат для запугивания пролетарского ядра партии, для травли оппозиции и для ее организационных разгромов. Это единый и нерасчленимый процесс.

До известной черты инородное классовое давление поднимало аппарат над партией, укрепляло и окрыляло его. Он сам не отдавал себе отчета в источниках своей «силы». Свои победы над партией, над ленинской линией он самодовольно приписывал своей мудрости. Но, возрастая за отсутствием сопротивления, давление перешло ту черту, за которой оно грозит уже кой-чему большему, чем аппаратное господство. Хвост начинает бить по голове. Аппарат хочет обороняться. Это не «маневр», ибо дело идет о голове. Аппарат действительно хочет помощи партии. Но он хочет этой помощи в таких формах и в таких пределах, чтобы соотношение между аппаратом и партией оставалось в основном *неизменным*. Такова утопия левобюрократического центризма.

То положение, когда партийцы и сознательные рабочие в массе своей боятся говорить о преступлениях партийных аппаратчиков, сложилось не случайно, не в один день и не росчерком пера может быть устранено. Мы имеем не только мощную рутину бюрократизма в аппарате, но и большие напластования интересов и связей вокруг аппарата. И мы имеем *руководство, бессильное перед собственным аппаратом*. Это тоже своего рода исторический закон: чем менее руководство зависимо от партии, тем более оно в плену у аппарата. Разговоры о том, будто оппозиция хочет ослабить централистическое руководство, смешны и вздорны. Пролетарская линия немыслима без железного централизма. Но несчастье в том и состоит, что нынешнее руководство всесильно лишь бюрократической силой, то есть по отношению к искусственно распыляемой партийной массе, но бессильно по отношению к собственному аппарату.

На одном из пленумов 1927 г., в ответ на речи оппозиции о том, что она имеет право апеллировать к партии против руководства,

Молотов сказал: «Это повстанчество». А Сталин разъяснил: «Эти кадры можно снять только гражданской войной». Это была данная в разгаре борьбы наиболее законченная и откровенная формула «надпартийного», «сверхклассового», самодовлеющего характера правящего аппарата. Эта идея прямо противоположна той, которая заложена в основу нашей партии и в основу советской системы. *Идея бюрократического сверхчеловечества есть источник нынешнего узурпаторства в розницу и бессознательная подготовка возможного узурпаторства оптом.* Эта идеология сложилась за последние пять лет в процессе непрерывных фальшивых «проработок», подтягивания сверху, назначения сверху, травли сверху, подтасовки выборов, отшвыриваний съездов и конгрессов на год, на два, на четыре, — словом, борьбы всеми силами и всеми средствами.

Наверху это была отчаянная борьба за взгляды, приходившие во все большие противоречия с жизнью; пониже это была сплошь да рядом азартная борьба за место, за право командовать, за привилегированное положение. Но враг один и тот же: оппозиция, аргументы те же и те же методы: «Всеми силами и всеми средствами». Незачем говорить, что большинство партийных аппаратчиков состоит из честных и преданных людей, способных на самоотвержение. Но суть в системе. А система такова, что смоленские дела являются неизбежным ее плодом.

Благожелательные чиновники видят решение величайшей исторической задачи в формуле: «Мы должны решительно изменить». А партия должна ответить: «Не *вам* надо, а *вас* надо решительно изменить; в значительной мере — переменить и заменить».

12 июля 1928 г. Алма-Ата.

Л. Троцкий

КРИТИКА ПРОГРАММЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Проект программы, то есть капитальнейшего документа, который должен определить всю работу Коминтерна на ряд лет, опубликован за несколько недель до созыва конгресса, собирающегося через четыре года после V конгресса. Ссылаться на то, что первый проект был опубликован еще до V конгресса, не приходится как раз потому, что это было несколько лет тому назад. Второй проект отличается по всему построению от первого и пытается подвести итоги развитию последних лет. Принимать на VI конгрессе этот проект, который несет явные следы торопливой и даже небрежной работы, без предварительной серьезной научной критики в печати, без широкого обсуждения его всеми партиями Коминтерна, было бы в высшей степени неосторожно и опрометчиво.

В течение тех немногих дней, какие имелись в нашем распоряжении между получением проекта и отсылкой настоящего письма, мы можем остановиться только на некоторых из наиболее существенных вопросов, которые должны быть освещены программой.

Ряд важнейших положений проекта, которые, может быть, менее злободневны сегодня, но могут завтра получить исключительное значение, мы вынуждены за недостатком времени совершенно оставить без рассмотрения. Это вовсе не значит, что они меньше нуждаются в критике, чем те части проекта, которым посвящена настоящая работа.

К этому надо еще прибавить, что работать над новым проектом нам приходится в условиях, исключающих возможность наведения необходимейших справок. Достаточно сказать, что мы не могли достать даже первого проекта программы и в отношении его, как и в двух-трех других случаях, вынуждены были полагаться на свою память. Само собою разумеется, что все цитаты приведены по оригиналам, после тщательной проверки.

I. Программа международной революции или программа социализма в отдельной стране?

Важнейшим вопросом порядка дня VI конгресса является принятие программы. Характер программы может надолго определить и закрепить физиономию Интернационала. Значение программы не столько в том, как она формулирует общие теоретические положения, — здесь дело сводится в конце концов к «кодификации», то есть к сжатому изложению прочно и окончательно завоеванных истин и обобщений, — дело в гораздо большей степени идет о подытожении мирового хозяйственного и политического опыта последнего периода, в особенности же революционной борьбы последних пяти лет, столь богатых событиями и ошибками. От того, как эти события, ошибки и разногласия поняты и оценены в программе, зависит, в буквальном смысле слова, судьба Коммунистического Интернационала на ближайший ряд лет.

1. Общее построение программы

В нашу эпоху, которая есть эпоха империализма, то есть *мирового* хозяйства и *мировой* политики, руководимых финансовым капиталом, ни одна национальная коммунистическая партия не может строить свою программу, исходя только или преимущественно из условий и тенденций национального развития. Это относится целиком и к партии, владеющей властью в пределах СССР. Час крушения национальных программ окончательно пробил 4 августа 1914 г. Революционная партия пролетариата может опираться только на интернациональную программу, отвечающую характеру нынешней эпохи, как эпохи завершения и крушения капитализма. Интернациональная коммунистическая программа ни в каком случае не есть сумма национальных программ или сводка воедино их общих черт. Интернациональная программа исходит непосредственно из анализа условий и тенденций мирового хозяйства и мировой политической системы как целого, со всеми его связями и противоречиями, то есть антагонистической взаимозависимостью его частей. В нынешнюю эпоху в неизмеримо большей степени, чем в прошлую, национальная ориентировка пролетариата должна вытекать, только и может вытекать из мировой ориен-

тировки, а не наоборот. В этом состоит основное и исходное различие коммунистического интернационализма от всех разновидностей национал-социализма.

Исходя из этих соображений, мы писали в январе этого года:

> «Надо приступить к выработке программы Коминтерна (программа Бухарина есть плохая программа национальной секции Коминтерна, а не программа мировой коммунистической партии)».
>
> См. «Правду» от 15 января 1928 г.

На этих соображениях мы не переставали настаивать с 1923—1924 гг., когда во весь свой рост встала проблема Соединенных Штатов Америки, как проблема *мировой* и, в самом непосредственном смысле, *европейской* политики.

Рекомендуя новый проект, «Правда» писала, что коммунистическая программа «коренным образом отличается от программы международной социал-демократии, не только существом своих центральных положений, но и характерным интернационализмом своего построения» («Правда», 29 мая 1928 г.).

В этой, несколько неопределенной формулировке выражена, очевидно, та же мысль, которая изложена нами выше и которая раньше упорно отвергалась. Можно только приветствовать разрыв с первым проектом программы, представленным Бухариным и не вызвавшим по существу даже серьезного обмена мнений, для которых проект и не давал достаточных поводов. Если первый проект давал голое, схематическое изображение развития отдельной отвлеченной страны к социализму, то новый проект пытается — к сожалению, как увидим, непоследовательно и неуспешно — исходить из мирового хозяйства как целого для определения судьбы его отдельных частей.

Связывая страны и континенты, стоящие на разных ступенях развития, системой зависимостей и противоречий, сближая уровни их развития и тут же раздвигая их, непримиримо противопоставляя страны друг другу, мировое хозяйство стало могущественной реальностью, господствующей над хозяйством отдельных стран и континентов. Этот основной факт только и придает высшую реальность самой идее мировой коммунистической партии. Доводя мировое хозяйство как целое до наивысшего развития, какое вообще достижимо на основах частной собственности, империализм, как совершенно правильно выражается проект в своем введении, «обостряет до исключительного напряжения противоречие между ростом производи-

тельных сил мирового хозяйства и национально-государственными перегородками».

Без уразумения смысла этого положения, впервые со всей ясностью раскрывшегося перед человечеством в последней империалистской войне, нельзя шага ступить в больших вопросах мировой политики и революционной борьбы.

Оставалось бы только приветствовать радикальное перемещение самой оси программы в новом проекте, если бы вследствие стремления примирить эту единственно правильную позицию с тенденциями прямо противоположного характера проект не стал ареной жесточайших противоречий, совершенно подрывающих принципиальное значение новой принципиальной установки.

2. Соединенные Штаты и Европа

Для характеристики первого, к счастью оставленного, проекта достаточно сказать, что в нем, насколько помним, не упоминалось самое имя Северо-Американских Соединенных Штатов. Коренные проблемы империалистской эпохи, которые в силу самого характера эпохи необходимо брать не только в их абстрактно-теоретическом, но и в их материально-историческом разрезе, в первом проекте растворялись в бескровной схеме капиталистической страны «вообще». Новый проект — и в этом, конечно, серьезный шаг вперед — говорит уже о *«перемещении экономического центра мира в Соединенные Штаты Америки»*; о *«превращении Республики доллара в мирового эксплуататора»*; о том, что «Соединенные Штаты *уже отвоевали себе мировую гегемонию*», и, наконец, о том, что соперничество (в проекте неудачно сказано «конфликт») между Соединенными Штатами и европейским капитализмом, в первую очередь капитализмом Великобритании, *«становится осью мировых конфликтов»*. Сейчас стало уже совершенно очевидным, что программа, которая не заключала бы в себе ясного и точного обозначения этих основных фактов и факторов мировой обстановки, не имела бы ничего общего с программой партии международной революции.

К сожалению, указанные только что основные факты и тенденции мирового развития новейшей эпохи только названы по имени, как бы вклинены в текст проекта, в порядке теоретической отписки, без внутренней связи со всем ее построением и без перспективных и стратегических выводов.

Совершенно осталась без оценки *новая* роль Америки в Европе со времени капитуляции германской компартии и поражения германского пролетариата в 1923 г. Совершенно не выяснено, что полоса «стабилизации», «нормализации» и «пацификации» Европы, в том числе «возрождения социал-демократии», развернулась в тесной материальной и идейной зависимости от первых шагов американской интервенции в европейские дела.

Не выяснено, в дополнение к этому, что неизбежное дальнейшее развитие американской экспансии, зажим рынков европейского капитала, в том числе и в самой Европе, несет с собою величайшие военные, экономические и революционные потрясения, перед которыми померкнут все, бывшие до сих пор.

Не выяснено далее, что неизбежный дальнейший напор Соединенных Штатов будет сдвигать капиталистическую Европу на все более ограниченный паек в мировом хозяйстве, что, конечно, означает не какое-либо смягчение, а, наоборот, чудовищное обострение междугосударственных отношений в Европе, с бешеными припадками военных конфликтов, ибо государства, как классы, еще более неистово борются за тощий паек, да еще убывающий, чем за обильный и возрастающий.

В проекте не выяснено, что внутренний хаос государственных антагонизмов Европы делает для нее безнадежным сколько-нибудь серьезное и успешное сопротивление все более централизующейся Северо-Американской Республике и что преодоление европейского хаоса, в виде Советских Соединенных Штатов Европы, является одной из первых задач пролетарской революции, которая — не в последней степени именно вследствие государственной чересполосицы — в Европе несравненно ближе, чем в Америке, и которой поэтому, вероятнее всего, придется защищаться от североамериканской буржуазии.

Совершенно не указано, с другой стороны, — а это не менее важная сторона той же мировой проблемы, — что именно мировое могущество Соединенных Штатов и вырастающая отсюда их неудержимая экспансия вынуждают их включать в фундамент своего здания пороховые погреба всего мира, все антагонизмы Запада и Востока, классовую борьбу старой Европы, восстания колониальных масс, все войны и все революции. Это, с одной стороны, превращает капитализм Северной Америки в основную контрреволюционную силу новой эпохи, все более заинтересовывающуюся в сохранении «порядка» в каждом углу земного шара, а с другой стороны, подготовляет гигантский революционный

взрыв этой уже господствующей и все еще растущей мировой империалистской силы. Логика мировых связей говорит за то, что этот взрыв не сможет отстать на слишком уж большой срок от пролетарской революции в Европе.

Выяснение диалектики взаимоотношений Америки и Европы навлекло на нас за последние годы самые разнообразные обвинения: и в пацифистском отрицании европейских противоречий, и в принятии каутскианской теории ультраимпериализма и во многом другом. Останавливаться здесь на этих «обвинениях», вытекающих в лучшем случае из полной неосведомленности о действительных процессах, как и о нашем к ним отношении, нет основания. Но нельзя не отметить все же, что трудно потратить больше усилий на запутывание и заострение важнейшего мирового вопроса, чем потрачено было, — между прочим, и авторами проекта программы — в мелочной борьбе с нашей постановкой вопроса. Ход развития поддержал ее, однако, целиком.

В руководящей коммунистической печати делались и за самый последний период усилия ослабить значение американской гегемонии — на бумаге — ссылками на приближающийся торгово-промышленный кризис Соединенных Штатов. Мы не можем здесь входить в рассмотрение специального вопроса о сроках американского кризиса и о возможной его глубине. Это не программный, а конъюнктурный вопрос. Для нас, разумеется, совершенно несомненна неизбежность кризиса и — в соответствии с нынешним мировым размахом американского капитализма — отнюдь не исключена большая глубина и острота уже и ближайшего кризиса. Но попытка выводить отсюда уменьшение или ослабление североамериканской гегемонии ни с чем не сообразна и может повести только к грубейшим ошибкам стратегического порядка. Как раз наоборот. *В кризисную эпоху гегемония Соединенных Штатов скажется полнее, открытее, резче, беспощаднее, чем в период подъема.* Свои затруднения и недомогания Соединенные Штаты будут изживать и преодолевать прежде всего за счет Европы — будет ли это происходить в Азии, в Канаде, в Южной Америке, Австралии или в самой же Европе; будет ли это «мирным» или военным путем.

Нужно ясно понять, что если первый период американской интервенции имел для Европы стабилизационные и пацификационные последствия, которые в значительной степени живы еще и сейчас и могут эпизодически даже возрождаться и усиливаться (особенно при новых поражениях пролетариата), то общая линия

американской политики, особенно при затруднениях и кризисах ее хозяйства, несет Европе, как и всему миру, величайшие потрясения.

Отсюда следует тот немаловажный вывод, что недостатка в революционных ситуациях не будет в ближайшее десятилетие, как не было и в истекшем. Тем важнее правильно понимать основные пружины развития, чтобы действие их не застигало нас врасплох. Если в истекшее десятилетие главным источником революционных ситуаций были непосредственные последствия империалистской войны, то в новое, послевоенное десятилетие важнейшим источником революционных потрясений будут взаимоотношения Европы и Америки. Большой кризис в Соединенных Штатах будет новым набатным звоном грядущих войн и революций. Повторяем: недостатка в революционных ситуациях не будет. Весь вопрос — в международной партии пролетариата, в зрелости и боеспособности Коминтерна, в правильности его стратегической установки и его тактических методов.

Вот этот ход мыслей совершенно не нашел своего выражения в проекте программы Коминтерна. Указание на такой немаловажный, казалось бы, факт, как «перемещение экономического центра мира в Соединенные Штаты», остается брошенным вскользь газетным замечанием, не больше. Ссылаться в оправдание этого на недостаток места, разумеется, совершенно невозможно, ибо какие же вопросы и должны найти себе место в программе, как не основные? К тому же надо отметить, что в программе отводится слишком много места второстепенным и третьестепенным вопросам, не говоря уже об ее общем литературном разводнении и о многочисленных повторениях, за счет которых программа могла бы быть сокращена по крайней мере на треть.

3. Лозунг Советских Соединенных Штатов Европы

Устранение из нового проекта программы лозунга Советских Соединенных Штатов Европы, уже принятого Коминтерном после довольно длительной внутренней борьбы в 1923 г., ничем не может быть оправдано. Или, может быть, как раз в этом вопросе авторы хотят «вернуться» к позиции Ленина в 1915 г.? Но для этого нужно правильно понять ее.

В отношении лозунга Соединенных Штатов Европы Ленин, как известно, в первый период войны колебался. Сперва этот

лозунг был включен в тезисы «Социал-демократа» (тогдашний центральный орган партии), затем Ленин отказался от него. Уже это одно показывает, что дело шло не о принципиальной неприемлемости лозунга вообще, а о чисто тактической его оценке, о взвешивании его плюсов и минусов с точки зрения данного этапа. Незачем говорить, что Ленин отвергал осуществимость Соединенных Штатов *капиталистической* Европы. Так же смотрел на дело и я, когда выдвигал лозунг Соединенных Штатов исключительно как перспективную государственную форму пролетарской диктатуры в Европе.

> «Сколько-нибудь полное экономическое объединение Европы *сверху*, — писал я, — путем соглашения капиталистических правительств, является утопией. Тут дело не может идти дальше частичных компромиссов и полумер. Тем самым экономическое объединение Европы, сулящее огромные выгоды производителю и потребителю, всему вообще культурному развитию, становится *революционной задачей европейского пролетариата в его борьбе* с империалистическим протекционизмом и его орудием — милитаризмом».
>
> Троцкий, «Программа мира», т. III, ч. I, стр. 85.

И далее:

> «Европейские Соединенные Штаты прежде всего представляют собою форму — единственно мыслимую форму — диктатуры европейского пролетариата».
>
> Троцкий, «Программа мира», т. III, ч. I, стр. 92.

Но и в такой постановке Ленин видел в тот период известные опасности. При отсутствии опыта пролетарской диктатуры в отдельной стране, при отсутствии теоретической ясности в этом вопросе даже и в левом крыле тогдашней социал-демократии лозунг Соединенных Штатов Европы *мог* породить представление, будто пролетарская революция должна одновременно начаться по крайней мере на всем континенте Европы. Против этой именно опасности Ленин предостерегал. Но по этому вопросу у меня не было и тени разногласия с Лениным. Я тогда же писал, что «ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах» (Троцкий, «1917», т. III, ч. I, стр. 90).

Далее следуют те самые мои слова, которые цитировались Сталиным на VII пленуме Исполкома как наиболее злостное выражение «троцкизма», то есть «неверия» во внутренние силы революции и надежды на помощь извне.

> «А если бы этого (развития революции в других странах. — *Л. Т.*) не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения, — что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире».
>
> Троцкий, «1917», т. III, ч. I, стр. 90.

На этой и двух-трех подобных цитатах основано осуждение VII пленумом «троцкизма», будто бы занимающего в этом «основном вопросе» позицию, «не имеющую ничего общего с ленинизмом». Остановимся поэтому на минуту, чтобы послушать самого Ленина.

7 марта 1918 г. он говорит по поводу Брестского мира:

> «Это урок, потому что абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем» (т. XV, стр. 132)*.

Через неделю:

> «Всемирный империализм и рядом с ним победное шествие социальной революции ужиться вместе не могут» (т. XV, стр. 175).

Еще через несколько недель, 23 апреля, Ленин говорит:

> «Наша отсталость двинула нас вперед, и *мы погибнем*, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны *восставших* рабочих других стран» (т. XV, стр. 187; подчеркнуто нами).

Но, может быть, это говорилось под особым влиянием брест-литовского кризиса? Нет, в марте 1919 г. Ленин снова повторяет:

> «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами *продолжительное время немыслимо.* В конце концов либо одно, либо другое победит» (т. XVI, стр. 102).

Еще через год, 7 апреля 1920 г., Ленин напоминает:

> «Капитал, если взять его в международном масштабе, и сейчас остается *не только в военном, но и экономическом смысле* сильнее, чем советская власть. *Из этого основного положения надо исходить и никогда его не забывать*» (т. XVII, стр. 102).

---

* Русского издания.

27 ноября 1920 г. Ленин говорил в связи с вопросом о концессиях:

> «Мы сейчас перешли от войны к миру, но мы не забыли, что вернется опять война. Пока остались капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо тот, либо другой в конце концов победят; либо по Советской Республике будут петь панихиды, либо по мировому капитализму. Это — отсрочка в войне» (т. XVII, стр. 398).

Но, может быть, дальнейшее существование Советской Республики побудило Ленина «признать свою ошибку», отказаться от «неверия во внутренние силы» Октябрьской революции?

На III конгрессе Коминтерна, то есть уже в июле 1921 г., Ленин учил:

> «Получилось хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что Социалистическая Республика может существовать — *конечно, недолгое время* — в капиталистическом окружении».
>
> «Тезисы о тактике РКП».

Более того, 5 июля 1921 г. на заседании конгресса Ленин прямо заявил:

> «Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее мы думали: сейчас же, или, по крайней мере, *очень быстро* наступит революция в отсталых странах, в капиталистически более развитых, или *в противном случае мы должны погибнуть.* Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить советскую систему, так как знали, что мы работаем не только для себя, но и для международной революции» (т. XVIII, ч. 1, стр. 321).

Как бесконечно далеки эти превосходные в своей простоте слова, насквозь проникнутые духом интернационализма, от нынешних самодовольно-эпигонских измышлений!

Во всяком случае мы имеем право спросить: чем все эти ленинские заявления отличаются от высказанного мною *в 1915 г.* убеждения, что будущая революционная Россия или будущая социалистическая Германия не сможет устоять «изолированной в капиталистическом мире»? Сроки складываются иначе, чем намечалось в предвидении — не только у меня, но и у Ленина; но основная мысль сохраняет всю свою силу и теперь, может быть, в данный момент более, чем когда-нибудь. Вместо того чтобы осуждать ее, как сделал VII пленум ИККИ на основании неком-

петентного и недобросовестного доклада, ее необходимо ввести в программу Коммунистического Интернационала.

В защиту лозунга Соединенных Советских Штатов Европы мы указывали в 1915 г. на то, что закон неравномерного развития сам по себе не является аргументом против этого лозунга, ибо *неравномерность* исторического развития по отношению к разным государствам и континентам *сама по себе неравномерна*: страны Европы развиваются неравномерно друг по отношению к другу; тем не менее можно с абсолютной исторической уверенностью сказать, что ни одной из них не суждено, по крайней мере, в обозримую историческую эпоху забежать настолько вперед по отношению к другим странам, как Америка забежала по отношению к Европе. Для Америки *один* масштаб неравномерности, для Европы — *другой*. Географические и исторические условия предопределили между странами Европы такую тесную органическую связь, что выскочить из нее они никак не могут. Нынешние буржуазные правительства Европы похожи на убийц, прикованных к одной тачке. Революция в Европе, как уже сказано, будет иметь *в последнем счете* решающее значение, так же и для Америки. Но *непосредственно,* в ближайшем историческом счете, революция в Германии будет иметь неизмеримо большее значение для Франции, чем для Северо-Американских Соединенных Штатов. Из этого исторически созданного соотношения и вытекает политическая жизненность лозунга европейской советской федерации. Мы говорим об *относительной* жизненности, ибо само собою разумеется, что эта федерация через великий мост Советского Союза распространится на Азию и войдет затем в объединение мировых социалистических республик. Но это будет уже вторая эпоха или дальнейшая большая глава империалистской эпохи, и, когда мы подойдем к ней плотнее, мы найдем для ее потребностей соответственные формулы.

Что разногласие с Лениным в 1915 г. по вопросу о Соединенных Штатах Европы имело узкотактический и, по самому существу своему, временный характер, это без труда можно бы доказать дополнительными цитатами, но это лучше всего доказывается дальнейшим ходом вещей: в 1923 г. Коминтерн официально усыновил спорный лозунг. Если бы в 1915 г. неприемлемость лозунга Соединенных Штатов Европы диктовалась какими-либо принципиальными причинами, как пытаются теперь это изобразить авторы проекта программы, то Коминтерн не мог бы усвоить себе этот лозунг восемь лет спустя: за этот период закон неравномерного развития, надо думать, не утратил своего действия.

Вся очерченная выше постановка вопроса исходит из динамики революционного процесса, взятого в целом. Международная революция рассматривается как внутренне связанный процесс, которого нельзя предусмотреть во всей его конкретности и, так сказать, очередности, но общие исторические очертания которого вполне ясны. Без понимания их совершенно невозможно получить правильную политическую ориентировку.

Дело, однако, радикально меняется, если исходить из идеи социалистического развития, протекающего и даже завершающегося в отдельной стране. Мы имеем теперь «теорию», которая учит, что построение полного социализма возможно в одной стране и что взаимоотношения этой страны с капиталистическим миром могут быть построены на «нейтрализации» мировой буржуазии (Сталин). При такой, по существу национально-реформистской, а не революционно-международной, точке зрения надобность в лозунге Соединенных Штатов Европы отпадает или по крайней мере ослабляется. Но именно потому, с нашей точки зрения, важен и жизненно необходим этот лозунг, что он заключает в себе осуждение идеи изолированного социалистического развития. Для пролетариата каждой европейской страны еще в большей степени, чем для СССР, — разница, однако, здесь только в степени — самой кровной необходимостью будет перенесение революции в соседние страны, поддержка восстания там вооруженною рукою — не из соображений отвлеченной международной солидарности, которая сама по себе не способна двигать классами, а из того жизненного соображения, которое сотни раз формулировал Ленин: без *своевременной* помощи международной революции нам не устоять. Лозунг Советских Соединенных Штатов отвечает этой динамике пролетарской революции, не возникающей единовременно во всех странах, но переходящей из страны в страну и требующей теснейшей связи их друг с другом, прежде всего на территории Европы, как в целях обороны от могущественных внешних врагов, так и в целях хозяйственного строительства.

Можно, правда, попытаться возразить, что после периода рурского кризиса, который и был последним толчком к усвоению этого лозунга, последний не играл крупной роли в агитации европейских коммунистических партий и, так сказать, не привился. Но это целиком относится и к лозунгам рабочего правительства, Советов и прочее, то есть ко всем *непосредственно предреволюционным лозунгам*. Объясняется это тем, что с конца 1923 г.,

вопреки неправильной политической оценке V конгресса, революционное движение на европейском континенте шло на убыль. Но именно поэтому было бы пагубно строить программу или отдельные ее части под впечатлением только этого периода. Не случайно лозунг Соединенных Советских Штатов Европы был принят, несмотря на все предубеждения, именно в 1923 г., когда ожидался взрыв революции в Германии и когда вопросы государственных взаимоотношений в Европе приобрели особую жгучесть. Всякое новое обострение внутриевропейского, а тем более мирового кризиса, достаточно глубокое для того, чтобы поднять основные проблемы политики, непременно создаст восприимчивость к лозунгу Советских Штатов Европы. В корне неправильно поэтому, не отклоняя этого лозунга, в то же время умалчивать о нем в программе, то есть как бы держать его где-то в резерве, «на всякий случай». В принципиальных вопросах политика резервов не годится.

4. Критерий интернационализма

Проект делает, как мы уже знаем, заслуживающую всяческого признания попытку исходить в своем построении из мирового хозяйства и его внутренних тенденций. «Правда» совершенно права, что в этом наше основное принципиальное отличие от национально-патриотической социал-демократии. Только исходя из мирового хозяйства, господствующего над своими частями, можно построить программу международной партии пролетариата. Но как раз в оценке основных тенденций мирового развития проект не только обнаруживает обесценивающую его неполноту, на что указано выше, но и впадает в грубые односторонности, ведущие к тяжким ошибкам.

Проект многократно и не всегда уместно ссылается на закон неравномерного развития капитализма как на основной и чуть ли не всеопределяющий закон его. Ряд ошибок проекта, и в том числе одна капитальнейшая, теоретически опираются на одностороннее и ошибочное, не Марксово, не ленинское, понимание закона неравномерного развития.

В первой главе проект гласит:

> «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Эта неравномерность еще более усиливается и обостряется в эпоху империализма».

Это правильно. Эта формулировка осуждает, в частности, недавнюю сталинскую постановку вопроса, согласно которой закон неравномерности развития был будто бы неизвестен Марксу и Энгельсу и впервые открыт Лениным. 15 сентября 1925 г. Сталин писал, что Троцкий не имеет никакого основания ссылаться на Энгельса, писавшего в такое время, «когда о законе неравномерного развития капиталистических стран *не могло быть и речи* (!!)». Сколь ни невероятны эти слова, тем не менее Сталин, один из авторов проекта, повторял их не раз. Текст проекта, как мы видели, делает в этом отношении шаг вперед. Если, однако, оставить в стороне исправление элементарной ошибки, то сказанное в проекте о законе неравномерного развития по существу представляется односторонним и недостаточным.

Правильнее было бы, прежде всего, сказать, что вся история человечества проходит под знаком неравномерного развития. Капитализм застигает уже разные части человечества на разных ступенях развития, с глубокими внутренними противоречиями в каждой из них. Крайнее разнообразие достигнутых уровней и чрезвычайная неравномерность в темпах развития разных частей человечества в разные периоды представляют собою *исходную позицию* капитализма. Этот последний лишь постепенно овладевает этой унаследованной неравномерностью, преломляет и видоизменяет ее своими методами и на своих путях. В отличие от предшествовавших ему хозяйственных систем, капитализму свойственно постоянное стремление к экономической экспансии, к проникновению в новые области, к преодолению хозяйственных различий, к превращению замкнутых провинциальных и национальных хозяйств в систему сообщающихся сосудов, тем самым к сближению, к уравнению хозяйственно-культурных уровней наиболее передовых и наиболее отсталых стран. Без этого основного процесса немыслима была бы относительная нивелировка сперва Европы с Англией, затем Америки с Европой, индустриализация колоний, уменьшающая расстояние между Индией и Великобританией, — со всеми вытекающими из перечисленных процессов последствиями, на которые опирается не только программа Коммунистического Интернационала, но и самое его существование.

Экономически сближая страны и нивелируя уровни их развития, капитализм действует, однако, своими, то есть анархическими, методами, которые постоянно подрывают им же производимую работу, противопоставляя одну страну и одну отрасль про-

мышленности другой и развитием одних частей мирового хозяйства тормозя и отбрасывая назад развитие других его частей. Только сочетание этих двух основных тенденций, одинаково вытекающих из природы капитализма, объясняет нам живую ткань исторического процесса.

Империализм благодаря всеобщности, всюдупроникаемости, подвижности, парообразности финансового капитала, как движущей силы империализма, увеличивает *обе эти тенденции*. Империализм еще несравненно быстрее и глубже связывает отдельные национальные и континентальные сосуды воедино, ставя их в самую тесную и жизненную зависимость друг от друга и сближая их хозяйственные методы, общественные формы и уровни развития. В то же время он достигает этой своей «цели» такими антагонистическими методами, такими львиными прыжками, такими налетами на отсталые страны и области, что осуществляемые им объединение и нивелировка мирового хозяйства нарушаются им же более бурно и конвульсивно, чем в предшествующие эпохи. Только это диалектическое, а не голое механическое понимание закона неравномерного развития может позволить избежать той коренной ошибки, которой не избегнул проект программы, предлагаемой VI конгрессу.

Непосредственно после приведенной нами выше односторонней характеристики закона неравномерного развития проект программы говорит:

> «Отсюда следует, что международная революция пролетариата не может быть рассматриваема как единовременный и повсеместный однократный акт. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране».

Что международная революция пролетариата не может быть единовременным актом, об этом, разумеется, вообще не может быть между взрослыми людьми спора, особенно после опыта Октябрьской революции, которую пролетариат отсталой страны совершил под давлением исторической необходимости, отнюдь не дожидаясь, пока пролетариат передовых стран «выровняет фронт». В этих пределах привлечение закона неравномерного развития совершенно правильно и вполне на месте. Но совсем иначе обстоит дело со второй половиной вывода, именно с голословным утверждением, что возможна победа социализма «в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». В доказательство проект программы просто говорит: «отсюда следует», то

есть следует будто бы из закона неравномерного развития. Совершенно не следует. «Отсюда следует» прямо противоположное. Если бы исторический процесс состоял в том, что отдельные страны развиваются не только неравномерно, *но и независимо друг от друга,* изолированно друг от друга, тогда из закона неравномерного развития несомненно вытекала бы возможность построения социализма в одной, отдельно взятой, капиталистической стране: сперва в наиболее передовой, затем, по мере созревания, в более отсталых. Таково и было обычное, так сказать, среднее представление о переходе к социализму в рядах довоенной социал-демократии. Именно это представление явилось теоретическим освящением социал-патриотизма. Проект, конечно, не стоит на этой точке зрения. Но он скатывается к ней.

Теоретическая ошибка проекта состоит в том, что он пытается из закона неравномерного развития извлечь то, чего в этом законе не заключается и не может заключаться. Неравномерность, или скачкообразность, развития отдельных стран постоянно *нарушает*, но ни в каком случае не *устраняет* возрастающей экономической связи и взаимозависимости этих стран, которые на другой день после четырехлетней адской бойни вынуждены обмениваться углем, хлебом, нефтью, порохом и подтяжками. В этом основном пункте проект изображает дело так, будто историческое развитие состоит из одних скачков, экономическая же почва, из которой эти скачки вырастают и на которой они совершаются, совершенно уходит из поля зрения авторов проекта или насильственно ими устраняется. Делается это для того, чтобы защитить незащитимую теорию социализма в отдельной стране.

Нетрудно после сказанного понять, что единственно правильная постановка вопроса должна была бы гласить: уже в доимпериалистическую эпоху Маркс и Энгельс пришли к выводу, что, с одной стороны, неравномерность, то есть скачкообразность, исторического развития растягивает пролетарскую революцию на целую эпоху, в течение которой нации будут вступать в революционный поток одна после другой; но что, с другой стороны, органическая взаимозависимость отдельных стран, развившаяся в международное разделение труда, исключает построение социализма в отдельной стране. Тем более, значит, теперь, в новую эпоху, когда империализм развил, углубил и обострил *обе* эти антагонистические тенденции, Марксово учение, гласящее, что начать социалистическую революцию можно только на национальной почве, построить же социалистическое общество в наци-

ональных рамках нельзя, *верно вдвойне и втройне*. Ленин и в этом вопросе только развивал и конкретизировал Марксову постановку и Марксово решение.

Наша партийная программа целиком исходит из международной обусловленности Октябрьской революции и социалистического строительства. Чтобы доказать это, надо было бы просто переписать всю теоретическую часть нашей программы. Здесь укажем только, что, когда на VIII съезде партии покойный Подбельский заподозрил некоторые формулировки программы в том, что они относятся только к революции в России, Ленин ему ответил в своем заключительном слове по вопросу о партийной программе (19 марта 1919 г.):

> «Подбельский нападал на то, что в одном из параграфов говорится о *предстоящей* социальной революции... Такой довод явно несостоятелен, ибо у нас *в программе речь идет о социальной революции в мировом масштабе*» (т. XVI, стр. 131).

Не лишним будет здесь же отметить, что партию нашу Ленин около того же времени предлагал назвать не РКП — Российская Коммунистическая партия, а КП — Коммунистическая партия, чтобы еще резче подчеркнуть, что это партия *международной* революции. Ленин получил за это предложение в ЦК только мой голос. Вопроса он, однако, на съезд не переносил, ввиду организации III Интернационала. При такой позиции не могло тогда возникать и мысли о социализме в отдельной стране. Только поэтому программа партии *не осуждает* эту «теорию», а просто *исключает* ее.

Но в программе комсомола, принятой через два года, пришлось уже для воспитания молодняка в духе интернационализма прямо предостеречь против доморощенных иллюзий и национальной ограниченности в вопросе о пролетарской революции. Об этом, однако, еще речь впереди.

Совсем иначе дело обстоит с новым проектом программы Коминтерна. В соответствии с ревизионистской эволюцией его авторов после 1924 г., проект, как видим, становится на прямо противоположный путь. Между тем решение вопроса о социализме в отдельной стране в ту или иную сторону определяет собою значение *всего* проекта, как марксистского или ревизионистского документа.

Разумеется, проект программы тщательно, настойчиво, многократно выдвигает, подчеркивает, разъясняет отличия коммунистической постановки вопросов от реформистской. Но этими

заверениями вопрос не решается. Мы имеем примерно такое положение, когда на корабле, снабженном и даже увешанном многочисленными марксистскими механизмами и приборами, главный парус поставлен так, что специально открывает его всем ревизионистским и реформистским ветрам. Кто из опыта последних трех десятков лет, особенно из поразительного опыта Китая за последние годы, научился понимать могучую диалектическую взаимозависимость между борьбой классов и программными документами партий, тот поймет нас, когда мы скажем, что новый ревизионистский парус может обратить в ничто все предохранительные и спасательные приборы марксизма и ленинизма. Вот почему мы вынуждены остановиться подробнее на этом коренном вопросе, который надолго определит развитие и судьбу Коммунистического Интернационала.

5. Теоретическая традиция партии

Проект программы в приведенной выше цитате явно преднамеренно употребляет выражение «победа социализма в отдельной стране», чтобы достигнуть внешнего, чисто словесного отождествления своего текста с ленинской статьей 1915 г., которою так жестоко, чтобы не сказать преступно, злоупотребляли во время дискуссий по вопросу о построении социалистического общества в отдельной стране. К этому же приему прибегает проект и в другом случае, «намекая» на слова Ленина как на свое подкрепление. Такова научная «методология» проекта.

Из богатейшей литературы марксизма, из сокровищницы ленинских работ, в прямой обход всего, что Ленин писал и говорил, всего, что он делал, в обход партийной программы и программы комсомола, в обход высказываний всех, без исключения, руководящих работников партии в эпоху Октябрьской революции, когда вопрос стоял ребром, — да каким ребром, — в обход того, что говорили сами авторы проекта программы, Сталин и Бухарин, до 1924 г. включительно, — в защиту теории национального социализма, порожденной надобностями борьбы с так называемым «троцкизмом» в конце 1924 г. или в начале 1925 г., приводятся всего-навсего две цитаты из Ленина, одна — из статьи о Соединенных Штатах Европы 1915 г., другая — 1923 г., из его незаконченной посмертной работы о кооперации. Все же, что противо-

речит этим двум цитатам из нескольких строк, — весь марксизм, весь ленинизм — просто отодвигается в сторону. А две искусственно выдернутые и с грубейшими эпигонскими ошибками истолкованные цитаты полагаются в основу новой, чисто ревизионистской теории, необозримой по своим политическим последствиям. Мы присутствуем при том, как методами схоластики и софистики пытаются марксистскому стволу привить совершенно чужеродную ветвь, которая если привьется, то неизбежно отравит и заглушит все дерево.

На VII пленуме ИККИ Сталин заявил (не в первый уже раз):

> «Вопрос о строительстве социалистического хозяйства в одной стране *впервые* был выдвинут в партии Лениным еще в 1915 г.».
>
> Стенографический отчет, стр. 14; подчеркнуто нами.

Таким образом, здесь признается, что *до 1915 г.* о социализме в одной стране речи не было. Значит, на всю предшествующую традицию марксизма и партии в вопросе о международном характере пролетарской революции Сталин и Бухарин не посягают. Запишем это.

Что же, однако, заявил Ленин «впервые» в 1915 г., вразрез с тем, что Маркс, Энгельс и сам Ленин говорили до этого года?

В 1915 г. Ленин писал:

> «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и *организовав* у себя *социалистическое производство*, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств».
>
> Т. XIII, стр. 133, «Социал-демократ», 23 августа 1915 г.; подчеркнуто нами.

Что здесь имеет в виду Ленин? Только то, что победа социализма, в смысле установления диктатуры пролетариата, возможна первоначально в отдельной стране, которая тем самым окажется противостоящей капиталистическому миру. Пролетарскому государству, чтоб отражать нападения и самому перейти в революционное наступление, придется предварительно «организовать у себя социалистическое производство», то есть самому повести работу на заводах, отнятых у капиталистов. Только и всего. Такая

«победа социализма» была, как известно, впервые одержана в России, и первому рабочему государству, чтоб отражать мировую интервенцию, пришлось первым делом «организовать у себя социалистическое производство», или тресты «последовательно-социалистического типа». Под победой социализма в отдельной стране Ленин понимал, следовательно, не фантасмагорию самодовлеющего социалистического общества, да еще в отсталой стране, а нечто гораздо более реалистическое, именно то, что создала у нас Октябрьская революция уже в первый период своего существования.

Может быть, это нуждается еще в доказательствах? Их столько, что затруднение только в выборе.

В тезисах о войне и мире (7 января 1918 г.) Ленин говорил о «необходимости *для успеха социализма* в России известного промежутка времени, *не менее нескольких месяцев*» (т. XV, стр. 64).

В начале того же 1918 года в направленной против Бухарина статье «О левом ребячестве и мелкобуржуазности» Ленин писал:

> «Если бы примерно через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет *социализм*» (т. XV, стр. 263; подчеркнуто нами).

Как мог Ленин давать такой короткий срок для «окончательного упрочения социализма»? Какое материально-производственное и общественное содержание вкладывал он в эти слова?

Вопрос этот сразу осветится по-иному, если напомнить, что 29 апреля того же 1918 года Ленин говорил в докладе ВЦИКу:

> «Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму» (т. XV, стр. 240).

А 3 декабря 1919 г., на съезде коммун и артелей, Ленин выразился еще жестче:

> «Мы знаем, что сейчас вводить социалистический порядок мы не можем, дай бог, чтобы при наших детях, а может быть, и внуках он был установлен у нас» (т. XVI, стр. 398).

В каком же из этих двух случаев Ленин был прав: тогда ли, когда намечал «окончательное упрочение социализма» через двенадцать месяцев, или же тогда, когда возлагал установление «социалистического порядка» не на детей, а на внуков наших?

Ленин был прав в обоих случаях, ибо он имел при этом в виду разные, совершенно несоизмеримые этапы социалистического строительства.

Под «окончательным упрочением социализма» в первом случае Ленин понимал не построение социалистического общества в годовой срок или даже в «несколько месяцев», то есть не уничтожение классов, не преодоление противоречий между городом и деревней, а *восстановление работы фабрик и заводов в руках пролетарского государства* и тем самым обеспечение возможности обмена продуктов между городом и деревней. Самая краткость срока дает здесь безошибочный ключ к пониманию всей перспективы.

Конечно, и для этой элементарнейшей задачи брался в начале 1918 г. слишком короткий срок. К этому-то чисто практическому «просчету» и относится усмешка Ленина на IV конгрессе Коминтерна: «Мы были поглупее, чем сейчас». Но общую перспективу «мы» представляли себе правильно, отнюдь не думая, что можно в двенадцать месяцев воздвигнуть полный «социалистический порядок», да еще в отсталой стране. Достижение основной и конечной цели — построение социалистического общества — Ленин возлагал на целых три поколения: на нас самих, на детей и на внуков наших.

Не ясно ли, что в статье 1915 г. Ленин под организацией «социалистического производства» понимает не создание социалистического общества, а задачу неизмеримо более элементарную, нами в СССР уже осуществленную. Иначе пришлось бы прийти к абсурдному выводу, что, по мысли Ленина, пролетарская партия, завоевав власть, «откладывает» революционную войну до третьего поколения.

Так — то есть поистине плачевно — обстоит дело с основным устоем новой теории, с цитатой 1915 г. Наиболее, однако, плачевное состоит в том, что цитата эта никак не относилась Лениным к России. Речь у него шла о Европе в противовес России. Это вытекает не только из содержания цитируемой статьи, посвященной вопросу о Соединенных Штатах Европы, но и из всей тогдашней позиции Ленина. Несколькими месяцами спустя, 20 ноября 1915 г., Ленин специально писал о России:

> «Из этого фактического положения вытекает с очевидностью задача пролетариата. Беззаветная смелая революционная борьба против монархии (лозунги конференции января 1912 г., «три кита») — борьба, увлекающая за собой все демократические массы, то есть главным образом крестьянство. А вместе с тем беспощадная борьба с шовинизмом, борьба за *социалистическую революцию Европы* в союзе с ее пролетариатом... Военный кризис у с и л и л экономические и политические факторы, толкающие

ее (мелкую буржуазию.— Л. Т.) — и крестьянство в том числе — влево. В этом объективная основа полной возможности победы *демократической революции* в России. Что *в Западной Европе созрели объективные условия социалистической революции*, этого нам нет надобности доказывать здесь; это признавали до войны все влиятельные социалисты во всех передовых странах» (т. XIII, стр. 212—213; подчеркнуто нами).

Таким образом, в 1915 г. Ленин ясно говорит о демократической революции в России и о социалистической революции в Западной Европе; попутно, как о чем-то само собою разумеющемся, он упоминает о том, что в Западной Европе — в отличие от России, в противовес России, — условия социалистической революции «вполне созрели». Но эту цитату — одну из многих, — прямо и непосредственно относящуюся к России, авторы новой теории, они же авторы проекта программы, попросту обходят, как сотни других цитат, как все собрание сочинений Ленина. Зато они, как мы видели, берут другую цитату, которая относится к Западной Европе; приписывают ей смысл, которого она иметь не может и не хочет; относят этот навязанный ей смысл к России, которой цитата не имеет в виду, и на этом «фундаменте» воздвигают свою новую теорию.

Как смотрел Ленин на этот вопрос в непосредственно предоктябрьский период? Уезжая из Швейцарии после февральской революции 1917 г., Ленин обратился к швейцарским рабочим с письмом, в котором разъяснял:

«Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г., *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней... Русский пролетариат не может одними своими силами *победоносно завершить* социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле *начнет* ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного,* самого надежного сотрудника, *европейского* и американского социалистического пролетариата» (т. XIV, ч. 2, стр. 407—408).

В этих строках все элементы вопроса налицо. Если бы, как нас пытаются уверить, Ленин считал в 1915 г., в период войн и реакций, что пролетариат России может один построить социализм, чтоб затем, после завершения этой работы, объявить войну

буржуазным государствам, то как мог Ленин в начале 1917 г., уже после февральской революции, высказываться с такой категоричностью о невозможности для отсталой крестьянской России собственными силами построить социализм? Надо же хоть как-нибудь сводить концы с концами и — скажем прямо — соблюдать уважение к Ленину.

Множить цитаты было бы излишне. Связное изложение взглядов Ленина на экономически и политически обусловленный интернациональный характер социалистической революции потребовало бы самостоятельного исследования, в которое вошло бы много тем, кроме темы о построении самодовлеющего социалистического общества в отдельном государстве, ибо этой темы Ленин не знал.

Мы вынуждены, однако, здесь же остановиться еще на одной статье Ленина, так как проект программы как бы цитирует обиняком посмертную статью Ленина «О кооперации», пользуясь отдельным ее выражением для цели, с которой статья не имеет ничего общего. Мы имеем в виду V главу проекта программы, где говорится, что рабочие советских республик «обладают необходимыми и достаточными *материальными* предпосылками в стране... для построения полного социализма» (подчеркнуто нами).

Если бы в статье, продиктованной Лениным во время болезни и опубликованной лишь после его смерти, действительно говорилось о том, что советское государство обладает необходимыми и достаточными *материальными*, то есть прежде всего *производственными*, предпосылками для самостоятельного построения полного социализма, оставалось бы только предположить, что либо Ленин обмолвился при диктовке, либо стенограф ошибся при расшифровке. И то и другое во всяком случае вероятнее, чем отказ Ленина в двух беглых строчках от марксизма и от всего учения собственной жизни. К счастью, однако, в таком объяснении нет ни малейшей нужды. Замечательная, хотя и незаконченная, статья «О кооперации», связанная единством мысли с остальными не менее замечательными статьями последнего периода, образующими как бы главы единой недописанной книги *о месте Октябрьской революции в цепи революций Запада и Востока,* — статья «О кооперации» совсем не говорит того, что ей так легкомысленно приписывают ревизионисты ленинского учения.

Ленин разъясняет в этой статье, что «торгашеская» кооперация может и должна совершенно изменить свою общественную роль

в рабочем государстве и при правильной политике может направлять соединение частного крестьянского интереса с общегосударственными на социалистический путь. Эту неоспоримую мысль Ленин обосновывает следующими словами:

> «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (т. XVIII, ч. 2, стр. 140).

Уже один текст цитаты, заключающий в себе незаконченную фразу («из одной только кооперации»?), неоспоримо доказывает, что мы имеем перед собою невыправленный черновик, к тому же продиктованный, а не написанный от руки. Тем непростительнее хвататься за отдельные слова текста, вместо того чтобы вдуматься в общий смысл статьи. По счастью, однако, и *буква* приведенной цитаты, не только *дух* ее, не дает никакого права на то злоупотребление, к какому прибегают авторы проекта программы. Говоря о «необходимых и достаточных» предпосылках, Ленин строго ограничивает свою тему в этой статье. Он рассматривает в ней лишь вопрос о том, как, какими методами и приемами нам выбраться к социализму из раздробленности и распыленности крестьянского хозяйства, без новых классовых потрясений, при наличии предпосылок советского режима. Статья целиком посвящена *общественно-организационным формам* перехода от мелкого частнотоварного хозяйства к коллективному, но не *материально-производственным* условиям такого перехода. Если бы сегодня победил европейский пролетариат и пришел на помощь нам своей техникой, поставленный Лениным вопрос о кооперации, как общественно-организационном методе сочетания частного интереса с общественными, сохранил бы все свое значение. Кооперация указывает путь, каким передовая техника, в том числе электрификация, может реорганизовать и объединить миллионы крестьянских хозяйств при наличии советского режима; но кооперация не заменяет этой новой техники и не создает ее из себя. Ленин не просто говорит о «необходимых и достаточных» пред-

посылках вообще, он, как мы видели, точно перечисляет их. Это: 1) «власть государства на все крупные средства производства» (фраза не выправлена); 2) «власть государства в руках пролетариата»; 3) «союз этого пролетариата со многими миллионами... крестьян»; 4) «обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству»... И только после перечисления этих *чисто политических* условий — о материальных тут нет и речи — Ленин делает свой вывод, что «это (то есть все перечисленное) все «необходимое и достаточное» в *политической плоскости* — не более. Но, прибавляет Ленин поэтому тут же, «это еще не построение социалистического общества». Почему же? Потому что одни политические условия, хотя бы и достаточные, не решают всего вопроса. Остается еще вопрос о культуре. «Только» это, — говорит Ленин, подчеркивая слово «только» и беря его в кавычки, чтобы показать огромное значение не хватающей нам предпосылки. Что культура, в свою очередь, связана с техникой, это Ленин знал не хуже нашего: «чтобы быть культурным — возвращает он ревизионистов на землю, — нужна известная *материальная* база» (там же, стр. 145). Достаточно сослаться на проблему электрификации, которую Ленин, отметим попутно, специально связывал с вопросом о международной социалистической революции. Борьба за культуру, при наличии «необходимых и достаточных» политических *(но не материальных)* предпосылок, исчерпывала бы нашу работу, если бы не вопрос о непрерывной и непримиримой экономической, политической, военной, культурной борьбе строящегося на отсталой базе социалистического общества с клонящимся к закату, но могущественным своей техникой мировым капитализмом.

> «Я готов сказать, — особо подчеркивает Ленин под конец той же статьи, — что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе» (там же, стр. 144).

Такова подлинная мысль Ленина, если рассматривать статью о кооперации даже изолированно от всех других его работ. Как же назвать после этого — если не назвать фальсификацией — формулу авторов проекта программы, которые, сознательно заимствуя у Ленина слова о наличии у нас «необходимых и достаточных» предпосылок, вставляют от себя основную предпосылку, материальную, тогда как Ленин отчетливо выносит материальную предпосылку за скобки, как такую, которой нам как раз и не

хватает и которую нам предстоит еще завоевывать в связи с борьбой «за нашу позицию в международном масштабе», то есть в связи с международной пролетарской революцией. Вот как обстоит дело со вторым и последним устоем теории.

Мы сознательно не берем здесь бесчисленных статей и речей с 1905 по 1923 г., в которых Ленин в самой категорической форме утверждает и повторяет, что без победоносной мировой революции нам грозит гибель; что экономически победить буржуазию в отдельной стране нельзя, тем более в отсталой стране; что задача построения социалистического общества есть по самому существу своему международная задача, из чего Ленин делает выводы, может быть, и «пессимистические» для творцов национально-реакционной утопии, но достаточно оптимистические с точки зрения революционного интернационализма. Мы сосредоточиваемся здесь только на тех цитатах, которые выбраны самими авторами проекта, чтобы создать «необходимые и достаточные» предпосылки для их утопии. И мы видим, что вся их постройка рассыпается под пальцами, стоит только к ней прикоснуться.

Мы считаем все же целесообразным привести тут же хотя бы одно из тех прямых свидетельств Ленина по спорному вопросу, которые не нуждаются в пояснениях и не допускают лжетолкований.

> «Мы подчеркивали *в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе*, что в России дело обстоит не так (как в передовых странах.— Л. Т.), что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при условии поддержки ее *своевременно* социальной революцией в одной или нескольких передовых странах. Другое условие — это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения...
> Мы знаем, что *только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах...*»
>
> Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 137—138; подчеркнуто нами.

Эта цитата, надеемся, достаточно поучительна: во-первых, сам Ленин в ней подчеркивает, что излагаемые им мысли развивались «в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе»; во-вторых, приведенная перспектива была дана Лениным не в 1915 г., за два года до Октября, а в 1921 г., на четвертом году после Октября.

Относительно Ленина вопрос, смеем думать, достаточно ясен. Остается спросить: как же смотрели раньше на интересующий нас основной вопрос сами авторы проекта программы?

На этот счет Сталин говорил в ноябре 1926 г.:

> «Партия всегда исходила из того, что победа социализма в одной стране есть возможность построения социализма в этой стране, причем эта задача может быть разрешена силами одной страны».
>
> «Правда», 12 ноября 1926 г.

Мы уже знаем, что партия из этого *никогда не исходила*. Наоборот, «в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе», как говорит Ленин, партия исходила из противоположной позиции, которая и нашла свое основное выражение в программе ВКП. Но, по крайней мере, сам Сталин, надо надеяться, «всегда» исходил из той ложной мысли, что «социализм может быть построен силами одной страны»? Проверим.

Как Сталин глядел на этот вопрос в 1905 г. или в 1915 г., нам совершенно неизвестно, за отсутствием каких бы то ни было документальных данных. Но в 1924 г. Сталин следующим образом излагал взгляд Ленина на построение социализма:

> «Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — *организация социалистического производства* — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, *невозможно*. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, — об этом говорит нам история нашей революции. — Для окончательной победы социализма, *для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно,* — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран...
>
> Таковы в общем *характерные черты ленинской теории пролетарской революции*»
>
> И. Сталин. «О Ленине и ленинизме». М.: ГИЗ, 1924, стр. 40—41.

Нельзя не признать: «характерные черты ленинской теории» изложены здесь довольно правильно. В дальнейших изданиях книги Сталина это место переделано, однако, в прямо противоположном направлении и «характерные черты ленинской теории» объявлены через год... троцкизмом. VII пленум ИККИ выносил свое постановление не по изданию 1924 г., а по изданию 1926 г.

Так обстоит дело со Сталиным. Оно не может обстоять печальнее. С этим можно было бы, правда, еще примириться, если бы дело не обстояло столь же печально с VII пленумом ИККИ.

Остается последняя надежда, что, по крайней мере, Бухарин, действительный автор проекта программы, «всегда исходил» из осуществимости социализма в отдельной стране. Проверим.

Вот что писал Бухарин на этот счет в 1917 г.:

> «Революции — локомотивы истории. Бессменным машинистом этого локомотива даже и в отсталой России может быть лишь пролетариат. Но пролетариат не может уже оставаться в пределах имущественных отношений буржуазного общества. Он идет к власти и к социализму. Однако эта задача, которая «ставится на очередь» и в России, не может быть разрешена «внутри национальных границ». Здесь рабочий класс натыкается на непреодолимую стену (заметьте: непреодолимую стену... — *Л. Т.)*, которая может быть пробита только тараном *международной рабочей революции*».
>
> Бухарин. «Классовая борьба и революция в России», 1917, стр. 3, 4.

Нельзя выразиться яснее. Вот каких взглядов держался в 1917 г. Бухарин, через два года после мнимого «поворота» Ленина в 1915 г. Может быть, однако, Октябрьская революция переучила Бухарина? Проверим.

В 1919 г. Бухарин писал на тему «Диктатура пролетариата в России и мировая революция» в теоретическом органе Коминтерна:

> «При существовании *мирового* хозяйства и связанности его частей, при взаимозависимости различных государственно-организованных буржуазных групп, *само собою разумеется* (подчеркнуто нами), что борьба в одной стране не может кончиться без решительной победы той или другой стороны в *нескольких* цивилизованных странах».

Тогда это даже «само собою разумелось». Далее:

> «В марксистской и квазимарксистской литературе довоенного времени неоднократно поднимался вопрос о том, возможна ли победа социализма в одной стране. Большинство писателей отвечало на этот вопрос отрицательно (а как же Ленин в 1915 г.? — *Л. Т.*), из чего отнюдь не делается вывод о невозможности или недопустимости начала революции и захвата власти в отдельной стране».

Вот именно!

В той же статье:

> «Период подъема производительных сил может наступить лишь с победой пролетариата в нескольких крупных странах... Отсюда

вывод: необходимо всемерное развитие мировой революции и образование крепкого хозяйственного блока индустриальных стран с Советской Россией».

Н. Бухарин. «Диктатура пролетариата в России и мировая революция». — «Коммунистический Интернационал», № 5, сентябрь 1919 г., стр. 614.

Утверждение Бухарина, что подъем производительных сил, то есть *подлинный социалистический подъем*, наступит у нас только после победы пролетариата передовых стран Европы, ведь это же и есть та самая фраза, которая положена в основу всех обвинительных актов против «троцкизма», в том числе и на VII пленуме ИККИ. Курьез только в том, что обвинителем выступал Бухарин, спасение которого в короткой памяти. Рядом с этим комическим обстоятельством есть и трагическое: на скамье подсудимых сидел Ленин, который десятки раз высказывал ту же элементарную мысль.

Наконец, в 1921 г., через шесть лет после мнимого ленинского поворота 1915 г., через четыре года после Октябрьского переворота, одобрена была Центральным Комитетом, во главе с Лениным, программа комсомола, выработанная комиссией под руководством Бухарина. § 4 этой программы гласит:

> «В СССР государственная власть уже находится в руках рабочего класса. В течение трехлетней героической борьбы против мирового капитала он отстоял и укрепил свою советскую власть. Россия хотя и обладает огромными естественными богатствами, но все же является отсталой в промышленном отношении страной, в которой преобладает мелкобуржуазное население. Она может прийти к социализму лишь через мировую пролетарскую революцию, в эпоху развития которой мы вступили».

Один этот параграф программы комсомола — не случайной статьи, а программы! — делает смешными и прямо недостойными попытки авторов проекта доказать, что партия «всегда» считала возможным построение социалистического общества в отдельной стране, притом именно в России. Если «всегда», то почему Бухарин формулировал такого рода параграф в программе комсомола? Чего смотрел Сталин? Как мог утвердить такую ересь Ленин и весь ЦК? Каким образом никто в партии этой «мелочи» не заметил и не поднял о ней вопроса? Не слишком ли все это похоже на зловещую шутку, которая переходит в прямое глумление над партией, над ее историей, над Коминтерном? Не пора ли этому положить конец? Не пора ли сказать ревизионистам: не смейте прятаться за Ленина и за теоретическую традицию партии!

На VII пленуме ИККИ, в обоснование резолюции, осуждавшей «троцкизм», Бухарин, спасение которого в короткой памяти, заявил:

> «В теории перманентной революции т. Троцкого, — а тов. Троцкий исповедует эту теорию и сейчас, — тоже говорится, что мы, в силу нашей экономической отсталости, неизбежно погибнем без мировой революции».
>
> Стенографический отчет, стр. 115.

На VII пленуме я говорил о пробелах в теории перманентной революции, как я ее формулировал в 1905—1906 гг. Но мне, разумеется, и в голову не приходило отказываться от того, что было в этой теории основного, что сближало и сблизило меня с Лениным и сделало для меня неприемлемой нынешнюю ревизию ленинизма.

Основными в теории перманентной революции были два положения. Первое: несмотря на историческую отсталость России, революция может передать власть русскому пролетариату раньше, чем пролетариату передовых стран. Второе: выход из тех противоречий, в какие попадает пролетарская диктатура в отсталой стране, окруженной миром капиталистических врагов, будет лежать на арене мировой революции. Первое положение основано на правильном понимании закона неравномерного развития. Второе — на правильном понимании нерасторжимости экономических и политических связей капиталистических стран. Бухарин прав, когда говорит, что эти два основных положения теории перманентной революции я разделяю и сейчас. Сейчас более, чем когда-либо. Ибо я считаю их полностью проверенными и доказанными: теоретически — собранием сочинений Маркса и Ленина, практически — опытом Октябрьской революции.

6. Где же «социал-демократический уклон»?

Приведенных справок более чем достаточно для характеристики теоретической позиции Сталина и Бухарина, вчерашней и сегодняшней. Для характеристики же их политических приемов надо напомнить, что, подобрав в писаниях оппозиции заявления, совершенно аналогичные тем, какие вплоть до 1925 г. делали они сами (на *этот раз* в полном согласии с Лениным), Сталин и

Бухарин построили на основании этих цитат теорию нашего «социал-демократического уклона». Оказалось, что в центральном вопросе об отношении между Октябрьским переворотом и международной революцией оппозиция мыслит... по Отто Бауэру, не признающему возможности социалистического строительства в России. Можно подумать, в самом деле, что книгопечатание изобретено в 1924 г. и что все предшествующее предано забвению. Расчет на короткую память.

Между тем в вопросе о характере Октябрьской революции Коминтерн свел счеты с Отто Бауэром и другими филистерами II Интернационала еще на IV конгрессе. В докладе, прочитанном мною по поручению ЦК о новой экономической политике и перспективах мировой революции, дана та оценка позиции Отто Бауэра, которая выражала взгляды нашего тогдашнего Центрального Комитета, не вызвала ничьих возражений на конгрессе и которую я считаю сохранившей полностью свою силу для сегодняшнего дня. Что касается Бухарина, то он отказался освещать политическую сторону проблемы, после того как о ней «говорили уже многие товарищи (в том числе Ленин и Троцкий)»; другими словами, Бухарин тогда же солидаризировался с моим докладом. Вот что мною было сказано на IV конгрессе об Отто Бауэре:

> «Социал-демократические теоретики, которые, с одной стороны, признают в воскресных статьях, что капитализм, особенно в Европе, пережил себя и стал тормозом исторического развития, а с другой стороны, выражают уверенность в том, что эволюция Советской России неизбежно ведет ее к торжеству буржуазной демократии, впадают в самое жалкое и плоское противоречие, вполне достойное этих тупых и чванных конфузионистов. *Новая экономическая политика рассчитана на определенные условия пространства и времени: это маневрирование рабочего государства, живущего еще в капиталистическом окружении и твердо рассчитывающего на революционное развитие Европы...*
>
> Нельзя выключать из политических расчетов такой фактор, как время. Если допустить в самом деле, что капитализм будет существовать в Европе еще столетие или полстолетия и что Советская Россия должна будет к нему приспособляться в своей хозяйственной политике, — тогда вопрос разрешается сам собою, ибо этим допущением мы заранее предполагаем крушение пролетарской революции в Европе и наступление новой эпохи капиталистического возрождения. На каком таком основании? Если Отто Бауэр в жизни нынешней Австрии открыл чудесные признаки капиталистического воскресения, тогда, что и гово-

рить, участь Советской России предрешена. Но мы пока чудес не видим и в чудеса не верим. С нашей точки зрения, обеспечение власти европейской буржуазии на ряд десятилетий обозначало бы в нынешних мировых условиях не новый расцвет капитализма, а хозяйственное гниение и культурный распад Европы. Что такой процесс мог бы увлечь в пропасть и Советскую Россию, этого, вообще говоря, нельзя отрицать. Пришлось ли бы ей при этом проходить через стадию «демократии», или она загнила бы в других формах — это уже вопрос второстепенный. Но мы не видим никакого основания становиться под знамя философии Шпенглера. Мы твердо рассчитываем на революционное развитие в Европе. *Новая экономическая политика есть только приспособление к темпу этого развития*».

Л. Троцкий. «Пять лет Коминтерна. О социал-демократической критике», стр. 491—492.

Эта постановка вопроса возвращает нас к тому, с чего мы начали оценку проекта программы: в эпоху империализма нельзя рассматривать судьбу отдельной страны иначе, как исходя из тенденций мирового развития как целого, в которое отдельная страна, со всеми своими национальными особенностями, включена и которому она подчинена.

Теоретики II Интернационала выключают СССР из мирового целого и из империалистской эпохи; прилагают к СССР, как изолированной стране, голый критерий экономической «зрелости»; устанавливают неподготовленность СССР для самостоятельного социалистического строительства и делают отсюда вывод о неизбежности капиталистического перерождения рабочего государства.

Авторы проекта программы становятся на ту же теоретическую почву и принимают метафизическую методологию социал-демократических теоретиков целиком: точно так же «отвлекаются» от мирового целого и империалистской эпохи; исходят из функции изолированного развития; прилагают к национальному этапу мировой революции голый экономический критерий; но зато «приговор» выносят противоположный. «Левизна» авторов проекта состоит в том, что они социал-демократическую оценку выворачивают наизнанку. Между тем установка теоретиков II Интернационала, как ее ни перелицовывай, одинаково негодна. Нужна установка Ленина, которая просто *снимает* бауэровскую оценку и бауэровский прогноз, как упражнения приготовительного класса.

Вот как обстоит дело с «социал-демократическим уклоном». Не нам, а авторам проекта необходимо с Бауэром родными счесться.

7. Зависимость СССР от мирового хозяйства

Предтечей нынешних провозвестников национально-социалистического общества был не кто другой, как Г. Фольмар. Рисуя в статье под заглавием «Изолированное социалистическое государство» перспективу самостоятельного социалистического строительства в Германии, пролетариат которой далеко обогнал передовую Англию, Фольмар в 1878 г. совершенно точно и ясно ссылается в нескольких местах на закон неравномерного развития, неизвестный — как думает Сталин — Марксу и Энгельсу. Из этого закона Фольмар делает — в 1878 г. — тот неоспоримый вывод, что «при господствующих ныне обстоятельствах, которые сохранят свою силу и в доступном предвиденью будущем, совершенно исключается предположение единовременной победы социализма во всех культурных странах...»

Развивая эту мысль далее, Фольмар говорит:

> «Таким образом, мы пришли к *изолированному* социалистическому государству, относительно которого, я, надеюсь, доказал, что хотя оно и не является единственно возможным, но *наиболее вероятным...*»

Поскольку под изолированным государством тут еще надлежит понимать единственное государство пролетарской диктатуры, Фольмар выражает неоспоримую мысль, которая хорошо была известна Марксу и Энгельсу и которую Ленин выразил в цитированной выше статье 1915 г.

Но дальше уже идет фольмаровская отсебятина, впрочем далеко не так односторонне и ошибочно формулированная, как у наших теоретиков социализма в отдельной стране. В своем построении Фольмар исходил из того, что социалистическая Германия будет находиться в живейших экономических сношениях с мировым капиталистическим хозяйством, обладая при этом преимуществами высокоразвитой техники и низких издержек производства. Такое построение опирается на перспективу *мирного сосуществования* социалистической и капиталистической систем. А так как социализм должен, чем дальше, тем больше, обнаруживать свои колоссальные производственные преимущества, то надобность в мировой революции отпадает сама собою: социализм справится с капитализмом через рынок, интервенцией дешевых цен.

Автор первого проекта программы и один из авторов второго проекта, Бухарин, в своем построении социализма в отдельной

стране целиком исходит из идеи изолированного самодовлеющего хозяйства. В статье Бухарина «О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР» («Большевик», № 19—20, 1926 г.), представляющей собою наивысшее достижение схоластики, помноженной на софистику, все рассуждение ведется в рамках изолированного хозяйства. Главный и единственный довод таков:

> «Раз мы имеем «все необходимое и достаточное» для построения социализма, то, стало быть, в самом процессе этого социалистического строительства нигде нет такого момента, начиная от которого это строительство стало бы невозможным. Если мы имеем внутри нашей страны такое сочетание сил, что по отношению к каждому прошлому году идем с перевесом социалистического сектора нашего хозяйства и обобществленные секторы нашего хозяйства растут быстрее, чем частнокапиталистические, то в каждый будущий год мы вступаем с перевесом сил».

Это рассуждение безукоризненно: «*раз* мы имеем все необходимое и достаточное», *то*... мы его имеем. Исходя из того, что требуется доказать, Бухарин строит законченную систему самодовлеющего социалистического хозяйства, без входов и выходов наружу. О внешней среде, то есть обо всем мире, Бухарин, как и Сталин, вспоминает только под углом зрения интервенции. Когда Бухарин говорит в этой статье о необходимости «отвлечься» от международного фактора, он имеет в виду не мировой рынок, а военную интервенцию. От мирового рынка Бухарину не приходится отвлекаться, ибо он во всем построении просто забывает о нем. В соответствии с этой схемой Бухарин защищал на XIV съезде ту мысль, что если нам не помешает интервенция, то мы социализм построим «хотя бы черепашьим шагом». Вопрос о непрерывной борьбе двух систем, о том, что социализм может опираться только на наиболее высокие производительные силы, словом, Марксова динамика смены одной общественной формации другою, на основе роста производительных сил, все это полностью шло насмарку. Революционно-историческую диалектику заменила крохоборчески-реакционная утопия замкнутого социализма, который строится на низкой технике, развивается «черепашьим темпом» в национальных границах, связанных с внешним миром только страхом перед интервенцией. Непризнание этой жалкой карикатуры на учение Маркса и Ленина объявлялось «социал-демократическим уклоном». В цитированной статье Бухарина впервые вообще была выдвинута и «обоснована» эта характеристика наших взглядов. История запишет, что мы попали

в «социал-демократический уклон» за нежелание признать ухудшенную перелицовку фольмаровской теории социализма в отдельной стране.

Пролетариат царской России не взял бы власти в Октябре, если бы Россия не была звеном, самым *слабым,* но звеном в цепи *мирового* хозяйства. Захват власти пролетариатом отнюдь не выключил Советскую Республику из созданной капитализмом системы международного разделения труда.

Как мудрая сова вылетает только в сумерки, так теория социализма в отдельной стране появилась в тот момент, когда наша промышленность, все более исчерпывая свой старый основной капитал, в двух третях которого кристаллизована зависимость нашей промышленности от мировой, предъявила острый спрос на возобновление и расширение связей с мировым рынком и когда вопросы внешней торговли стали ребром перед хозяйственным руководством.

На XI съезде, то есть на последнем съезде, на котором Ленин имел возможность говорить с партией, он своевременно предупреждал ее на тот счет, что ей предстоит новый экзамен, «экзамен, который устроит русский и *международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны, от которого не оторваться»*.

Ничто не наносит теории изолированного «полного социализма» такого смертельного удара, как тот простой факт, что цифры нашей внешней торговли стали в самые последние годы краеугольными цифрами наших хозяйственных планов. Самым «узким местом» всего нашего хозяйства, в том числе и нашей промышленности, является импорт, целиком зависящий от экспорта. И так как сила сопротивления цепи измеряется слабейшим звеном, то размеры наших хозяйственных планов приурочиваются к размерам импорта.

В журнале «Плановое хозяйство» (теоретический орган Госплана), в статье, посвященной *системе планирования,* мы читаем:

> «При построении контрольных цифр на текущий год методологически пришлось исходным пунктом всего плана взять наш экспортный и импортный планы, по ним ориентироваться в построении планов ряда отраслей промышленности и, следовательно, всего общепромышленного, с ними согласовать, в частности, строительство новых промпредприятий» и т. д. и т. д. (январь 1927 г., стр. 27).

Этот методологический подход Госплана с полной и безусловной несомненностью говорит всем имеющим уши, чтобы слы-

шать: контрольные цифры определяют направление и темп нашего хозяйственного развития, но контроль над контрольными цифрами уже сейчас передвинулся в сторону мирового хозяйства — не потому, что мы стали слабее, а потому, что, ставши сильнее, мы вырвались из порочного круга замкнутости.

Цифрами экспорта и импорта капиталистический мир показывает нам, что у него есть другие орудия воздействия, помимо военной интервенции. Поскольку производительность труда и производительность общественной системы в целом измеряются в рыночных условиях соотношением цен, постольку ближайшей угрозой советскому хозяйству является, пожалуй, не столько военная интервенция, сколько интервенция более дешевых капиталистических товаров. Уже поэтому одному дело ни в каком случае не идет об изолированной экономической победе над «своей» буржуазией. «Социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, никоим образом не будет состоять только в победе пролетариата в каждой стране над своей буржуазией» (Ленин, в 1919 г., т. XVI, стр. 388). Дело идет о соревновании в борьбе не на жизнь, а на смерть двух общественных систем, из которых одна начала строиться на отсталых производительных силах, а другая еще опирается сегодня на производительные силы неизмеримо большей мощности.

Кто в признании нашей зависимости от мирового рынка (Ленин прямо говорил о нашем *подчинении* мировому рынку) видит «пессимизм», тот тем самым выдает с головою свою провинциальную мелкобуржуазную робость перед мировым рынком и жалкий характер своего доморощенного оптимизма, надеющегося спрятаться под кустом от мирового хозяйства и обойтись как-нибудь своими средствами.

Вопросом чести для новой теории стала та курьезная мысль, что от военной интервенции СССР может погибнуть, но от собственной экономической отсталости — ни в каком случае. Но так как в социалистическом обществе готовность трудящихся масс оборонять страну должна быть гораздо выше, чем готовность рабов капитала нападать на эту страну, то спрашивается: почему же военная интервенция может грозить нам гибелью? Потому что враг *технически* неизмеримо сильнее. Бухарин признает перевес производительных сил только в его военно-техническом проявлении. Он не хочет понять, что фордовский трактор так же опасен, как пушка Крезо, с той разницей, что пушка может действовать лишь время от времени, а трактор давит на нас непрерывно. При

этом трактор знает, что у него за спиной стоит пушка, как последний резерв.

Мы, первое рабочее государство, — часть мирового пролетариата и вместе с ним *зависим* от мирового капитала. Безразличное, нейтральное, бюрократически выхолощенное словечко «связи» пускается в оборот только для того, чтобы прикрыть крайне тяжкий и опасный для нас характер этих «связей». Если бы мы производили по ценам мирового рынка, то наша зависимость от последнего, не переставая быть зависимостью, имела бы гораздо менее жесткий характер, чем ныне. Но это, к несчастью, не так. Самая монополия внешней торговли свидетельствует о жестоком и опасном характере нашей зависимости. Решающее значение монополии для нашего социалистического строительства вытекает именно из неблагоприятного для нас соотношения сил. Но нельзя ни на минуту забывать, что монополия внешней торговли только регулирует нашу зависимость от мирового рынка, но не отменяет ее.

> «Пока наша Советская Республика, — пишет Ленин, — останется *одинокой окраиной* всего капиталистического мира, до тех пор думать о полной нашей экономической независимости и об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом» (т. XVII, стр. 409; подчеркнуто нами).

Основные опасности вытекают, следовательно, из объективного положения СССР, как «одинокой окраины» враждебного нам капиталистического хозяйства. Эти опасности могут, однако, убывать или возрастать. Это зависит от действия двух факторов: нашего социалистического строительства, с одной стороны, и развития капиталистического хозяйства, с другой. Решающее значение имеет, конечно, *в последнем счете* этот второй фактор, то есть судьба мирового хозяйства в целом.

Может ли случиться — и в каком именно случае, — что производительность нашей общественной системы будет все больше отставать от капиталистической? — а это *в конце концов* привело бы неизбежно к крушению социалистической республики. Если мы будем умело руководить нашим хозяйством на новой его стадии, когда приходится самостоятельно создавать базу промышленности, что предъявляет несравненно более высокие требования к руководству, то наша производительность труда будет расти. Можно ли, однако, предположить, что производительность труда капиталистических стран, вернее сказать, господ-

ствующих капиталистических стран, будет расти быстрее, чем у нас? Без перспективного ответа на этот вопрос совершенно несостоятельны голословные утверждения, что наш темп «сам по себе» достаточен (не говоря уже о смехотворной философии «черепашьего темпа»). Но самая попытка ответа на вопрос о состязании двух систем выводит нас на арену мирового хозяйства и мировой политики, то есть на ту арену, где действует и решает революционный Интернационал, включающий в свой состав Советскую Республику, но никак не самодовлеющая Советская Республика, пользующаяся время от времени помощью Интернационала.

О государственном хозяйстве СССР проект программы говорит, что оно «развивает крупную индустрию» в темпе, *превышающем* темп развития в капиталистических странах. В этой попытке сопоставления темпов нельзя не видеть принципиальный шаг вперед по сравнению с тем периодом, когда авторы программы категорически отрицали самый вопрос о сравнительном коэффициенте нашего и мирового развития. Незачем «припутывать международный фактор», говорил Сталин. Построим социализм «хотя бы черепашьим темпом», говорил Бухарин. Именно по этой линии шли в течение нескольких лет принципиальные споры. *Формально* эта линия завоевана. Но если не просто вклинивать в текст сравнение темпов хозяйственного развития, а проникнуться существом вопроса, то станет очевидным, что нельзя в другом разделе проекта говорить, безотносительно к капиталистическому миру, о «достаточном минимуме индустрии», исходя только из внутренних отношений; и нельзя априорно не только решать, но и ставить вопрос о том, «возможно» или «невозможно» для данной страны самостоятельно построить социализм. Вопрос решается динамикой борьбы двух систем, двух мировых классов, причем, несмотря на высокие коэффициенты роста нашего *восстановительного периода,* остается несомненным и основным тот факт, что «капитал, если взять его в международном масштабе, и сейчас остается не только в военном, но и в экономическом смысле сильнее, чем советская власть. *Из этого основного положения надо исходить и никогда его не забывать*» (Ленин, т. XVII, стр. 102).

Вопрос о взаимоотношении темпов в дальнейшем является *открытым* вопросом. Он зависит не только от нашей способности действительно подойти к «смычке», обеспечить хлебозаготовки, усилить экспорт и импорт; то есть не только от наших внутренних успехов, которые являются, конечно, фактором исключительной

важности в этой борьбе; но и от судьбы мирового капитализма, от его застоя, подъема или крушения, то есть от хода мирового хозяйства и мировой революции. Вопрос разрешается, стало быть, не в национальных рамках, а на арене мировой борьбы, экономической и политической.

Так почти в каждом пункте проекта программы мы видим прямую или замаскированную уступку оппозиционной критике. «Уступка» выражается в теоретическом приближении к Марксу и Ленину, но ревизионистские выводы сохраняют свою полную независимость от революционных тезисов.

8. Противоречие производительных сил и национальных границ как причина реакционной утопичности теории «социализма в отдельной стране»

Обоснование теории социализма в отдельной стране сводится, как мы видели, к нескольким софистически истолкованным ленинским строкам, с одной стороны, и к схоластическому истолкованию «закона неравномерного развития», с другой. При правильном истолковании как исторического закона, так и цитат мы приходим к прямо противоположному выводу, то есть к тому, к которому приходили Маркс, Энгельс, Ленин и все мы, включая Сталина и Бухарина, до 1925 г.

Из неравномерно-скачкообразного развития капитализма вытекает неодновременный, неравномерный, скачкообразный характер социалистической революции; а из доведенной до чрезвычайного напряжения взаимозависимости различных стран вытекает не только политическая, но и экономическая невозможность построения социализма в отдельной стране.

Подойдем под этим углом зрения еще раз ближе к тексту программы. Мы уже читали во введении, что «империализм... обостряет до исключительного напряжения противоречия между ростом производительных сил мирового хозяйства и национально-государственными перегородками...».

Мы уже сказали, что это положение является, то есть должно было бы явиться, краеугольным камнем международной программы. Но именно это положение заранее исключает, отвергает и отметает теорию социализма в отдельной стране, как реакционную, ибо находящуюся в непримиримом противоречии не только

с основной *тенденцией* развития производительных сил, но и с теми *материальными результатами*, какие этим развитием уже достигнуты. Производительные силы несовместимы с национальными рамками. Отсюда вытекает не только внешняя торговля, экспорт людей и капиталов, захват земель, колониальная политика, последняя империалистская война, но и экономическая невозможность самодовлеющего социалистического общества. Производительные силы *капиталистических* стран давно уже не вмещаются в рамках национального государства. Социалистическое же общество можно построить только на самых передовых производительных силах, на электрификации, на химизации производственных процессов, в том числе и земледелия, на сочетании, обобщении и кульминации наивысших элементов нынешней техники. Со времени Маркса мы повторяем, что капитализм не способен справиться с вызванным им духом новой техники, который взрывает не только частно-правовую оболочку буржуазной собственности, но, как показала война 1914 г., и национальный обруч буржуазного государства. Социализм же должен не только перенять от капитализма наиболее развитые производительные силы, но и немедленно же вести их дальше, поднимать их выше, сообщая им невиданное при капитализме развитие. Каким же образом, спрашивается, социализм загонит производительные силы обратно в рамки национального государства, из которого они бешено рвались еще при капитализме? Или, может быть, нам отказаться от «необузданных» производительных сил, которым тесно в национальных рамках, *а значит и в рамках теории социализма в отдельной стране,* и ограничиться прирученными, домашними, так сказать, производительными силами, то есть техникой экономической отсталости? Но тогда нам надо в ряде отраслей уже сейчас не вверх идти, а спуститься ниже даже нынешнего нашего жалкого технического уровня, который успел нерасторжимо связать буржуазную Россию с мировым хозяйством и привести ее к участию в империалистской войне — за *расширение территории для производительных сил,* переросших рамки национального государства.

Унаследовав эти производительные силы и восстановив их, рабочее государство *вынуждено* вывозить и ввозить.

Беда в том, что проект программы только механически вклинивает в свой текст тезис о невозможности нынешней капиталистической техники с национальными рамками, а дальше рассуждает так, как если бы об этой несовместимости не было и речи.

В сущности весь проект представляет собою комбинацию из готовых революционных тезисов Маркса и Ленина и из оппортунистических или центристских выводов, совершенно несовместимых с революционными тезисами. Вот почему необходимо, *не обольщаясь отдельными революционными формулировками проекта, зорко глядеть, куда растут его основные тенденции.*

Мы уже приводили то место из первой главы, которое говорит о возможности победы социализма «в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». Еще резче и грубее эта мысль выражена в четвертой главе, где говорится, что «диктатура (?) мирового пролетариата... может реализоваться лишь в результате победы социализма (?) в отдельных странах, когда вновь образовавшиеся пролетарские республики вступают в федеративную связь с уже существующими».

Если в этих словах «победу социализма» истолковывать лишь как другое наименование диктатуры пролетариата, тогда мы получим то общее место, которое для всех бесспорно и которое нужно было бы только в программе менее двусмысленно формулировать. Но не такова мысль авторов проекта. Под победой социализма они понимают не просто завоевание власти и национализацию средств производства, а построение социалистического общества в отдельной стране. Если принять это толкование, тогда мы получим не мировое социалистическое хозяйство, основанное на международном разделении труда, а федерацию самодовлеющих социалистических общин, в духе блаженной памяти анархизма, только с расширением этих общин до размеров нынешнего национального государства.

В своем беспокойном стремлении эклектически прикрыть новую установку старыми привычными формулами проект программы прибегает к такому тезису:

> «Лишь за полной мировой победой пролетариата и упрочением его мировой власти последует длительная эпоха усиленного строительства мирового социалистического хозяйства» (гл. IV).

Служащее для теоретического прикрытия, положение это на самом деле только обнажает основное противоречие. Если понимать тезис так, что эпоха настоящего социалистического строительства сможет начаться лишь после победы пролетариата по крайней мере в нескольких передовых странах, тогда это есть попросту отказ от теории построения социализма в отдельной стране и переход на позицию Маркса — Ленина. Если же исходить из новой теории Сталина — Бухарина, которая внедрена в разные

части проекта программы, тогда получается такая перспектива, что до полной мировой победы пролетариата ряд отдельных стран осуществляют у себя полный социализм, а затем из этих социалистических стран будет строиться мировое социалистическое хозяйство, подобно тому как дети строят здание из готовых кубиков. На самом деле мировое социалистическое хозяйство совсем не явится суммой национально-социалистических хозяйств. Оно сможет слагаться, в основных своих чертах, только на почве того мирового разделения труда, которое создано всем предшествующим развитием капитализма. Оно будет в основах своих формироваться и перестраиваться не после построения «полного социализма» в ряде отдельных стран, а в буре и грозе мировой пролетарской революции, которая заполнит собою ряд десятилетий. Хозяйственные успехи первых стран пролетарской диктатуры будут измеряться не степенью их приближения к самодовлеющему «полному социализму», а политической устойчивостью самой диктатуры и успешностью подготовки элементов будущего мирового социалистического хозяйства.

Точнее, а потому, если только возможно, еще грубее ревизионистская мысль выражена в пятой главе, где, прячась за искаженные полторы строки посмертной ленинской статьи, авторы проекта утверждают, что СССР «обладает необходимыми и достаточными *материальными* предпосылками в стране не только для свержения помещиков и буржуазии, но и для построения полного социализма».

Благодаря каким же обстоятельствам достались нам в удел такие исключительные исторические преимущества? На этот счет мы читаем ответ во второй главе проекта: «Империалистический фронт был прорван (революцией 1917 г.) в его *наиболее слабом звене*, в царской России» (подчеркнуто нами).

Здесь дана великолепная ленинская формула. Суть ее в том, что Россия была наиболее отсталым и экономически слабейшим из всех империалистских государств. Именно поэтому господствовавшие классы ее первыми потерпели крушение, навалив на *недостаточные* производительные силы страны непосильную ношу. Неравномерное, скачкообразное развитие заставило, таким образом, пролетариат самой отсталой империалистской страны первым взять власть. Раньше мы учились тому, что именно по этой самой причине рабочий класс «наиболее слабого звена» будет иметь наибольшие трудности на путях продвижения к социализму, по сравнению с пролетариатом передовых стран, которому

труднее взять власть, но который, взявши ее задолго до того, как мы преодолеем нашу отсталость, не обгонит нас, но и возьмет нас на буксир, чтобы вовлечь нас в подлинное социалистическое строительство на основах наиболее высокой мировой техники и международного разделения труда. Вот то представление, с которым мы входили в Октябрьскую революцию, которое партия десятки, сотни, тысячи раз формулировала в печати и на собраниях, но которое с 1925 г. пытаются заменить прямо противоположным представлением. Теперь оказывается: тот факт, что бывшая царская Россия являлась «наиболее слабым звеном», дает в руки пролетариату СССР, наследнику царской России и ее слабости, неоценимое преимущество, то есть ни больше ни меньше, как наличие своих собственных национальных предпосылок для «построения полного социализма».

Злополучная Англия таким преимуществом не обладает, ввиду *чрезмерного* развития ее производительных сил, которым нужен чуть ли не весь мир для получения сырья и сбыта продуктов. Если бы в Англии были более «умеренные» производительные силы, которые сохраняли бы относительное равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, тогда английский пролетариат мог бы, очевидно, построить полный социализм на «своем отдельно взятом» острове, огражденном флотом от иностранной интервенции.

Проект программы делит в четвертой главе капиталистические государства на три группы: 1) «страны высокоразвитого капитализма (Соединенные Штаты, Германия, Англия и т. д.)»; 2) «страны со средним уровнем развития капитализма (Россия до 1917 г., Польша и т. д.)»; 3) «колониальные и полуколониальные страны (Китай, Индия и т. д.)».

Несмотря на то что «Россия до 1917 г.» была несравненно ближе к нынешнему Китаю, чем к нынешним Соединенным Штатам, против этого схематического деления можно было бы не особенно возражать, если бы оно, в связи с другими частями проекта, не становилось источником ложных выводов. Так как страны «со средним уровнем» признаны в проекте обладающими «достаточным минимумом индустрии» для самостоятельного социалистического строительства, то тем более это относится к странам высокого капитализма. В помощи извне оказываются нуждающимися *только* колониальные и полуколониальные страны; этой именно чертою они, как еще увидим в другой главе, и охарактеризованы в проекте программы.

Если мы, однако, подойдем к вопросам социалистического строительства только с этим критерием, отвлекаясь от других условий: естественных богатств страны, соотношения в ней между промышленностью и земледелием, ее места в мировой системе хозяйства, то впадем в новые, не менее грубые ошибки и противоречия. Мы только что говорили об Англии. Являясь бесспорно страной высокого капитализма, она *именно поэтому* не имеет никаких шансов на победоносное социалистическое строительство в рамках своих островных границ. Блокированная Англия просто задохнется в течение нескольких месяцев.

Разумеется, более высокие производительные силы представляют при прочих равных условиях огромное преимущество для социалистического строительства. Они придают хозяйству исключительную гибкость, даже в тех случаях, когда оно замкнуто в кольце блокады, что обнаружилось на буржуазной Германии во время войны. Но построение социализма на национальных основах означало бы для этих передовых стран общее снижение, повальную урезку производительных сил, то есть нечто прямо противоположное задачам социализма.

Проект программы забывает основной тезис о несовместимости нынешних производительных сил и национальных границ, из которого вытекает, что высокие производительные силы являются никак не меньшим препятствием для построения социализма в отдельной стране, как и низкие, хоть и с другого конца; если последние являются недостаточными для своей базы, то для первых недостаточной оказывается база. Закон неравномерного развития забывается как раз там, где он нужнее и важнее всего.

Вопрос о построении социализма вовсе не разрешается одной только промышленною «зрелостью» или «незрелостью» страны. Самая эта незрелость *неравномерна*. В СССР, где одни отрасли промышленности крайне недостаточны для удовлетворения элементарнейших внутренних потребностей (прежде всего машиностроение), другие, наоборот, не могут в данных условиях развиваться без широкого и растущего экспорта. К числу последних относятся такие первостепенные отрасли, как лесное дело, нефтяное, марганцевое, не говоря уже о сельском хозяйстве. С другой стороны, и «недостаточные» отрасли не смогут серьезно развиваться, если «избыточные» (условно) не смогут вывозить. Невозможность построения изолированного социалистического общества — не в утопии, не на Атлантиде, а в конкретных географических и исторических условиях нашего земного хозяй-

ства — определяется для разных стран в разной степени, как недостаточным развитием одних отраслей, так и «чрезмерным» развитием других. В общем, это и означает, что современные производительные силы несовместимы с национальными рамками.

> «Чем была империалистская война? Восстанием производительных сил не только против буржуазных форм собственности, но и против рамок капиталистических государств. Империалистская война означала тот факт, что производительным силам стало невыносимо тесно в пределах национальных государств. Мы всегда утверждали, что капитализм не в состоянии овладеть развитыми им производительными силами и что только социализм способен включить производительные силы, переросшие рамки капиталистических государств, в более высокое хозяйственное целое. Назад к изолированному государству нет больше путей».
>
> Стенографический отчет VII пленума ИККИ. Речь Троцкого, стр. 100.

Пытаясь установить теорию социализма в отдельной стране, проект программы делает двойную, тройную, четверную ошибку: преувеличивает уровень производительных сил в СССР; закрывает глаза на закон неравномерного развития разных отраслей промышленности; игнорирует мировое разделение труда и, наконец, забывает важнейшее для империалистской эпохи противоречие между производительными силами и государственными шлагбаумами.

Чтобы не оставить не рассмотренным ни одного довода, нам отстается напомнить еще одно, притом наиболее обобщенное, соображение Бухарина в защиту новой теории.

В мировом масштабе, говорит Бухарин, соотношение между пролетариатом и крестьянством не более благоприятно, чем в СССР. Стало быть, если по причинам отсталости нельзя было построить социализм в СССР, то он был бы равно неосуществимым и в масштабе мирового хозяйства.

Этот аргумент надо включить во все учебники диалектики как классический образец схоластического мышления.

Во-первых, весьма вероятно, что соотношение сил пролетариата и крестьянства в мировом масштабе не столько уж отличается от этого соотношения в СССР. Но мировая революция отнюдь не совершается по методу арифметического среднего, как, впрочем, и национальная революция. Так, Октябрьский переворот произошел и закрепился прежде всего в пролетарском Петрограде, а не

выбирал для себя такого района, где соотношение рабочих и крестьян соответствует средней цифре для всей России. После того как Петроград, а затем и Москва создали революционную власть и революционную армию, им пришлось сбрасывать буржуазию на окраинах страны в течение нескольких лет, и только в результате этого процесса, именуемого революцией, установилось в границах Советского Союза нынешнее соотношение между пролетариатом и крестьянством. Революция совершается не по методу арифметического среднего. Она может начаться и на менее благоприятном участке, но, пока она не закрепилась на решающих участках как национального, так и мирового фронта, нельзя говорить об ее окончательной победе.

Во-вторых, соотношение между пролетариатом и крестьянством при «среднем» уровне техники не единственный фактор решения проблемы. Существует еще классовая борьба между пролетариатом и буржуазией. СССР окружен не рабоче-крестьянским, а капиталистическим миром. Если бы буржуазия была опрокинута во всем мире, то это само по себе еще не изменяло бы ни соотношения между пролетариатом и крестьянством, ни среднего уровня техники в СССР и во всем мире. Тем не менее строительство социализма в СССР получило бы сразу совершенно другие возможности и другие размахи, совершенно не сравнимые с нынешними.

В-третьих, если производительные силы каждой передовой страны в той или другой степени переросли национальные границы, то, по Бухарину, отсюда должно вытекать, что производительные силы всех стран переросли границы земного шара, а следовательно, социализм надлежит строить не иначе, как в масштабе солнечной системы.

Повторяем: бухаринский довод от средней пропорции рабочих и крестьян надо ввести в учебники политической грамоты, не так, как он вводится, вероятно, теперь в защиту теории социализма в отдельной стране, а как доказательство полной несовместимости схоластической казуистики с марксистской диалектикой.

9. Вопрос разрешим только на арене мировой революции

Новое учение гласит: социализм может быть построен на почве национального государства, *только бы не было интервенции*. Отсюда может и должна вытечь, несмотря на все торжественные заявления проекта программы, соглашательская политика по

отношению к чужестранной буржуазии. Цель — избежать интервенции: ведь этим будет обеспечено построение социализма, то есть решен основной исторический вопрос. Задача партий Коминтерна получает при этом вспомогательный характер: ограждать СССР от интервенции, а не бороться за завоевание власти. Дело идет, конечно, не о субъективных намерениях, а об объективной логике политической мысли.

> «Разногласие тут состоит в том, — говорит Сталин, — что партия считает эти (внутренние) противоречия и возможные конфликты *вполне преодолимыми* на основе собственных сил нашей революции, тогда как тов. Троцкий и оппозиция считают, что эти противоречия и конфликты могут быть преодолены «только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».
>
> «Правда», № 262, 12 ноября 1926 г.

Да, разногласие состоит именно в этом. Лучше, точнее нельзя выразить противоречие между национал-реформизмом и революционным интернационализмом. Если наши внутренние трудности, препятствия и противоречия, являющиеся в основе преломлением противоречий мировых, можно разрешить одними лишь «собственными силами нашей революции», не выходя «на арену мировой революции», тогда Интернационал есть отчасти вспомогательное, отчасти праздничное учреждение, конгрессы которого можно собирать раз в 4 года, раз в 10 лет или вовсе не собирать. Если даже прибавить, что иностранный пролетариат должен охранять наше строительство от военной интервенции, то Интернационал, по этой схеме, должен играть роль *пацифистского* орудия. Его основная роль, как роль орудия мировой революции, отступает при этом неизбежно на задний план. И это — повторяем — не вследствие чьих-либо сознательных намерений, наоборот, целый ряд мест в программе свидетельствуют о самых лучших намерениях авторов, — а вследствие внутренней логики новой теоретической установки, что в тысячу раз опаснее самых худших субъективных намерений.

Ведь уже на VII пленуме ИККИ Сталин отваживался развивать и доказывать следующую мысль:

> «Наша партия не имеет права обманывать (!) рабочий класс, она должна была бы сказать прямо, что *отсутствие уверенности* (!) в возможность построения социализма в нашей стране ведет к отходу от власти и переходу нашей партии от положения правящей к положению оппозиционной партии».
>
> Стенографический отчет, т. 2, стр. 10; подчеркнуто нами.

Это значит: ты имеешь право надеяться только на скудные ресурсы национальной экономики — не смей надеяться на неисчерпаемые ресурсы международного пролетариата. Если не можешь обойтись без международной революции, сдавай власть — ту самую октябрьскую власть, которую мы завоевали в интересах международной революции. Вот до какого идейного падения можно дойти, исходя из ложной в корне установки!

Проект высказывает бесспорную мысль, когда говорит, что хозяйственные успехи СССР представляют собою неотъемлемую часть мировой пролетарской революции. Но политическая опасность новой теории состоит в ложной сравнительной оценке двух рычагов мирового социализма: рычага наших хозяйственных достижений и рычага мировой пролетарской революции. Без победоносной пролетарской революции мы социализма не построим. Это европейские рабочие и рабочие всего мира должны ясно понимать. Рычаг хозяйственного строительства имеет огромное значение. При неправильном руководстве ослабляется диктатура пролетариата, а падение ее нанесло бы такой удар международной революции, от которого она не оправилась бы в течение долгого ряда лет. Но решение основной исторической тяжбы между миром социализма и миром капитализма зависит от второго рычага, то есть от мировой пролетарской революции. Гигантское значение Советского Союза в том, что он является опорной базой мировой революции, а вовсе не в том, будто он, независимо от нее, способен построить социализм.

Тоном величайшего превосходства, ничем не мотивированного, Бухарин неоднократно спрашивал нас:

> «Если уже имеются предпосылки, отправные пункты, достаточный базис и даже известные успехи в деле строительства социализма, то где же тот предел, с которого все «делается наоборот»? Такой грани нет».
>
> Стенографический отчет VII пленума ИККИ, стр. 116.

Это плохая геометрия, а не историческая диалектика. Такая «грань» может быть. Таких граней может быть несколько, и внутренних, и международных, и политических, и экономических, и военных. Важнейшей и грознейшей «гранью» могло бы явиться серьезное и длительное упрочение мирового капитализма и новый его подъем. Вопрос экономически и политически выходит, следовательно, на мировую арену. Может ли буржуазия обеспечить себе новую эпоху капиталистического роста? Отрицать начисто такую возможность, рассчитывая на «безвыходное»

положение капитализма, было бы просто революционным пустосвятством. «Абсолютно безвыходных положений не бывает» (Ленин). Нынешнее состояние неустойчивого классового равновесия в странах Европы — именно потому, что оно неустойчивое, — не может длиться без конца.

Когда Сталин и Бухарин доказывают, что СССР может обойтись и без «государственной» помощи иностранного пролетариата, то есть без его победы над буржуазией, так как нынешнее активное сочувствие рабочих масс прикрывает нас от интервенции, то это такая же слепота, как и все вообще разветвления основной их ошибки.

Совершенно неоспоримо, что после того, как социал-демократия сорвала послевоенное восстание европейского пролетариата против буржуазии, активное сочувствие рабочих масс спасло Советскую Республику. Европейская буржуазия в эти годы оказалась не в силах вести против рабочего государства большую войну. Но думать, что такое соотношение сил может удержаться многие годы, примерно до построения социализма в СССР, значит проявлять величайшую близорукость, определяя всю кривую по ее небольшому отрезку. Такое неустойчивое положение, когда пролетариат не может взять власть, а буржуазия не чувствует себя твердым хозяином в доме, должно годом раньше или позже круто разрешиться в ту или другую сторону, то есть либо в сторону пролетарской диктатуры, либо в сторону серьезного и длительного упрочения буржуазии на плечах народных масс, на костях колониальных народов и... как бы не на наших костях. «Абсолютно безвыходных положений не бывает». Длительный выход из своих тягчайших противоречий европейская буржуазия может найти только на пути поражений пролетариата и ошибок революционного руководства. Но верно и обратное положение. Нового подъема мирового капитализма (разумеется, с перспективой новой эпохи больших потрясений) не будет только в том случае, если пролетариат сумеет найти выход из нынешнего неустойчивого равновесия на революционном пути.

> «Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, — говорил Ленин 19 июля 1920 г., на II конгрессе, — что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции».
> Ленин, т. XVII, стр. 264.

Наши же внутренние противоречия, непосредственно зависящие от хода европейской и мировой борьбы, могут быть разумно

регулируемы и смягчаемы правильной внутренней политикой, основанной на марксистском предвидении; но преодолены они могут быть только вместе с устранением классовых противоречий, о чем до победоносной европейской революции не может быть и речи. Сталин прав: разногласие именно в этом, и это есть коренное разногласие между национальным реформизмом и революционным интернационализмом.

10. Теория социализма в отдельной стране как источник социал-патриотических блужданий

Теория социализма в отдельной стране неотвратимо ведет к преуменьшению трудностей, которые надо преодолеть, и преувеличению сделанных достижений. Не найти более антисоциалистического и антиреволюционного утверждения, чем заявление Сталина о том, что социализм у нас на 9/10 осуществлен. Это как бы специально рассчитано на самодовольного бюрократа. Таким путем можно безнадежно скомпрометировать идею социалистического общества в глазах трудящихся масс. Успехи советского пролетариата грандиозны, если принять во внимание условия, в каких они достигнуты, и унаследованный от прошлого низкий уровень культуры. Но эти достижения представляют собою крайне малую величину на весах социалистического идеала. Чтоб у рабочего, батрака, крестьянина-бедняка, которые видят вокруг себя на одиннадцатом году революции бедность, нищету, безработицу, хлебные хвосты, безграмотность, беспризорность, пьянство, проституцию, не опустились руки, нужна жесткая правда, а не нарядная ложь. Вместо того чтобы привирать им, будто 9/10 социализма уже осуществлены, надо сказать им, что мы сейчас, по нашему хозяйственному уровню, по нашим бытовым и культурным условиям, еще гораздо ближе к капитализму, притом отсталому и некультурному, чем к социалистическому обществу. Надо сказать им, что на дорогу *настоящего* социалистического строительства мы вырвемся только после того, как возьмет в руки власть пролетариат наиболее передовых стран; что работать над этим надо не покладая рук, и притом на двух рычагах: на коротком рычаге наших внутренних хозяйственных усилий и на длинном рычаге международной борьбы пролетариата.

Словом, вместо сталинских слов об уже осуществленных девяти десятых социализма надо сказать им ленинские слова:

«Русь (убогая.— Л. Т.) станет таковой (обильной.— Л. Т.), если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили» (т. XV, стр. 165).

* * *

От видных работников Коминтерна приходится слышать такой довод: теория социализма в отдельной стране, разумеется, несостоятельна; но она дает русским рабочим в трудных условиях перспективу и тем самым бодрит их. Трудно измерить глубину теоретического падения тех, которые в программе ищут не научно обоснованной классовой ориентировки, а нравственного утешения. Утешительные теории, находящиеся в противоречии с фактами, относятся к области религии, а не науки; религия же есть опиум народа.

Через свой героический период наша партия прошла с программой, которая целиком ориентируется на международную революцию, а не на социализм в отдельной стране. Под программным знаменем, на котором написано, что отсталая Россия одними собственными силами социализма не построит, комсомол прошел через самые боевые годы гражданской войны, голода, холода, тяжелых субботников и воскресников, эпидемий, учебы натощак, неисчислимых жертв, оплачивавших каждое продвижение вперед. Партийцы и комсомольцы сражались на фронтах или таскали бревна на вокзалах не потому, что из этих бревен надеялись построить здание национального социализма, а потому, что служили международной революции, которая требует, чтобы советская крепость держалась, а советской крепости важно каждое лишнее бревно. Вот как мы подходили к вопросу. Сроки изменились, передвинулись, да и то не бог весть как, но принципиальный подход остается во всей своей силе и теперь. Пролетарий, бедняк-партизан, комсомолец заранее показали всем своим поведением до 1925 г., когда впервые было провозглашено новое евангелие, что они не нуждаются в нем. Но в нем нуждаются чиновник, сверху вниз глядящий на массу, крохобор-администратор, желающий, чтобы его не тревожили, аппаратчик, стремящийся всеми командовать под прикрытием спасительной и утешительной формулы. Вот они-то думают, что темному народу нужна «благая весть», что без утешительных учений с народом сладить нельзя. Вот они-то подхватывают лживые слова о «девяти

десятых социализма», ибо эта формула освящает их привилегированное положение, их право на приказ, на команду, их потребность освободиться от критики «маловеров» и «скептиков».

Жалобы и обвинения, будто отрицание возможности построить социализм в отдельной стране угашает дух и убивает энергию, теоретически и психологически совершенно сродни, несмотря на все различие условий, тем обвинениям, какие реформисты всегда направляли по этой линии против революционеров. «Вы говорите рабочим, что они не могут достигнуть решительного улучшения своего положения в рамках капиталистического общества, — так возражали реформисты, — этим самым вы убиваете в них энергию борьбы». На самом деле только под руководством революционеров рабочие по-настоящему боролись и за экономические завоевания, и за парламентские реформы.

Рабочий, который понимает, что нельзя построить социалистический рай в качестве оазиса в аду мирового капитализма; что судьба Советской Республики, а значит и его собственная, полностью зависит от международной революции, будет с гораздо большей энергией выполнять свой долг по отношению к СССР, чем тот рабочий, которому говорят, что то, что есть, это уже будто бы девять десятых социализма. «Стоит ли тогда к социализму стремиться?» Реформистская установка и здесь, как всегда, бьет не только по революции, но и по реформе.

* * *

В уже цитированной статье 1915 г., посвященной лозунгу Соединенных Штатов Европы, мы писали:

> «Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма. Вальян до конца дней своих считал Францию обетованной землей социальной революции и именно в этом смысле стоял за ее защиту до конца. Ленч и другие — одни лицемерно, другие искренно — считают, что поражение Германии означает в первую голову разрушение основы социальной революции....
> Не нужно вообще забывать, что в социал-патриотизме, наряду с вульгарнейшим реформизмом, подвизается национально-революционный мессианизм, который считает именно свое национальное государство — по состоянию ли его индустрии, или по его «демократической» форме и революционным завоеваниям — призванным ввести человечество в социализм или в «демократию». Если бы победоносная революция, действитель-

но, мыслима была в пределах одной более подготовленной нации, этот мессианизм, связанный с программой национальной обороны, имел бы свое относительное историческое оправдание. Но он его на самом деле не имеет. Бороться за сохранение национальной базы революции такими методами, которые подрывают интернациональные связи пролетариата, значит фактически подкапываться под революцию, которая не может не начаться на национальной базе, но которая не может на ней завершиться при нынешней экономической и военно-политической взаимозависимости европейских государств, никогда еще не раскрывавшейся с такой силой, как именно в нынешней войне. Этой взаимозависимости, которая будет прямо и непосредственно обусловливать согласование действий европейского пролетариата в революции, и дает выражение лозунг Соединенных Штатов Европы».

Троцкий, т. III, ч. 1, стр. 90—91.

Исходя из своего ложного толкования полемики 1915 г., Сталин не раз пытался представить дело так, будто указание на «национальную ограниченность» относится здесь к Ленину. Трудно представить себе большую бессмыслицу. Когда мне приходилось полемизировать с Лениным, я делал это всегда открыто, ибо руководствовался только идейными соображениями. В данном случае речь ни в малейшей мере не шла о Ленине. В статье прямо названы те, против которых обвинения направлены: Вальян, Ленч и другие. Надо помнить, что 1915 год был годом социал-патриотической вакханалии и разгромом нашей борьбы против нее. Всякий вопрос мы испытывали на этом оселке.

Основной вопрос в приведенной цитате поставлен несомненно правильно: *установка на построение социализма в отдельной стране есть социал-патриотическая установка.*

Патриотизм немецких социал-демократов начался как законнейший патриотизм своей партии, самой могущественной из пар-тий II Интернационала. На основе высокой немецкой техники и высоких организаторских качеств немецкого народа германская социал-демократия собиралась построить «свое» социалистическое общество. Если оставить в стороне прожженных бюрократов, карьеристов, парламентских дельцов и политических мошенников вообще, то социал-патриотизм рядового социал-демократа вытекал именно из надежды на построение немецкого социализма. Нельзя же думать, будто сотни тысяч кадровых социал-демократов — о миллионах рядовых рабочих нечего и говорить — стремились защитить Гогенцоллерна или буржуазию. Нет, они хотели защитить немецкую промышленность, немецкие железные и шоссейные дороги, немецкую

технику и культуру, прежде всего организации немецкого рабочего класса, как «необходимые и достаточные» национальные предпосылки для социализма.

Однородный процесс происходил и во Франции. Гед, Вальян, с ними тысячи лучших кадровиков партии, сотни тысяч рядовых рабочих считали, что именно Франция, с ее мятежными традициями, с ее героическим пролетариатом, с ее высококультурным, гибким и талантливым населением, есть обетованная земля социализма. Не банкиров, не рантье защищали старик Гед, коммунар Вальян и с ними тысячи и сотни честных рабочих. Они искренне верили, что защищают почву и творческую силу грядущего социалистического общества. Они целиком исходили из теории социализма в отдельной стране и пожертвовали этой идее, считая, что это «временно», международной солидарностью.

Сопоставление с социал-патриотами, конечно, вызовет тот ответ, что патриотизм по отношению к советскому государству есть революционный долг, патриотизм же по отношению к буржуазному государству есть предательство. Это-то так. Разве об этом среди взрослых революционеров может быть спор? Но бесспорное положение превращается, чем дальше, тем больше, в схоластическое прикрытие заведомой фальши.

Революционный патриотизм может иметь только классовый характер. Он начинается как патриотизм партийной организации, профессионального союза и поднимается до государственного патриотизма, когда пролетариат захватывает власть. Где власть в руках у рабочих, патриотизм есть революционный долг. Но этот патриотизм должен составлять неотъемлемую часть революционного интернационализма. Марксизм всегда учил рабочих, что даже борьба за заработную плату и рабочий день не может быть успешной, если она не ведется как международная борьба. А теперь вдруг оказывается, что идеал социалистического общества можно осуществить одними лишь национальными силами. Это смертельный удар по Интернационалу. Несокрушимое убеждение в том, что основную классовую цель, еще меньше, чем частичные задачи, можно осуществить национальными средствами или в национальных рамках, составляет сердцевину революционного интернационализма. Если конечная цель осуществима в национальных границах усилиями национального пролетариата, тогда надломлен становой хребет интернационализма. Теория осуществимости социализма в отдельной стране разрывает внутреннюю связь патриотизма победоносного пролетариата с пораженчест-

вом пролетариата буржуазных стран. Пролетариат передовых капиталистических государств пока еще только идет к власти. Как и какими путями он будет к ней идти, зависит целиком и полностью от того, считает ли он задачу построения социалистического общества национальной задачей или международной.

Если вообще возможно осуществить социализм в отдельной стране, то верить в эту теорию можно ведь не только *после* завоевания власти, но и *до* него. Если в отсталом СССР социализм осуществим в национальных границах, то тем более в передовой Германии. Завтра развитием этой теории займутся руководители германской коммунистической партии. Проект программы их на это уполномочивает. Послезавтра придет очередь за французской партией. Это будет началом распада Коминтерна по линии социал-патриотизма. Коммунистическая партия любой капиталистической страны, проникшись мыслью, что внутри ее государства имеются все «необходимые и достаточные» предпосылки для самостоятельного построения «полного социалистического общества», не будет по существу ничем отличаться от революционной социал-демократии, которая тоже начинала не с Носке, но на этом самом вопросе окончательно споткнулась 4 августа 1914 г.

Когда говорят, что самый факт существования СССР есть страховка против социал-патриотизма, ибо по отношению к рабочей республике патриотизм есть революционный долг, то в этом одностороннем использовании правильной мысли и выражается национальная ограниченность: имеют в виду лишь СССР, закрывая глаза на весь мировой пролетариат. Перевести его на позицию пораженчества по отношению к буржуазному государству можно только интернациональной установкой программы в центральном вопросе и беспощадным отпором пока еще замаскированной социал-патриотической контрабанде, пытающейся свить себе теоретическое гнездо в программе ленинского Интернационала.

Еще не поздно повернуть назад — на путь Маркса и Ленина. Этот поворот назад открывает единственный мыслимый путь вперед. Чтоб добиться этого спасительного поворота, мы и обращаемся к VI конгрессу Коминтерна с настоящей критикой проекта программы.

II. Стратегия и тактика империалистской эпохи

1. Полная несостоятельность центральной главы проекта

Проект программы включает в себя главу, посвященную вопросам революционной *стратегии*. Нельзя не признать этого — по замыслу — совершенно правильным и отвечающим цели и духу международной программы пролетариата в империалистскую эпоху.

Понятие о революционной стратегии укрепилось только в послевоенные годы, первоначально под несомненным влиянием военной терминологии. Но укрепилось оно совершенно не случайно. До войны мы говорили только о тактике пролетарской партии, и это понятие достаточно точно отвечало господствовавшим тогда профессиональным парламентским методам, не выходившим за рамки текущих требований и задач. Тактика исчерпывается системой мер, служащих частной очередной задаче или отдельной отрасли классовой борьбы. Революционная же стратегия охватывает комбинированную систему действий, которые в своей связи и последовательности, в своем нарастании должны привести пролетариат к завоеванию власти.

Основные принципы революционной стратегии формулированы, разумеется, с тех пор как марксизмом поставлена перед революционными партиями пролетариата задача завоевания власти на основе классовой борьбы. Но I Интернационал успел в сущности только теоретически формулировать эти принципы и частично проверить их на опыте различных стран. Эпоха II Интернационала привела к таким методам и воззрениям, при которых, по пресловутому выражению Бернштейна, «движение — все, конечная цель — ничто». Другими словами, стратегическая задача сошла на нет, растворясь в повседневном «движении» с его частными тактическими злобами дня. Только III Интернационал восстановил в правах революционную стратегию коммунизма, полностью подчинив ей тактические методы. Благодаря неоценимому опыту первых двух Интернационалов, на плечах которых стоит III; благодаря революционному характеру нынешней эпохи и гигантскому историческому опыту Октябрьского переворота стратегия III Интернационала сразу получила боевую полнокровность и величайший исторический размах. В то же время десятилетие нового Интернационала развертывает перед нами панораму

не только великих битв, но и величайших поражений пролетариата начиная с 1918 г. Вот почему вопросы стратегии и тактики должны, в известном смысле, занять центральное место в программе Коминтерна. В действительности же глава проекта, посвященная стратегии и тактике Коммунистического Интернационала, с подзаголовком «Путь к диктатуре пролетариата», является наиболее слабой, почти совершенно бессодержательной главой; в части же, касающейся Востока, представляет собою обобщение сделанных ошибок и подготовку новых.

Вступительная часть этой главы занята критикой анархизма, революционного синдикализма, конструктивного социализма, гильдейского и пр. Здесь чисто литературное подражание Манифесту Коммунистической партии, который открывал эру научно обоснованной политики пролетариата гениально-сжатой характеристикой важнейших разновидностей утопического социализма. Заниматься к десятилетию Коминтерна беглой худосочной критикой «теории» Корнелиссена, Артуро Лабриола, Б.Шоу или мало кому известных гильдейцев значит не на политическую потребность отвечать, а становиться жертвой чисто литературного педантства. Этот балласт можно смело перевести из программы в область пропагандистской литературы.

В отношении же стратегических задач в собственном смысле проект ограничивается дальше школьными прописями:

> «Завоевание под (?) свое влияние большинства членов своего собственного класса...»
>
> «Завоевание под (?) свое влияние широких кругов трудящихся масс вообще...»
>
> «В особенности важное значение имеет изо дня в день идущая работа по завоеванию профессиональных союзов...»
>
> «Громадное значение имеет также (?) завоевание широких слоев беднейшего крестьянства...»

Все эти прописные истины, сами по себе бесспорные, просто перечислены подряд, то есть даны вне связи с характером исторической эпохи и потому *в нынешнем* своем абстрактно-школьном виде могли бы без труда войти в резолюцию II Интернационала. Сухо и скупо, в одном схематическом отрывке, меньшем по размерам, чем отрывок о «конструктивном» и «гильдейском» социализме, излагается центральная проблема программы, то есть стратегия революционного переворота,— условия и пути подхода к вооруженному восстанию, само восстание и завоевание власти, — абстрактно, педантично, без малейшего обращения к живому опыту нашей эпохи.

Упоминание о великих битвах пролетариата в Финляндии, Германии, Австрии и Венгерской Советской Республике, о сентябрьских днях в Италии, о германских событиях 1923 г., о всеобщей стачке в Англии и прочее встречаются в виде голого хронологического перечня, но не в шестой главе, о стратегии пролетариата, а во второй — о «кризисе капитализма и первой фазе мировой революции». Другими словами, великие бои пролетариата берутся лишь как объективные события, как выражения «общего кризиса капитализма», но не как стратегические опыты пролетариата. Достаточно сказать, что обязательное само по себе отвержение революционного авантюризма («путчизма») сделано в проекте без попытки ответить на вопрос о том, были ли, скажем, восстания в Эстонии, или взрыв собора в Софии в 1924 г., или последнее восстание в Кантоне героическими проявлениями революционного авантюризма или, наоборот, планомерными действиями революционной стратегии пролетариата. Проект, который по вопросу о «путчизме» не отвечает на этот жгучий вопрос, есть канцелярски-дипломатическая отписка, а не документ коммунистической стратегии.

Абстрактная сверхисторическая постановка вопросов революционной борьбы пролетариата, разумеется, не случайна для данного проекта. Помимо общего литераторски-педантичного, резонерствующего, бухаринского, а не революционно-действенного подхода к вопросам, причиной здесь является еще и то обстоятельство, что авторы проекта, по слишком понятным причинам, предпочитают вообще не прикасаться слишком близко к стратегическим урокам последнего пятилетия.

Программу революционного действия нельзя, однако, брать как собрание отвлеченных положений, независимо от того, что за эти исторические годы произошло. Программа не может, конечно, описывать происшедшее, но она должна исходить из него, на него опираться, его охватывать, на него ссылаться. Надо, чтобы программа через свои положения давала возможность осмыслить все крупные факты борьбы пролетариата и все крупные факты идейной борьбы внутри Коминтерна. Если это верно по отношению к программе в целом, то тем более по отношению к той ее части, которая особо посвящена вопросам стратегии и тактики. Здесь надо, по ленинскому выражению, *записать завоеванное,* — равно и упущенное, которое превращается в «завоеванное», если оно понято и усвоено. Пролетарскому авангарду нужен не каталог общих мест, а руководство к действию. Мы будем поэтому

рассматривать проблемы «стратегической» главы в самой тесной связи с опытом послевоенной борьбы, особенно последнего пятилетия трагических ошибок руководства.

2. Основные особенности стратегии в революционную эпоху и роль партии

Глава, посвященная стратегии и тактике, не дает даже сколько-нибудь связанной «стратегической» характеристики империалистской эпохи, как эпохи пролетарских революций, в ее противопоставлении с довоенной эпохой.

Правда, в первой главе проект характеризует период промышленного капитализма в целом как «период сравнительно плавного эволюционирования и распространения капитализма по всему земному шару в условиях (?) дележа свободных колоний и их вооруженного захвата...».

Эта характеристика, достаточно, правда, противоречивая, явно идеализирует все же эпоху промышленного капитализма, которая была эпохой грандиозных потрясений, войн и революций, далеко превосходящих по этой части все человеческое прошлое. Идиллическая характеристика понадобилась, видимо, для того, чтобы хоть слегка оправдать недавнее несообразное утверждение авторов проекта, будто бы в эпоху Маркса — Энгельса «не могло быть и речи» о законе неравномерного развития. Но если ложна характеристика всей истории промышленного капитализма, как «плавного эволюционирования», то крайне важно выделить в этой истории особую европейскую эпоху с 1871 до 1914 г., по крайней мере до 1905 г., как эпоху органического накопления противоречий, которые во внутренних классовых отношениях Европы почти не выходили за пределы легальной борьбы, а в международных отношениях укладывались в рамки вооруженного мира. Это и была эпоха возникновения, развития и окостенения II Интернационала, прогрессивно-историческая роль которого целиком закончилась с началом империалистской войны.

Политика, взятая как массовая историческая сила, всегда отстает от экономики. Если царство финансового капитала и трестовских монополий начинается уже к концу 19-го столетия, то отражающая этот факт новая эпоха в мировой политике начинается с империалистской войны, с Октябрьской революции и с основания III Интернационала.

В основе взрывчатого характера новой эпохи, с ее крутой сменой политических приливов и отливов, с постоянными спазмами классовой борьбы между фашизмом и коммунизмом, заложен тот факт, что мировая капиталистическая система исторически исчерпала себя и не способна *как целое* подниматься вверх. Это не значит, что не растут и не будут еще расти, притом в небывалом ранее темпе, отдельные отрасли промышленности и отдельные страны. Но это развитие совершается и будет совершаться за счет задержки роста других отраслей и стран. Издержки производства мировой капиталистической системы все больше пожирают приносимый ею мировой доход. И так как привыкшая к мировому господству Европа, со своей инерцией быстрого и почти непрерывного довоенного роста, резче всех других частей света уперлась в новое соотношение сил, в новое распределение мирового рынка, в углубленные войною противоречия, то именно для нее наступил наиболее крутой переход от довоенной «органической» эпохи к эпохе революционной.

Теоретически не исключена, правда, и новая глава *общего* капиталистического подъема, в лице наиболее могущественных, командующих и ведущих стран. Но для этого капитализму понадобилось бы взять еще гигантские барьеры классового и международного порядка: надолго подавить пролетарскую революцию, окончательно закабалить Китай, опрокинуть Советскую Республику и пр. и пр. До этого очень далеко. Теоретическая возможность меньше всего похожа на политическую вероятность. Конечно, очень многое тут зависит от нас, то есть от революционной стратегии Коминтерна. В последнем счете этот вопрос разрешит мировая борьба сил. Но в нынешнюю эпоху, для которой и строится программа, общее капиталистическое развитие стоит перед непреодолимыми барьерами противоречий и бешено бьется в них. Это и придает эпохе ее революционный, а революции — ее перманентный характер.

Революционный характер эпохи состоит не в том, что она позволяет в каждый данный момент совершить революцию, то есть захватить власть. Революционный характер эпохи состоит в глубоких и резких колебаниях, в крутых и частых переходах от непосредственно революционной обстановки, то есть такой, когда коммунистическая партия может претендовать на власть, к победе фашистской или полуфашистской контрреволюции, от этой последней — к временному режиму золотой середины («левый блок», включение социал-демократии в коалицию, при-

ход к власти партии Макдональда и пр.), чтобы затем опять довести противоречия до острия бритвы и поставить ребром вопрос о власти.

Что мы имели в Европе в течение последних десятилетий, перед войной? В экономике: через «нормальные» конъюнктурные колебания — могучий подъем производительных сил. В политике: через второстепенные зигзаги — рост социал-демократии, за счет либерализма и «демократии». Другими словами: планомерный процесс обострения экономических и политических противоречий и в этом смысле — создание предпосылок пролетарской революции.

Что мы имеем в Европе после войны? В экономике: неправильные судорожные сжатия и расширения производства, в общем — несмотря на большие технические успехи отдельных отраслей — вокруг довоенного уровня. В политике: бешеные колебания политической ситуации влево и вправо. Совершенно очевидно, что крутые повороты в политической обстановке в течение одного-двух-трех лет определяются не переменами в основных факторах хозяйства, а причинами и толчками чисто надстроечного порядка, знаменуя тем самым крайнюю неустойчивость всей системы, фундамент которой разъедается непримиримыми противоречиями.

Отсюда только и вытекает в полной мере значение революционной стратегии в противовес тактике. Отсюда же вытекает и новое значение партии и партийного руководства.

Проект ограничивается формальным определением партии (авангард, теория марксизма, воплощение опыта и пр.), которое звучало бы неплохо в программе левой социал-демократии до войны. Сейчас этого совершенно недостаточно.

В условиях растущего капитализма даже и самое лучшее партийное руководство могло лишь ускорять формирование рабочей партии. Ошибки руководства могли, наоборот, замедлять это формирование. Объективные предпосылки пролетарской революции вызревали медленно, и работа партии сохраняла свой подготовительный характер.

Сейчас каждое новое резкое изменение политической обстановки влево передает решение в руки революционной партии. Если последняя упускает критический перелом ситуации, эта последняя переходит в свою противоположность. В этих условиях роль партийного руководства получает исключительное значение. Ленинские слова насчет того, что два-три дня могут решить судьбу

международной революции, были бы почти непонятны в эпоху II Интернационала. В нашу эпоху, наоборот, дано было слишком много подтверждений этих слов, — за вычетом Октября, подтверждений отрицательных. Только из этих общих условий становится понятно совершенно исключительное место, занимаемое Коммунистическим Интернационалом и его руководством в общей механике нынешней исторической эпохи.

Нужно уяснить себе, что исходной и основной причиной так называемой «стабилизации» является противоречие между общей расшатанностью всей экономической и социальной обстановки капиталистической Европы и колониального Востока, с одной стороны, и слабостью, неподготовленностью, нерешительностью коммунистических партий, жестокими ошибками их руководства, с другой.

Не так называемая стабилизация, неизвестно откуда надвинувшаяся, приостанавливала развитие революционной ситуации 18—19-го или позднейших годов, а, наоборот, неиспользованная революционная ситуация переходила в свою противоположность и обеспечивала буржуазии возможность сравнительно успешной борьбы за стабилизацию. Обострившиеся противоречия этой «стабилизационной» борьбы, лучше сказать — борьбы за дальнейшее существование и развитие капитализма, подготовляют на каждом новом этапе предпосылки новых классовых и международных потрясений, то есть новых революционных ситуаций, развертывание которых целиком зависит от пролетарской партии.

Роль субъективного фактора может оставаться вполне подчиненной в эпоху медленного органического развития, когда и складываются различные постепенновские поговорки: «Тише едешь, дальше будешь», «Против рожна не попрешь» и прочее, которые выражают собою тактическую мудрость органической эпохи, не выносящей «перепрыгивания через этапы». Когда же объективные предпосылки созрели, тогда ключ ко всему историческому процессу передается в руки субъективного фактора, то есть партии. Оппортунизм, сознательно или бессознательно живущий внушениями прошлой эпохи, всегда склонен к недооценке роли субъективного фактора, то есть значения партии и революционного руководства. Это сказалось полностью в дискуссиях по поводу уроков немецкого Октября, по поводу Англо-русского комитета и китайской революции. Во всех этих случаях, как и в других менее значительных, оппортунистическая тенденция выступала как линия, непосредственно рассчитывающая на «массы»

и потому пренебрегающая «верхушечными» вопросами революционного руководства. Теоретически ложная вообще, такая постановка является гибельной в империалистскую эпоху.

Октябрьская революция явилась результатом особого соотношения классовых сил в России и во всем мире и особого их развития в процессе империалистской войны. Это общее положение азбучно для марксиста. Тем не менее нет никакого противоречия с марксизмом в постановке такого, например, вопроса: взяли ли бы мы власть в Октябре, если бы Ленину не удалось приехать своевременно в Россию? Многое говорит за то, что могли бы и не взять. Сопротивление на верхах партии — в значительной мере тех самых, кстати сказать, которые определяют нынешнюю политику, — было очень значительно и при Ленине. Оно было бы неизмеримо сильнее без Ленина. Партия могла бы не успеть взять своевременно необходимый курс, а времени было отпущено мало. В такие периоды решают иногда несколько дней. Рабочие массы напирали бы снизу с большим героизмом, но без уверенности и сознательно идущего к цели руководства победа была бы маловероятной. Тем временем, сдав немцам Питер и разбив разрозненные пролетарские восстания, буржуазия могла бы упрочить свою власть, вернее всего, в бонапартистской форме, при помощи сепаратного мира с Германией и других мер. Весь ход событий мог бы направиться по другому пути на ряд лет.

В германской революции 1918 г., в венгерской революции 1919 г., в сентябрьском движении итальянского пролетариата в 1920 г., в английской всеобщей стачке 1926 г., в венском восстании 1927 г., в китайской революции 1925—1927 гг. — на разных ступенях, в разной форме — сказывается одно и то же политическое противоречие всего истекшего десятилетия: объективно зрелой революционной обстановке, зрелой не только в своих социальных основах, но нередко и в боевых настроениях масс, не хватает субъективного фактора, то есть массовой революционной партии, либо же этой партии не хватает дальнозоркого и мужественного руководства.

Разумеется, слабость коммунистических партий и их руководства не с неба свалилась, а является продуктом всего прошлого Европы. Но при нынешней зрелости объективно-революционных противоречий коммунистические партии могли бы развиваться быстрым темпом, — разумеется, при наличии правильного руководства Коминтерна, которое ускоряло бы, а не замедляло

процесс их созревания. Если противоречие вообще является важнейшей пружиной движения вперед, то сейчас для Коминтерна, по крайней мере его европейской части, главной пружиной исторического движения вперед должно быть ясное понимание противоречия между общей революционной зрелостью (несмотря на приливы и отливы) объективной обстановки и недозрелостью международной партии пролетариата.

Без широкого, обобщенного, диалектического понимания нынешней эпохи, как эпохи крутых поворотов, невозможно действительное воспитание молодых партий, правильное стратегическое руководство классовой борьбой, правильное комбинирование ее тактических приемов и, прежде всего, резкое, смелое, решительное перевооружение при очередном переломе ситуации. А именно два-три дня крутого перелома и решают иногда судьбу международной революции на годы.

Посвященная стратегии и тактике глава проекта говорит о борьбе партии за пролетариат — *вообще*, о всеобщей стачке и вооруженном восстании — *вообще*, но совершенно не вскрывает своеобразного характера и внутреннего ритма современной эпохи, без теоретического понимания и политического «ощущения» которого немыслимо действительно революционное руководство.

Вот почему эта глава так педантична, так худосочна, так несостоятельна с начала до конца.

3. Третий конгресс и вопрос о перманентности революционного процесса — по Ленину и по Бухарину

В политическом развитии Европы после войны можно наметить три периода: первый — с 1917 по 1921 г.; второй — с марта 1921 г. по октябрь 1923 г.; третий — с октября 1923 г. до английской всеобщей стачки и, пожалуй, до настоящего момента.

Послевоенное революционное движение масс было совершенно достаточно для того, чтобы опрокинуть буржуазию. Но некому было это сделать. Социал-демократия, возглавлявшая старые организации рабочего класса, приложила все силы к тому, чтоб спасти буржуазный режим. Ожидая в тот период непосредственного завоевания пролетариатом власти, мы рассчитывали на то, что революционная партия быстро созреет в огне гражданской войны. Но сроки не слились. Послевоенная волна схлынула,

прежде чем в борьбе с социал-демократией коммунистические партии выросли и возмужали для руководства восстанием.

В марте 1921 г. германская компартия делает попытку использовать падающую волну, чтоб одним ударом опрокинуть буржуазное государство. Руководящей мыслью германского Центрального комитета было: спасти советскую республику (теория социализма в отдельной стране еще не была провозглашена). Оказалось, однако, что для победы недостаточно решимости руководства и недовольства масс; нужен ряд других условий, и прежде всего тесная связь руководства с массами и доверие масс к руководству. Этого условия еще не было налицо.

Вехой между первым и вторым периодами был III конгресс Коминтерна, который установил недостаточность у коммунистических партий политических и организационных ресурсов для завоевания власти и выдвинул лозунг «К массам», то есть к завоеванию власти через *предварительное завоевание масс,* на основе их повседневной жизни и борьбы. Ибо в условиях революционной эпохи массы хоть и по-иному, но живут повседневной жизнью.

Эта установка встретила на конгрессе ярое сопротивление, теоретическим вдохновителем которого был Бухарин. Он стоял тогда на точке зрения своей, не Марксовой, перманентной революции: *так как* капитализм исчерпал себя, *то* нужно непрерывное революционное наступление, чтобы добиться победы. Позиция Бухарина всегда исчерпывается такого рода силлогизмами.

Бухаринской теории «перманентной» революции, согласно которой в революционном процессе немыслимы никакие перерывы, застойные периоды, отступления, переходные требования и прочее, я, разумеется, никогда не разделял. Наоборот, я боролся против этой карикатуры на перманентную революцию с первых же дней Октября.

Когда я, как и Ленин, говорил о несовместимости Советской Республики с миром империализма, я имел в виду великую стратегическую кривую, а не ее тактические изгибы. Наоборот, Бухарин, до того как он перешел в свою противоположность, неизменно развивал схоластическую карикатуру на Марксово понимание непрерывной революции. Бухарин считал во всю эпоху «левого коммунизма», что революция не допускает ни отступлений, ни временных сделок с врагом. После того как вопрос о Брестском мире, где моя позиция не имела с бухаринской

ничего общего, был оставлен далеко позади, Бухарин вместе со всем тогдашним ультралевым крылом Коминтерна вел линию мартовских дней 1921 г. в Германии, считая, что без «электризирования» пролетариата в Европе, без новых и новых революционных вспышек, советской власти грозит неминуемая гибель. Сознание несомненных опасностей, стоящих пред советской властью, не помешало мне, рука об руку с Лениным, вести на III конгрессе Коминтерна непримиримую борьбу против этой путчистской пародии на Марксово понимание перманентной революции. На III конгрессе мы десятки раз повторяли нетерпеливым левым: не спешите нас спасать, этим вы только погубите себя, а значит и нас; идите дорогой систематической борьбы за массы, чтобы прийти к борьбе за власть; нам нужна ваша победа, а не ваша готовность драться в неблагоприятных условиях; мы в Советской Республике продержимся на основах нэпа и продвинемся вперед; вы еще успеете своевременно прийти нам на помощь, если подготовите свои силы и используете благоприятную обстановку.

Хотя дело и происходило после X съезда, запретившего фракции, однако Ленин взял на себя инициативу создания головки новой фракции для борьбы против сильной тогда ультралевизны, и на наших узких совещаниях Ленин ребром ставил вопрос о том, какими путями повести дальнейшую борьбу, если III конгресс займет бухаринскую позицию. Наша тогдашняя «фракция» не развернулась только потому, что противники сильно «свернулись» уже во время конгресса.

Больше других загибал влево от марксизма, разумеется, Бухарин.

На том же III конгрессе и после него он вел борьбу против развивавшейся мною мысли о неизбежности повышения экономической конъюнктуры в Европе, причем после ряда поражений пролетариата я от этого неизбежного повышения конъюнктуры ждал не удара по революции, а, наоборот, нового толчка революционной борьбы. Бухарин, стоявший на точке зрения своей схоластической перманентности как экономического кризиса, так и революции в целом, вел против меня по этой линии длительную борьбу, пока факты не заставили его, с большим, как всегда, запозданием, признать, что он ошибался.

На III и IV конгрессах Бухарин боролся против политики единого фронта и переходных требований, исходя из своего механического понимания перманентности революционного процесса.

Борьбу этих двух тенденций — марксистского, синтетического понимания непрерывного характера пролетарской революции и схоластической пародии на марксизм, которая была отнюдь не только индивидуальной особенностью Бухарина, эту борьбу можно проследить на целом ряде других вопросов, как крупных, так и малых. Но не к чему: по существу сегодняшняя позиция Бухарина есть та же ультралевая схоластика «перманентной революции», только вывернутая наизнанку. Если примерно до 1923 г. Бухарин считал, что без перманентного экономического кризиса и перманентной гражданской войны в Европе советская республика погибнет, то теперь он открыл рецепт построения социализма без международной революции вообще. Вывернутая наизнанку бухаринская перманентность не стала от этого лучше, тем более что слишком часто нынешние руководители Коминтерна сочетают с оппортунизмом сегодняшней позиции авантюризм вчерашней, и наоборот.

III конгресс был большой вехой. Его поучения живы и плодотворны до сегодняшнего дня. IV конгресс только конкретизировал их. Лозунг III конгресса не просто гласил *к массам,* а *к власти через предварительное завоевание масс.* После того как в течение всего конгресса руководимая Лениным фракция (Ленин демонстративно называл ее «правым» крылом) несговорчиво одергивала конгресс назад, Ленин собрал в конце конгресса частное совещание, на котором пророчески предупредил: помните, что дело идет только о хорошем разбеге для революционного прыжка; борьба за массы — для борьбы за власть.

События 1923 г. показали, что эта ленинская позиция не была усвоена не только «руководимыми», но и многими из руководителей.

4. Германские события 1923 г. и уроки Октября

Переломным пунктом, открывающим новый послеленинский период развития Коминтерна, являются немецкие события 1923 г. Оккупация Рура французскими войсками (в начале 1923 г.) означала рецидив военного хаоса в Европе. Хотя этот второй приступ болезни был несравненно слабее, чем первый, но так как он обрушился на вконец истощенный организм Германии, то следовало с самого начала ожидать острых революционных пос-

ледствий. Руководство Коминтерна не учло этого своевременно. Германская компартия все еще продолжала стоять под односторонне усвоенным лозунгом III конгресса, который твердо свернул ее с угрожающего ей путчистского пути. Выше уже сказано, что самое трудное для революционного руководства в нашу эпоху крутых поворотов — это суметь в нужный момент прощупать пульс политической обстановки, уловить ее крутой перелом и своевременно дать твердый поворот рулю. Такие качества революционного руководства не даются одним только фактом присяги каждому очередному циркуляру Коминтерна: они завоевываются, при наличии необходимых теоретических предпосылок, путем самостоятельного опыта и подлинной самокритики. Крутой поворот от тактики мартовских дней 1921 г. к систематической революционной работе в печати, на собраниях, в профсоюзах и в парламенте дался не легко. После того как кризис поворота был преодолен, выросла опасность развития новой односторонности прямо противоположного характера. Повседневная борьба за массы поглощает все внимание, вырабатывает свою тактическую рутину и отвлекает взор от стратегических задач, вытекающих из изменений объективной обстановки.

Летом 1923 г. внутреннее положение Германии, особенно в связи с крахом тактики пассивного сопротивления, приняло катастрофический характер. Становилось совершенно ясным, что немецкая буржуазия лишь в том случае найдет выход из «безвыходного» положения, если коммунистическая партия не поймет своевременно, что положение буржуазии «безвыходно», и не сделает для себя из этого всех необходимых революционных выводов. Но именно коммунистическая партия, в руках которой был ключ, открыла этим ключом ворота для буржуазии.

Почему германская революция не привела к победе? Причины целиком в тактике, а не в условиях. Мы имели тут классический пример упущенной революционной ситуации. Повести германский пролетариат после всего, что он пережил за последние годы, в решающий бой можно было лишь в том случае, если бы он убедился, что на этот раз вопрос ставится ребром и что коммунистическая партия проделала этот поворот неуверенно и с чрезвычайным запозданием. Не только правые, но и левые, несмотря на острую борьбу друг с другом, до сентября — октября довольно фаталистически относились к процессу развития революции.

Разбирать сейчас, задним числом, насколько «обеспечено» было бы завоевание власти при правильной политике, достойно

педанта, а не революционера. Ограничимся приведением на этот счет одного прекрасного, хоть и чисто случайного, ибо единственного, свидетельства «Правды», которому противоречили все остальные рассуждения газеты.

> «Если коммунисты в мае 1924 г., при некоторой стабилизации марки, при известном укреплении буржуазии, при переходе средних слоев и мелкой буржуазии к националистам, после глубокого кризиса партии, после тяжелого поражения пролетариата, если после всего этого коммунисты могли собрать 3 700 000 голосов, то ясно, что в октябре 1923 г.— при небывалом кризисе хозяйства, при полном разложении средних слоев, при страшнейшей путанице в рядах с.-д. на фоне сильных и резких противоречий внутри самой буржуазии и небывалого боевого настроения пролетарских масс в промышленных центрах — компартия имела на своей стороне большинство населения, могла и должна была бороться и имела все шансы на успех».
>
> «Правда», 25 мая 1924 г.

И еще приведем слова неизвестного нам немецкого делегата на V конгрессе:

> «Нет в Германии ни одного сознательного рабочего, который не знал бы, что партия должна была бы тогда войти в бой, а не избежать его. О самостоятельной роли партии руководители КПГ забыли; это одна из главных причин октябрьского поражения».
>
> «Правда», 24 июня 1924 г.

Что происходило в течение 1923 г., особенно второй его половины, на верхах германской компартии и Коминтерна, об этом рассказано в дискуссиях многое, однако далеко не всегда в соответствии с тем, что было. Особенно напутал в этих вопросах Куусинен, который в 1924—1926 гг. имел своей задачей доказывать, что руководство Зиновьева было спасительным, подобно тому как с такого-то числа 1926 г. стал доказывать, что руководство Зиновьева было гибельным. Необходимый авторитет для такого рода ответственных суждений сообщает Куусинену тот факт, что сам он в 1918 г. сделал все, что было в его скромных силах, чтобы загубить революцию финляндского пролетариата.

Попытка навязать мне задним числом солидарность с линией Брандлера делалась не раз: в СССР — замаскированно, ибо тут многие знали, как обстояло дело; в Германии — открыто, ибо там никто ничего не знал. Совершенно случайно в моих руках имеется печатный осколок той напряженной идейной борьбы, которая велась в нашем ЦК по вопросам германской революции. В материалах к январской конференции 1924 г. Политбюро прямо

обвиняло меня в недоверчиво-враждебном отношении к немецкому ЦК в период, *предшествовавший* его капитуляции. Вот что в этих материалах рассказывается:

> «Тов. Троцкий раньше, чем покинуть заседание ЦК (сентябрьский пленум 1923 г.), произнес глубоко взволновавшую всех членов ЦК речь о том, будто бы руководство германской компартии никуда не годится, будто бы ЦК германской компартии проникнут фатализмом, ротозейством и т. п. В связи в этим, заявил тов. Троцкий, германская революция обречена на гибель. Речь эта произвела угнетающее впечатление на всех присутствующих. Но громадное большинство товарищей считало, что эта филиппика связана с посторонним германской революции эпизодом (?!), бывшим на пленуме ЦК, и *не соответствует объективному положению вещей*».
>
> Материалы к конференции РКП, январь 1924 г., стр. 14; подчеркнуто нами.

Как бы ни объясняли члены ЦК мое предупреждение, не первое по счету, оно было продиктовано только заботой о судьбе германской революции. К несчастью, оно подтвердилось целиком, в частности и потому, что большинство ЦК руководящей партии, по собственному признанию, не поняло своевременно, что предупреждение вполне «соответствует объективному положению вещей». Конечно, я предлагал не смену брандлеровского ЦК наспех, каким-либо другим,— накануне решающих событий такая смена была бы чистейшим авантюризмом,— я предлагал с лета 1923 г. более своевременную и решительную установку в вопросе о переходе к вооруженному восстанию и соответственную мобилизацию сил в помощь германскому Центральному комитету. Позднейшая попытка подкинуть мне солидарность с линией брандлеровского ЦК, ошибки которого отражали лишь общие ошибки руководства Коминтерна, вызывалась главным образом тем, что уже *после капитуляции* германской партии я восставал против превращения Брандлера в козла отпущения, *хотя* — вернее *потому что* — оценивал германское поражение неизмеримо серьезнее, чем большинство ЦК. В этом случае, как и в других, я восставал против недопустимой системы, которая непогрешимость центрального руководства оплачивает периодическими свержениями национальных центров, подвергающихся при этом дикой травле и даже изгнанию из партии.

В написанных мною под впечатлением капитуляции немецкого ЦК «Уроках Октября» я развивал ту мысль, что в условиях нынешней эпохи революционная ситуация может быть в течение нескольких дней упущена на ряд лет. Эту мысль называли —

трудно поверить — «бланкизмом» и «индивидуализмом». Бесчисленные статьи, написанные против «Уроков Октября», обнаружили, как основательно забыт опыт Октябрьского переворота и как мало вошли в сознание его уроки. Сдвигать ответственность на «массы» за ошибки руководства или преуменьшать значение руководства *вообще*, чтобы тем смягчить вину его, — это и есть типично меньшевистская повадка, вытекающая из неспособности диалектического понимания «надстройки» вообще, надстройки над классом, какою является партия, надстройки над партией, в виде ее руководящего центра. Бывают эпохи, когда Маркс с Энгельсом не могут подстегнуть историческое развитие ни на вершок вперед; бывают эпохи, когда люди много меньшего размера, стоящие у руля, могут задержать развитие международной революции на ряд лет.

Делавшиеся за последнее время попытки изобразить дело так, будто я отказался от «Уроков Октября», совершенно нелепы. Правда, я «признал» одну второстепенную «ошибку»: во время писания «Уроков Октября», то есть летом 1924 г., мне казалось, что Сталин занимал осенью 1923 г. более левую, то есть левоцентристскую, позицию по сравнению с Зиновьевым. Я не был посвящен во внутреннюю жизнь группы, игравшей роль тайного центра аппарата фракции большинства. Опубликованные после раскола этой фракционной группы документы, в частности чисто брандлерианское письмо Сталина к Зиновьеву и Бухарину, убедили меня в неправильности моей оценки личных группировок, не имеющей, однако, никакого отношения к сущности поставленных проблем. Да и личная ошибка не так уж велика: центризм способен, правда, на большие зигзаги влево, но, как снова показала эволюция Зиновьева, совершенно неспособен на сколько-нибудь систематическую революционную линию.

Развитые мною в «Уроках Октября» мысли сохраняют полностью свою силу и сейчас. Более того, после 1924 г. они находили новые и новые подтверждения.

Среди многих трудностей пролетарского переворота есть одна совершенно определенная, конкретная, специфическая: она вытекает из положения и задач партийно-революционного руководства. При резком повороте событий даже самые революционные партии рискуют отстать и противопоставить вчерашние лозунги или приемы борьбы новым задачам и новым потребностям. А более резкого поворота событий, чем тот, который создает необходимость вооруженного восстания пролетариата, вообще не

может быть. Здесь и возникает опасность несоответствия между партийным руководством, между политикой партии в целом и между поведением класса и требованиями обстановки. При сравнительно медленном движении политической жизни такие несоответствия выравниваются, хоть и с ущербом, но без катастрофы. А в периоды острых революционных кризисов не хватает как раз *времени* для того, чтобы устранить несоответствие и, так сказать, выравнять фронт под огнем. Периоды высшего обострения революционного кризиса бывают, по самой своей природе, быстротечны. Несоответствие между революционным руководством (шатания, колебания, выжидательность под бешеным напором буржуазии) и объективными задачами может иногда в течение нескольких недель и даже дней привести к катастрофе, к утрате того, что было подготовлено годами работы.

Разумеется, несоответствие между руководством и партией или партией и классом может иметь и противоположный характер: это когда руководство *обгоняет* развитие революции, принимая пятый месяц беременности за девятый. Наиболее яркий пример такого несоответствия наблюдался в Германии в марте 1921 г. Там мы имели в партии крайнее проявление «детской болезни левизны» и как результат — путчизм (революционный авантюризм). Эта опасность вполне реальна и для будущего. Уроки III конгресса Коминтерна сохраняют поэтому всю свою силу. Но немецкий опыт 1923 г. показал нам с жестокой наглядностью противоположную опасность: обстановка созрела, а руководство отстает. Пока руководство успеет выравняться по обстановке, меняется обстановка: массы отливают и резко ухудшается соотношение сил.

В немецком поражении 1923 г. было, конечно, много национального своеобразия, но были и глубоко типические черты, которые знаменуют общую опасность. Ее можно назвать *кризисом революционного руководства накануне перехода к вооруженному восстанию*. Низы пролетарской партии по самой природе своей гораздо менее восприимчивы к давлению буржуазного общественного мнения. Известные же элементы партийных верхов и среднего партийного слоя будут неизбежно, в большей или меньшей мере, поддаваться материальному и идейному террору буржуазии в решающий момент. Отмахиваться от этой опасности нельзя. Конечно, против нее нет какого-либо спасительного средства, пригодного на все случаи. Но первый шаг борьбы с опасностью — понять ее источник и природу. Неизбежное появление или развитие правой группировки в каждой коммунисти-

ческой партии в «предоктябрьский» период отражает, с одной стороны, величайшие объективные трудности и опасности «прыжка», а с другой — бешеный напор буржуазного общественного мнения. В этом суть и смысл правой группировки. Именно поэтому неизбежно возникновение в коммунистических партиях колебаний и шатаний в тот именно момент, когда они более всего опасны. У нас в 1917 г. колебания охватили на верхах меньшинство и были, благодаря суровой энергии Ленина, преодолены. В Германии колебалось руководство в целом, это передавалось партии, а через нее — классу. Революционная ситуация оказалась упущенной. В Китае центр противодействовал борьбе рабочего класса и крестьянской бедноты за власть. Все это не последние кризисы руководства в наиболее решающие исторические моменты. Свести эти неизбежные кризисы к минимуму — одна из важнейших задач каждой коммунистической партии и Коминтерна в целом. Достигнуть этого можно, лишь поняв октябрьский опыт 1917 г., политическое содержание тогдашней правой оппозиции внутри нашей партии, в сопоставлении с опытом германской партии в 1923 г.

В этом и состоит смысл «Уроков Октября».

5. Коренная стратегическая ошибка V конгресса

Начиная с конца 1923 г. мы имели ряд документов Коминтерна и ряд устных заявлений его руководителей «об ошибке темпа» осенью 1923 г., с неизбежными ссылками на Маркса, который-де тоже ошибся в сроках. При этом сознательно не указывалось, состояла ли коминтерновская «ошибка темпа» в недооценке или, наоборот, в переоценке близости критического момента захвата власти. Согласно режиму двойной бухгалтерии, успевшему за последние годы стать традицией руководства, оставлялось свободное место и для одного и для другого истолкования.

Не трудно, однако, из всей политики Коминтерна в тот период сделать вывод, что в течение 1924 г. и доброй доли 1925 г. руководство Коминтерна стояло на той точке зрения, что кульминационный пункт германского кризиса еще впереди. Ссылка на Маркса была поэтому вряд ли уместна. Если благодаря дальнозоркости Марксу и приходилось иногда видеть надвигающуюся революцию ближе, чем она есть, то с ним никогда не случалось, чтобы он не узнал революцию в лицо, когда она подошла

вплотную, или чтобы он затем упорно принимал за лицо противоположную часть, когда революционная ситуация успевала повернуться спиной.

На 13-й конференции РКП, пуская в оборот двусмысленную формулу об «ошибке в темпе», Зиновьев заявлял:

> «ЦК и Коминтерн должны вам сказать, что при повторении подобных событий, в такой же обстановке, нам пришлось бы сделать то же».
>
> «Правда», 25 января 1924 г., № 20.

Это обещание звучало как угроза.

20 февраля 1924 г. Зиновьев заявляет на конференции МОПРа, что во всей Европе положение такое, «что там нельзя ожидать даже кратковременной полосы, даже внешнего пацифизма, какого-нибудь замирания... Европа входит в полосу решающих событий... Германия, по-видимому, идет к обостренной гражданской войне...» («Правда», 2 февраля 1924 г.).

В начале февраля 1924 г. Президиум ИККИ в постановлении об уроках германских событий говорит:

> «КПГ не должна снимать с порядка дня вопроса о восстании и завоевании власти. *Наоборот* (!), этот вопрос должен стоять перед нами во всей своей конкретности и неотложности...».
>
> «Правда», 7 февраля 1924 г.

26 марта 1924 г. ИККИ писал в обращении к германской компартии:

> «Ошибка в оценке темпа событий (какая? — *Л.Т.*), имевшая место в октябре 1923 г., причинила массу трудностей нашей партии. Но все же это *только эпизод.* Основная оценка остается прежней».
>
> «Правда», 20 апреля 1924 г.; подчеркнуто нами.

Из всего этого ИККИ делал вывод, «что германская компартия должна по-прежнему со всей силой продолжать дело вооружения рабочих» («Правда», 19 апреля 1924 г.).

Величайшая историческая драма 1923 г. — сдача грандиозной революционной позиции без боя — оценивалась через полгода как эпизод. «Только эпизод!» Тягчайшими последствиями этого «эпизода» Европа живет до сегодняшнего дня. Тот факт, что Коминтерн мог четыре года не созывать своего конгресса, как и факт последовательных разгромов левого крыла в самом Коминтерне, представляют в одинаковой степени результат «эпизода» 1923 г.

V конгресс заседал через восемь месяцев после поражения германского пролетариата, когда все последствия катастрофы уже

явно проступали наружу. Тут нужно было даже не столько предвидеть, что будет, сколько видеть то, что есть. Основные задачи V конгресса состояли в том, чтобы, во-первых, ясно и беспощадно назвать поражение по имени и вскрыть его «субъективную» причину, не позволяя никому прятаться за объективные условия; во-вторых, установить наступление нового этапа, когда массы будут в течение известного времени неизбежно отливать, социал-демократия — расти, компартия — терять влияние; в-третьих, подготовить к этому Коминтерн, чтобы он не был застигнут врасплох, и вооружить его необходимыми методами оборонительных боев и организационного закрепления до нового перелома обстановки.

По всем этим вопросам конгресс занял позицию прямо противоположного характера.

Зиновьев так определил на конгрессе смысл того, что произошло в Германии:

> «Мы ждали германской революции, а она не пришла».
> «Правда», 22 июня 1924 г.

На самом деле революция вправе была ответить: я-то пришла, но вы, господа, опоздали на свидание.

Руководители конгресса считали, заодно с Брандлером, что мы «переоценили» положение, тогда как в действительности «мы» слишком поздно и слишком слабо оценили его. Зиновьев легко мирился со своей мнимой «переоценкой». Главную беду он видел в другом.

> «Переоценка положения — это еще не самое худшее. Хуже то, что, как это показал пример Саксонии, в рядах нашей партии оказалось много пережитков социал-демократизма».
> «Правда», 24 июня 1924 г.

Зиновьев не видел катастрофы, и он был не один. С ним вместе весь V конгресс прошел, по существу, мимо величайшего поражения мировой революции. Немецкие события разбирались главным образом под углом зрения политики коммунистов... в саксонском ландтаге. В своей резолюции конгресс одобрил Исполком за то, что тот «осудил оппортунистическое поведение германского ЦК и *прежде всего* искажение тактики единого фронта во время саксонского правительственного опыта» («Правда», 29 июня 1924 г.).

Это примерно то же самое, что осудить убийцу «прежде всего» за то, что, войдя в дом к жертве, он не снял шляпы.

«Саксонский опыт, — настаивал Зиновьев, — создал новое положение. Это грозило началом ликвидации революционной тактики Коминтерна».

«Правда», 24 июня 1924 г.

А так как «саксонский опыт» осужден, Брандлер смещен, то следует простой переход к очередным делам.

«Общие политические перспективы, — говорит Зиновьев и с ним конгресс, — в основном остаются прежними. Положение чревато революцией. Новые классовые битвы уже опять в ходу, идет гигантская борьба...» и пр.

«Правда», 24 июня 1924 г.

Как непрочна и ненадежна та «левизна», которая отцеживает комаров и безмятежно проглатывает верблюдов.

Тех, кто глядел на обстановку зрячими глазами и выдвигал значение октябрьского поражения на первый план, кто указывал на неизбежность длительной эпохи революционного отлива и временного упрочения («стабилизация») капитализма — со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями, — руководители V конгресса пытались заклеймить как оппортунистов и ликвидаторов революции. В этом Зиновьев и Бухарин видели главную свою задачу. Рут Фишер, вместе с ними недооценивавшая прошлогоднего поражения, усматривала у русской оппозиции «*утерю перспективы мировой революции, отсутствие веры в близость германской и европейской революции,* безнадежный пессимизм, ликвидацию европейской революции...» и пр. («Правда», 25 июня 1924 г.).

Незачем пояснять, что наиболее непосредственные виновники поражений больше всего кричали против «ликвидаторов», то есть тех, которые поражения не хотели называть победами. Так, Коларов громил Радека, осмелившегося считать поражение болгарской партии решающим.

«Ни в июне, ни в сентябре поражение партии не было решающим. Компартия Болгарии крепка и готовится к новым боям».

Речь тов. Коларова на V конгрессе.

Вместо марксистского анализа поражений — безответственное бюрократическое бахвальство по всей линии. Между тем большевистская стратегия несовместима с самодовольно-бездушной коларовщиной.

В работе V конгресса было немало верного и необходимого. Борьба против стремившихся поднять голову правых тенденций была безусловно неотложна. Но эта борьба сбивалась, запутыва-

лась и искажалась ложной в корне оценкой положения, вследствие чего смешивались все карты и в лагерь правых зачислялись те, которые просто лучше и яснее видели вчерашний, сегодняшний и завтрашний день. Если бы на III конгрессе победили тогдашние левые, то Ленин — по тем же самым причинам — был бы зачислен в правое крыло, совместно с Леви, Кларой Цеткин и другими. Идейная смута, порожденная ложной политической ориентировкой V конгресса, стала в дальнейшем источником новых великих бед.

Политическая оценка конгресса была целиком перенесена и на экономику. Уже успевшие обнаружиться симптомы экономического упрочения немецкой буржуазии отрицались или игнорировались. Варга, который всегда сервирует экономические факты применительно к господствующей на сей день политической тенденции, докладывал и на этот раз, что «перспективы к оздоровлению капитализма не существует» (V конгресс. «Правда», 28 июня 1924 г.).

Через год, когда «оздоровление» было с запозданием переименовано в «стабилизацию», Варга старательно открыл ее... задним числом. Оппозиция к тому времени уже подпала под обвинение в непризнании стабилизации, ибо она осмелилась констатировать наступление ее на полтора года ранее, а в 1925 г. уже намечала тенденции, ее подмывающие («Куда идет Англия?»).

Основные политические процессы и идейные группы V конгресс видел в кривом зеркале ложной ориентировки: отсюда-то и родилась резолюция, зачислявшая русскую оппозицию в «мелкобуржуазный уклон». История по-своему исправила эту ошибку, заставив Зиновьева, главного обвинителя на V конгрессе, гласно признать через два года, что центральное ядро оппозиции 1923 г. было право в основных вопросах борьбы.

Из коренной стратегической ошибки V конгресса вытекало с необходимостью непонимание процессов, происходивших в германской и международной социал-демократии. На конгрессе только и речи было об ее упадке, распаде, крушении. Ссылаясь на результаты последних парламентских выборов, давших компартии 3 700 000 голосов, Зиновьев говорил:

> «Если мы в Германии в области парламентаризма имеем пропорцию 62 коммуниста на 100 социал-демократов, то это для всякого должно служить доказательством того, как *мы близки к завоеванию* большинства германского рабочего класса».
>
> «Правда», 22 июня 1924 г.

Зиновьев совершенно не понимал динамики процесса: влияние компартии в этот и следующие годы не росло, а падало; 3 700 000 голосов были лишь внушительным *остатком* того решающего влияния, какое партия имела в конце 1923 г. на большинство германского пролетариата; при дальнейших проверках эта цифра неизбежно должна была падать.

Между тем социал-демократия, расползавшаяся, как гнилая рогожа, в течение 1923 г., после поражения революции в конце 1923 г., наоборот, систематически оправлялась, поднималась, росла, в значительной мере за счет коммунизма. Так как мы это предвидели, — как можно было это не предвидеть?!, — то предвидение наше относили за счет нашего «пессимизма». Нужно ли еще доказывать теперь, после последних майских выборов, на которых социал-демократия получила свыше 9 миллионов голосов, что правы были мы, когда в начале 1924 г. говорили и писали о неизбежности на известный период возрождения социал-демократии, и грубо ошибались те, «оптимисты», которые пели ей тогда отходную. Грубо ошибался прежде всего V конгресс Коминтерна.

Вторая молодость социал-демократии, обнаруживающая все черты собачьей старости, разумеется, не прочна. Гибель социал-демократии неизбежна. Но сроки этой гибели нигде не установлены. Они зависят и от нас. Чтоб эти сроки приблизить, надо уметь глядеть фактам в лицо, своевременно распознавать переломы политической обстановки, поражения называть поражениями, учиться предвидеть завтрашний день.

Если немецкая социал-демократия сегодня представляет еще многомиллионную силу, притом именно в рабочем классе, то непосредственные причины тому две: капитулянтское поражение германской компартии осенью 1923 г. — во-первых; ложная стратегическая ориентировка V конгресса — во-вторых.

Если в январе 1924 г. избирательное соотношение коммунистов и социал-демократов было почти как 2 : 3, то через четыре с половиной года соотношение ухудшилось, оказавшись несколько большим, чем 1 : 3, то есть мы за этот период, взятый в целом, не приблизились, а отдалились от завоевания большинства в рабочем классе. И это, несмотря на несомненное усиление нашей партии за последние годы, которое — при правильной политике — может и должно стать исходным моментом действительного завоевания большинства.

Мы еще остановимся в дальнейшем на политических последствиях позиции V конгресса. Но разве не ясно уже сейчас, что

нельзя говорить всерьез о большевистской стратегии, не умея охватить как основную кривую нашей эпохи в целом, так и отдельные ее изгибы, имеющие в каждый данный момент такое же значение для руководства партии, как повороты пути для машиниста на паровозе: дать полный ход на крутом повороте значит непременно попасть под откос.

Между тем всего лишь несколько месяцев тому назад «Правда» с большей или меньшей членораздельностью признала правильность той именно оценки, какую мы дали еще в конце 1923 г. 28 января этого года «Правда» писала:

> «Полоса некоторой (!) апатии и придавленности, наступившая после поражения 1923 г. и позволившая германскому капиталу укрепить свои позиции, *начинает* проходить».

«Некоторая» придавленность, начавшаяся с осени 1923 г., *начинает* проходить только в 1928 г. Эти слова, появившиеся на свет с запозданием на четыре года, представляют собою беспощадное осуждение ошибочной ориентировки, данной V конгрессом, но также и той системы руководства, которая не вскрывает и не освещает сделанные ошибки, а покрывает их, увеличивая радиус идейной смуты.

Проект программы, который не дает оценки ни событиям 1923 г., ни коренной ошибке V конгресса, тем самым поворачивает попросту спину действительным вопросам революционной стратегии пролетариата в империалистическую эпоху.

6. «Демократически-пацифистская эра» и фашизм

Капитуляция германского коммунизма осенью 1923 г., устранение грозной пролетарской опасности с минимальными издержками гражданской войны неизбежно ослабляли не только позиции компартии, но и позиции фашизма. Гражданская война, хотя бы и победоносная, подрывает условия капиталистической эксплуатации. Мы тогда же, то есть с конца 1923 г., выступали против преувеличения сил германского фашизма и его опасности и настаивали на том, что фашизм будет оттираться на задворки, в то время как политическую авансцену будут во всей Европе занимать в течение известного периода демократически-пацифистские группировки: левый блок во Франции, рабочая партия в Англии, а усиление их будет, в свою очередь, давать толчок новому росту германской социал-демократии. Вместо того чтобы

понять этот неизбежный процесс и организовать борьбу *по новой* линии фронта, официальное руководство продолжало отождествлять фашизм с социал-демократией и предрекать их совместную гибель в предстоящей вскоре гражданской войне.

С вопросом о фашизме и социал-демократии была теснейшим образом связана проблема взаимоотношений Соединенных Штатов и Европы. Только поражение немецкой революции в 1923 г. дало возможность американскому капиталу приступить вплотную к реализации своих планов по «мирному» (пока) закабалению Европы. В этих условиях надо было американскую проблему поставить во весь рост. Между тем руководство V конгресса попросту прошло мимо нее. Оно целиком исходило из внутриевропейской ситуации, не замечая, что длительная отсрочка европейской революции сразу передвигала ось мировых отношений в сторону наступления Америки на Европу. Наступление это принимало характер экономического «укрепления» Европы, ее нормализации, пацификации и «оздоровления» демократических начал. Не только разоренный мелкий буржуа, но и рядовой рабочий говорил себе: если компартия не сумела дать победы, то, может быть, социал-демократия даст — не победу, нет, этого от нее не ждут, а кусок хлеба, через оживление промышленности при помощи американского золота. Нужно было понять, что гнуснейшая фикция американского пацифизма, на подкладке доллара,— после поражения немецкой революции — должна стать и становилась крупнейшим политическим фактором в жизни Европы. На этих дрожжах поднималась германская социал-демократия, но в значительной мере также и французские радикалы и английская рабочая партия.

Надо было, в противовес этому, новому вражескому фронту, показать, что буржуазная Европа сможет жить и держаться только как финансовый вассал Соединенных Штатов, что пацифизм этих последних означает стремление посадить Европу на голодный паек. Но вместо того, чтобы именно эту перспективу сделать исходной позицией для борьбы против социал-демократии, с ее новой религией американизма, руководство Коминтерна направило острие в противоположную сторону: нам была приписана глупенькая теория нормализованного империализма, без войн и революций, на американском пайке.

Еще на том же февральском заседании, на каком Президиум ИККИ за четыре месяца до конгресса ставил в порядок дня немецкой партии вооруженное восстание, «во всей конкретности

и неотложности», он давал следующую оценку положения во Франции, которая как раз шла тогда навстречу «левым» парламентским выборам.

> «Это (предвыборное) оживление касается также самых захудалых и ничтожных партий и *мертвых политических групп*. Под лучами приближающихся выборов ожила и развернулась *социалистическая партия*».
>
> «Правда», 7 февраля 1924 г.

В то время как во Франции явно надвигалась волна мелкобуржуазной пацифистской левизны, захватывавшей и широкие круги рабочих, ослаблявшей одновременно как партию пролетариата, так и фашистские отряды капитала, словом, победа «левого блока», руководство Коминтерна исходило из прямо противоположной перспективы, начисто отрицало возможность полосы пацифизма и накануне майских выборов 1924 г. говорило о французской социалистической партии, то есть левофланговой носительнице мелкобуржуазного пацифизма, как об уже «мертвой политической группе». В особом письме к делегации ВКП(б) мы тогда же протестовали против этой легкомысленной оценки социал-патриотической партии. Тщетно! Руководство Коминтерна упорно считало «левизной» закрывание глаз на факты. Отсюда возникла та искаженная, перекошенная и засоренная, как всегда в последние годы, полемика о демократическом пацифизме, которая внесла столько смуты в сознание партий Коминтерна. Представителей оппозиции обвиняли в пацифистских предрассудках — только потому, что мы не разделяли предрассудков руководства Коминтерна и своевременно предвидели, что поражение германского пролетариата без боя неизбежно вызовет на сцену — после кратковременного усиления фашистских тенденций — мелкобуржуазные партии и усилит социал-демократию.

Выше уже упомянуто, что на конференции МОПРа, месяца за три-четыре до победы рабочей партии в Англии, левого блока во Франции, Зиновьев, явно полемизируя против меня, заявлял:

> «Почти во всей Европе положение такое, что там нельзя ожидать даже кратковременной полосы, даже внешнего пацифизма, какого-нибудь замирания... Европа входит в полосу решающих событий... Германия, по-видимому, идет к обостренной гражданской войне».
>
> «Правда», 2 февраля 1924 г.

Зиновьев, по-видимому, совершенно забыл, что еще на IV конгрессе в 1923 г. мне удалось в комиссии, при довольно

упорном противодействии самого Зиновьева и Бухарина, включить в резолюцию конгресса поправку (значительно, правда, скомканную) о предстоящем наступлении «пацифистско-демократической» эры в качестве вероятного этапа на пути политического упадка буржуазного государства и в качестве преддверия к господству коммунизма или фашизма.

На V конгрессе, собравшемся уже после возникновения «левых» правительств в Англии и Франции, Зиновьев весьма кстати вспомнил о моей поправке и огласил ее:

> «Международное политическое положение в настоящий момент характеризуется фашизмом, осадным положением и растущей волной белого террора против пролетариата. Но это не исключает возможности того, что в ближайшем будущем в странах, имеющих наибольшее значение, открытая буржуазная реакция сменится «демократическо-пацифистской эрой».

Зиновьев с удовлетворением прибавил к этой цитате:

> «Это было сказано в 1922 г. Таким образом, полтора года тому назад демократическо-пацифистская эра была определенно предсказана Коминтерном».
>
> «Правда», 22 июня 1924 г.

Что верно, то верно. Прогноз, который долго вменялся мне в вину как «пацифистский» уклон (как *мой* уклон, а не уклон развития), пригодился на V конгрессе в медовые недели министерств Макдональда и Эррио. Так, к несчастью, обстояло дело по части прогнозов вообще.

К этому надо прибавить, что Зиновьев и большинство V конгресса слишком буквально усвоили старую перспективу «пацифистско-демократической эры», как этапа на пути капиталистического распада. Зиновьев так и провозглашал на V конгрессе: «Демократическо-пацифистская эра — признак распада капитализма». И в заключительном слове снова:

> «*Я повторяю, что именно демократически-пацифистская эра является признаком упадка и неизлечимого кризиса его*».
>
> «Правда», 1 июля 1924 г.

Это было бы верно, если бы не было рурского кризиса, если бы развитие шло более планомерно, без этого исторического «скачка». Это было бы вдвойне верно, если бы германский пролетариат одержал в 1923 г. победу. Режим Макдональда и Эррио означал бы в этом случае только английскую и французскую «керенщину». Но произошел рурский кризис, поставивший ребром вопрос о том, кому быть хозяином в доме. Германский пролетариат не победу

одержал, а потерпел решающее поражение, притом в такой форме, которая должна была в наивысшей степени ободрить и укрепить германскую буржуазию. Вера в революцию была подорвана во всей Европе на ряд лет. В этих условиях правительства Макдональда и Эррио отнюдь не означали ни керенщины, ни вообще распада буржуазии — они могли и должны были стать только недолговечными предтечами более серьезных, крепких, уверенных в себе буржуазных правительств. V конгресс не понял этого, ибо, не оценив размеров немецкой катастрофы и сведя ее к вопросу о комедии в саксонском ландтаге, он не уяснил себе и того, что пролетариат Европы уже по всему фронту находится в политическом отступлении; что задачей является не вооруженное восстание, а новая ориентировка, арьергардные бои, закрепление организационных позиций партии, прежде всего в профессиональных союзах.

В связи с вопросом об «эре» развернулась не менее искаженная и перекошенная полемика о фашизме. Оппозиция разъясняла, что своим фашистским плечом буржуазия заходит вперед только в минуту непосредственной революционной опасности самим основам ее режима, когда нормальные органы буржуазного государства оказываются недостаточны. В этом смысле активный фашизм означает состояние гражданской войны на стороне капиталистического общества против восстающего пролетариата. Наоборот, буржуазия вынуждена заходить левым, социал-демократическим плечом вперед либо в эпоху, предшествующую периоду гражданской войны, с целью обмана, замирания и разложения пролетариата, либо же после одержания над ним серьезной и длительной победы, когда ради восстановления нормального режима приходится парламентски мобилизовать широкие народные массы, в том числе и разочарованных в революции рабочих. В противовес этому анализу, совершенно бесспорному теоретически и оправданному всем ходом борьбы, руководство Коминтерна выдвинуло нелепо-упрощенное положение о *тождестве* социал-демократии и фашизма. Исходя из того бесспорного факта, что по отношению к основам буржуазного общества социал-демократия отличается не менее собачьей преданностью, чем фашизм, и всегда готова выставить в момент опасности своих Носке, руководство Коминтерна перечеркнуло вообще политическое различие между социал-демократией и фашизмом, а вместе с тем и различие между периодом открытой гражданской войны и периодом «нормализации» классовой борьбы. Словом,

все было опрокинуто, запутано и смешано, чтобы сохранить видимость ориентации на непосредственное развитие гражданской войны, как если бы в Германии и в Европе осенью 1923 г. ничего особенного не произошло, эпизод — и только!

Чтобы показать направление и уровень этой полемики, необходимо сослаться на статью Сталина «К международному положению» («Правда», 20 сентября 1924 г.).

> «Иные думают, — полемизировал против меня Сталин, — что буржуазия пришла к «пацифизму» и «демократизму» не от нужды, а по доброй воле, по свободному, так сказать, выбору».

После этого основного историко-философского тезиса, на котором неловко останавливаться, следовали два главных политических вывода.

> «Во-первых, неверно, что фашизм есть только боевая организация буржуазии. Фашизм не есть только военно-техническая категория (?!)».

Почему боевая организация буржуазного общества должна считаться технической, а не политической «категорией», понять нельзя. Но что же такое фашизм? Косвенный ответ гласит:

> «Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма».

Можно сказать, что социал-демократия есть левое крыло буржуазного общества, и это определение будет совершенно правильно, если только не понимать его упрощенно, если не забывать, что социал-демократия все еще ведет за собою миллионы рабочих и в известных пределах вынуждена считаться не только с волей своего буржуазного хозяина, но и с интересами своего обманутого пролетарского доверителя. Но бессмысленно определять социал-демократию как «умеренное крыло фашизма». Куда же девается при этом само буржуазное общество? Для самой простой политической ориентировки нужно не валить все в кучу, а различать, что социал-демократия и фашизм представляют собою полюсы — *единого в минуты опасности* — буржуазного фронта, но *полюсы*. Нужно ли на этом настаивать сейчас, после майских выборов 1928 г., характеризующихся одновременным упадком фашизма и ростом социал-демократии, которой компартия, кстати сказать, и на этот раз предлагала единый фронт рабочего класса?

«Во-вторых, — говорит статья, — неверно, что решающие бои были уже, что пролетариат был разбит в этих боях, что буржуазия ввиду этого упрочилась. Решающих боев еще не было хотя бы (?)

потому, что не было массовых действительно большевистских партий».

Буржуазия, оказывается, не могла упрочиться, потому что не было боев, а боев не было «хотя бы» потому, что не было большевистской партии. Таким образом, буржуазии мешает упрочиться... отсутствие большевистской партии. А на деле именно отсутствие — не столько партии, сколько большевистского руководства — как раз и помогло буржуазии упрочиться. Если армия в критической ситуации капитулирует без боя перед врагом, то это — в политике, как и на войне,— вполне заменяет «решающий бой». Энгельс еще в 1850 г. учил, что партия, упустившая революционную ситуацию, надолго сходит со сцены. Но кому же неизвестно, что живший «до империализма» Энгельс ныне устарел. Сталин так и пишет:

> «Без таких (большевистских) партий бои за диктатуру в условиях империализма невозможны».

Приходится думать, что они были возможны в эпоху Энгельса, когда еще не был открыт закон неравномерного развития.

Вся эта цепь рассуждений увенчивается, как и надлежит, политическим прогнозом:

> «Наконец, неверно и то... что из «пацифизма» должно получиться упрочение власти буржуазии, отсрочка революции на неопределенный срок».

Отсрочка тем не менее получилась — не по Сталину, а по Энгельсу. Год спустя, когда стало ясно и для слепых, что положение буржуазии укрепилось и что революция отодвинулась «на неопределенный срок», Сталин начал обвинять нас в... непризнании стабилизации. Эти обвинения стали особенно настойчивы в тот период, когда «стабилизация» начала уже давать новые трещины, когда в Англии и в Китае надвигалась новая революционная волна. И вся эта безнадежная путаница выполняла обязанности руководящей линии. Нужно отметить, что даваемое в проекте определение фашизма и его отношения к социал-демократии, несмотря на сознательно допущенные двусмысленности (для связи с прошлым), значительно разумнее и правильнее приведенной выше сталинской схемы, которая была по существу схемой V конгресса. Но это небольшое продвижение вперед не решает вопроса. Программа Коминтерна не может, после опыта последнего десятилетия, обойтись без характеристики революционной ситуации, ее образования и исчезновения, без указания на клас-

сические ошибки в оценке ситуации, без разъяснений, как себя вести машинисту на поворотах, без внушения партиям той истины, что бывают ситуации, когда успех всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы.

7. Ультралевая политика на правых дрожжах

После периода бурного прилива 1923 г. наступил период длительного отлива, который на языке стратегии означал отступление в порядке, арьергардные бои, закрепление позиций в массовых организациях, проверку собственных рядов, чистку и оттачивание теоретического и политического оружия. Эту позицию объявили ликвидаторством. С этим понятием, как и другими понятиями большевистского словаря, производили за последние годы грубейшие злоупотребления — не учили и не воспитывали, а сеяли смуту и сбивали с толку. Ликвидаторство есть отказ от революции, стремление заменить ее пути и методы путями и методами реформизма. Ленинская политика не имеет ничего общего с ликвидаторством; но столь же мало — с игнорированием изменений в объективной обстановке, словесным сохранением курса на вооруженное восстание, когда ситуация уже повернулась спиною, когда нужно снова путем длительной, упорной, систематической, кропотливой работы в массах готовить партию к новой революции.

Один род движения нужен человеку, когда он поднимается по лестнице, другой — когда он спускается по ней. Самое опасное положение — это такое, когда человек, потушив свечу, заносит ногу для подъема вверх, тогда как перед ним ступеньки вниз. Тут неизбежны падения, ушибы, вывихи. Руководство Коминтерна сделало в 1924 г. все, чтобы погасить критику опыта немецкого Октября, как и критику вообще. Само оно упорно твердило: рабочие непосредственно идут к революции — лестница ведет вверх. Мудрено ли, если применявшиеся в условиях революционного отлива директивы V конгресса вели к тяжким политическим падениям и вывихам.

В № 5—6 «Информационного бюллетеня немецкой оппозиции» от 1 марта 1927 г. говорилось:

> «Величайшая ошибка левых на этом партийном съезде (франкфуртском, весной 1924 г., когда левые перенимали руководство)

> состояла в том, что они *недостаточно беспощадно сказали партии о тяжести поражения 1923 г., не сделали необходимых выводов, не разъяснили партии трезво и неприкрашенно тенденций относительной стабилизации капитализма и не выставили, в соответствии с этим, программы непосредственно предстоящего периода борьбы и его лозунгов,* что было вполне возможно, наряду с вполне правильным и абсолютно необходимым резким подчеркиванием программных положений» (курсив мой).

Эти строки тогда же показали нам, что часть немецкой левой, участвовавшая во время V конгресса в борьбе против нашего мнимого «ликвидаторства», серьезно поняла уроки 1924—1925 гг. Это и сделало возможным дальнейшее сближение на принципиальной основе.

Основным годом *перелома был 1924 г.* Между тем признание происшедшего крутого перелома («стабилизации») пришло на полтора года позже. Что же удивительного, если 1924—1925 гг. были годами левых ошибок и путчистских экспериментов. Болгарская террористическая авантюра, как и трагическая история эстонского вооруженного восстания в декабре 1924 г., явились взрывами отчаяния, вытекавшими из ложной ориентировки. Тот факт, что эти попытки изнасиловать исторический процесс путчистским путем остались критически не освещенными, привел к рецидиву в Кантоне в конце 1927 г. И малые ошибки не проходят в политике безнаказанно, тем более большие. Но самой большой ошибкой является укрывательство совершенных ошибок, механическое противодействие их критике и их правильной марксистской оценке.

Мы не пишем истории Коминтерна за последнее пятилетие. Мы даем лишь фактические иллюстрации двух стратегических линий на основных этапах этого периода и вместе с тем иллюстрации безжизненности проекта программы, для которого всех этих вопросов не существует. Мы не можем поэтому дать здесь, хотя бы в самых общих чертах, картину тех безысходных противоречий, в какие попадали партии Коминтерна, поставленные между директивами V конгресса, с одной стороны, и политической действительностью, с другой. Конечно, не везде это противоречие разрешалось такими гибельными конвульсиями, как в Болгарии или Эстонии в 1924 г. Но всюду и везде партии чувствовали себя связанными, не откликались на запросы масс, ходили в шорах, сбивались с ноги. В чисто партийной агитации и пропаганде, в работе в профессиональных союзах, на парламентской трибуне — коммунисты везде тащили на ногах ядро ложной установки V конгресса. Каждая из партий, одна

больше, другая меньше, становилась жертвой фальшивой исходной позиции, гонялась за призраками, игнорируя реальные процессы, превращала революционные лозунги в крикливые фразы, компрометировала себя в глазах масс и теряла почву под ногами. В довершение всего печать Коминтерна лишена была тогда, как и теперь, возможности собирать, группировать и опубликовывать факты и цифры работы компартий за последние годы. После поражений, ошибок и неудач эпигонское руководство предпочитает отступать и расправляться с потушенными фонарями.

Находясь в жестоком и притом возрастающем противоречии с реальными факторами, руководство должно было все больше цепляться за факторы мнимые. Теряя почву под ногами, ИККИ вынужден был открывать революционные силы и знамения там, где их не было и следа, и хвататься за гнилые веревки, чтобы удержаться в равновесии.

Поскольку в пролетариате происходили явные и притом нараставшие сдвиги вправо, в Коминтерне началась полоса идеализации крестьянства, некритического преувеличения всех симптомов его «разрыва» с буржуазным обществом, подкрашивания всяких эфемерных крестьянских организаций и прямое охаживание «крестьянских» демагогов.

Задача длительной и упорной борьбы пролетарского авангарда против буржуазии и лжекрестьянской демагогии за влияние на наиболее обездоленные низы деревни все более подменялась *надеждой* на прямую и самостоятельную революционную роль крестьянства в национальном и международном масштабе.

В течение 1924 г., то есть коренного года «стабилизации», коммунистическая печать полна совершенно фантастических данных о мощи недавно организованного Крестинтерна. Представитель последнего Домбаль докладывал, что Крестинтерн через шесть месяцев после возникновения объединяет уже несколько миллионов членов.

Разыгрывается скандальная история с вождем хорватской «крестьянской» партии Радичем, который на пути из зеленого Загреба счел выгодным показаться в красной Москве, чтобы усилить свои министерские и иные шансы в белом Белграде. 9 июля 1924 г. Зиновьев рассказывает о новой «победе» в своем докладе ленинградскому активу об итогах V конгресса:

> «В крестьянстве сейчас происходят важные сдвиги. Вы, вероятно, все слышали относительно хорватской крестьянской партии Радича. Радич сейчас находится в Москве. Это настоящий

народный вождь... За Радичем идет поголовно все бедное и среднее крестьянство Хорватии... Сейчас Радич от имени всей своей партии решил примкнуть к Крестьянскому Интернационалу. Мы считаем это событие очень важным... Образование Крестьянского Интернационала есть величайшее событие. Некоторые товарищи не верили, что из этого вырастет большая организация... Теперь мы получаем большую подсобную махину — крестьянство...»

«Правда», 22 июля 1924 г.

И так далее, и прочее, и тому подобное.

«Настоящему народному вождю» Радичу соответствовал, по ту сторону океана, вождь Лафоллет. Представитель Коминтерна Пеппер с целью ускоренным темпом двинуть «подсобную махину» — американское фермерство — втянул молодую и слабую американскую коммунистическую партию в нелепую и постыдную авантюру создания вокруг Лафоллета «рабоче-фермерской партии» для скорейшего низвержения американского капитализма.

Благая весть о близости в Соединенных Штатах революции, на фермерской основе, заполняла тогда речи официальных лидеров ИККИ и их статьи. На заседании V конгресса Коларов докладывал:

«В Соединенных Штатах мелкие фермеры создали фермерскую рабочую партию, которая все более и более радикализируется, приближается к коммунистам и проникается идеей создания в Соединенных Штатах рабоче-крестьянского правительства».

«Правда», 6 июля 1924 г., № 151.

Ни больше ни меньше!

Из Небраски в Москву на крестьянский конгресс приезжал деятель лафоллетовской организации Грин, который тоже к чему-то «примкнул», а затем, как полагается, помог на конференции в Сент-Поле опрокинуть навзничь коммунистическую партию, когда она сделала слабую попытку приступить к осуществлению великих замыслов Пеппера, советника графа Карольи, крайне левого на III конгрессе, реформатора марксизма, одного из тех, кто зарезал революцию в Венгрии.

29 августа 1924 г. «Правда» жаловалась:

«Американский пролетариат в своей массе даже не поднялся до уровня сознания необходимости даже такой соглашательской партии, как английская рабочая партия».

А примерно за полтора месяца перед тем Зиновьев докладывал ленинградскому активу:

«Несколько миллионов фермеров волей-неволей сразу (!) толкаются аграрным кризисом в сторону рабочего класса».

«Правда», 22 июля 1924 г.

И прямо — к рабоче-крестьянскому правительству! — добавлял Коларов.

Печать твердила о близком создании в Америке «не чисто пролетарской, но классовой» рабоче-фермерской партии для низвержения капитала. Что означал «не пролетарский, но классовый» характер, ни один звездочет не мог бы объяснить, ни по сию, ни по ту сторону океана. В конце концов это было лишь пепперизованное издание идеи «двухсоставных рабоче-крестьянских партий», о которой нам придется еще подробнее говорить в связи с уроками китайской революции. Здесь достаточно отметить, что реакционная идея не пролетарских, но классовых партий выросла целиком из мнимо-«левой» политики 1924 г., которая, теряя почву под ногами, хваталась за Радича, за Лафоллета и за дутые цифры Крестинтерна.

«Мы присутствуем сейчас, — повествовал академик общих мест Милютин, — при чрезвычайно важном и показательном процессе откола крестьянских масс от буржуазии, выступления крестьянства против капитализма и все большего и большего укрепления единого фронта крестьянства и рабочего класса в капиталистических странах в борьбе против капиталистической системы».

«Правда», 27 июля 1924 г.

В течение всего 1924 года печать Коминтерна не устает рассказывать о всеобщем «полевении крестьянских масс». Как будто можно было ждать чего-либо самостоятельного от этого в большинстве случаев мнимого полевения крестьян в период явного поправения рабочих, усиления социал-демократии и упрочения буржуазии?

Ту же ошибку политического зрения мы в конце 1927 г. и начале 1928 г. встретим в отношении Китая. После всякого большого и глубокого революционного кризиса, в котором пролетариат терпит решающее и на долгий период поражение, в отсталых полупролетарских массах города и деревни долго еще продолжаются всплески возмущения, как круги после падения в воду скалы. Если руководство придает этим кругам самостоятельное значение, истолковывая их, вопреки процессам в рабочем классе, как симптомы приближения революции, знайте: это безошибочный признак того, что руководство идет навстречу авантюрам, наподобие эстонской или болгарской в 1924 г. или кантонской в 1927 г.

В тот же самый период ультралевизны китайская компартия загоняется на несколько лет в Гоминдан, который V конгрессом объявляется «дружеской партией» («Правда», 25 июня 1924 г.) без серьезной попытки определения его классового характера. Чем дальше, тем больше развивается идеализация «национально-революционной буржуазии». Так по линии Востока фальшивый левый курс, закрывая глаза и горя нетерпением, залагает основы дальнейшему оппортунизму. Оформить последний оказался призван уже Мартынов, который являлся тем более надежным советником для китайского пролетариата, что сам в трех русских революциях плелся за мелкой буржуазией.

В погоне за искусственным приближением сроков хватались не только за Радича, за Лафоллета, за миллионы Домбаля, даже за Пеппера, но и строили в корне ложную перспективу для Англии. Слабость английской компартии породила тогда потребность заменить ее поскорее каким-нибудь более внушительным фактором. Тогда-то родилась ложная оценка тенденций английского тред-юнионизма. Зиновьев давал понять, что он рассчитывает на приход революции не через тесную калитку британской компартии, а через широкие ворота тред-юнионов. Борьба через компартию за массы, организованные в профсоюзах, подменялась надеждой на скорейшее использование готового тред-юнионского аппарата в целях революции. Из этой ложной установки выросла в дальнейшем политика Англо-русского комитета, нанесшая второй по силе, после поражения в Китае, удар как Советскому Союзу, так и английскому рабочему классу.

В написанных еще летом 1924 г. «Уроках Октября» идея ускоренного пути — через дружбу с Перселем и Куком, как показало дальнейшее развитие этой идеи, — отвергается в следующих словах:

> «Без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может. Это есть главный урок последнего десятилетия. Верно, что английские профсоюзы могут стать могущественным рычагом пролетарской революции; они могут, например, в известных условиях и на известный период даже заменить собою рабочие Советы. Но сыграть такую роль они могут не помимо коммунистической партии и тем более против нее, а лишь при том условии, если коммунистическое влияние в профессиональных союзах станет решающим. *За этот вывод — относительно роли и значения партии для пролетарской революции — мы слишком дорого заплатили, чтобы так легко от него отказаться или только ослаблять его*» (т. III, ч. 1, стр. 9).

Шире поставлена та же проблема в книжке «Куда идет Англия?», которая с первой до последней страницы посвящена доказательству той мысли, что и английской революции не миновать коммунистических ворот, но что при правильной, мужественной и непримиримой политике, чуждой каких бы то ни было иллюзий насчет обходных путей, британская компартия может расти и дозревать скачками и в течение нескольких лет подняться до уровня раскрытых перед нею задач.

Левые иллюзии 1924 г. поднимались на правых дрожжах. Чтобы скрыть от других и от себя значение ошибок и поражений 1923 г., надо было отрицать процесс поправения, происходивший в пролетариате, и оптимистически преувеличивать революционные процессы, происходившие в других классах. Это и было началом сползания с пролетарской линии на центристскую, то есть мелкобуржуазную, которая в условиях крепнувшей стабилизации должна была в дальнейшем освободиться от своей ультралевой оболочки и обнаружиться как грубо-соглашательская, — в СССР, в Китае, в Англии, в Германии и во всех других местах.

8. Период правоцентристского сползания

Политика важнейших коммунистических партий, построенная по камертону V конгресса, уже вскоре обнаружила свою полную несостоятельность. Ошибки мнимой «левизны», задерживавшие развитие коммунистических партий, дали затем толчок новому эмпирическому зигзагу, именно ускоренному сползанию вправо. Когда люди обжигаются на молоке, они начинают дуть на воду. «Левые» центральные комитеты ряда партий были низвергнуты так же насильственно, как они перед V конгрессом создавались. Авантюристская левизна уступала место открытому оппортунизму правоцентристского типа. Чтобы понять характер и темп организационного поворота вправо, нужно напомнить, что еще в сентябре 1924 г. Сталин, руководитель этого поворота, оценивал переход партийного руководства в руки Маслова, Рут Фишер, Трэна, Сюзанны Жиро и других как выражение большевизации партий, как ответ на требования рабочих-большевиков, которые идут к революции и «хотят иметь революционных вождей».

> «Последнее полугодие замечательно в том отношении, — писал Сталин, — что оно дает коренной перелом в жизни компартий

Запада, в смысле решительной ликвидации социал-демократических пережитков, в смысле большевизации партийных кадров, в смысле изоляции оппортунистических элементов».

«Правда», 20 сентября 1924 г.

А через десяток месяцев истинные «большевики», «революционные вожди» объявлялись социал-демократами и ренегатами, отстранялись от руководства и изгонялись из партии.

Несмотря на этот панический характер смены руководителей, нередко мерами грубой и нелояльной аппаратной механики, нельзя провести какую-либо строгую идейно-разграничительную линию между полосой ультралевой политики и следовавшим за ней периодом оппортунистического сползания.

В вопросе о промышленности и крестьянстве в СССР, о колониальной буржуазии, о «крестьянских» партиях капиталистических стран, о социализме в отдельной стране, о роли партии в пролетарской революции ревизионистские тенденции были в полном разгаре в 1924—1925 гг., прикрываясь знаменем борьбы с «троцкизмом», и нашли свое яркое оппортунистическое выражение в резолюциях апрельской 1925 г. конференции ВКП(б).

Взятый во всем его объеме, правый курс был попыткой полуслепого, чисто эмпирического и запоздалого приспособления к задержке революционного развития, вызванной поражением 1923 г. Первоначальная установка Бухарина, как уже говорилось, основывалась на «перманентном» развитии революции, в самом прямом и механическом смысле слова. Бухарин не допускал никаких «передышек», перерывов, отступлений и считал революционным долгом продолжать «оффензиву» (наступление) при всяких условиях.

Цитированная выше программная в своем роде статья Сталина «К международному положению» — первое вообще выступление Сталина по международным вопросам — показывает, что и второй автор проекта в первый период борьбы с «троцкизмом» принудил себя к той же самой механической «левой» концепции, для которой существовали всегда и неизменно лишь «распад» социал-демократии, «полевение» рабочих, «рост» компартий, «приближение» революции. А кто смотрит вокруг и различает, тот «ликвидатор».

Полтора года понадобилось этому «направлению» после перелома европейской обстановки в 1923 г., чтобы почувствовать нечто новое и панически перейти в свою противоположность. Без всякого синтетического понимания нашей эпохи и ее внутренних

тенденций руководство ориентировалось на ощупь (Сталин), дополняя полученные таким образом осколки выводов новыми, каждый раз схоластическими схемами (Бухарин). Политическая линия в целом представляет поэтому цепь зигзагов. Идеологическая лента — калейдоскоп схем, имеющих тенденцию каждый отрезок сталинского зигзага довести до абсурда.

VI конгресс поступил бы правильно, если бы через особую комиссию постановил собрать воедино те теории, которые создавались Бухариным для обоснования, например, всех этапов Англо-русского комитета, расположить их хронологически и привести в систему, чтобы попытаться начертить малярийную кривую заложенной в них мысли. Это была бы одна из самых поучительных стратегических диаграмм. То же относится и к китайской революции, и к хозяйственному развитию СССР, и ко всякому менее значительному вопросу. *Слепой эмпиризм, перемноженный через схоластику,* — таков курс, которого еще только ждет беспощадное осуждение.

Фатальнее всего он проявился на трех самых больших вопросах: на внутренней политике СССР, на китайской революции и на Англо-русском комитете. В том же направлении, но менее явно и менее гибельно по непосредственным последствиям он обнаружился на всех вообще вопросах политики Коминтерна.

Что касается внутренних вопросов СССР, то достаточно полная характеристика политики сползания дана в «Платформе большевиков-ленинцев (оппозиция)», ссылкой на которую мы и вынуждены здесь ограничиться. Платформа получает сейчас наиболее неожиданное как будто подтверждение в том, что все попытки нынешнего руководства ВКП(б) вырваться из последствий политики 1923—1928 гг. обосновываются почти дословными цитатами из платформы, авторы и сторонники которой разбросаны по тюрьмам и местам ссылки. Тот факт, что нынешние руководители прибегают к платформе по частям и частицам, не связывая концов с концами, делает крайне неустойчивым и ненадежным новый поворот влево; но в то же время придает тем большую ценность платформе как обобщенному выражению действительного ленинского курса.

Вопрос о китайской революции, освещенный в платформе крайне недостаточно, неполно, а отчасти и прямо неверно (Зиновьев), мы вынуждены, ввиду его решающего значения для Коминтерна, подвергнуть более обстоятельному разбору в отдельной главе (III).

Что касается Англо-русского комитета, третьего по важности вопроса из стратегического опыта Коминтерна за последние годы, то после всего сказанного оппозицией в ряде статей и тезисов нам остается только подвести здесь краткие итоги.

Исходным моментом Англо-русского комитета было, как мы уже видели, нетерпеливое стремление перепрыгнуть через молодую и слишком медленно развивавшуюся коммунистическую партию. Это придавало всему опыту ложный характер уже и до всеобщей стачки.

На Англо-русский комитет смотрели не как на эпизодический верхушечный блок, который должен быть и неизбежно будет при первом серьезном испытании демонстративно расторгнут, в целях компрометации Генерального Совета, нет, на него смотрели, не только Сталин, Бухарин, Томский и другие, но и Зиновьев, как на длительное «содружество», как орудие систематического революционизирования английских рабочих масс, — если не как на ворота, то как на подступ к воротам, через которые должна будет войти революция английского пролетариата. Чем дальше, тем больше Англо-русский комитет из эпизодического соглашения превращался в неприкосновенный принцип, стоящий над реальной классовой борьбой. Это обнаружилось во время всеобщей стачки.

Переход движения масс в открытую революционную стадию отбросил слегка полевевших было либеральных рабочих политиков в лагерь буржуазной реакции. Они сознательно и открыто предали генеральную стачку, а затем подкопали и предали стачку углекопов. В реформизме всегда заключена возможность предательства. Но это еще не значит, что реформизм и предательство в каждый момент тождественны. С реформистами могут быть временные соглашения, когда они делают шаг вперед. Когда же они, испугавшись развития движения, предают его, сохранение блока с ними означает преступное попустительство предателям и прикрытие предательства.

Генеральная стачка имела своей задачей силами 5 миллионов рабочих произвести объединенное давление на промышленников и государство, ибо вопрос об угольной промышленности стал важнейшим вопросом государственной политики. Благодаря предательству руководства стачка оказалась сорванной на первом этапе. Было величайшей иллюзией думать после этого, что одна лишь изолированная экономическая стачка углекопов добьется того, чего не добилась всеобщая стачка. *В этом и была сила Генерального Совета*. Он с холодным расчетом шел на поражение

углекопов, в результате которого значительные круги рабочих должны были убедиться в «правильности» и «разумности» иудиных указаний Генсовета.

Сохранение дружественного блока с этим последним и одновременная помощь затяжной изолированно-экономической стачке углекопов, против которой Генсовет выступал, как бы заранее были рассчитаны на то, чтобы дать возможность головке тред-юнионов с наименьшим для нее ущербом выйти из тягчайших испытаний.

Роль русских профессиональных союзов оказалась самой невыгодной и прямо плачевной, с революционной точки зрения. Разумеется, помощь экономической стачке, хотя бы и изолированной, была обязательна; об этом среди революционеров двух мнений быть не может. Но помощь должна была иметь не только денежный, но и революционно-политический характер. ВЦСПС должен был открыто сказать федерации углекопов и всему английскому рабочему классу, что стачка углекопов имеет серьезные шансы на успех только в том случае, если своим упорством, своей настойчивостью, своим размахом готова проложить путь *к новому взрыву всеобщей стачки*. Достигнуть этого можно было только в прямой и открытой борьбе против Генерального Совета, агентуры правительства и углепромышленников. Борьба за превращение экономической стачки в стачку политическую должна была означать бешеную политическую и организационную войну с Генеральным Советом, а первым шагом к такой войне должен быть разрыв Англо-русского комитета, превратившегося в реакционную помеху, в ядро на ногах.

Утверждать, что в этом направлении победа была *обеспечена*, не станет ни один взвешивающий свои слова революционер. Но только на этом пути она была *возможна*. Поражение на этом пути означало поражение на таком пути, который может *в дальнейшем* привести к победе. Такое поражение учит, то есть укрепляет революционные идеи в рабочем классе. Между тем одна лишь финансовая поддержка затяжной и безысходной цеховой стачки (цеховой — по своим методам, революционно-политической — по целям) означала литье воды на мельницу Генсовета, который спокойно дожидался, когда стачка кончится измором и докажет его «правоту». Дожидаться, в качестве явного штрейкбрехера, в течение нескольких месяцев было, разумеется, нелегко. На этот глубоко критический период Генсовету и нужно было политическое прикрытие перед массами, Англо-русский комитет. Таким

путем вопросы смертельной классовой борьбы между английским капиталом и пролетариатом, между Генсоветом и углекопами как бы превращались в вопросы дружественной дискуссии между союзниками по блоку, Генсоветом и ВЦСПС, на тему о том, какой из двух путей сейчас лучше: путь соглашения или путь изолированной экономической борьбы. Неизбежный исход стачки привел к соглашению, то есть трагически разрешил дружественную «дискуссию» в пользу Генсовета.

Вся политика Англо-русского комитета, в силу ложной линии, была с начала до конца помощью Генсовету, поддержкой Генсовету, укреплением Генсовета. Даже факт долговременного финансового питания стачки, при большом самоотвержении со стороны русских рабочих, пошел на пользу не углекопам, не английской компартии, а тому же Генсовету. В результате величайшего в Англии революционного движения со времени чартизма британская компартия едва возросла, а Генсовет сидит прочнее, чем до всеобщей стачки.

Таковы результаты этого единственного в своем роде «стратегического маневра».

Упорство в сохранении блока с Генсоветом, приведшее к прямому пресмыкательству перед ним на постыдном берлинском совещании в апреле 1927 г., объясняли ссылкой все на ту же «стабилизацию». При задержке в развитии революции приходится, мол, держаться и за Перселя. Этот довод, казавшийся чрезвычайно глубоким советскому чиновнику или тред-юнионисту, типа Мельничанского, представляет на деле законченный образец слепого эмпиризма, да еще поврежденного схоластикой. Что означала «стабилизация» применительно к английскому хозяйству и английской политике, особенно в 1926—1927 гг.? Развитие производительных сил? Улучшение экономической обстановки? Лучшие виды на будущее? Ни в малейшей степени. Вся так называемая стабилизация британского капитализма держится на консервативной силе старых рабочих организаций, во всех их течениях и оттенках, при слабости и нерешительности британской коммунистической партии. Революция полностью назрела в области экономических и социальных отношений Англии. Вопрос стоит чисто политически. Основными устоями стабилизации являются верхушки рабочей партии и тред-юнионов, представляющие в Англии единое целое, но с разделением труда. При таком состоянии рабочих масс, какое обнаружилось генеральной стачкой, главное место в механике капиталистической стабилизации заняли уже не Макдональд и

Томас, а Пью, Персель, Кук и К°. Они делают, Томас доделывает. Без Перселя Томас повисает в воздухе, а с Томасом вместе и Болдуин. Фальшивая, дипломатическая, маскарадная, перселевская «левизна», братающаяся — то по очереди, то одновременно — с церковниками и большевиками, всегда готовая не только на отступление, но и на предательство,— вот что представляет основной тормоз революции в Англии. *Стабилизация — это перселевщина.* Отсюда видно, какой теоретической бессмыслицей и каким слепым оппортунизмом являлась ссылка на наличность «стабилизации» для оправдания политического блока с Перселем. Да ведь для того, чтобы потрясти «стабилизацию», нужно первым делом громить перселевщину. Величайшим преступлением и позором являлось в этих условиях сохранение перед лицом рабочих масс хотя бы тени солидарности с Генеральным Советом.

И самая правильная стратегия далеко не всегда может давать победу. Правильность стратегического замысла проверяется тем, идет ли он по линии действительного развития классовых сил, реалистически ли оценивает его элементы. Самым тяжким, постыдным и гибельным для движения поражением, типично меньшевистским является такое поражение, которое основано на ложных классовых оценках, на принижении революционных факторов и на идеализации враждебных сил. Таковы были наши поражения в Китае и в Англии.

Чего ждали от Англо-русского комитета для СССР?

В июле 1926 г. Сталин поучал нас на объединенном пленуме ЦК и ЦКК:

> «Задача этого блока (АРК) состоит в организации широкого движения рабочего класса против новых империалистических войн, вообще против интервенции в нашу страну со стороны (особенно) наиболее могучей из империалистических держав Европы, со стороны Англии в частности».

Поучая нас, оппозиционеров, насчет того, что нужно «иметь заботу о защите первой в мире рабочей республики от интервенции»,— мы, конечно, этого не знаем, — Сталин присовокуплял:

> «Ежели реакционные профсоюзы Англии готовы с революционными союзами нашей страны иметь блок против контрреволюционных империалистов своей страны, — почему бы этот блок не приветствовать?»

Если бы «реакционные профсоюзы» способны были вести борьбу против своих империалистов, они не были бы реакционными. Сталин утратил водораздел между понятиями *реакционный* и *революционный*. Он по старой памяти называет профсоюзы

Англии реакционными, а на деле питает насчет их «революционности» жалкие иллюзии.

Вслед за Сталиным Московский комитет нашей партии учил московских рабочих:

> «Англо-русский комитет может и должен и несомненно сыграет громадную роль в борьбе со всякими интервенциями, направленными против СССР. Он станет организующим центром международных сил пролетариата в борьбе со всякими попытками международной буржуазии затеять новую войну».
>
> Тезисы МК.

Что отвечала оппозиция?

> «Чем острее будет становиться международная обстановка, тем в большей мере Англо-русский комитет будет превращаться в орудие британского и международного империализма».

Эту критику сталинских надежд на Перселя, как на ангела-хранителя рабочего государства, Сталин на том же пленуме назвал отходом «от ленинизма к троцкизму».

> «Ворошилов: Правильно.
> Голос: Ворошилов печать приложил.
> Троцкий: К счастью, все это будет в стенограмме».

Да, все это имеется в стенограмме июльского пленума, где слепые, грубые и нелояльные оппортунисты осмеливались бросать оппозиции обвинение в «пораженчестве».

Весь этот диалог, который я вынужден кратко цитировать по своей старой статье «Чего ждали и что получили?», есть стратегический урок, несравненно более поучительный, чем семинарская глава о стратегии в проекте программы. Вопрос *чего ждали и что получили?* есть основной стратегический критерий вообще. Его надо применить на VI конгрессе ко всем вопросам, стоявшим за последние годы в порядке дня. Тогда с несомненностью обнаружится, что стратегия ИККИ, особенно с 1926 г., была стратегией мнимых величин, фальшивых расчетов, иллюзий за счет врага, травли наиболее надежных и стойких борцов, — словом, гнилая стратегия правого центризма.

9. О маневренном характере революционной стратегии

Непонятным на первый взгляд является полное умолчание проекта программы о «маневренности» большевистской стратегии и об ее «гибкости». Из всего этого огромного вопроса выделен только пункт о соглашениях с колониальной буржуазией.

Между тем оппортунизм последнего периода, делая все более глубокие зигзаги вправо, выступал преимущественно под флагом *маневренной* стратегии. Отказ идти на беспринципные — и тем самым практически вредные — сделки назывался отсутствием «гибкости». Маневренность объявлялась основным принципом большинства. Зиновьев еще в 1925 г. маневрировал с Радичем и с Лафоллетом. Сталин и Бухарин маневрировали затем с Чан Кайши, с Перселем, с кулаком. Аппарат маневрировал все время с партией. Зиновьев и Каменев маневрируют сейчас с аппаратом.

В бюрократическом обиходе появился целый корпус маневренных специалистов, преимущественно из людей, которые никогда не были революционными борцами и которые тем пламеннее склоняются перед революцией после того, как она уже завоевала власть. Бородин маневрирует в Кантоне, Рафес — в Пекине, Д. Петровский — вокруг пролива Ла-Манш, Пеппер — в Соединенных Штатах, но, может, и в Полинезии, Мартынов маневрирует на расстоянии, но зато во всех частях света. Воспитались целые выводки молодых маневренных академиков, которые под большевистской гибкостью понимают преимущественно эластичность собственной спины. Задача этой стратегической школы состоит в том, чтобы выманеврировать то, что дается только революционной силой класса. Как каждый средневековый алхимик, несмотря на неудачи всех остальных, рассчитывал добыть золото, так и нынешние маневренные стратеги, каждый на своем месте, надеются обмануть историю. По существу дела это, разумеется, не стратеги, а бюрократические комбинаторы всех размеров, кроме крупного. Одни из них, подсмотревши, как учитель ликвидировал мелкие вопросы, вообразили, что владеют всеми тайнами стратегии. В этом и есть сущность эпигонства. Другие переняли секреты комбинаторства из вторых и третьих рук и, убедившись, что они иногда делают большие чудеса в малых делах, заключили, что они еще более пригодны для больших. Между тем все попытки применить метод бюрократического комбинаторства, как более «экономный» по сравнению с революционной борьбой, к разрешению больших вопросов неизменно приводили к постыдным провалам, причем вооруженное аппаратом партии и государства комбинаторство ломало хребты молодым партиям и молодым революциям. Чан Кайши, Ван Тинвей, Персель, кулак — все пока выходили победителями из попыток справиться с ними «маневренным» путем.

Это не значит, однако, что маневры недопустимы вообще, то есть несовместимы с революционной стратегией рабочего класса. Но нужно ясно понимать подсобное, подчиненное, строго-служебное значение маневров по отношению к основным методам революционной борьбы. Нужно усвоить себе раз навсегда, что маневр никогда ничего не решает в больших делах. Если комбинаторство как будто успешно решает кое-что в малых делах, то всегда за счет больших дел. Правильный маневр только облегчает решение, давая возможность выиграть время или с меньшими силами достигнуть больших результатов. Выйти из основных затруднений при помощи маневров нельзя.

Противоречие между пролетариатом и буржуазией является основным. Поэтому попытка путем организационных и персональных маневров обуздать китайскую буржуазию и подчинить ее своим комбинаторским планам есть не маневр, а презренный самообман, хоть и большого объема. Классы обмануть нельзя. Это относится в большом историческом масштабе ко всем классам, а в более непосредственном смысле — к господствующим, имущим, эксплуататорам, образованным. Их мировой опыт настолько велик, их классовые инстинкты настолько изощрены, их органы разведки настолько разнообразны, что попытка обмануть их, притворившись не тем, чем ты являешься, на самом деле ведет к тому, что в ловушку попадает друг, а не враг.

Противоречие между СССР и миром капитализма является основным. Маневренным путем из него выйти нельзя. Можно путем ясных и открыто названных уступок капиталу и путем использования противоречий между разными его частями продлить передышку, выиграть время — и то только при определенных исторических условиях, отнюдь не при всяких.

Думать, что можно «нейтрализовать» мировую буржуазию до построения социализма, то есть маневрами выскочить из основных противоречий, есть грубый самообман, который может стоить Советской Республике головы. Освободить из основного противоречия может нас только международная пролетарская революция.

Маневр может состоять либо в уступке врагу, либо в соглашении с временным и потому всегда сомнительным союзником, либо в своевременно рассчитанном отступлении, чтобы не дать врагу насесть на грудь, либо в таком чередовании частичных требований и лозунгов, чтобы расколоть лагерь врагов. Таковы главные виды маневра. Можно назвать еще и другие, второсте-

пенные. Но всякий маневр является по самому существу своему только эпизодом по отношению к основной стратегической линии борьбы. В маневрах с Гоминданом и Англо-русским комитетом — их всегда надо иметь перед глазами как законченный образец меньшевистского, а не большевистского маневра — дело обстояло как раз наоборот: то, что должно было быть тактическим эпизодом, развернулось в стратегическую линию, раздробив действительную стратегическую задачу (борьбу с буржуазией и реформистами) на ряд второстепенных и мелких тактических эпизодов, да и то скорее декоративных.

При маневре всегда надо исходить из худших предположений, а не из лучших по отношению к контрагенту, которому делаешь уступки, или ненадежному союзнику, с которым заключаешь соглашение. Надо всегда помнить, что союзник может завтра же стать врагом. Это относится даже к такому союзнику, как крестьянство.

> «Относиться недоверчиво к крестьянству, организоваться отдельно от него, быть готовым к борьбе с ним, поскольку это крестьянство выступает реакционным или противопролетарским».
>
> Ленин, т. VI, стр. 113.

Это нисколько не противоречит великой стратегической задаче пролетариата, которую Ленин впервые разработал теоретически и практически с такой гениальной глубиной: вырвать эксплуатируемые крестьянские низы из-под влияния буржуазии и повести их за собою. Но союз пролетариата с крестьянством вовсе не дан историей в готовом виде и не может быть создан сладенькими маневрами, пошленьким заигрыванием и патетической декламацией. Союз пролетариата и крестьянства есть вопрос политического соотношения сил, а следовательно — полной независимости пролетариата по отношению ко *всем* классам. Союзника надо еще воспитать. Достигнуть этого можно, с одной стороны, глубоким вниманием ко всем его прогрессивным, историческим потребностям, а с другой стороны, организованным недоверием к союзнику, неутомимой и беспощадной борьбой против всяких его антипролетарских тенденций и повадок.

Смысл и границы маневра должны быть всегда ясно продуманы и очерчены. Уступка должна быть названа уступкой, отступление — отступлением. Несравненно менее опасно преувеличить собственные уступки и отступления, чем преуменьшить их. Надо поддерживать классовую бдительность и организованное недоверие собственной партии, а не усыплять ее.

Основным орудием маневра, как и всякого вообще исторического действия рабочего класса, является партия. Но это не просто покорное орудие в руках маневренных «мастеров», а сознательное и самодеятельное орудие, высшее выражение пролетарской самодеятельности вообще. Каждый маневр должен быть поэтому ясно понимаем самой партией в процессе его существования. Дело идет, конечно, не о дипломатических, военных или конспиративных тайнах, то есть не о *технике* борьбы пролетарского государства или пролетарской партии в капиталистических условиях. Дело идет о *политическом* содержании маневра. Нелепы и преступны поэтому даваемые шепотком объяснения, будто курс 1924—1928 гг. по отношению к кулаку был большим маневром. Кулака не обманешь. Он судит не по словам, а по делам, по налогу, по ценам, по чистогану. Но собственную партию, но рабочий класс, но деревенскую бедноту можно обмануть. Ничто так не разъедает революционного духа пролетарской партии, как беспринципное маневренное комбинаторство за ее спиной.

Важнейшее, незыблемое, неизменное правило всякого маневра: не смей никогда сливать, или смешивать, или переплетать свою партийную организацию с чужою, хотя бы сегодня и самою «дружественною». Не смей идти на такие шаги, которые прямо или косвенно, открыто или замаскированно подчиняют твою партию другим партиям или организациям других классов, урезывают свободу твоей агитации или делают тебя ответственным, хотя бы отчасти, за политическую линию других партий. Не смей смешивать знамена, не говоря уже о том, чтобы становиться на колени перед чужим знаменем.

Хуже и опаснее всего, когда маневр вытекает из нетерпеливого оппортунистического стремления обогнать развитие собственной партии, перескочить через неизбежные этапы ее созревания — вот где действительно нельзя перескакивать через этапы — при помощи внешнего, фальшивого, дипломатического, комбинаторски-плутоватого связывания, сочетания и объединения тянущих врозь организаций и элементов. Такие эксперименты, опасные всегда, для молодых и слабых партий гибельны.

В маневре, как и в битве, решает не только стратегическая мудрость (еще меньше комбинаторская хитрость), решает соотношение сил. Маневр, даже правильно задуманный, тем, вообще говоря, опаснее для революционной партии, чем она моложе и слабее по сравнению с врагами, союзниками и полусоюзниками. Вот почему — и здесь мы подходим к центральному пункту для

Коминтерна — большевистская партия вовсе не начинала с маневров, как с панацеи, а пришла к ним, дорастала до них по мере того, как пускала глубокие корни в рабочем классе, политически крепла и идейно мужала.

В том-то и беда, что эпигоны большевистской стратегии в качестве ее квинтэссенции преподносят молодым коммунистическим партиям маневренность и гибкость, срывая их с исторического стержня и с принципиальных основ и тем превращая в беспринципное комбинаторство, которое слишком часто походит на верчение белки в колесе. Не гибкость служила, да и сейчас не должна служить, основной характеристикой большевизма, а *твердокаменность*. Именно этим своим качеством, в котором обвиняли его враги и противники, большевизм справедливо гордился. Не блаженный «оптимизм», а непримиримость, бдительность, революционное недоверие, борьба за каждый вершок своей самостоятельности — вот коренные черты большевизма. С этого и надо начинать коммунистическим партиям Запада и Востока. Право на большие маневры надо еще только завоевать, подготовив материально-политическую возможность их осуществления — силу, прочность и выдержанность собственной организации.

Меньшевистские маневры с Гоминданом и Генеральным Советом десятикратно преступны потому, что обрушились на хрупкие еще плечи коммунистов Китая и Англии. Маневры эти не только принесли поражения революции и рабочему классу, но и надолго придавили, ослабили, подорвали основное орудие дальнейшей борьбы, молодые коммунистические партии. Одновременно они внесли элементы политической деморализации и в старейшую партию Коминтерна — ВКП(б).

Стратегическая глава проекта, набрав воды в рот, молчит о маневренности, то есть об излюбленном коньке последних лет. Добродушные критики скажут: и то хорошо. Но это будет большой ошибкой. Беда в том, что проект программы, как мы уже показали на ряде примеров и покажем в дальнейшем, тоже имеет маневренный характер, в дурном, то есть в комбинаторском, смысле этого слова. Проект маневрирует с собственной партией. Одни слабые места прикрывает маскировочной формулой «под Ленина», другие — обходит молчком. Так обстоит дело и с вопросом о маневренной стратегии. Сейчас невозможно говорить об этом, не коснувшись свежего опыта в Китае и в Англии. Самое упоминание маневренности будет вызывать образы Чан Кайши и Перселя. Этого не хотят авторы. Они предпочитают помолчать на излюб-

ленную тему, оставляя руководству Коминтерна руки развязанными. Но именно этого допустить нельзя. Надо комбинаторам и кандидатам в комбинаторы руки связать. Для этого и служит программа. Иначе она не нужна.

В стратегической главе необходимо найти место для основных правил, определяющих и ограничивающих маневр, то есть подсобный прием в революционной борьбе с классовым врагом, которая может быть только борьбою не на жизнь, а на смерть. Правила, намеченные выше на основании того, чему учили Маркс и Ленин, можно, несомненно, изложить короче и точнее. Но их надо во что бы то ни стало включить в программу Коминтерна.

10. Стратегия гражданской войны

Проект программы в связи с вопросом о вооруженном восстании бегло говорит:

> «Эта борьба подчиняется правилам военного искусства, предполагает военный план, наступательный характер боевых операций, беззаветную преданность и героизм пролетариев».

Проект не идет здесь дальше сжатого повторения нескольких замечаний, брошенных некогда Марксом. Между тем у нас есть опыт Октябрьской революции, с одной стороны, опыт поражений венгерской и болгарской революций, итальянской борьбы в 1920 г., болгарского восстания в сентябре 1923 г., немецкого движения 1923 г., в Эстонии в 1924 г., английской всеобщей стачки в 1926 г., восстания венских рабочих в 1927 г., второй китайской революции 1925—1927 гг. Программа Коминтерна должна заключать в себе несравненно более отчетливую и конкретную характеристику как общественно-политических предпосылок вооруженного восстания, так и военно-стратегических условий и методов, способных обеспечить его победу. И ничто так не обличает поверхностно-литераторский характер документов, как тот факт, что глава, посвященная революционной стратегии, занимается Корнелиссеном и гильдейцами (Пенти, Ораж, Гопсон, Коль, все по именам), но не дает ни обобщенной характеристики стратегии пролетариата в империалистскую эпоху, ни основанного на живом историческом материале определения методов борьбы за власть.

В 1924 г., после трагического опыта в Германии, мы снова подняли вопрос о том, чтобы Коминтерн поставил в порядок дня и разработал вопросы стратегии и тактики вооруженного восстания и гражданской войны вообще.

«Надо прямо сказать, что вопрос о сроке восстания приобретает в некоторых случаях характер лакмусовой бумажки по отношению к революционному сознанию многих и многих западноевропейских коммунистов, до сих пор не освободившихся от выжидательного, фаталистического подхода к основным задачам революции. Наиболее глубокое и талантливое выражение этот подход нашел еще у Розы Люксембург. Психологически это вполне понятно. Она выросла главным образом в борьбе против бюрократического аппарата германской социал-демократии и германских профсоюзов. Она неутомимо доказывала, что этот аппарат удушает инициативу масс, и она видела спасение и выход в стихийном движении низов, которое должно опрокинуть все социал-демократические заставы и рогатки. Революционная всеобщая стачка, переливающаяся через все берега буржуазного общества, стала для Люксембург синонимом пролетарской революции. Но всеобщая стачка, какой бы мощной массовидностью она ни отличалась, еще не решает проблемы власти, а только ставит ее. Чтобы взять власть, нужно на основе всеобщей стачки организовать вооруженное восстание. Разумеется, все развитие Розы Люксембург шло в этом направлении: она сошла со сцены, не сказав не только своего последнего, но и своего предпоследнего слова. Однако в германской коммунистической партии очень сильны были до самого недавнего времени тенденции революционного фатализма: революция идет, революция приближается, революция принесет с собою вооруженное восстание и власть, а партия... будет в это время вести революционную агитацию и ждать последствий. В такого рода условиях ставить ребром вопросы о сроке значит пробуждать от фаталистической пассивности и поворачивать лицом в сторону основной революционной задачи, то есть сознательно организованного вооруженного восстания с тем, чтобы вырвать у врага власть».

Троцкий. Речь на заседании правления Военно-научного общества 29 июля 1924 г. — «Правда», 6 сентября 1924 г.

«Мы посвящаем довольно много времени и теоретических усилий Парижской коммуне 1871 г., а пропускаем совершенно мимо себя борьбу немецкого пролетариата, у которого есть уже богатый опыт гражданской войны; почти не занимаемся, например, опытом болгарского вооруженного восстания в сентябре прошлого года; и, наконец, самое поразительное — это то, что мы как бы совершенно сдали в архив опыт Октября...

Надо тщательнейшим образом изучить опыт Октябрьского переворота — единственной до сих пор победоносной революции

пролетариата. Надо составить стратегический и тактический календарь Октября. Надо показать, как события нарастали волна за волной, как они отражались в партии, в Советах, в Центральном Комитете, в военной организации. Что означали колебания внутри партии? Каков был их удельный вес в общем размахе событий? Какова была роль военной организации? Вот работа неоценимой важности. Откладывать ее дальше было бы прямым преступлением» (там же).

«Итак, в чем же собственно задача? Задача в том, чтобы составить универсальный справочник, или руководство, или учебник, или устав по вопросам гражданской войны, следовательно, прежде всего, по вооруженному восстанию, как высшему моменту революции. Нужно подытожить опыт, проанализировать условия, разобрать ошибки, выделить наиболее правильные операции, извлечь необходимые выводы. Обогатим ли мы этим науку, то есть познание законов исторического развития, или искусство, как совокупность выведенных из опыта правил действия? И то и другое, думается мне. Но цель у нас строго практическая: обогатить военно-революционное искусство.

Такого рода «устав» будет, по необходимости, иметь очень сложное построение. Прежде всего, нужно дать характеристику основных предпосылок захвата власти пролетариатом. Здесь мы еще остаемся в области революционной политики, но ведь восстание и есть продолжение политики, только особыми средствами. Анализ предпосылок вооруженного восстания надо приурочить к разным типам стран. Есть страны с большинством пролетарского населения и страны с ничтожным меньшинством пролетариата и с абсолютным преобладанием крестьянства. Между этими двумя полюсами располагаются страны переходного типа. Нужно, стало быть, положить в основу исследования по крайней мере три «типовые» страны: индустриальную, аграрную и промежуточную. Введение (о предпосылках и условиях революции) и должно дать характеристику особенностей каждого из этих типов под углом зрения гражданской войны. Восстание мы рассматриваем двояко: с одной стороны — как определенный этап исторического процесса, как определенное преломление объективных законов классовой борьбы; с другой стороны — с субъективной или активной точки зрения: как подготовить и провести восстание, чтобы вернее всего обеспечить победу его» (там же).

Широким кругом лиц, сгруппировавшихся вокруг Военно-научного общества, начата была в 1924 г. коллективная работа по выработке устава гражданской войны, то есть марксистского руководства по вопросам открытых классовых столкновений и вооруженной борьбы за диктатуру. Работа встретила, однако, вскоре противодействие со стороны Коминтерна — это противодействие вошло в общую систему борьбы с так называемым троцкизмом, — а затем была вовсе ликвидирована.

Трудно представить себе более легкомысленно преступный шаг. В эпоху крутых поворотов устав гражданской войны, в разъясненном выше смысле, должен входить в железный инвентарь каждого кадрового революционера, не говоря уже о руководителях партии. Этот «устав» должен постоянно штудироваться и пополняться свежим опытом своей собственной страны. Только такое изучение может создать известную гарантию против панически-капитулянтских шагов в моменты, требующие мужества и высшей решимости, как и от авантюристских скачков в периоды, требующие осмотрительности и выдержки.

Если бы такой устав входил в число книг, серьезное изучение которых так же обязательно для коммунистов, как знакомство с основными идеями Маркса, Энгельса и Ленина, мы, может быть, не имели бы кое-каких отнюдь не неизбежных поражений последних лет, в частности с детским легкомыслием проделанного кантонского переворота. Об этих вопросах проект программы говорит в нескольких строках, почти так же экономно, как о гандизме в Индии. Программа не может, разумеется, вдаваться в детали. Но она должна ребром поставить проблему и дать основные ее формулы, со ссылкой на крупнейшие достижения и крупнейшие ошибки.

Независимо от этого VI конгресс должен, на наш взгляд, в особом постановлении обязать Исполком выработать устав гражданской войны, как директивную сводку прошлого опыта побед и поражений.

11. Вопросы партийного режима

Организационные вопросы большевизма неразрывно связаны с программными и тактическими. На эту тему проект лишь мимоходом говорит о необходимости «строжайшего революционного порядка демократического централизма». Это единственная формула, определяющая партийный режим, притом совершенно новая формула. Мы знали, что режим партии покоится на принципах демократического централизма. При этом предполагалось теоретически, так было и на практике, что режим демократического централизма заключает в себе как полную возможность для партии обсуждать, критиковать, выражать недовольство, избирать, смещать, так и железную дисциплину действия под полновластным руководством избираемых и смещаемых

руководящих органов. Если в *демократии* понималось верховенство партии над всеми ее органами, то *централизм* означал правильно построенную сознательную дисциплину, обеспечивающую боеспособность партии. Теперь над этой оправданной всем прошлым формулой партийного режима ставится уже новый дополнительный критерий — *«строжайшего революционного порядка»*. Оказывается, что партии нужен не просто демократический централизм, а некий *революционный порядок* демократического централизма. Эта формула ставит запросто новую, самостоятельную идею «революционного порядка» над демократическим централизмом, то есть над партией.

Что же знаменует собою идея революционного порядка, да еще «строжайшего», стоящая *над* идеями демократии и централизма? Она знаменует партийный аппарат, независимый или стремящийся к независимости от партии, самодовлеющую бюрократию, которая блюдет «порядок», независимо от партийной массы, и, если «порядок» этого требует, отменяет и нарушает волю партии: попирает устав, отодвигает съезды или превращает их в фикцию.

К этой формуле «революционного порядка», возвышающегося над демократией и централизмом, мысль аппарата разными путями подбиралась давно. Мы имели за последние два года со стороны ответственнейших представителей руководства ряд новых определений партийной демократии, сводивших ее, по существу, к тому, что демократия, как и централизм, есть только подчинение вышестоящим органам. В этом же направлении далеко продвинулась вся практика. Но централизм с зажатой и опустошенной демократией есть бюрократический централизм. Такого рода «порядок» вынужден, конечно, прикрываться формами и обрядностями демократии, подстегивать ее многочисленными циркулярами сверху, приказывать ей заниматься «самокритикой» под угрозой 58-й статьи и доказывать, что нарушение демократии исходит не от руководящего центра, а от так называемых «исполнителей», с которых никогда нельзя, однако, ничего сыскать, потому что каждый «исполнитель» оказывается руководителем всех стоящих ниже его.

Таким образом, новая формула, теоретически совершенно несообразная, своим новшеством и своей несообразностью демонстрирует, что она явилась на свет для удовлетворения некоторых назревших потребностей. Она есть освящение того бюрократического аппарата, который ее породил.

Вопрос этот неразрывно связан с вопросом о фракциях и группировках. При всяком спорном вопросе и разногласии руководство и официальная печать не только ВКП, но и Коминтерна и всех его секций немедленно же сдвигают спор в плоскость вопроса о фракциях и группировках. *Идейная жизнь партии немыслима без временных идейных группировок.* Другого способа еще никто не открыл. А кто пробовал открывать, показывал лишь, что рецепт его сводится к удушению идейной жизни партии.

Разумеется, группировки представляют собою «зло», как и разногласия. Но это зло входит такой же необходимой составной частью в диалектику партийного развития, как яды в жизнь человеческого организма.

Еще большим злом является превращение группировок в организованные, тем более замкнутые, фракции. Искусство руководства партии и состоит в том, чтобы до этого не допустить. Одним голым запретом этого достигнуть нельзя. Лучше всего об этом свидетельствует опыт ВКП.

На X съезде, под гул кронштадтского восстания и кулацких мятежей, Ленин провел решение, запрещающее фракции и группировки. Под группировками разумелись не преходящие течения, которые неизбежно слагаются в процессе партийной жизни, а те же фракции, выдающие себя за группировки. Партийная масса ясно поняла смертельные опасности момента и поддержала своего вождя, приняв жесткую и непреклонную по букве резолюции формулу запрещения фракций и фракционности. Но партия в то же время твердо знала, что толковать эту формулу будет Центральный Комитет под руководством Ленина; что ни грубого, ни нелояльного толкования не будет, тем менее злоупотребления властью (смотри «Завещание» Ленина). Партия знала, что ровно через год, а если треть партии захочет, то и через месяц, партия на новом съезде проверит опыт и внесет необходимые ограничения. Постановление X съезда было очень острой мерой, вызванной критическим положением правящей партии на опаснейшем повороте от военного коммунизма к нэпу. Острая мера оправдала себя полностью, ибо только дополнила правильную и дальнозоркую политику, вырвавшую почву из-под группировок, сложившихся перед переходом к новой экономической политике.

Но постановление X съезда о фракциях и группировках, требовавшее и тогда уже надлежащего истолкования и применения, не есть ни в каком случае абсолютный принцип, стоящий над

всеми остальными потребностями партийного развития, независимо от страны, обстановки и времени.

Поскольку партийное руководство после отхода Ленина, с целью самозащиты от всякой критики, формально опиралось на постановление X съезда о фракциях и группировках, оно, все более сжимая горло партийной демократии, все меньше достигало в то же время и непосредственной цели, то есть устранения фракционности. Задача ведь состоит не в том, чтобы запретить фракции, а в том, чтобы их не было. Между тем никогда фракционность не опустошала так партию, разъедая ее единство, как со времени отхода Ленина от руководства. Никогда в то же время не торжествовала так стопроцентная монолитность, насквозь фальшивая служащая лишь прикрытием методов удушения партийной жизни.

Тайная от партии аппаратная фракция складывается в ВКП(б) уже до XII съезда. Позже она принимает карбонарскую форму организации, со своим нелегальным центральным комитетом («семерка»), со своими циркулярами, агентами, шифрами и пр. В партийном аппарате подбирается замкнутый бесконтрольный орден, распоряжающийся исключительными ресурсами не только партийного, но и государственного аппарата и превращающий массовую партию только в прикрытие и подсобное орудие для своих комбинаторских маневров.

Но чем смелее эта замкнутая внутриаппаратная фракция обособляется от контроля партийной массы, все более и более разводняемой путем всяких «призывов», тем глубже и острее идет процесс фракционного дробления, не только в низах, но и в самом аппарате. При полном и неограниченном господстве его над партией, достигнутом уже в эпоху XIII съезда, разногласия внутри самого аппарата не находят себе выхода: призвать партию к действительному решению значило бы снова подчинить ее аппарат. Решать спорный вопрос методами *аппаратной* демократии, то есть опросом членов секретной фракции, склонна бывает только та из аппаратных группировок, которая заранее убеждена в большинстве. В результате внутри правящей аппаратной фракции складываются свои враждебные фракции, старающиеся не столько получить большинство внутри общей фракции, сколько найти опору в учреждениях государственного аппарата. Что касается большинства на съезде партии, то оно этим самым обеспечивается уже автоматически, ибо съезд можно созвать когда удобнее и подготовить как угодно. Так развивается аппаратное *узурпатор-*

ство, которое представляет собою самую грозную опасность как для партии, так и для диктатуры пролетариата.

После того как аппаратно-фракционными средствами проведена была первая «антитроцкистская» кампания 1923—1924 гг. внутри подпольной фракции, возглавлявшейся семеркой, прошла глубокая трещина. Основой ее было классовое недовольство ленинградского пролетарского авангарда начавшимся сползанием в вопросах как внутреннего, так и международного характера. Ленинградские передовые рабочие продолжали в 1925 г. дело, начатое московскими передовиками в 1923 г. Но эти глубокие классовые тенденции не нашли в партии открытого выражения: они преломились через глухую борьбу внутри аппаратной фракции.

В апреле 1925 г. ЦК рассылает по всей партии циркуляр, опровергавший распускаемые будто бы «троцкистами» (!!) слухи о том, что внутри ядра «ленинцев», то есть фракционной семерки, существуют какие-то разногласия насчет крестьянства. Только из этого циркуляра более широкие партийные кадры узнают о том, что такие разногласия действительно существуют, что отнюдь не мешает кадрам и дальше обманывать партию, будто «оппозиция» нарущает монолитность «ленинской гвардии». Эта пропаганда находится в полном разгаре, когда XIV съезд обрушивает на партию бесформенные и путаные, но тем не менее глубокие по *классовым источникам* разногласия между двумя частями правящей фракции. Московская и ленинградская организации, то есть две основные крепости партии, выносят в последний момент перед съездом на своих конференциях резолюции *прямо противоположного характера.* И та и другая, разумеется, *единогласно.* Это чудо «революционного порядка» Москва объясняет засилием аппарата в Ленинграде, а Ленинград возвращает это обвинение Москве. Как будто бы между московской и ленинградской организациями существовала какая-либо непроницаемая переборка. И там и здесь решал аппарат, доказывая стопроцентной монолитностью, что в основных вопросах партийной жизни партии нет.

XIV съезд оказался вынужденным решать новые разногласия по основным вопросам и определять новый состав руководства *за спиною неспрошенной партии.* Съезд не мог не уступить сразу это решение тщательно подобранной иерархии партийных секретарей. XIV съезд поставил новую веху в деле ликвидации партийной демократии методами «порядка», то есть усмотрения замаскированной аппаратной фракции. Дальнейший ход борьбы протекал

только вчера. Искусство правящей фракции состояло в том, чтобы каждый раз ставить партию перед вынесенным уже решением, перед непоправимым положением, перед совершившимся фактом.

Эта новая, более высокая стадия «революционного порядка» вовсе не означала, однако, ликвидации фракций и группировок. Наоборот, они чрезвычайно развились и обострились как в партийной массе, так и в самом аппарате. Что касается партии, то здесь бюрократическая расправа с «группировками», все обостряясь и тем знаменуя свое бессилие, докатилась до гнусностей о врангелевском офицере и до 58-й статьи. Одновременно шел и разворачивается сейчас процесс *нового дробления* самой правящей фракции. И теперь, конечно, нет недостатка в фальшивых демонстрациях монолитности и в циркулярах, свидетельствующих о полном единодушии верхов. На самом же деле глухая, ожесточенная, ввиду безысходности своей, борьба в замкнутых аппаратах фракции приняла по всем признакам крайне напряженный характер и подводит партию к какому-то новому взрыву.

Такова теория и практика «революционного порядка», неизбежно превращающаяся в теорию и практику узурпаторства.

Дело, однако, давно уже не ограничивается Советским Союзом. В 1923 г. кампания против фракционности исходила главным образом из того довода, что фракции представляют собой зародыш партий, а диктатура пролетариата в стране с подавляющим крестьянским большинством и в капиталистическом окружении не допускает свободы партий. Само по себе это положение безусловно правильно. Но оно требует также правильной политики и правильного режима. Ясно, однако, что такая постановка вопроса означала отказ от распространения резолюции X съезда правящей ВКП(б) на коммунистические партии буржуазных государств. Однако бюрократический режим имеет свою пожирающую логику. Если он не терпит демократического контроля в советской партии, то он не терпит его в Коминтерне, формально стоящем над ВКП. Вот почему из грубого и нелояльного истолкования и применения резолюции X съезда, отвечавшей определенным условиям момента в СССР, руководство сделало универсальный принцип и распространило его на все организации земного шара.

Большевизм всегда силен был исторической конкретностью в выработке организационных форм — никаких голых схем. Переходя из этапа в этап, большевики радикально меняли свою организационную структуру. Между тем теперь один и тот же

принцип «революционного порядка» применяется к могущественной партии пролетарской диктатуры; к германской коммунистической партии, представляющей серьезную политическую силу; к молодой китайской партии, оказавшейся сразу вовлеченной в водоворот революционной борьбы, и к небольшому пропагандистскому обществу, каким является партия Соединенных Штатов. Достаточно, чтобы в этой последней поднялись сомнения в правильности методов, навязываемых очередным Пеппером, как на «сомневающихся» сразу же обрушиваются кары за фракционность. Молодая партия, представляющая совершенно эмбриональный политический организм, без настоящей связи с массами, без опыта революционного руководства, без теоретической вышколки, уже с ног до головы вооружена всеми атрибутами «революционного порядка», которые выглядят на ней, как отцовские доспехи на шестилетнем сыне.

ВКП имеет богатейший идейно-революционный опыт. Но, как показало последнее пятилетие, и она не может безнаказанно ни одного дня прожить одними лишь процентами с капитала, а обязана постоянно воспроизводить и расширять его, что возможно только путем коллективной работы партийной мысли. Что же говорить об иностранных коммунистических партиях, возникших несколько лет тому назад и проходящих только первоначальный период накопления теоретических знаний и практического умения. Без действительной свободы партийной жизни, свободы обсуждения, свободы коллективной, в том числе групповой, выработки своих путей эти партии никогда не сложатся в решающую революционную силу.

До X съезда, на коем была запрещена фракционность, ВКП прожила два десятилетия без этого запрета. И именно эти два десятилетия так воспитали и подготовили ее, что она на труднейшем повороте сумела принять и перенести суровые решения X съезда. Коммунистические же партии Запада сразу начинают с этого.

Ленин и мы вместе с ним больше всего опасались чрезмерного, подавляющего влияния ВКП, вооруженной могущественными государственными ресурсами, на молодые, только организующиеся партии Запада. Ленин неутомимо предостерегал против забегания вперед по линии централизма, против чрезмерных замашек по этой части Исполкома и Президиума, и особенно против таких форм и приемов помощи, которые превращаются в прямое и безапелляционное командование.

Перелом начался под именем «большевизации» в 1924 г. Если под большевизацией понимать чистку партии от чужеродных элементов и навыков, от социал-демократических чиновников, держащихся за места, от франкмасонов, демократов — пацифистов, идеалистических путаников и прочее, то эта работа производилась с первого дня существования Коминтерна и на IV конгрессе приняла крайне боевые формы в отношении французской партии. Но эта действительная большевизация неразрывно связывалась ранее с собственным опытом национальных секций Коминтерна, вырастала из этого опыта и имела своим оселком вопросы национальной политики, поднимаемые до интернациональных задач. Совершенно карикатурный характер имела «большевизация» 1924 г., когда руководящим организациям коммунистических партий приставляли к виску револьвер, требуя, чтобы они без информаций и обсуждений заняли немедленную и окончательную позицию по внутренним разногласиям ВКП, причем от этой позиции заранее зависело, быть им или не быть в Коминтерне. Между тем европейские коммунистические партии в 1924 г. ни в каком смысле не были вооружены для скоропалительного решения вопросов русской дискуссии, в которой тогда только намечались две принципиальные тенденции, выросшие из нового этапа пролетарской диктатуры. Разумеется, и после 1924 г. очистительная работа была необходима, и из многих секций правильно удалены чужеродные элементы. Но, взятая в целом, «большевизация» состояла в том, что клином русских разногласий, по которому сверху били молотом государственного аппарата, дезорганизовали раз за разом слагавшееся руководство коммунистических партий Запада. Все это под знаменем борьбы с фракционностью.

Если внутри партии пролетарского авангарда и кристаллизуются фракции, грозящие надолго парализовать ее боеспособность, тогда, разумеется, она всегда окажется перед необходимостью решить, дать ли времени еще произвести дополнительную проверку или признать сейчас же раскол неизбежным. Боевая партия никогда не может быть суммой фракций, тянущих в разные стороны. В таком общем виде это неоспоримо. Но применять раскол как превентивное средство против разногласий, отсекать каждую группу и группировку, поднимающую голос критики, значит превратить внутреннюю жизнь партии в цепь организационных абортов. Такие методы, не содействуя продолжению и развитию рода, только истощают материнский организм,

то есть партию. Борьба с фракционностью становится неизмеримо опаснее самой фракционности.

Мы имеем сейчас такое положение, когда фактически инициаторы и основатели почти всех коммунистических партий мира поставлены вне Интернационала, не исключая и бывшего председателя этого последнего. Из всех почти партий исключены или отстранены руководящие группы *двух* последовательных периодов партийного развития. В Германии группа Брандлера и сейчас еще находится на положении полупартийной, группа Маслова за порогом партии. Во Франции исключены старые группы Росмера—Моната и Лорио, Суварин, а также руководящая группа следующего периода Жиро—Трэн. В Бельгии исключена коренная группа Оверстратена. Если группа Бордиги, родоначальница итальянской коммунистической партии, исключена только наполовину, то это объясняется условиями фашистского режима. В Чехословакии, в Швеции, в Норвегии, в Соединенных Штатах, словом, почти во всех партиях мира мы имеем более или менее аналогичные явления, возникшие в послеленинский период.

Что многие из исключенных делали крупнейшие ошибки, это неоспоримо, мы на это указывали не позже других. Что многие из исключенных, после отсечения от Коминтерна, вернулись в значительной мере к своим отправным позициям, левому социал-демократизму или синдикализму, это столь же бесспорно. Но задача руководства Коминтерна вовсе не состоит в том, чтобы каждый раз загонять молодое руководство национальных партий в тупик и обрекать этим отдельных его представителей на идейное вырождение. «Революционный порядок» бюрократического руководства стал грозной помехой на пути развития всех партий Интернационала.

* * *

Организационные вопросы неотделимы от программных и тактических. Надо отдать себе совершенно ясный отчет в том, что одним из важнейших источников оппортунизма в Коминтерне является аппаратно-бюрократический режим в самом Коминтерне и в его руководящей партии. Что в Советском Союзе бюрократизм является и выражением и орудием давления непролетарских классов на пролетариат, в этом не может быть никакого сомнения после опыта 1923—1928 гг. Проект программы Коминтерна на этот счет дает правильную формулировку, когда говорит, что бюрократические извращения «неизбежно вырастают на поч-

ве недостаточной культурности масс и чуждых пролетариату классовых влияний». Здесь мы имеем ключ к пониманию не только бюрократизма вообще, но и причины его чрезвычайного роста за последнее пятилетие. Если недостаточная культурность масс все же за этот период росла — а это несомненно, — то причину *роста* бюрократизма можно искать только в *росте* чуждых пролетариату классовых влияний. Поскольку европейские коммунистические партии, то есть прежде всего их руководящие центры, организационно равнялись по аппаратным сдвигам и перегруппировкам в ВКП, постольку бюрократизм иностранных коммунистических партий являлся в значительной мере отражением и дополнением бюрократизма внутри ВКП.

Подбор руководящих элементов в коммунистических партиях происходил и происходит главным образом под углом зрения их готовности принять и одобрить последнюю аппаратную группировку ВКП. Более самостоятельные и ответственные из руководящих элементов иностранных партий, несогласные подвергаться перестановкам в чисто административном порядке, либо выбрасывались из партии вообще, либо загонялись в правое (нередко *мнимо*-правое) крыло, либо, наконец, попадали в оппозицию слева. Таким образом, органический процесс подбора и сплочения кадровых революционных элементов, на основе пролетарской борьбы, под руководством Коминтерна, пресекался, изменялся, искажался, отчасти прямо подменялся административно-бюрократической сортировкой сверху. Естественно, те из руководящих коммунистов, которые с большей готовностью принимали готовые решения и подписывали любые резолюции, получали нередко перевес над более партийными элементами, проникнутыми чувством революционной ответственности. Вместо отбора выдержанных и стойких революционеров получается нередко отбор бюрократически приспособленных.

Все вопросы внутренней и международной политики неизменно возвращают нас к вопросам партийного режима. Сдвиги с классовой линии в вопросах китайской революции, английского рабочего движения, хозяйства СССР, зарплаты, налогов и пр. представляют, разумеется, сами по себе серьезнейшую опасность. Но эта опасность увеличивается в десять раз вследствие того, что бюрократический режим, связывая партию по рукам и по ногам, не дает ей возможности нормальными путями выправлять линию руководящей партийной верхушки. То же самое относится и к Коминтерну. Резолюция XIV съезда ВКП о необходимости более

демократического и коллективного руководства Коминтерном на практике превратилась в свою противоположность. Изменение режима в Коминтерне становится вопросом жизни и смерти для международного революционного движения. Это изменение может быть достигнуто двумя путями: либо рука об руку с изменением режима в ВКП, либо в борьбе против руководящей роли ВКП в Коминтерне. Все усилия должны быть направлены на то, чтобы обеспечить первый путь. Борьба за изменение режима в ВКП есть борьба за оздоровление режима в ВКП, есть борьба за оздоровление режима в Коминтерне и за сохранение в нем идейно-руководящей роли за нашей партией.

Из программы надо поэтому беспощадно изгнать самую мысль о том, будто живые действующие партии отдаются под контроль «революционного порядка» несменяемой партийно-государственной бюрократии. Надо самой партии вернуть ее права. Надо, чтоб партия снова стала партией. Надо сказать об этом в программе такими словами, чтоб не оставить никакого места для теоретического оправдания бюрократизма и тенденций узурпаторства.

12. Причины поражений оппозиции и перспективы

Начиная с осени 1923 г. левое, пролетарское крыло партии, излагавшее свои взгляды в ряде документов, главным из которых является «Платформа большевиков-ленинцев (оппозиции)», подвергалось систематическим организационным разгромам. Методы расправы определялись характером партийного режима, который бюрократизировался по мере усиления давления непролетарских классов на пролетариат. Возможность успехов этих методов создавалась общим политическим характером периода, когда пролетариат терпел величайшие поражения, социал-демократия снова оживала, а внутри коммунистических партий крепли центристско-оппортунистические тенденции, причем до самых последних месяцев центризм систематически сползал вправо. Первый разгром оппозиции произведен был непосредственно вслед за поражением германской революции и явился как бы его дополнением. Этот разгром был бы совершенно невозможен при победе германского пролетариата, которая чрезвычайно повысила бы классовое самочувствие пролетариата СССР, а значит и его силу сопротивления давлению буржуазных классов, внутренних и внешних, и партийному бюрократизму, передающему это давление.

Для уяснения общего смысла происходивших в Коминтерне с конца 1923 г. перегруппировок в высшей степени важно было бы шаг за шагом проследить, как объясняла себе свои организационные «победы» над оппозицией руководящая группа на разных этапах своего сползания. Мы лишены возможности выполнить эту работу в рамках критики проекта программы. Но для нашей цели будет достаточно, если мы посмотрим, как понималась первая «победа» над оппозицией в сентябре 1924 г. в дебютной статье Сталина по вопросам международной политики.

> «Вернейшим признаком, — так писал Сталин, — *глубочайших революционных процессов, происходящих в недрах рабочего класса,* нужно считать решительную победу в компартиях революционного крыла...»

И в другом месте той же статьи:

> «Если к этому добавить факт полной изоляции оппортунистического течения в ВКП, то картина получится законченная. V конгресс Коминтерна лишь закрепил победу революционного крыла в основных секциях Коминтерна»
>
> «Правда», 20 сентября 1924 г.; подчеркнуто нами.

Таким образом, поражение оппозиции ВКП объявлялось результатом того, что европейский пролетариат *левеет*, идет непосредственно к революции и дает во всех секциях перевес революционному крылу над оппортунистами. Сейчас, почти пять лет спустя после величайшего поражения международного пролетариата осенью 1923 г., «Правда» оказалась вынужденной признать, что только теперь начинает проходить «волна некоторой апатии и придавленности, наступившая после поражения 1923 г. и позволившая германскому капиталу укрепить свои позиции» («Правда». 28 января 1928 г.).

Но тогда возникает вопрос, новый для нынешних руководителей Коминтерна, но не для нас: значит, поражение оппозиции в 1923 г. и в следующие годы приходится объяснять не *полевением,* а *поправением* рабочего класса? Ответ на этот вопрос решает все.

В 1924 г., на V конгрессе Коминтерна, и позже в речах и статьях ответ давался ясный и категорический: усиление революционных элементов рабочего движения Европы, новая поднимающаяся волна, приближение пролетарской революции — все, что вызвало «крушение» оппозиции.

Но сейчас является уже установленным, общепризнанным, неоспоримым факт крутого и притом длительного перелома политической конъюнктуры после 1923 г. вправо. Совершенно

неоспорим поэтому тот факт, что возникновение борьбы против оппозиции, усиление этой борьбы, углубление ее, доведение ее до исключений и ссылок теснейшим образом связаны с политическим процессом буржуазной стабилизации в Европе. Этот процесс нарушался, правда, за последние четыре года крупными революционными событиями. Но новые ошибки руководства, еще более тяжкие, чем в 1923 г. в Германии, давали каждый раз победу врагу при наихудших условиях для пролетариата и компартии и тем создавали новые источники питания буржуазной стабилизации. Международное революционное движение терпело поражения, и с ним вместе терпело поражения левое, пролетарское, ленинское крыло ВКП(б) и Коминтерна.

Объяснение будет неполно, если мы не привлечем выраставший на этом мировом фоне внутренний процесс в экономике и политике СССР, именно нарастание противоречий на основах нэпа, при отсутствии правильного понимания проблемы экономической смычки города и деревни, при недооценке диспропорции и задач индустриализации со стороны руководства, при непонимании значения плановой хозяйственной установки и пр.

Рост экономического и политического нажима бюрократических и мелкобуржуазных слоев внутри страны на фоне поражений пролетарской революции в Европе и Азии — вот та историческая цепь, которая затягивалась в течение этих 4 лет на шее оппозиции. Кто этого не понял, тот не понял ничего.

* * *

В этом изложении нам приходилось почти на каждом важном этапе сопоставлять ту линию, которая проводилась на деле, с той линией, которую отвергали под именем троцкизма. В обобщенном своем виде смысл этой борьбы выступает для марксиста с полной ясностью. Если эпизодические, частичные обвинения в «троцкизме», подкреплявшиеся нагромождением действительных и мнимых цитат за 25 лет, могли сбивать с толку, то связная и обобщенная оценка идейной борьбы последних 5 лет говорит, что здесь были две линии. Одна — сознательная и последовательная линия, продолжение и развитие ленинских теоретических и стратегических принципов в применении ко внутренним вопросам СССР и к вопросам мировой революции: это линия оппозиции. И другая, неосознанная, противоречивая, колеблющаяся, линия зигзагообразного сползания с ленинизма под давлением враждебных классовых сил в период политического отлива в

международном масштабе: это линия официального руководства. При больших сдвигах люди нередко легче расстаются с понятиями, чем с привычными словами. Это общий закон идейного линяния. Ревизуя Ленина по существу почти во всех основных вопросах, руководство выдавало эту ревизию за развитие ленинизма, а революционно-интернациональную сущность ленинизма объявило троцкизмом, не только для внешней, но и для внутренней маскировки, чтобы тем легче приспособиться к процессу собственного сползания.

Кто захочет понять это, тот не сделает нам дешевого упрека в том, что критику проекта программы мы связали с разоблачением легенды троцкизма. Нынешний проект программы вырос из идеологической эпохи, которая полна была этой легендой. Авторы проекта больше всего ее питали, от нее исходили, к ней все примеривали. Эту эпоху отражает и проект программы.

В историю политики вошла новая глава исключительной поучительности. Можно назвать ее главою, повествующею о силе мифотворчества, или, проще, идейной клеветы, как политического оружия. Недооценивать это оружие, как свидетельствует опыт, нельзя. Мы еще далеко не совершили «скачка из царства необходимости в царство свободы» и живем в классовом обществе, которое невозможно без темноты, предрассудков и суеверий. Миф, отвечающий известным интересам или традиционным привычкам, может всегда получить в классовом обществе большую силу. Но тем не менее на одном мифе, хотя бы и планово-организованном и пользующемся всеми ресурсами государственного порядка, нельзя построить большой политики, тем более революционной, особенно же в нашу эпоху крутых переломов. Мифотворчество неизбежно запутывается в собственных противоречиях. Мы назвали лишь небольшую, хотя, может быть, и наиболее важную часть этих противоречий.

Совершенно независимо от того, позволят ли нам внешние условия довести наш анализ до конца, мы твердо рассчитываем на то, что на помощь субъективному анализу придет объективный анализ событий.

Полевение рабочих масс Европы есть несомненный факт, нашедший свое выражение в последних парламентских выборах. Но полевение это проходит лишь через первоначальную свою стадию. Такие факторы, как недавнее поражение китайской революции, противодействуют полевению, сдвигая его в значительной мере в социал-демократическое русло. Каким темпом

пойдет этот процесс в дальнейшем, мы не собираемся здесь предсказывать. Ясно во всяком случае, что полевение станет предвестником новой революционной ситуации лишь с того момента, когда тяга к коммунистической партии будет расти за счет больших резервов социал-демократии. Пока еще этого нет. Это должно наступить с железной необходимостью.

Нынешнее неопределенное направление руководства Коминтерна, с его внутренне не согласованными попытками повернуть руль влево, не меняя всего режима и не прекращая организационной борьбы против наиболее испытанных революционных элементов, это противоречивое направление возникло не только под ударами внутренних хозяйственных затруднений в СССР, подтвердивших целиком прогноз оппозиции, но и целиком соответствует *первому* этапу полевения рабочих масс Европы. Эклектичность в политике руководства Коминтерна, эклектичность проекта программы представляют как бы моментальную фотографию нынешнего состояния международного рабочего класса, который толкается ходом развития влево, но еще не определил своего пути и отдал свыше 10 миллионов голосов немецкой социал-демократии.

Дальнейший действительно революционный подъем будет означать гигантскую перегруппировку в рабочем классе, во всех его организациях, в том числе и в Коминтерне. Темп этого процесса еще не ясен, но его кристаллизационные линии выступают с полной бесспорностью. Рабочие массы будут, слой за слоем, перетекать от социал-демократии к коммунистической партии. Стержень коммунистической политики будет передвигаться справа налево. Вместе с тем будет находить все больший спрос последовательная большевистская линия той группировки, которая умела с конца 1923 г., с момента поражения германского пролетариата, плыть против течения под градом обвинений и преследований.

Какими организационными путями восторжествуют в Коминтерне, а значит и во всем международном пролетариате, идеи подлинного, неподдельного ленинизма, это в огромной степени зависит от нынешнего руководства Коминтерна и, следовательно, непосредственно от VI конгресса.

Каковы бы, однако, ни были решения последнего — мы готовы и к худшему, — общая оценка нынешней эпохи и ее внутренних тенденций, в частности, оценка опыта последнего пятилетия говорят нам, что для идей оппозиции нет надобности в каком-

либо другом русле, кроме русла Коммунистического Интернационала. Оторвать от него нас никому не удастся. Идеи, которые мы защищаем, станут его идеями. Они найдут свое выражение в программе Коммунистического Интернационала.

III. Итоги и перспективы китайской революции, ее уроки для стран Востока и всего Коминтерна

На анализе опыта, ошибок и тенденций революции 1905 г. сложились окончательно большевизм и меньшевизм и левое крыло германской и международной социал-демократии. Анализ опыта китайской революции имеет сейчас не меньшее значение для международного пролетариата.

Этот анализ, однако, даже не начат: он запрещен. Официальная литература занимается беглой пригонкой фактов под резолюции ИККИ, несостоятельность которых обнаружена до конца. Проект программы срезает по возможности острые углы китайской проблемы, но в основном закрепляет гибельную линию ИККИ в китайском вопросе. Анализ величайшего исторического процесса подменяется литературной защитой обанкротившихся схем.

1. О природе колониальной буржуазии

Проект программы гласит:

> «Временные соглашения (с национальной буржуазией колониальных стран) допустимы лишь постольку, поскольку она не препятствует революционной организации рабочих и крестьян и ведет действительную борьбу против империализма».

Эта формулировка, хоть и вклеенная преднамеренно в придаточное предложение, является одним из центральных положений проекта, по крайней мере, для стран Востока. Главное предложение говорит, разумеется, об «освобождении (рабочих и крестьян) из-под влияния национальной буржуазии». Но мы судим не грамматически, а политически, притом на основании опыта, и потому говорим: главное предложение тут лишь придаточное, а придаточное и есть самое главное. Взятая же в целом формула есть классическая меньшевистская петля для пролетариев Востока.

О каких таких «временных соглашениях» тут говорится? В политике, как и в природе, все «временно». Может быть, здесь речь идет о чисто практических соглашениях *от случая к случаю?* От таких строго ограниченных и строго деловых соглашений, служащих каждый раз вполне определенной цели, мы не можем, разумеется, зарекаться. Например, когда дело идет о согласовании с гоминдановским студенчеством антиимпериалистической демонстрации или о помощи стачечникам на иностранной концессии со стороны китайского купечества и пр. Подобные случаи отнюдь не исключены и в будущем, даже в Китае. Но тогда причем же здесь *общие* политические условия: «поскольку она (буржуазия) не препятствует революционной организации рабочих и крестьян и ведет действительную (!) борьбу против империализма». Единственное «условие» всякого отдельного, практического, делового, приуроченного к данному случаю соглашения с буржуазией состоит в том, чтобы ни прямо, ни косвенно, ни на день, ни на час не смешивать ни организаций, ни знамен, отличать красное от синего и ни в малейшей степени не верить тому, будто буржуазия способна или готова вести *действительную* борьбу с империализмом и *не препятствовать* рабочим и крестьянам. Для деловых и практических соглашений нам такое условие совершенно не нужно. Наоборот, оно могло бы только приносить вред, сбивая общую линию нашей борьбы против капитала, которая не прекращается и на короткий срок «соглашения». Давно сказано, что чисто практические соглашения, такие, которые нас ни в малейшей степени не связывают и политически ни к чему не обязывают, можно, если это в данный момент выгодно, заключать с самим чертом. Но нелепо при этом требовать, чтобы черт *вообще* перешел по этому случаю в христианскую веру и чтобы рога свои применял не против рабочих и крестьян, а исключительно для благочестивых дел. Выступая с такими условиями, мы по существу действуем уже как адвокаты черта и напрашиваемся к нему в крестные отцы.

Своими нелепыми условиями, заранее прикрашивающими буржуазию, проект программы совершенно ясно и отчетливо говорит (несмотря на дипломатически-придаточный характер предложения), что дело идет именно о длительных политических блоках, а не об единовременных, однократных соглашениях по практическим выводам и для строго деловых целей. Но что означают в этом последнем случае требования, чтобы буржуазия «действительно» боролась и «не препятствовала»? Предъявляем

ли мы эти условия самой буржуазии и требуем от нее публичного обязательства? Сколько угодно! Она даже пошлет своих делегатов в Москву, вступит в Крестинтерн, примкнет в качестве «сочувствующей» к Коминтерну, заглянет в Профинтерн, словом, пообещает все, что даст ей возможность — при нашей помощи — лучше, легче, полнее обмануть своих рабочих и крестьян, замазав им глаза... до первой шанхайской оказии.

Или, может быть, тут дело идет не о политических обязательствах со стороны буржуазии, которые, повторяем, она сейчас же даст, чтобы превратить нас таким образом в поручителей за себя перед рабочими массами? Может быть, здесь дело идет об «объективной», «научной» оценке данной национальной буржуазии, об априорной «социологической», так сказать, экспертизе ее способностей бороться и не препятствовать? Увы, как свидетельствует самый свежий опыт, такая априорная экспертиза оставляет обыкновенно экспертов в дураках. И ничего бы, если б только их одних...

Не может быть ни малейшего сомнения: дело идет в тексте именно о длительных политических блоках. Практические соглашения от случая и случаю незачем было бы и включать в программу, для них достаточно деловой тактической резолюции «по текущему моменту». Дело идет об оправдании и программном закреплении вчерашнего курса на Гоминдан, погубившего вторую китайскую революцию и способного погубить не одну еще.

По мысли Бухарина, действительного автора проекта, ставка ставится именно на общую оценку колониальной буржуазии, способность которой бороться и не препятствовать должна быть доказана не ее собственной божбою, а строго «социологической», то есть 1001-й схоластической, схемкой, для этого оппортунистического дела приуроченной.

Чтобы яснее показать это, приведем тут же бухаринскую оценку колониальной буржуазии. Сославшись на «антиимпериалистическое содержание» колониальных революций и на Ленина (совершенно невпопад), Бухарин заявляет:

> «Либеральная буржуазия в Китае в течение ряда лет, а не месяцев играла объективно революционную роль, а потом исчерпала себя. Это была вовсе не политическая «однодневка» типа русской либеральной революции 1905 года».

Тут все ошибочно — с начала до конца.

Ленин действительно учил, что нужно строго различать между угнетенной буржуазной нацией и угнетающей. Отсюда вытекают

исключительной важности выводы, например, по отношению к войне между империалистической страной и колониальной. Для пацифиста эта война равна всякой другой, для коммуниста война колониальной нации против империалистской есть буржуазно-революционная война. Ленин *поднимал*, таким образом, национально-освободительные движения, колониальные восстания и войны угнетенных наций до степени буржуазно-демократических революций, в частности до русского 1905 г. Но Ленин вовсе не ставил, как это делает теперь повернувший на 180 градусов Бухарин, национально-освободительные войны *над* буржуазно-демократическими революциями. Ленин требовал различения между буржуазией угнетенной и буржуазией угнетательской страны. Но Ленин нигде не ставил и не мог ставить вопрос так, будто буржуазия колониальной или полуколониальной страны в эпоху борьбы за национальное освобождение должна быть прогрессивнее и революционнее, чем буржуазия неколониальной страны в эпоху демократической революции. Теоретически это ни из чего не вытекает, исторически не подтверждается. Как ни жалок, например, русский либерализм и как ни ублюдочна его левая половина, мелкобуржуазная демократия, эсеры и меньшевики, но вряд ли все же можно утверждать, что китайский либерализм и китайская буржуазная демократия оказались выше или революционнее русских.

Изображать дело так, будто из факта колониального гнета непременно вытекает революционный характер национальной буржуазии, значит перелицовывать основную ошибку меньшевизма, который считал, что революционная природа русской буржуазии должна непременно вытекать из самодержавно-крепостнического гнета.

Вопрос о природе и политике буржуазии решается всей внутренней классовой структурой нации, ведущей революционную борьбу; исторической эпохой, в которую эта борьба развертывается; степенью экономической, политической и военной зависимости национальной буржуазии от мирового империализма в целом или определенной части его; наконец, и это главное, степенью классовой активности национального пролетариата и состоянием его связей с международным революционным движением.

Демократическая или национально-освободительная революция может обещать буржуазии углубление и расширение возможностей эксплуатации. Самостоятельное выступление пролетари-

ата на революционной арене угрожает отнять у нее возможность эксплуатации целиком.

Присмотримся к фактам.

Нынешние вдохновители Коминтерна неустанно повторяли, что Чан Кайши вел войну «с империализмом», тогда как Керенский шел рука об руку с империалистами. Вывод: против Керенского надо было вести непримиримую борьбу, Чан Кайши надо было поддерживать.

Связь керенщины с империализмом неоспорима. Можно отойти еще назад и указать на то, что русская буржуазия «низлагала» Николая Второго с благословения британского и французского империализма. Не только Милюков — Керенский поддерживали войну Ллойд Джорджа — Пуанкаре, но и Ллойд Джордж с Пуанкаре поддерживали революцию Милюкова — Керенского, сперва против царя, затем против рабочих и крестьян. Это совершенно бесспорно.

Но как обстояло дело на этот счет в Китае? «Февральская» революция произошла в Китае в 1911 г. Эта революция была большим и прогрессивным событием, хотя совершилась она при самом непосредственном участии империалистов. Сунь Ятсен в своих воспоминаниях рассказывает, как его организация во всей своей работе опиралась на «помощь» империалистических государств: то Японии, то Франции, то Америки. Если Керенский в 1917 г. продолжал участвовать в империалистской войне, то ведь и китайская буржуазия, «национальная», революционная и прочее, поддержала вмешательство Вильсона в войну, в надежде, что Антанта поможет освобождению Китая. Сунь Ятсен в 1918 г. обращался к правительствам Антанты со своими проектами экономического подъема и политического освобождения Китая. Нет никакого основания утверждать, будто китайская буржуазия в борьбе с маньчжурской династией проявила более революционные качества, чем русская буржуазия в борьбе с царизмом; или будто существует принципиальное различие в отношении к империализму со стороны Чан Кайши и со стороны Керенского.

Но Чан Кайши, утверждает ИККИ, вел все же войну против империализма. Изображать дело так значит грубо подкрашивать действительность. Чан Кайши вел войну против китайских милитаристов, агентов *одного* из империалистических государств. Это совсем не то же самое, что вести войну против империализма. Даже Тан Пинсян это понимал. В своем докладе VII пленуму ИККИ (в конце 1926 г.) Тан Пинсян следующими словами

характеризовал политику гоминдановского центра, возглавлявшегося Чан Кайши:

> «В области международной политики он занимает, в полном смысле слова, пассивную позицию... Он склонен бороться только с английским империализмом, что же касается японских империалистов, то при определенных условиях он готов пойти с ними на компромисс».
>
> Стенографический отчет, т. I, стр. 406.

Отношение Гоминдана к империализму было с самого начала не революционным, а насквозь соглашательским: он стремился разбить и оттеснить агентов определенных империалистских держав, чтобы вступить в сделку с теми же или другими империалистскими державами на более льготных для китайской буржуазии условиях. Только.

Но дело в том, что вся эта постановка вопроса неправильна. Измерять надо не отношение каждой национальной буржуазии к империализму «вообще», а отношение ее к очередным революционно-историческим задачам своей нации. Русская буржуазия была буржуазией империалистского угнетательского государства. Китайская буржуазия есть буржуазия угнетенной, колониальной страны. Низвержение крепостнического царизма было прогрессивной задачей в старой России. Низвержение империалистского гнета является прогрессивной исторической задачей в Китае. Но поведение китайской буржуазии по отношению к империализму, пролетариату и крестьянству не только не революционнее отношения русской буржуазии к царизму и революционным классам России, но, пожалуй, еще подлее и реакционнее. Вот как только и можно ставить вопрос.

Китайская буржуазия достаточно реалистична и достаточно близко знает в лицо мировой империализм, чтобы понимать, что действительно серьезная борьба с ним требует такого подъема революционных масс, который в первую голову будет угрожать ей самой. Если борьба с маньчжурской династией была задачей меньшего исторического масштаба, чем низвержение царизма, то борьба с мировым империализмом есть задача большего масштаба. И если мы с первых наших шагов учили рабочих России не верить готовности либерализма и способности мелкобуржуазной демократии низвергнуть царизм и уничтожить крепостничество, то никак не в меньшей степени мы это чувство недоверия должны были с самого начала прививать китайским рабочим. Новая, совершенно ложная теория Сталина — Бухарина об «имманентной» революционности колониальной буржуазии, по существу

перевод меньшевизма на язык китайской политики, служит только для того, чтобы из угнетенного положения Китая сделать внутреннюю политическую премию для китайской буржуазии и бросить на ее чашу дополнительную гирю против чаши трижды угнетенного китайского пролетариата.

Но ведь северный поход Чан Кайши, говорят нам авторы проекта программы Сталин и Бухарин, вызвал могущественный подъем в рабочих и крестьянских массах. Это бесспорно. Но разве тот факт, что Гучков с Шульгиным привезли в Петроград отречение Николая Второго, не сыграл революционной роли, не пробудил наиболее забитые усталые и робкие слои народа? Разве тот факт, что вчерашний трудовик Керенский стал председателем Совета Министров и главнокомандующим, не пробуждал солдатскую массу, не толкал ее на митинги, не поднимал на ноги деревню против помещика? Можно поставить вопрос и шире: разве вся работа капитализма не пробуждала массы, не вырывала их, по выражению Коммунистического Манифеста, из идиотизма деревенской жизни, не двигала пролетарские батальоны на борьбу? Но разве же историческая оценка объективной роли капитализма в целом или тех или других действий буржуазии в частности заменяет собою наше активное, классовое, революционное отношение к капитализму или к действиям буржуазии? На такого рода недиалектическом, консервативном, хвостистском «объективизме» всегда основывалась оппортунистическая политика. Марксизм же учил неизменно, что революционные результаты тех или других действий, к которым буржуазия вынуждается своим положением, будут тем полнее, решительнее, несомненнее, прочнее, чем более независим по отношению к буржуазии пролетарский авангард, чем меньше он склонен класть ей палец в рот, прикрашивать ее, переоценивать ее революционность или готовность к «единому фронту» и к борьбе с империализмом.

Ни теоретически, ни исторически, ни политически сталинская и бухаринская оценка колониальной буржуазии не выдерживает никакой критики. Между тем именно эту оценку пытается, как мы видели, закрепить проект программы.

* * *

Одна невскрытая и неосужденная ошибка всегда влечет за собой другую или подготавливает ее.

Если вчера китайская буржуазия зачислялась в единый революционный фронт, то сегодня она объявлена «окончательно пере-

шедшей в лагерь контрреволюции». Не трудно обнаружить, насколько не основательны эти переводы и зачисления, производимые в чисто административном порядке, без сколько-нибудь серьезного марксистского анализа.

Совершенно очевидно, что буржуазия, примыкая к лагерю революции, делает это не случайно, не по легкомыслию, а под давлением своих классовых интересов. Из страха перед массами буржуазия затем отходит от революции или открыто обнаруживает свою затаенную вражду к революции. Но *окончательно* перейти в лагерь контрреволюции, то есть освободиться от необходимости снова «поддерживать» революцию или, по крайней мере, заигрывать с нею, буржуазия может только в том случае, если революционным или иным, например бисмарковским, путем удовлетворены ее основные классовые потребности. Напомним историю 1848—1871 гг. Напомним, что русская буржуазия получила возможность столь откровенно повернуть спину революции 1905 г. только потому, что получила от нее Государственную думу, то есть путь непосредственного воздействия на бюрократию и путь сделок с нею. И тем не менее, когда война 1914—1917 гг. обнаружила неспособность «обновленного» режима обеспечивать основные интересы буржуазии, последняя опять повернулась в сторону революции, и повернулась круче, чем в 1905 г.

Можно ли сказать, что революция 1925—1927 гг. в Китае дала хотя бы частичное удовлетворение основным интересам китайского капитализма? Нет, Китай ныне так же далек от действительного национального единства и от таможенной самостоятельности, как и до 1925 г. Между тем создание единого внутреннего рынка и его ограждение от более дешевых чужих товаров — это для китайской буржуазии почти вопрос жизни и смерти, второй по значению после вопроса об удержании основ своего классового господства над пролетариатом и деревенской беднотой. Но и для японской и английской буржуазии удержание Китая на положении колонии является не менее важным вопросом, чем для китайской буржуазии — экономическая самостоятельность. Вот почему в политике китайской буржуазии будет еще немало зигзагов влево. Для любителей единого национального фронта искушений еще хватит впереди. Сказать сегодня китайским коммунистам: ваш блок с буржуазией с 1924 г. до конца 1927 г. был правилен, но теперь он не годится, потому что буржуазия окончательно перешла в лагерь контрреволюции, значит снова разоружать китайских коммунистов перед будущими объективными

поворотами обстановки и неизбежными зигзагами китайской буржуазии влево. Уже нынешняя война Чан Кайши против севера совершенно опрокидывает механическую схему авторов проекта программы.

* * *

Но, пожалуй, ярче, убедительнее и неоспоримее всего выступит перед нами принципиальная ошибка официальной постановки вопроса, если мы вспомним тот, совсем еще свежий и притом немаловажный, факт, что царская Россия была комбинацией из угнетающей и угнетаемых наций, то есть из великороссов и «инородцев», из коих многие находились целиком на колониальном или полуколониальном положении. Ленин не только требовал величайшего внимания к национальному вопросу народов царской России, но и провозгласил — против Бухарина и других — элементарной обязанностью пролетариата господствующей нации поддерживать борьбу угнетенных наций за их самоопределение, вплоть до отделения. Не делала ли партия отсюда тот вывод, что буржуазия угнетенных царизмом национальностей — поляков, украинцев, татар, евреев, армян и прочих — прогрессивнее, радикальнее, революционнее русской? Исторический опыт свидетельствует, что польская буржуазия, несмотря на сочетание самодержавного гнета с национальным, была реакционнее русской буржуазии и в государственных думах тяготела не к кадетам, а к октябристам. То же относительно татарской буржуазии. Совершенно беспримерное еврейское бесправие не мешало еврейской буржуазии быть еще трусливее, реакционнее и подлее русской. Или, может быть, эстонская буржуазия, латышская, грузинская или армянская были революционнее великорусской? Как же можно забывать такие исторические уроки!

Или, может быть, теперь, задним числом, признать, что большевизм ошибался, когда, в противовес Бунду, дашнакам, пепеэсовцам, грузинским и иным меньшевикам, призывал рабочих *всех* угнетенных наций, всех колониальных народов царской России, еще на заре буржуазно-демократической революции выделяться в самостоятельную классовую организацию, рвать беспощадно всякую организационную связь не только с либерально-буржуазными, но и революционно-мелкобуржуазными партиями, отвоевывать в борьбе с ними рабочий класс и через рабочих бороться с ними же за влияние на крестьянство? Не учинили ли мы тут «троцкистской» ошибки и не перескакивали ли мы по

отношению к этим угнетенным, в том числе и крайне отсталым, нациям через гоминдановскую фазу развития? Как легко в самом деле построить теорию, что ППС, Дашнакцутюн, Бунд и прочие были «своеобразными» формами необходимого сотрудничества разных классов в борьбе против самодержавия и национального гнета. Разве же можно забывать такие исторические уроки?

Для марксиста ясно было и до китайских событий последних трех лет — теперь же должно стать ясно и для слепца, — что иностранный империализм, как непосредственный фактор внутренней жизни Китая, делает китайских Милюковых и китайских Керенских в последнем счете еще подлее, чем их русские прототипы. Недаром уже первый Манифест нашей партии провозгласил, что чем дальше на Восток, тем ничтожнее и подлее становится буржуазия, тем большие задачи ложатся на плечи пролетариата. Этот исторический «закон» распространяется полностью и на Китай.

> «Наша революция буржуазная — *поэтому* рабочие должны поддерживать буржуазию, — говорят никуда не годные политики из лагеря ликвидаторов.
> *Наша* революция буржуазная, — говорим мы, марксисты, — *поэтому мы*, рабочие, должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на *свои* силы, на *свою* организацию, на *свое* объединение, на *свое* вооружение» (т. XIV, ч. 1, стр. 11).

Этот ленинский тезис обязателен для всего Востока и должен во что бы то ни стало найти свое место в программе Коминтерна.

2. Этапы китайской революции

Первый этап Гоминдана был периодом господства национальной буржуазии под апологетической вывеской «блока четырех классов». Второй период, после переворота Чан Кайши, был опытом параллельного и «самостоятельного» господства китайской керенщины, в лице ханькоуского правительства «левого» Ван Тинвея. Если русские народники вместе с меньшевиками придали своей кратковременной «диктатуре» форму открытого двоевластия, то китайская «революционная демократия» не доросла и до этого. А так как история вообще не работает на заказ, то ничего не остается, как понять, что другой «демократической» *диктатуры*, кроме той, какою была диктатура Гоминдана с 1925 г., *нет и*

не будет. Это остается одинаково верным, независимо от того, сохранится ли на ближайший период достигнутое Гоминданом полуобъединение Китая, или же страна снова распадется на части. Но именно тогда, когда классовая диалектика революции, израсходовав все другие свои ресурсы, явно и окончательно поставила в порядок дня *диктатуру пролетариата,* ведущего за собой неисчислимые миллионы угнетенных и обездоленных города и деревни, ИККИ выдвинул лозунг *демократической* (то есть буржуазно-демократической) диктатуры рабочих и крестьян. Ответом на эту формулу было восстание в Кантоне, которое, при всей своей преждевременности, при всем авантюризме своего руководства, приоткрывает завесу нового этапа или, вернее, будущей *третьей* китайской революции. На этом необходимо остановиться.

Стремясь перестраховать себя за прошлые грехи, руководство чудовищно форсировало ход событий в конце прошлого года и привело к кантонскому выкидышу. Однако и выкидыш способен многому научить нас относительно материнского организма и родового процесса. Огромное, теоретически прямо-таки решающее значение кантонских событий для основных вопросов китайской революции обусловлено именно тем, что мы здесь получили то, что так редко бывает в истории и в политике: почти что *лабораторный опыт гигантского масштаба.* Мы за него дорого заплатили, но тем обязательнее для нас усвоить его уроки.

Одним из боевых лозунгов кантонского переворота, как рассказывает «Правда» (№ 31), был клич: «Долой Гоминдан!» Знамена и кокарды Гоминдана срывались и растаптывались. А ведь уже после «измены» Чан Кайши и после «измены» Ван Тинвея — измены не своему классу, а нашим... иллюзиям — ИККИ давал торжественные обещания: «Знамени Гоминдана не отдадим». Рабочие Кантона запретили гоминдановскую партию, *объявив ее вне закона во всех ее течениях.* Это значит, что для разрешения основных национальных задач буржуазия, не только крупная, но и мелкая, не выдвинула такой политической силы, такой партии, такой фракции, бок о бок с которой партия пролетариата могла бы разрешать задачи буржуазно-демократической революции. Ключ к позиции в том и состоит, что *задача овладения движением крестьянской бедноты уже полностью легла на пролетариат,* на коммунистическую партию непосредственно, и приступ к подлинному разрешению буржу-

азно-демократических задач революции требует сосредоточения всей власти в руках пролетариата.

О политике кратковременной кантонской советской власти «Правда» сообщает:

> «В интересах рабочих декреты кантонского совета постановили... контроль производства в руках рабочих, осуществляющих этот контроль через посредство фабзавкомов ... национализация крупной промышленности, транспорта и банков».

Далее называются такие меры: «Конфискация всех квартир крупной буржуазии в пользу трудящихся».

Итак, у власти стояли кантонские рабочие, причем фактически власть принадлежала коммунистической партии. Программа новой власти состояла не только в конфискации помещичьей земли, поскольку она вообще имеется в Гуандуне, не только в рабочем контроле над производством, но и в национализации квартир буржуазии и всего ее имущества в пользу трудящихся. Спрашивается: если это методы буржуазной революции, то как же должна выглядеть в Китае пролетарская революция?

Несмотря на то что директивы ИККИ ничего не говорили о пролетарской диктатуре и социалистических мероприятиях; несмотря на то что Кантон отличается скорее мелкобуржуазным характером по сравнению с Шанхаем, Ханькоу и другими промышленными центрами страны, революционный переворот, проведенный *против Гоминдана,* автоматически привел к диктатуре пролетариата, которая на первых же шагах оказалась вынуждена всей обстановкой принимать более радикальные меры, чем те, с каких начинала Октябрьская революция. И этот факт, несмотря на внешнюю свою парадоксальность, совершенно закономерно вытекает как из социальных отношений Китая, так и из всего развития революции.

Крупное и среднее — по-китайскому масштабу — землевладение теснейше переплетено с городским, в том числе иностранным, капиталом. Помещичьего сословия, противостоящего буржуазии, в Китае нет. Наиболее распространенным, общим и ненавидимым эксплуататором в деревне является кулак-ростовщик, агент городского банковского капитала. Аграрная революция имеет поэтому столько же противокрепостнический, сколько и антибуржуазный характер. Первого этапа нашей Октябрьской революции, когда кулак шел с середняком и бедняком, часто во главе их, против помещика, в Китае не будет или почти не будет. Аграрная революция на первых же порах означает в Китае и будет

означать впредь восстание не только против немногочисленных заправских помещиков и бюрократии, но и против кулака и ростовщика. Если у нас комитеты бедноты выступили только на втором этапе Октябрьской революции, в середине 1918 г., то в Китае они, в том или другом виде, появятся на сцену сразу же, как только возродится аграрное движение. «Раскулачивание» будет первым, а не вторым шагом китайского Октября.

Аграрная революция составляет, однако, не единственное содержание нынешней исторической борьбы в Китае. Самая крайняя аграрная революция, черный передел — компартия поддержит его, разумеется, до конца — не даст сам по себе выхода из хозяйственного тупика.

Китаю не менее необходимы национальное объединение и экономический суверенитет, то есть таможенная автономия, вернее, монополия внешней торговли, а это значит *освобождение от мирового империализма*, для которого Китай остается в перспективе важнейшим источником не только обогащения, но и существования, предохранительным клапаном против внутренних взрывов европейского, а завтра и американского капитализма. Этим и предопределяется гигантский размах и чудовищная острота той борьбы, которая предстоит народным массам Китая, тем более теперь, когда глубина русла борьбы измерена и прощупана уже всеми участниками.

Огромная роль иностранного капитала в китайской промышленности и его привычка непосредственно опираться, в защиту своего хищничества, на свои «национальные» штыки делают программу рабочего контроля в Китае еще менее реальной, чем она оказалась у нас. Прямая экспроприация иностранных, а за ними и китайских капиталистических предприятий будет, вероятнее всего, навязана ходом борьбы на второй день после победоносного восстания.

Те объективные социально-исторические причины, которые предопределили «октябрьский» исход русской революции, выступают перед нами в Китае в еще более обостренном виде. Буржуазный и пролетарский полюсы китайской нации еще более, если это вообще возможно, непримиримо противостоят друг другу, чем в России, поскольку, с одной стороны, китайская буржуазия непосредственно связана с иностранным империализмом и его военной машиной, поскольку, с другой стороны, китайский пролетариат уже на первых своих порах связался с Коминтерном и Советским Союзом. Численно китайское крестьянство является

еще более преобладающей массой, чем крестьянство России; но, зажатое в тиски мировых противоречий, от разрешения которых в ту или другую сторону зависит вся его судьба, китайское крестьянство еще менее, чем русское, способно играть *руководящую* роль. Теперь это уже не теоретическое предвидение, а насквозь, до конца и со всех сторон проверенный факт.

Эти основные и притом неоспоримые социальные и политические предпосылки третьей китайской революции показывают не только то, что формула демократической диктатуры является для нее *безнадежно отжившей*, но и то, что третья китайская революция, несмотря на большую отсталость Китая, вернее, вследствие этой большей отсталости по сравнению с Россией, не будет иметь своего даже полугодового «демократического» периода, как Октябрьская революция (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.), а вынуждена будет с самого начала произвести решительнейшее потрясение и ниспровержение буржуазной собственности в городе и в деревне.

Правда, эта перспектива не совпадает с педантским и схематическим представлением о взаимоотношении между экономикой и политикой. Но ответственность за это несовпадение, нарушающее вновь упрочившиеся предрассудки, которым Октябрь уже нанес однажды недурной удар, надо возложить не на «троцкизм», *а на закон неравномерного развития.* В данном случае он как раз на месте.

Было бы неразумным педантством утверждать, что китайская компартия при большевистской политике в революции 1925—1927 гг. *непременно* пришла бы к власти. Но жалким филистерством является утверждение, что эта возможность была исключена. Массовое движение рабочих и крестьян было для этого совершенно достаточно, как и распад господствующих классов. Национальная буржуазия засылала своих Чан Кайши и Ван Тинвеев в Москву и стучалась через своих Ху Ханминов в двери Коминтерна именно потому, что была до последней степени слаба перед лицом революционных масс, сознавала эту слабость и искала страховки. За национальной буржуазией ни рабочие, ни крестьяне не пошли бы, если бы мы туда сами не тащили их на аркане. При сколько-нибудь правильной политике Коминтерна исход борьбы компартии за массы был предрешен: китайский пролетариат поддержал бы коммунистов, а крестьянская война подперла бы революционный пролетариат.

Если бы к началу северного похода стали в «освобождаемых» районах строить Советы (а массы к этому инстинктивно стреми-

лись изо всех сил), мы получили бы необходимую базу и революционный разбег, объединили бы вокруг себя аграрные восстания, строили бы *свою* армию, разлагали бы армию врагов, — и, несмотря на молодость киткомпартии, она могла бы, под правильным руководством Коминтерна, дозреть в эти исключительные годы и прийти к власти, если не во всем Китае сразу, то в очень значительной его части. А главное, мы имели бы *партию*.

Но именно в области руководства произошло нечто совершенно чудовищное, прямая историческая катастрофа: авторитет Советского Союза, партии большевиков, Коминтерна полностью пошел сперва на поддержку Чан Кайши против самостоятельной политики компартии, затем на поддержку Ван Тинвея, как руководителя аграрной революции. Растоптавши саму основу ленинской политики и вывихнув позвонки молодой киткомпартии, ИККИ предопределил победу китайской керенщины над большевизмом, китайской милюковщины над керенщиной и японо-британского империализма над китайской милюковщиной.

В этом, и только в этом, смысл того, что произошло в Китае в течение 1925—1927 гг.

3. Демократическая диктатура или диктатура пролетариата?

Как же оценил опыт китайской революции, включая и опыт кантонского переворота, последний пленум ИККИ? Какие наметил он дальнейшие перспективы? Резолюция февральского (1928 г.) пленума, являющаяся ключом к соответственным частям проекта программы, говорит по поводу китайской революции:

> «Неправильна ее характеристика, как революции «перманентной» (позиция представителя ИККИ). Тенденция к перепрыгиванию (?) через буржуазно-демократический этап революции при одновременной (?) оценке революции, как революции «перманентной», есть ошибка, аналогичная той, которую допускал Троцкий в 1905 г. (?)».

Идейная жизнь Коминтерна со времени отхода Ленина от руководства, то есть с 1923 г., состояла преимущественно в борьбе против так называемого «троцкизма» и в особенности против «перманентной революции». Каким же образом могло оказаться, что в основном вопросе китайской революции не только Центральный комитет китайской компартии, но и официальный

представитель Коминтерна, то есть специально инструктированный руководитель, впадают в ту саму «ошибку», ради исправления которой сотни людей ныне ссылаются в Сибирь и сажаются в тюрьмы? Борьба вокруг китайского вопроса ведется уже около 2 1/2 лет. Когда оппозиция заявляла, что старый ЦК китайской компартии (Чен Дусю), под влиянием ложных директив Коминтерна, вел оппортунистическую политику, эту оценку объявляли «клеветой». Руководство китайской компартии было признано безупречным. Знаменитый Тан Пинсян при общем одобрении VII пленума ИККИ клялся:

> «При первом появлении троцкизма китайская коммунистическая партия и китайский комсомол тотчас же единогласно приняли резолюцию против троцкизма».
> Стенографический отчет, стр. 205.

Когда же, несмотря на эти «достижения», события развернули свою трагическую логику, приведшую сперва к первому, затем ко второму, еще более ужасающему разгрому революции, руководство киткомпартии было в 24 часа переименовано из образцового в меньшевистское и смещено. Одновременно объявлено было, что новое руководство полностью отражает линию Коминтерна. Но как только явилось новое, серьезное испытание, оказалось, что новый ЦК киткомпартии повинен в переходе — и как мы видели, не на словах, а уже на деле — на позицию так называемой «перманентной революции». На тот же путь встал и представитель Коминтерна. Этот поразительный, прямо-таки непостижимый факт можно объяснить только «зияющими» ножницами между директивами ИККИ и действительной динамикой революции.

Не будем здесь останавливаться на мифе «перманентной революции» 1905 г., который пущен в обиход в 1924 г. для сеяния смуты и сбивания с толку. Ограничимся тем, что посмотрим, как этот миф преломился на вопросе о китайской революции.

Первый параграф февральской резолюции, из которой взята приведенная выше цитата, мотивирует свое отрицательное отношение к так называемой «перманентной революции» следующим образом:

> «Текущий период китайской революции есть период буржуазно-демократической революции, которая не завершена ни с точки зрения экономической (аграрный переворот и уничтожение феодальных отношений), ни с точки зрения национальной борьбы против империализма (объединение Китая и национальная независимость), ни с точки зрения классовой природы власти (диктатура пролетариата и крестьянства)...»

Эта мотивировка есть сплошная цепь ошибок и противоречий.

ИККИ учил, что китайская революция должна обеспечить возможность развития Китая по социалистическому пути. Это достижимо только в том случае, если революция не остановится на разрешении одних лишь буржуазно-демократических задач, а, перерастая из одной стадии в другую, то есть развиваясь непрерывно (или *перманентно*), приведет Китай к социалистическому развитию. Это именно Маркс и понимал под именем перманентной революции. Каким же образом можно, с одной стороны, говорить о некапиталистическом пути развития Китая, а с другой — отрицать перманентный характер революции вообще?

Но, возражает резолюция ИККИ, революция не завершена еще ни с точки зрения аграрного переворота, ни с точки зрения национальной борьбы против империализма. Отсюда делается вывод о буржуазно-демократическом характере «текущего периода китайской революции». На самом деле «текущий период» есть период контрреволюции. ИККИ, очевидно, хочет сказать, что новый подъем китайской революции, или, вернее, *третья китайская революция,* будет носить буржуазно-демократический характер ввиду того, что вторая китайская революция 1925—1927 гг. не разрешила ни аграрного вопроса, ни национального. Однако и в таком исправленном виде это рассуждение построено на полном непонимании опыта и уроков как китайской, так и русской революции.

Февральский переворот 1917 г. в России оставил неразрешенными все внутренние и международные проблемы, приведшие к этому перевороту: крепостничество в деревне, старую бюрократию, войну и хозяйственную разруху. Исходя из этого факта, не только эсеры и меньшевики, но и значительная часть верхов нашей собственной партии доказывали Ленину, что «текущий период революции есть период буржуазно-демократической революции». В этом своем основном соображении резолюция ИККИ только переписывает те возражения против борьбы за диктатуру пролетариата, которые оппортунисты делали Ленину в 1917 г.

Далее. Буржуазно-демократическая революция, оказывается, не завершена не только с точки зрения экономической и национальной, но и с «точки зрения классовой природы власти (диктатура пролетариата и крестьянства)». Это может означать только то, что китайскому пролетариату возбраняется бороться за власть

до тех пор, пока во главе Китая не окажется «настоящее» демократическое правительство. К несчастью, не указано, где его взять.

Путаница усугубляется еще тем, что лозунг Советов для Китая отвергался в течение этих двух лет по той причине, что создание Советов допустимо будто бы только при переходе к пролетарской революции («теория» Сталина). А когда в Кантоне совершился советский переворот и участники его сделали вывод, что это и есть переход к пролетарской революции, то их обвинили в «троцкизме». Разве можно таким путем воспитать партию и помочь ей разрешить величайшие задачи?

Чтобы спасти безнадежную позицию, резолюция ИККИ вне всякой связи со всем остальным ходом мысли выдвигает впопыхах последний аргумент: от империализма. Оказывается, что тенденция к перепрыгиванию через буржуазно-демократический этап «тем более (!) вредна, что при такой постановке вопроса выключается (?) крупнейшая национальная особенность китайской революции, как революции полуколониальной».

Единственный смысл, какой могут иметь эти невразумительные слова, состоит в том, что гнет империализма будет опрокинут какой-то другой диктатурой, не пролетарской. Но это значит, что «крупнейшая национальная особенность» привлечена в последний момент для прикрашивания либо китайской национальной буржуазии, либо китайской мещанской «демократии». Никакого другого смысла этот довод иметь не может. Но этот единственный «смысл» мы достаточно обстоятельно рассмотрели в главе «О природе колониальной буржуазии». Возвращаться к этой теме незачем.

Китаю предстоит еще огромная, ожесточенная, кровавая, длительная борьба за такие элементарные вещи, как ликвидация самих «азиатских» форм кабалы, как национальное освобождение и объединение страны. Но отсюда-то, как показал ход событий, и вытекает невозможность в дальнейшем мелкобуржуазного руководства и даже полуруководства революцией. Объединение и освобождение Китая есть сейчас интернациональная задача, не менее интернациональная, чем существование СССР. Разрешить эту задачу можно только путем ожесточенной борьбы придавленных, голодных, загнанных народных масс, под прямым руководством пролетарского авангарда, не только с мировым империализмом, но и с его экономической и политической агентурой в Китае, буржуазией, в том числе и «национальной», и со всей

демократической челядью буржуазии. А это и есть путь к диктатуре пролетариата.

Начиная с апреля 1917 г. Ленин разъяснял своим противникам, обвинявшим его в переходе на позицию «перманентной революции», что частично диктатура пролетариата и крестьянства осуществилась в эпоху двоевластия. Продолжение же свое, разъяснял он уже позже, она нашла в первый период советской власти, с ноября 1917 г. по июль 1918 г., когда все крестьянство вместе с рабочими совершало аграрный переворот, а рабочий класс еще не переходил к конфискации фабрик и заводов, делая опыт рабочего контроля. По части «классовой природы власти» демократическая эсеро-меньшевистская «диктатура» дала то, что могла дать: выкидыш двоевластия. По части же аграрного переворота революция дала вполне здорового и крепкого младенца, но повивальной бабкой была уже диктатура пролетариата. Другими словами, то, что в теоретической формуле диктатуры пролетариата и крестьянства было объединено, ходом классовой борьбы оказалось расчленено. Пустая скорлупа полувласти вручена была на временное подержание Керенскому — Церетели, а действительное ядро аграрно-демократической революции досталось на долю победоносного рабочего класса. Вот этого диалектического расчленения демократической диктатуры руководители ИККИ не поняли. Они загнали себя в политический тупик, механически осуждая «перепрыгивание через буржуазно-демократические этапы» и пытаясь по циркуляру руководить историческим процессом. *Если под буржуазно-демократическим этапом понимать совершение аграрной революции путем «демократической диктатуры», то не кто другой, как Октябрь, дерзко «перепрыгнул» через буржуазно-демократический этап.* Не осудить ли его за это?

Почему же то, что было исторически неотвратимо и явилось высшим выражением большевизма в России, должно оказаться «троцкизмом» в Китае? Очевидно, по той же причине, по которой объявлена была пригодной для Китая теория Мартыновых, двадцать лет клеймившаяся большевизмом в России.

Но допустима ли тут вообще аналогия с Россией? Лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, отвечаем мы, построен руководителями ИККИ исключительно и целиком по методу аналогии, но аналогии формально-литературной, а не материально-исторической. Аналогия Китая с Россией вполне допустима, если найти к ней правильную дверь, и этой аналогией превосходно пользовался Ленин, притом не задним

числом, а заранее, как бы в предвидении будущих эпигонских ошибок. Ведь Ленину приходилось сотни раз защищать октябрьскую пролетарскую революцию, осмелившуюся завоевать власть, *несмотря на то* что буржуазно-демократические задачи не были разрешены. *Именно поэтому, именно для этого* — отвечал Ленин. По адресу педантов, ссылавшихся против завоевания власти на «бесспорное» для Ленина положение об экономической незрелости России для социализма (т. XVIII, ч. 2, стр. 119), по адресу этих педантов Ленин писал 16 января 1923 г.:

> «Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным» (там же, стр. 118).

«Своеобразие», *сближающее* Россию со странами Востока, Ленин видел как раз в том, что молодому пролетариату пришлось на ранней зорьке взять в руки метлу, чтобы расчистить себе самому путь к социализму от крепостнического варварства и всякого хлама.

Если, следовательно, исходить из ленинской аналогии Китая с Россией, то надлежит сказать: с точки зрения *«политической природы власти»* все, что можно было получить по части демократической диктатуры, было в Китае испробовано: сперва в суньятсеновском Кантоне, затем на путях от Кантона к Шанхаю, с заключительным актом шанхайского переворота, затем в Ухане, где левый Гоминдан предстал в химически чистом своем виде, то есть по директивам ИККИ — как организатор аграрной революции, а на деле как ее палач. Социальное же *содержание* буржуазно-демократической революции должно будет заполнить собою первый период грядущей диктатуры китайского пролетариата и деревенской бедноты. Выдвигать теперь, когда роль не только китайской буржуазии, но и «демократии» проверена до конца; когда стало абсолютно неоспоримо, что «демократия» в грядущих боях будет играть еще более палаческую роль, чем в прошлых, — выдвигать теперь лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства значит просто создавать прикрытие для новых разновидностей гоминдановщины и подставлять капкан для пролетариата.

Напомним еще для полноты, что о тех большевиках, которые эсеро-меньшевистскому опыту продолжали противопоставлять лозунг «настоящей» демократической диктатуры, Ленин кратко сказал:

> «Кто говорит *теперь* только о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого *перешел* на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»)» (т. XIV, ч. 1, стр. 29).

Эти слова и сегодня звучат как живые.

Дело, разумеется, ни в каком случае не идет о том, чтобы призвать теперь киткомпартию к немедленному восстанию для захвата власти. Темп целиком зависит от обстоятельств. Последствий поражения одним пересмотром тактики устранить нельзя. Сейчас революция идет на снижение. Полуприкрываемые резолюцией ИККИ разглагольствования насчет того, что революция у нового подъема, *так как* в Китае неисчислимые казни и жестокий торгово-промышленный кризис, представляют преступное легкомыслие, и только. После трех величайших поражений хозяйственный кризис не возбуждает, а, наоборот, угнетает обескровленный и без того пролетариат, а казни разрушают политически ослабленную партию. Мы вошли в Китае в период отлива, следовательно теоретического углубления и критического самовоспитания партии, создания и укрепления сплоченных опорных баз во всех областях рабочего движения, создания ячеек в деревне, руководства и объединения частичных, сперва оборонительных, а затем и наступательных боев рабочих и деревенской бедноты.

С чего начнется новый массовый прилив? Какие обстоятельства дадут пролетарскому авангарду, во главе многомиллионных масс, необходимый революционный разгон? Этого предсказать нельзя. Окажется ли для этого достаточно одних внутренних процессов, или на помощь придет толчок извне, покажет будущее.

Есть достаточно основания предполагать, что разгром китайской революции, непосредственно обусловленный ложным руководством, даст возможность китайской и иностранной буржуазии в той или другой степени преодолеть нынешний ужасающий экономический кризис в стране, разумеется, на плечах и костях рабочих и крестьян. Эта «стабилизационная» полоса опять соберет и сплотит рабочих, вернет им классовую

самоуверенность, чтобы затем еще резче столкнуть их с врагами уже на более высокой исторической ступени. Только при условии новой наступательной волны пролетарского движения можно будет серьезно говорить о перспективе аграрной революции.

Не исключено, что первый этап будущей третьей революции может, в измененном и крайне сокращенном виде, повторить уже пройденные этапы, например дать какую-нибудь новую пародию на «общенациональный» фронт. Но этот первый этап будет достаточен разве только на то, чтобы дать компартии выдвинуть и провозгласить перед народными массами свои «апрельские тезисы», то есть свою программу и тактику завоевания власти.

Что же говорит на этот счет проект программы?

> «Переход к диктатуре пролетариата возможен здесь (в Китае) лишь через ряд подготовительных ступеней (?), лишь в результате целого периода перерастания (??) буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую».

Другими словами, все пройденные «ступени» не в счет; то, что оставлено позади, проект программы видит впереди. Это и есть хвостистская установка. Этим целиком открываются ворота для новых экспериментов в духе гоминдановского курса. Так прикрытие старых ошибок неизбежно подготовляет путь для ошибок новых.

Если мы войдем в новый подъем, который будет развиваться несравненно более быстрым темпом, чем предшествующие, с пережившей себя схемой «демократической диктатуры», то можно не сомневаться в том, что третья революция будет погублена, как погублена была вторая.

4. Авантюризм как продукт оппортунизма

Второй параграф той же резолюции февральского пленума ИККИ гласит:

> «Первая волна широкого революционного движения рабочих и крестьян, шедшего в основном под лозунгами и в значительной степени *под руководством коммунистической партии,* прошла. Она закончилась в ряде центров революционного движения *тягчайшими поражениями* рабочих и крестьян, физическим истреблением коммунистов — и вообще революционных кадров рабочего и крестьянского движения» (курсив наш).

Когда «волна» развертывалась, ИККИ говорил, что все движение идет под синим знаменем и руководством Гоминдана, который даже заменяет собою Советы. Именно поэтому компартия подчинялась Гоминдану. Но именно поэтому революционное движение закончилось «тягчайшими поражениями». Теперь, когда эти поражения признаны, делается попытка вовсе вычеркнуть Гоминдан из прошлого, как будто его и не было, как будто бы ИККИ не объявлял синее знамя своим знаменем.

В прошлом не было никаких поражений, ни в Шанхае, ни в Ухане, только одни переходы революции «в более высокую стадию». Так нас учили. Теперь сумма этих переходов неожиданно объявляется «тягчайшими поражениями рабочих и крестьян». Однако, для того чтобы хоть сколько-нибудь замаскировать этот неслыханный политический провал предвидения и оценки, заключительный параграф резолюции заявляет:

> «ИККИ вменяет всем секциям КИ в обязанность бороться против клеветы со стороны соц. демократии и троцкистов, утверждающих, что китайская революция ликвидирована (?)».

В первом параграфе резолюции нам говорили, что «троцкизм» состоит в признании китайской революции *перманентной*, то есть перерастающей теперь именно из буржуазной стадии в социалистическую. Из последнего параграфа мы узнаем, что, по мысли «троцкистов», «китайская революция ликвидирована». Каким образом *ликвидированная* революция может быть *перманентной* революцией? Тут весь Бухарин, целиком. Только полная, ничего не опасающаяся безответственность может позволять себе такие противоречия, разъедающие в корне революционную мысль.

Если под «ликвидацией» революции понимать тот факт, что наступление рабочих и крестьян отбито и утоплено в крови; что массы находятся в состоянии отступления и отлива; что до нового прибоя должны, помимо всего прочего, произойти молекулярные процессы в самих массах, требующие известного периода времени, длительность которого заранее невозможно определить; если «ликвидацию» понимать таким образом, то она ничем не отличается от «тягчайшего поражения», которое ИККИ, наконец, вынужден был признать.

Или же ликвидацию надо понимать буквально, как упразднение китайской революции, то есть самой возможности и неизбежности ее возрождения на новом этапе? О такой перспективе можно было бы говорить серьезно, то есть не для внесения смуты, только в двух случаях: если бы Китай был обречен на распад и

полную гибель — но для такого допущения нет ни малейших оснований; или же если бы китайская буржуазия оказалась способной разрешить основные проблемы китайской жизни своими, нереволюционными средствами. Не этот ли последний вариант подкидывают нам теперь теоретики «блока четырех классов», загнавшие коммунистическую партию прямо в ярмо буржуазии?

История повторяется. Слепцы, которые не поняли размеров поражения 1923 г., в течение полутора лет обвиняли нас в «ликвидаторстве» по отношению к германской революции. Но и этот, не дешево обошедшийся Интернационалу урок не пошел им впрок. Сейчас они в старых штампах заменяют только Германию Китаем. Правда, потребность найти «ликвидаторов» сейчас у них еще острее, чем четыре года назад, ибо на этот раз слишком уж очевидно, что если кто «ликвидировал» вторую китайскую революцию, так это авторы «гоминдановского» курса.

Сила марксизма — в способности предвидения. В этом смысле оппозиция может сослаться на полное подтверждение опытом своих прогнозов: сперва — относительно Гоминдана в целом, затем — относительно «левого» Гоминдана и уханского правительства и, наконец, в отношении «задатка» под третью революцию, то есть кантонского переворота. Какое же еще может быть подтверждение теоретической правоты?

Та самая оппортунистическая линия, которая политикой капитуляций перед буржуазией принесла революции уже на первых двух этапах тягчайшие поражения, «переросла» на третьем этапе в политику авантюристских налетов на буржуазию и довела тем поражение до конца.

Если бы руководство не торопилось так вчера перепрыгнуть через вызванные им же поражения, оно прежде всего разъяснило бы китайской коммунистической партии, что победа не дается с маху, что на пути к вооруженному восстанию стоит еще период напряженной, неутомимой, неистовой борьбы за политическое влияние на рабочих и крестьян.

27 сентября 1927 г. мы говорили на Президиуме ИККИ:

> «Сегодняшние газеты сообщают о том, что революционная армия взяла Сватоу. Уже несколько недель, как совершается продвижение армий Хо Луна и Ие Тина. «Правда» называет эти армии революционными армиями... Но я спрашиваю вас: какие перспективы открывает перед китайской революцией движение революционной армии, захватившей Сватоу? Каковы лозунги движения? Какова его программа? Каковы должны быть его

организационные формы? Куда девался лозунг китайских Советов, внезапно — на один день — выдвинутый «Правдой» в июле?»

Без предварительного противопоставления компартии Гоминдану в целом, без ее агитации в массах за Советы и советскую власть, без самостоятельной мобилизации масс под лозунгами аграрной революции и национального освобождения, без создания, расширения, укрепления на местах Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов восстание Хо Луна и Ие Тина, даже независимо от оппортунизма их политики, не могло не остаться изолированной авантюрой, лжекоммунистической махновщиной — не могло не разбиться о собственную изолированность. И оно разбилось.

Кантонский переворот был расширенным и углубленным повторением авантюры Хо Луна и Ие Тина, только с неизмеримо более трагическими последствиями.

Февральская резолюция ИККИ борется против путчистских настроений киткомпартии, то есть против тенденций вооруженного вспышкопускательства. Она не говорит, однако, что эти тенденции представляют реакцию на всю оппортунистическую политику 1925—1927 гг. и на неизбежное последствие данного сверху чисто военного приказа «переменить шаг» — без оценки всего, что сделано, без открытой переоценки основ тактики, без ясной перспективы. Поход Хо Луна и кантонский переворот явились — при этих условиях не могли не явиться — рассадниками вспышкопускательства.

Действительным противоядием против путчизма, как и против оппортунизма, может стать только ясное понимание той истины, что руководство вооруженным восстанием рабочих и крестьянской бедноты, захват власти и учреждение революционной диктатуры всей своей тяжестью ложатся отныне на коммунистическую партию Китая. Если она насквозь проникнется пониманием этой перспективы, она так же мало будет склонна импровизировать военные налеты на города или вооруженные восстания в западне, как и приниженно гоняться за знаменем врага.

Резолюция ИККИ осуждает себя на полное бесплодие уже тем одним, что, рассуждая архиабстрактно о недопустимости перепрыгивания через этапы и о вреде путчизма, совершенно обходит классовое содержание кантонского переворота и порожденного им недолговечного советского режима. Мы, оппозиционеры, считаем, что этот переворот был авантюрой руководства в целях спасения «престижа». Но для нас ясно, что и авантюра разверты-

вается по законам, определяемым структурой общественной среды. Поэтому в кантонском восстании мы ищем черты будущего этапа китайской революции. Черты эти вполне совпадают с нашим теоретическим анализом, данным до кантонского восстания. Но насколько же обязательно для ИККИ, который считает кантонское восстание правильным и закономерным звеном в цепи борьбы, дать ясную классовую характеристику кантонского переворота. Об этом, однако, в резолюции ИККИ ни слова, хотя пленум заседал непосредственно после кантонских событий. Разве это не убедительнейшее доказательство того, что нынешнее руководство Коминтерна, упорствуя на ложной линии, вынуждено пробавляться мнимыми ошибками 1905 и других годов, не решаясь подойти к кантонскому перевороту 1927 г., смысл которого полностью опрокидывает ту схему революции на Востоке, какую дает проект программы.

5. Советы и революция

В февральской резолюции ИККИ на представителя Коминтерна «тов. Н. и других» возлагается ответственность за «отсутствие *выборного* Совета в Кантоне как органа восстания» (подчеркнуто в резолюции). Под видом этого обвинения мы имеем на самом деле поразительное признание.

В отчете «Правды», написанном на основании непосредственных документов (№ 31), сообщалось о том, что в Кантоне учреждена была советская власть. Но о том, что кантонский Совет был *не* выборным, то есть не был *Советом*, — ибо как же может быть не выборным Совет? — не говорилось ни слова. Мы узнаем об этом из резолюции. Вдумаемся в смысл этого факта. Для вооруженного восстания — учит теперь ИККИ — нужен Совет — никак не раньше. И вот, когда восстание назначено, Совета не оказывается. Создать выборный Совет — дело совсем не простое: надо, чтобы массы из опыта знали, что такое Совет, чтобы они понимали эту форму, чтобы они прошлым приучены были к выборной советской организации. Об этом в Китае не было и речи, ибо лозунг Советов был объявлен троцкистским именно в тот период, когда он должен был стать нервом всего движения. Когда же, впопыхах, назначили восстание, чтобы перепрыгнуть через собственные поражения, то пришлось заодно *назначить* и

Совет. Если не вскрыть до конца корни этой ошибки, то можно и лозунг Советов превратить в удавную петлю для революции.

Ленин разъяснял в свое время меньшевикам, что основная историческая задача Советов — организовать или помочь организации захвата власти, чтобы на другой день после победы стать аппаратом этой власти. Эпигоны — не ученики, а эпигоны — делают отсюда вывод, что Советы допустимо организовывать лишь тогда, когда пробьет двенадцатый час восстания. Из ленинского широкого обобщения они делают задним числом коротенький рецепт, который служит не на благо революции, а на пагубу ей.

Прежде чем большевистские Советы в Октябре 1917 г. захватили власть, девять месяцев существовали эсеро-меньшевистские Советы. За 12 лет до этого существовали первые революционные Советы в Петербурге, Москве и нескольких десятках других городов. Прежде чем Совет 1905 г. охватил заводы и фабрики столицы, в Москве создался, во время стачки, Совет типографских депутатов. А за несколько месяцев до этого, в мае 1905 г., массовая стачка в Иваново-Вознесенске создала руководящий орган, который уже заключал в себе основные черты Совета депутатов. Между первым опытом создания Совета депутатов и между гигантским опытом создания советской власти прошло 12 с лишним лет. Конечно, этот срок совершенно не обязателен для других стран, в том числе и для Китая. Но думать, что китайские рабочие способны строить Советы по коротенькому рецепту, подменяющему ленинское обобщение, значит заменять диалектику революционного действия бессильной и назойливой педантской указкой. Советы надо создавать не накануне восстания, не под лозунгом непосредственного захвата власти, ибо, если дело доведено до захвата власти, если массы подготовлены к вооруженному восстанию *без Совета,* значит, были другие организационные формы и методы, которые позволили произвести подготовительную работу, обеспечивающую успех восстания, тогда вопрос о Советах получает второстепенное значение, сводясь к вопросу организационной техники или, еще меньше, наименования. Задача Советов состоит не просто в том, чтобы призвать к восстанию или произвести его, а в том, чтобы *через необходимые этапы подвести к восстанию массы.* Первоначально Совет охватывает массы совсем не под лозунгом вооруженного восстания, а под частными лозунгами, чтобы лишь в дальнейшем, шаг за шагом, подвести массы к этому лозунгу, не рассыпав их по

пути, не дав авангарду оторваться от класса. Совет возникает чаще всего и прежде всего на основе стачечной борьбы, имеющей перед собою перспективу революционного развития, но в данный момент ограничивающийся хотя бы одними только экономическими требованиями. Масса должна в действии почувствовать и понять, что Совет — это *ее* организация, что он собирает ее силы для борьбы, для отпора, для самозащиты и для наступления. Она может это почувствовать и понять не на однодневном, вообще не на единичном действии, а на опыте ряда недель, месяцев, может быть, лет — с перерывами или без перерывов. Поэтому только эпигонски-бюрократическое руководство может удерживать пробуждающуюся и поднимающуюся массу от создания Советов в условиях, когда страна проходит через эпоху революционных потрясений и когда перед рабочим классом и беднотой деревни открывается перспектива захвата власти, хотя бы только на одном из дальнейших этапов и хотя бы перспектива эта была доступна на данном этапе только небольшому меньшинству. Так мы всегда понимали Советы. Мы ценили Советы как ту широкую и гибкую организационную форму, которая доступна едва лишь пробужденным массам на первых же этапах их революционного подъема и которая способна объединять рабочий класс в целом, независимо от того, какая часть его на сегодняшней стадии уже доросла до понимания задачи захвата власти.

Нужны ли тут еще документальные свидетельства? Вот что, например, писал о Советах Ленин в эпоху первой революции:

> «РСДРП (тогдашнее наименование партии.— Л. Т.) никогда не отказывалась от использования в ***момент большего или меньшего революционного подъема*** определенных беспартийных организаций, вроде Советов рабочих депутатов, для усиления влияния с.-д. в рабочем классе и упрочения с.-д. рабочего движения» (т. VIII, стр. 215).

Таких литературно-исторических свидетельств можно бы привести без счета. Но вопрос как будто ясен и без того.

В противовес этому эпигоны превратили Советы в парадный организационный мундир, который партия просто надевает на пролетариат накануне захвата власти. Но тут-то и оказывается, что Советы нельзя импровизировать в 24 часа, по заказу, непосредственно для целей вооруженного восстания. Эксперименты такого рода неизбежно должны получать фиктивный характер, чтобы внешней обрядностью советской системы маскировать отсутствие необходимейших условий для захвата власти. Так это

и случилось в Кантоне, где Совет был попросту назначен для соблюдения ритуала. Вот к чему ведет эпигонская постановка вопроса.

* * *

В полемике по поводу китайских событий оппозиции вменялось в вину следующее, будто бы вопиющее ее противоречие: в то время как начиная с 1926 г. оппозиция выступала с лозунгом Советов в Китае, ее представители высказывались против лозунга Советов в Германии осенью 1923 г. Ни в чем, может быть, схоластичность политического мышления не выразилась так ярко, как в этом обвинении. Да, мы требовали в Китае *своевременного* приступа к созданию Советов, *на волне подъема*, как *самостоятельных* организаций рабочих и крестьян. Главное значение Советов должно было состоять *в противопоставлении рабочих и крестьян гоминдановской буржуазии* и ее левогоминдановской агентуре. Лозунг Советов в Китае означал в первую голову разрыв самоубийственно-постыдного «блока четырех классов» и выход компартии из Гоминдана. Центр тяжести был, следовательно, не в голой организационной схеме, а в классовой линии.

В Германии же осенью 1923 г. дело шло только об организационной форме. Вследствие крайней пассивности, отсталости и запоздалости руководства Коминтерна и КПГ момент для своевременного призыва к созданию Советов был упущен, и фабзавкомы сами собою, под давлением снизу, заняли в рабочем движении Германии к осени 1923 г. то место, которое, при правильной и смелой политике компартии, заняли бы — несомненно с гораздо большим успехом — Советы. Обстановка тем временем достигла последней степени обострения. Еще упустить время значило окончательно утерять революционную ситуацию. Восстание было, наконец, поставлено в порядок дня, притом с самым коротким сроком. Давать в этих условиях лозунг Советов было бы самой большой доктринерской глупостью, какую вообще только можно себе представить. Совет не талисман, заключающий в самом себе спасительную силу. В обстановке, как она сложилась, созданные наспех Советы только дублировали бы фабзавкомы; понадобилось бы отбирать у этих последних революционные функции и передавать их вновь созданным, совершенно еще не авторитетным Советам, и когда? — в условиях, когда каждый день был на счету. Это значило бы заменять революционное дело зловреднейшей игрой в организационные бирюльки.

Что организационная форма Совета может иметь гигантское значение, это бесспорно, но лишь тогда, когда она своевременно дает выражение правильной политической линии. Она может, наоборот, иметь не меньшее отрицательное значение, когда она превращается в фикцию, в талисман, в пустышку. Созданные в самый последний момент осенью 1923 г. немецкие Советы ничего не прибавили бы политически, только внесли бы организационную путаницу. Еще хуже случилось в Кантоне. Созданный впопыхах — для ритуала — Совет явился только маскировкой авантюристского путча. Оттого-то мы и узнали задним числом, что кантонский Совет походил на старого китайского дракона: он был просто нарисован на бумаге. Политика гнилых веревок и бумажных драконов — не наша политика. Мы были против импровизирования Советов по телеграфу в Германии в сентябре 1923 г. Мы были за создание Советов в Китае в 1926 г. Мы были бы против создания маскарадного Совета в Кантоне в декабре 1927 г. Тут нет противоречий. Тут глубокое единство в понимании динамики революционного движения и его организационных форм.

Вопрос о роли и значении Советов, искаженный, запутанный, затемненный теорией и практикой последних лет, не нашел никакого освещения в проекте программы.

6. Вопрос о характере будущей китайской революции

Лозунг диктатуры пролетариата, ведущего за собою деревенскую бедноту, неразрывно связан с вопросом о социалистическом характере будущей, третьей революции в Китае. А так как повторяется не только история, повторяются и ошибки, которые люди противопоставляют ее требованиям, то мы уже слышим возражение: Китай еще не созрел для социалистической революции. Но это абстрактная, безжизненная постановка вопроса. А разве Россия, *изолированно взятая*, созрела для социализма? По Ленину — нет. Она созрела для диктатуры пролетариата, как для единственного метода разрешения неотложных национальных проблем. Общая же судьба диктатуры в целом разрешается в последнем счете ходом *мирового* развития, что, конечно, не исключает, а предполагает правильную политику пролетарской диктатуры, укрепление и развитие союза рабочих и крестьян, всемерное приспособление к национальным условиям, с одной

стороны, к ходу мирового развития, с другой. Это целиком относится и к Китаю.

В той же статье «О нашей революции» (16 января 1923 г.), в которой Ленин устанавливает, что своеобразие России идет по линии особенностей развития стран Востока, он называет «бесконечно шаблонным» довод европейской социал-демократии о том, что мы «не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма». Но не потому Ленин издевается над «учеными» господами, что сам он признает будто бы *наличие* экономических предпосылок для социализма в России, а потому что из отсутствия предпосылок для *самостоятельного* построения социализма ни в каком случае не вытекает, как думали и думают педанты и филистеры, отказ от завоевания власти. В этой своей статье Ленин в 101-й или в 1001-й раз отвечает на софизмы героев II Интернационала: «Это *бесспорное* положение (о незрелости России для социализма)... не является решающим для оценки нашей революции» (т. XVIII, ч. II, стр. 118—119). Вот чего не хотят и не умеют понять авторы проекта программы. Само по себе положение об экономической и культурной незрелости Китая, как и России, — Китая, разумеется, еще больше, чем России, — бесспорно. Но отсюда вовсе не вытекает отказ от завоевания власти пролетариатом, когда это завоевание диктуется всей исторической обстановкой и революционной ситуацией в стране.

Конкретно-исторический, политический, актуальный вопрос сводится не к тому, созрел ли Китай экономически для «собственного» социализма, а к тому, созрел ли он политически для диктатуры пролетариата. Эти два вопроса совсем не тождественны. Они были бы тождественными, если бы не было на свете закона неравномерного развития. Вот где вполне на месте этот закон, распространяющийся полностью на взаимоотношения экономики и политики. Итак, созрел ли Китай для диктатуры пролетариата? Бесспорный ответ на этот вопрос может дать только опыт борьбы. Тем самым только борьба может разрешить вопрос о том, когда и при каких условиях произойдет действительное объединение, освобождение и возрождение Китая. Кто говорит, что Китай не созрел и для диктатуры пролетариата, тот тем самым говорит, что третья китайская революция откладывается на долгий ряд лет.

Конечно, дело обстояло бы достаточно безнадежно, если бы в экономике Китая, как утверждали резолюции ИККИ, действи-

тельно *господствовали* пережитки феодализма. Но к счастью, *пережитки* вообще не могут господствовать. Проект программы и в этом пункте не исправляет сделанные ошибки, а в уклончиво-расплывчатом виде закрепляет их. Проект говорит о «преобладании» феодально-средневековых отношений как в экономике страны, так и в ее политической надстройке ...Это в корне ложно. Что значит *преобладание*? По числу захваченных людей? Или по господствующей и руководящей роли в хозяйстве страны? Исключительно быстрый рост внутренней промышленности на основе всеохватывающей роли торгового и банковского капитала; полная зависимость важнейших крестьянских районов от рынка; огромная и все растущая роль внешней торговли; всестороннее подчинение китайской деревни городу — все это говорит о безусловном преобладании, о прямом господстве капиталистических отношений в Китае. Крепостнические и полукрепостнические отношения бесспорно очень сильны. Свое происхождение они ведут отчасти еще со времени феодализма; отчасти это новообразования, то есть возрождение старого на почве задержки развития производительных сил, избыточного аграрного населения, действия торгово-ростовщического капитала и пр. Но *господствуют* не «феодальные» (вернее, крепостнические и вообще докапиталистические) отношения, а капиталистические. Только благодаря этой господствующей роли капиталистических отношений и можно говорить серьезно о перспективах пролетарской гегемонии в национальной революции. Иначе концы оказываются совершенно не связаны с концами.

> «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат экономически и политически выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме.
>
> Поэтому пролетариат, даже когда он составляет меньшинство населения (или когда сознательный и действительно революционный авангард пролетариата составляет меньшинство населения), способен и низвергнуть буржуазию, и привлечь затем на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры».

Ленин, в 1919 г., т. XVI, стр. 458.

Производственная роль китайского пролетариата уже сейчас очень велика. В ближайшие годы она будет только возрастать. Его политическая роль, как показали события, могла бы быть грандиозной. Но вся линия руководства была целиком направлена против завоевания пролетариатом роли руководителя.

Проект программы говорит, что успешное социалистическое строительство возможно в Китае «лишь при условии прямой поддержки со стороны стран пролетарской диктатуры». Таким образом, здесь в отношении Китая признается то самое, что партия всегда признавала в отношении России. Но если в Китае нет достаточных внутренних сил для *самостоятельного* построения социалистического общества, то, согласно теории Сталина — Бухарина, китайский пролетариат не должен брать власти ни на одном из этапов революции. Или же в противоположном смысле решает факт существования СССР? Тогда выходит, что наша техника достаточна для построения социалистического общества не только у нас в СССР, но и в Китае, то есть в двух экономически наиболее отсталых великих странах, с населением в шестьсот миллионов человек. Или же, может быть, *неизбежная* диктатура пролетариата в Китае «допустима» потому, что эта диктатура включится в цепь мировой социалистической революции, становясь не только ее звеном, но и ее движущей силой? Да ведь это же и есть основная установка Ленина в отношении Октябрьской революции, «своеобразие» которой идет именно по линии развития стран Востока. Мы видим, таким образом, как ревизионистская теория социализма в одной стране, созданная в 1925 г. для борьбы с троцкизмом, сбивает и опутывает при подходе к каждой новой большой революционной проблеме.

Проект программы идет еще далее по тому же пути. Он противопоставляет Китаю и Индии «Россию до 1917 г.», Польшу («и так далее»?) как страны «с известным *минимумом* индустрии, достаточным для победоносного социалистического строительства», или (как определеннее и потому еще ошибочнее сказано в другом месте) — как страны «с необходимыми и достаточными материальными предпосылками... для построения полного социализма». Здесь, как мы уже знаем, прямая словесная игра на ленинском выражении «необходимые и достаточные» предпосылки, игра фальшивая и недопустимая, ибо Ленин точно перечисляет *политические и организационные* предпосылки, включая *технико-культурные и международные*. Но главное все же: *как* можно априорно определить достаточный для построения полного соци-

ализма *«минимум индустрии»*, раз дело идет о непрерывной мировой борьбе двух экономических систем, двух общественных строев, причем наша *экономическая* база в этой борьбе неизмеримо слабее?

Если брать только экономический рычаг, то ясно, что мы, СССР, тем более Китай и Индия, сидим на несравненно более коротком плече, чем мировой капитализм. Но весь вопрос решается *революционной борьбой* двух систем в мировом масштабе. В политической борьбе длинное плечо рычага *на нашей стороне,* вернее сказать, может и, при правильной политике, должно оказаться в наших руках.

Все в той же статье «О нашей революции», после слов о том, что «для создания социализма требуется определенный уровень культуры», Ленин замечает: «Хотя никто не может сказать, каков этот определенный уровень культуры». Почему никто не может этого сказать? Потому что этот вопрос решается борьбой, соревнованием двух общественных систем и двух культур в *международном масштабе.* В полном разрыве с этой мыслью Ленина, вытекающей из самой сути вопроса, проект программы утверждает, что Россия 1917 г. как раз имела тот «минимум техники», а стало быть, и культуры, который необходим для построения социализма в отдельной стране. Авторы проекта пытаются сказать в программе то, чего априорно «никто не может сказать».

Нельзя, невозможно, нелепо искать критерий «достаточного минимума» внутри национальной статики («Россия до 1917 г.»), когда весь вопрос разрешается международной динамикой. В этом ложном, произвольном, изолированно-национальном критерии и покоится теоретическая основа национальной ограниченности в политике, предпосылка неизбежных национал-реформистских и социал-демократических блужданий в будущем.

7. О реакционной идее «двухсоставных рабоче-крестьянских партий» для Востока

Уроки второй китайской революции — это уроки для всего Коминтерна, но прежде всего для стран Востока.

Все доводы, приводившиеся в защиту меньшевистской линии в китайской революции, должны, если взять их за чистую монету, иметь тройную силу по отношению к Индии. Гнет империализма

имеет в Индии, в этой классической колонии, неизмеримо более прямые и осязательные формы, чем в Китае. Пережитки феодально-крепостнических отношений в Индии неизмеримо глубже и значительнее. Тем не менее — вернее сказать, именно потому — методы, примененные в Китае и подорвавшие революцию, в Индии должны сказаться еще более гибельными последствиями. Опрокинуть индийское крепостничество, англо-индийскую бюрократию и великобританский милитаризм может только гигантское и неукротимое движение народных масс, которое именно в силу своего размаха и неукротимости, своих международных целей и связей не может терпеть в своем руководстве ничего половинчатого и компромиссно-оппортунистического.

До сих пор руководством Коминтерна сделано в Индии немало ошибок. Условия еще не дали этим ошибкам обнаружиться в таком масштабе, как в Китае. Допустимо поэтому надеяться, что уроки китайских событий позволят более своевременно выровнять линию руководящей политики в Индии и в других странах Востока.

Центральным для нас вопросом и здесь, как всегда и везде, является вопрос о коммунистической партии, об ее полной независимости, об ее непримиримом классовом характере. Величайшую опасность на этом пути представляет создание так называемых «рабоче-крестьянских партий» в странах Востока.

С 1924 г., который будет записан как год открытой ревизии ряда основных положений Маркса и Ленина, выдвинута была Сталиным формула «двухсоставных рабоче-крестьянских партий для стран Востока». Она обосновывалась все тем же национальным гнетом, который на Востоке служил таким же прикрытием оппортунизма, как «стабилизация» на Западе. Телеграфные сообщения из Индии, также и из Японии, где национального гнета нет, доносят нередко за последний период о выступлениях провинциальных «рабоче-крестьянских партий» как об организациях, близких, дружественных Коминтерну, почти как о «своих», без сколько-нибудь конкретного, однако, определения политического их облика, словом, так, как до недавнего времени говорили и писали о Гоминдане.

Еще в 1924 г. «Правда» сообщала:

> «Есть указание на постепенное организационное оформление национально-освободительного движения в Корее, выливающееся в форму создания рабоче-крестьянской партии».
>
> «Правда», 2 марта 1924 г.

А тем временем Сталин поучал коммунистов Востока:

> «От политики единого национального фронта коммунисты должны перейти... к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Блок этот может принять в таких странах форму единой партии, партии рабоче-крестьянской, вроде Гоминдан...».
>
> Сталин, «Вопросы ленинизма», 1928, стр. 264.

Следовавшие затем «оговорочки» о самостоятельности компартий, — очевидно, по типу «самостоятельности» пророка Ионы во чреве кита — служили только для маскировки. VI конгресс, по глубокому нашему убеждению, должен сказать, что малейшая двусмысленность в этой области гибельна и допущена не будет. Здесь дело идет о совершенно новой, целиком ложной, полностью антимарксистской установке в основном вопросе о партии, об ее отношении к классу и к классам.

Необходимость вхождения компартии в Гоминдан защищалась тем, что по своему социальному составу Гоминдан есть партия рабочих и крестьян, что девять десятых Гоминдана — эта цифра повторялась сотни раз — принадлежат к революционному направлению и готовы идти рука об руку с компартией. Однако во время и после переворотов в Шанхае и Ухане эти революционные девять десятых Гоминдана как в воду канули. Никто не сыскал их следов. И теоретики китайского сотрудничества классов, Сталин, Бухарин и другие, даже не дали себе труда объяснить, куда же девались рабоче-крестьянские, революционные, дружественные, совсем «свои» девять десятых членов Гоминдана. Между тем ответ на этот вопрос имеет решающее значение для понимания будущей судьбы всех этих проповедуемых Сталиным «двухсоставных» партий и для уяснения самой идеи их, отбрасывающей нас далеко назад не только от программы ВКП(б), но и от Манифеста Коммунистической партии 1847 г.

Вопрос о том, куда исчезли пресловутые девять десятых, станет для нас ясным только в том случае, если мы поймем, во-первых, невозможность существования двухсоставной, то есть двухклассовой, партии, одновременно выражающей две исключающие друг друга исторические линии: пролетарскую и мелкобуржуазную; во-вторых, неосуществимость в капиталистическом обществе самостоятельной крестьянской партии, то есть партии, выражающей интересы крестьянства и в то же время независимой от пролетариата и буржуазии.

Марксизм всегда учил, и это перенял большевизм, что крестьянство и пролетариат суть разные классы, что всякое отождес-

твление их интересов в капиталистическом обществе есть фальшь и что крестьянин может входить в коммунистическую партию, лишь поскольку с собственнической точки зрения переходит на точку зрения пролетариата. Союз рабочих и крестьян под диктатурой пролетариата не отменяет этого положения, а в иной обстановке, иными путями подтверждает его. Если бы не было *разных* классов, с *разными* интересами, то не было бы и речи и о *союзе*. Союз этот совместим с социалистической революцией, лишь поскольку он введен в железные рамки диктатуры пролетариата. Диктатура именно потому несовместима у нас с существованием так называемого крестьянского союза, что всякая «самостоятельная» крестьянская организация, претендующая на общенациональные политические задачи, неизбежно окажется орудием в руках буржуазии.

Те организации, которые в капиталистических странах именуют себя крестьянскими партиями, являются на деле разновидностью буржуазных партий. Крестьянин, не сошедший на пролетарскую позицию с точки зрения собственника, неизбежно потянется в основных вопросах политики за буржуазией. Разумеется, каждая буржуазная партия, которая опирается или хочет опереться на крестьян, а по возможности и на рабочих, вынуждена маскироваться, то есть подкрашиваться двух- и трехсоставными красками. Пресловутая идея «рабоче-крестьянских» партий как бы специально создана для маскировки буржуазных партий, вынужденных искать опоры в крестьянах, но готовых растворить в своих рядах и рабочих. Классическим отныне типом такой партии вошел навсегда в историю Гоминдан.

Буржуазное общество, как известно, построено так, что неимущие, недовольные и обманутые массы находятся внизу, а довольные обманщики — наверху. По этому же принципу построена всякая буржуазная партия, если она действительно партия, то есть в сколько-нибудь значительных размерах захватывает массу. Эксплуататоров, обманщиков и насильников в классовом обществе меньшинство. Поэтому каждая капиталистическая партия вынуждена в своих внутренних отношениях так или иначе воспроизводить и отображать отношения буржуазного общества в целом. Поэтому у всякой массовой буржуазной партии низы демократичнее, «левее», чем верхи. Это относится к германскому центру, к французским радикалам, тем более к социал-демократии. Поэтому так непростительно наивны были неустанные жалобы Сталина, Бухарина и других по поводу того, что «левые» гоминданов-

ские низы, «подавляющее большинство», «девять десятых» и прочее и прочее не отражаются верхами. То, что в этих курьезных причитаниях изображалось как временное, досадное недоразумение, подлежащее устранению путем организационных мероприятий, инструкций, циркуляров, есть на самом деле принципиальная, коренная черта буржуазной партии, особенно же в революционную эпоху.

Под этим углом зрения надо оценивать и основной аргумент авторов проекта программы в защиту всяких вообще оппортунистических блоков, и в Англии, и в Китае. По их словам, братание с верхами делается исключительно в интересах низов. Оппозиция, как известно, требовала выхода из Гоминдана.

> «Спрашивается, — говорит Бухарин, — почему? Потому что колеблются (?) вожди Гоминдана наверху? А масса гоминдановская — это «быдло»? С каких пор отношение к массовой организации решается тем, что делается на ее самой «высокой» верхушке?»
>
> «Текущий момент китайской революции».

Самая возможность такого аргумента представляется невероятной в революционной партии. «А масса гоминдановская, — спрашивает Бухарин, — это быдло?» Конечно, быдло. Масса в каждой буржуазной партии всегда быдло, хоть и в разной степени. Но для нас ведь масса не быдло? Да, не быдло, но именно поэтому мы не смеем толкать эту массу в руки буржуазии, *прикрывая буржуазию именем рабоче-крестьянской партии*. Именно поэтому мы не смеем подчинять пролетарскую партию буржуазной, а, наоборот, должны на каждом шагу противопоставлять одну другой. Та «высокая» верхушка Гоминдана, о которой Бухарин иронически говорит как о чем-то второстепенном, наносном, временном, есть на самом деле душа Гоминдана, его социальная суть. Конечно, буржуазия есть только «верхушка» в партии, как и в обществе. Но эта верхушка сильна капиталом, знаниями, связями, всегдашней возможностью опереться на империалистов, а главное — своей фактической государственной и военной властью, которая непосредственно сливается с руководством в самом Гоминдане. Именно эта верхушка писала законы против стачек, душила выступления крестьян, отпихивала коммунистов в черный угол, позволяла им в лучшем случае быть 1/3 партии, отбирала у них клятву в том, что мелкобуржуазный суньятсенизм стоит для них над марксизмом. Низы подбирались и подтягивались к этой верхушке, служа для нее, наряду с Москвой, опорой

«слева», как генералы, компрадоры, империалисты служили для нее опорой справа. Рассматривать Гоминдан не как *буржуазную партию, а как нейтральную арену для борьбы за массы,* козырять девятью десятыми левых низов, чтобы замаскировать вопрос о том, кто хозяин в доме, значило укреплять силу и власть верхушки, помогая ей превращать все более широкие массы в «быдло» и в наилучших для нее условиях подготовлять шанхайский переворот. Опираясь на реакционную идею двухсоставной партии, Сталин и Бухарин воображали, что коммунисты вместе с «левыми» получат большинство в Гоминдане и тем самым власть в стране, ибо в Китае власть в руках Гоминдана. Они воображали, другими словами, что *путем простых перевыборов на съездах Гоминдана власть перейдет из рук буржуазии в руки пролетариата.* Можно ли представить себе более умилительное, более идеалистическое преклонение перед «партийной демократией»... в буржуазной партии? Ведь армия, бюрократия, пресса, капиталы в руках у буржуазии. Именно и только поэтому у нее же в руках руль правящей партии. Буржуазная «верхушка» лишь постольку терпит или терпела «девять десятых» левых — и *такого сорта* левых, — поскольку они не покушаются на армию, бюрократию, прессу, капиталы. Этими своими могущественными средствами буржуазная верхушка держит в подчинении не только так называемые девять десятых «левых членов партии» но и народные массы в целом. А теория блока классов, теория Гоминдана, как рабоче-крестьянской партии, лучше всего буржуазии в этом помогает. Когда же буржуазия сталкивается потом враждебно с массами и расстреливает их, в этом столкновении двух действительных сил, буржуазии и пролетариата, не слышно даже и блеяния знаменитых девяти десятых. Жалкая демократическая фикция исчезает бесследно перед кровавой реальностью классовой борьбы.

Вот подлинная, единственно возможная политическая механика «двухсоставных рабоче-крестьянских партий на Востоке». Другой нет и не будет.

* * *

Хотя идея двухсоставных партий мотивируется национальным угнетением, будто бы отменяющим Марксово учение о классах, но мы знаем уже о «рабоче-крестьянских» ублюдках в Японии, где никакого национального гнета нет. Мало того, дело вовсе не ограничивается одним Востоком. «Двухсоставная» идея пытается стать всемирной. Наиболее карикатурный характер в этой области

имела упоминавшаяся уже попытка американской компартии поддержать президентскую кандидатуру буржуазного «антитрестовского» сенатора Лафоллета, чтобы таким путем приобщить к социальной революции американское фермерство. Теоретик маневра Пеппер, один из тех, кто погубил венгерскую революцию, не заметив венгерского крестьянства, сделал в Америке — для компенсации, очевидно, — широкую попытку погубить американскую компартию, растворив ее в фермерстве. Теория Пеппера состояла в том, что сверхприбыль американского капитализма превращает американский пролетариат в мировую рабочую аристократию, тогда как аграрный кризис разоряет фермерство и толкает его на путь социалистической революции. Партия в несколько тысяч членов, притом главным образом иммигрантов, должна была, по мысли Пеппера, через буржуазную партию сомкнуться с фермерством и, образовав «двухсоставную» партию, обеспечить социалистическую революцию при пассивности или нейтралитете развращенного сверхприбылью пролетариата. Эта бредовая идея имела стронников и полусторонников на верхах Коминтерна. В течение нескольких недель весы качались в ту и другую сторону, пока, наконец, не была сделана уступка азбуке марксизма (за кулисами говорили: предрассудкам троцкизма). Сбитую с пути американскую компартию пришлось на аркане отрывать от партии Лафоллета, которая умерла еще раньше своего основателя.

То, что новый ревизионизм изобретает для Востока, переносится затем на Запад. Если Пеппер пробовал за океаном подстегнуть историю при помощи двухсоставной партии, то последние сведения говорят, что опыт Гоминдана находит подражателей в Италии, где нашей партии пытаются будто бы навязать чудовищный лозунг «республиканской ассамблеи на основе (?!) рабоче-крестьянских комитетов». В этом лозунге дух Чан Кайши обнимается с духом Гильфердинга. Неужели же мы дойдем до этого?

* * *

В заключение нам остается еще только напомнить, что идея «рабоче-крестьянской» партии выбрасывает из истории большевизма всю борьбу с народниками, без которой не было бы большевистской партии. В чем был смысл этой исторической борьбы? Ленин так писал в 1909 г. об эсерах:

> «Основная идея их программы состояла вовсе не в том, что нужен «союз сил» пролетариата и крестьянства, а в том, что *нет*

> *классовой пропасти* между тем и другим, в том, что не нужно проводить классовой грани между ними, в том, что с.-д. идея о мелкобуржуазности крестьянства, в отличие от пролетариата, в корне ложна» (т. XI, ч. 1, стр. 198).

Другими словами: двухсоставная рабоче-крестьянская партия есть центральная идея русского народничества. На борьбе против этой идеи только и могла вырасти партия пролетарского авангарда в крестьянской России.

Ленин настойчиво и неутомимо повторял в эпоху революции 1905 г.:

> «Относиться недоверчиво к крестьянству, *организоваться отдельно от него,* быть готовым к борьбе с ним, поскольку это крестьянство выступает реакционным или противопролетарским» (т. VI, стр. 113; подчеркнуто нами).

В 1906 г. Ленин пишет:

> «Последний совет: организуйтесь особо, пролетарии и полупролетарии города и деревни. Не доверяйте никаким хозяйчикам, хотя бы и мелким, хотя бы и «трудовым»... Мы поддерживаем крестьянское движение до конца, но мы должны помнить, что это движение другого класса, *не того,* который может совершить и совершит социалистический переворот» (т. IX, стр. 410).

Эта мысль проходит через сотни больших и малых работ Ленина. В 1908 г. он разъясняет:

> «Союз пролетариата и крестьянства... ни в каком случае нельзя понимать в смысле *слияния различных классов или партий* пролетариата и крестьянства. Не только слияние, но и *всякое длительное соглашение* было бы губительно для социалистической партии рабочего класса и ослабило бы революционно-демократическую борьбу» (т. XI, ч. 1, стр. 79; подчеркнуто нами).

Можно ли резче, беспощаднее, убийственнее осудить самую идею рабоче-крестьянской партии?

Сталин же поучает:

> «Революционный антиимпериалистический блок... может принять, но не всегда (!) обязательно (!) должен принимать форму единой рабоче-крестьянской партии, связанной формально (?) единой платформой».
>
> «Вопросы ленинизма», 1928 г., стр. 265.

Ленин учил, что союз рабочих и крестьян *ни в каком случае и никогда* не должен вести к объединению партий. Сталин же делает Ленину одну-единственную уступку: хотя блок классов и должен принимать, по Сталину, «форму единой партии, партии рабоче-крестьянской», вроде Гоминдана, но *не обязательно всегда*. Спасибо и на том.

С такой же непримиримостью ставит Ленин этот вопрос в эпоху Октябрьской революции. Обобщая опыт трех русских революций, Ленин начиная с 1918 г. не упускает ни одного случая, чтобы не повторить, что в обществе, где преобладают капиталистические отношения, решают две силы: буржуазия и пролетариат.

> «Если крестьянин не идет за рабочими, то он идет за буржуазией. Середины нет и быть не может».
> Н. Ленин/В. Ульянов, т. XVI, 1919 г., стр. 219.

Между тем «рабоче-крестьянская партия» и есть попытка создать середину.

Если бы авангард русского пролетариата не противопоставлял себя крестьянству, если бы он не вел беспощадной борьбы против засасывающей мелкобуржуазной расплывчатости этого последнего, он неизбежно растворился бы сам в мелкобуржуазной стихии, через посредство эсеровской или другой какой-либо «двухсоставной партии», которая, в свою очередь, неизбежно подчинила бы его буржуазному руководству. Для того чтобы прийти к революционному союзу с крестьянством — это не дается даром, — нужно предварительно высвобождение пролетарского авангарда, а тем самым и рабочего класса в целом из мелкобуржуазных народных масс, что может быть достигнуто только при помощи воспитания пролетарской партии в духе закаленной классовой непримиримости.

Чем моложе пролетариат, чем свежее и непосредственнее его «родственная» связь с крестьянством, чем большую долю населения составляет крестьянство, тем большее значение приобретает борьба со всякой «двухсоставной» политической алхимией. На Западе идея рабоче-крестьянской партии просто смешна. На Востоке она гибельна. В Китае, в Индии, в Японии эта идея смертельно враждебна не только гегемонии пролетариата в революции, но элементарнейшей самостоятельности пролетарского авангарда. Рабоче-крестьянская партия может быть только базой, ширмой, трамплином для буржуазии.

Фатально, что и в этом коренном для всего Востока вопросе нынешний ревизионизм только повторяет ошибки старого дореволюционного социал-демократического оппортунизма. Большинство вождей европейской социал-демократии считали ошибкой борьбу нашей партии против эсеров и настойчиво рекомендовали слияние обеих партий, считая, что для российского «Востока» двухсоставная рабоче-крестьянская партия придется в самый раз. Если бы мы послушались этих советов, то никогда не

осуществили бы ни союза рабочих и крестьян, ни диктатуры пролетариата. «Двухсоставная» рабоче-крестьянская партия эсеров стала у нас, и не могла не стать, агентурой империалистской буржуазии, то есть безуспешно пыталась выполнить ту самую историческую роль, которую по-иному, «своеобразно», на китайский лад и благодаря ревизионистам большевизма с успехом выполнил Гоминдан. Без беспощадного осуждения самой идеи рабоче-крестьянских партий для Востока нет и не может быть программы Коминтерна.

8. Надо проверить, что дал Крестинтерн

Одним из главных, если не главным, обвинением по адресу оппозиции было обвинение в «недооценке» крестьянства. Жизнь и здесь принесла свою проверку, как по внутренней линии, так и по международной. Официальные руководители оказались по всей линии виновны *в недооценке* роли и значения пролетариата по отношению к крестьянству. Здесь можно зарегистрировать величайшие сдвиги и ошибки — по линии хозяйственной, политической, международной.

В основе внутренних ошибок с 1923 г. лежит недооценка значения руководимой пролетариатом госпромышленности для всего народного хозяйства и для смычки с крестьянством. В Китае революция загублена непониманием ведущей и решающей роли пролетариата по отношению к аграрной революции.

С этой же точки зрения необходимо проверить и оценить всю работу Крестинтерна, который с самого начала был только опытом, не больше, как опытом, притом таким, который требовал величайшей осмотрительности и принципиальной выдержанности. Нетрудно понять почему.

Крестьянство, по своей истории и условиям своей жизни, является наименее интернациональным из всех классов. То, что именуют национальным своеобразием, главным источником своим имеет именно крестьянство. Привлечь крестьянство, притом только его полупролетарские массы, бедноту, на интернациональный путь можно только под руководством пролетариата. Всякие обходные пути сводятся к игре с классами, а такая игра всегда совершается за счет интересов пролетариата. Лишь поскольку национальное крестьянство вырывается из-под влияния

национальной буржуазии национальным пролетариатом и приучается в этом последнем видеть не только своего союзника, но и руководителя, оно может быть привлечено на путь интернациональной политики. Попытки же самостоятельно сомкнуть в интернациональную организацию крестьянство разных стран, через голову пролетариата, помимо национальных компартий, заранее осуждены на провал и в последнем счете могут принести только вред борьбе национального пролетариата за влияние на батраков и крестьянскую бедноту.

В буржуазных революциях, как и в контрреволюциях, начиная с крестьянских войн XVI столетия и ранее крестьянство, разными своими слоями, играло огромную, иногда решающую роль. Но эта роль никогда не была самостоятельной. Прямо или косвенно, крестьянство всегда поддерживало одну политическую силу против другой. Само оно никогда не было самостоятельной силой, ставящей себе общенациональные политические задачи. В эпоху финансового капитала популярность капиталистического общества значительно возросла по сравнению с предшествующими стадиями капиталистического развития. Это значит, что удельный вес крестьянства понизился, а не вырос. Во всяком случае, в эпоху империализма крестьянство еще менее способно к *самостоятельной* политической линии, даже в национальном масштабе, не говоря уже об интернациональном, чем в эпоху промышленного капитализма. Фермерство сейчас в Соединенных Штатах несравненно менее способно на самостоятельную политическую роль, чем сорок — пятьдесят лет тому назад, когда оно, как свидетельствует опыт движения популистов, не смогло и не сумело создать самостоятельную национальную партию.

Временная, но острая аграризация Европы в результате вызванного войной хозяйственного упадка создала было иллюзии относительно возможной роли «крестьянских», то есть буржуазных лжекрестьянских, партий, демагогически противопоставляющих себя партиям буржуазии. Если в период бурного крестьянского брожения послевоенных лет можно было еще сделать рискованную попытку с Крестинтерном, чтобы на опыте прощупать новое соотношение между пролетариатом и крестьянством, крестьянством и буржуазией, то пора уж, наконец, теоретически и политически подытожить пятилетний опыт Крестинтерна, вскрыть его жестокие минусы и попытаться показать, в чем же его плюсы.

Один вывод во всяком случае непререкаем: опыт «крестьянских» партий Болгарии, Польши, Румынии, Югославии, то есть сплошь отсталых стран, старый опыт наших эсеров и свежий (еще кровь не запеклась) опыт Гоминдана, эпизодические опыты в передовых капиталистических странах, особенно опыт Лафоллета — Пеппера в Соединенных Штатах, с непререкаемостью свидетельствуют о том, что в эпоху капиталистического заката ждать появления *самостоятельных* революционных антибуржуазных крестьянских партий еще меньше основания, чем в эпоху капиталистического восхождения.

> «Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно в е д е т з а с о б о й деревню. Деревня неизбежно и д е т з а г о р о д о м. Вопрос только в том, к а к о й к л а с с из «городских классов» сумеет вести за собой деревню».
> Ленин, т. XVI, 1919 г., стр. 442.

В революциях Востока крестьянство сыграет еще решающую роль. Но эта роль не будет опять-таки ни руководящей, ни самостоятельной. Крестьянская беднота Хубэя, Гуандуня или Бенгалии может сыграть роль не только национального, но и международного масштаба, однако лишь при условии, если она поддержит рабочих Шанхая, Ханькоу, Кантона, Калькутты. Это единственный выход для революционного крестьянства на *международную* дорогу. Попытка непосредственно объединить хубэйского крестьянина с галицийским или добруджанским, египетского феллаха с западноамериканским фермером безнадежна.

Но природа политики такова, что все в ней, что не служит своей прямой цели, неизбежно оказывается орудием для других целей, нередко прямо противоположных. Разве не прошли перед нами такие примеры, когда буржуазная партия, опирающаяся на крестьянство или стремящаяся на него опереться, оказывалась заинтересованной в том, чтобы на короткий или более длительный срок застраховаться в Крестинтерне, если нельзя в Коминтерне, от ударов своей собственной коммунистической партии, подобно тому как Персель по профсоюзной линии страховался через Англо-русский комитет. Если Лафоллет не стремился регистрироваться в Крестинтерне, так это по причине чрезвычайной слабости американской компартии, тем более что тогдашний ее руководитель Пеппер и без того простирал к Лафоллету непрошеные и вполне бескорыстные объятия. Но

уже Радичу, банковскому вождю партии кроатских кулаков, понадобилось по пути к министерскому портфелю оставить свою визитную карточку в Крестинтерне. Несравненно дальше пошел Гоминдан: обеспечив за собою место в Крестинтерне и в антиимпериалистской лиге, он постучался и в Коминтерн и получил на это благословение Политбюро ВКП против одного голоса.

В высшей степени знаменательно для руководящих политических настроений последних лет, что в то время, как тенденции в пользу ликвидации *Профинтерна* были очень сильны (самое имя его было вычеркнуто из уставов профсоюзов), в официальной печати, насколько помним, вовсе не поднимался вопрос о том, в чем же собственно состоят завоевания *Крестинтерна*?

VI конгрессу необходимо всерьез проверить работу Крестьянского Интернационала под углом зрения пролетарского интернационализма. Пора подвести марксистский баланс затянувшемуся эксперименту. Баланс этот надо в той или другой форме включить в программу Коминтерна, нынешний проект которой ни единым словом не упоминает о «миллионах» Крестинтерна, как о самом его существовании.

Заключение

Мы дали критику некоторых основных положений проекта программы, далеко не всех, ограниченные до последней степени временем: мы имели в своем распоряжении для всей этой работы только две недели. Мы вынуждены были ограничиться наиболее злободневными вопросами, непосредственно связанными с революционной и внутрипартийной борьбой последнего периода.

Мы заранее знаем, на основании опыта так называемых «дискуссий», что отдельно вырванные фразы, даже списки могут стать живородящим источником для новых теорий, ниспровергающих «троцкизм». Такого рода торжествующим кликушеством заполнена целая полоса. Мы очень спокойно относимся к дешевым теоретическим скорпионам, которые могут и на этот раз обрушиться на нас.

Весьма, впрочем, вероятно, что авторы проекта программы предпочтут пустить в ход не новые критически-обличительские

статьи, а прибегнут к развитию старой статьи — 58-й*. Незачем говорить, что этот довод мы считаем еще менее убедительным.

VI конгресс стоит перед задачей принятия программы. Мы стремились показать всей этой работой, что нет никакой возможности полагать в основу программы проект ее, выработанный Бухариным и Сталиным.

Нынешний момент есть момент поворота в жизни ВКП(б) и всего Коминтерна. Об этом свидетельствуют все последние решения и шаги ЦК нашей партии и февральского Исполкома Коминтерна. Эти шаги совершенно недостаточны, решения противоречивы, а некоторые, как решение февральского Исполкома относительно китайской революции, в корне неверны. Тем не менее через все эти решения проходит тенденция к повороту влево. Мы не имеем никакого основания ее переоценивать, тем более что она идет рука об руку с разгромом революционного крыла, при покровительстве правому крылу. Тем не менее мы ни на минуту не думаем игнорировать эту тенденцию влево, продиктованную безвыходностью старого курса. Всякий настоящий революционер сделает на своем месте все, использует все средства, какие ему доступны, чтобы наметившийся левый зигзаг развернулся с наименьшими трудностями и потрясениями для партии в революционный ленинский курс. Но сейчас до этого еще далеко. Сейчас Коминтерн проходит, пожалуй, через наиболее болезненный период развития, когда старый курс далеко не ликвидирован, а новый вторгается в него чужеродными элементами. Проект программы целиком и полностью отражает это переходное состояние. Между тем такие моменты по самой своей природе меньше всего благоприятны для выработки документов, которые должны определять работу нашей международной партии в течение ряда лет. Как это ни тяжело, но надо еще выждать — после того как уже упущено столько времени. Надо дать мути отстояться, путанице пройти, противоречиям упраздниться, новому повороту определиться.

Конгресс не собирался четыре года. Коминтерн девять лет жил без оформленной программы. Единственный исход в настоящий момент таков: назначить VII конгресс через год, раз и навсегда положив предел узурпаторским покушениям на верховные права Коминтерна; восстановить во всех партиях, а значит и в Комин-

* 58-я статья Уголовного уложения, по которой автор был отправлен в ссылку.

терне в целом, нормальный режим, который сделает возможным действительное обсуждение проекта программы и противопоставление эклектическому проекту марксистского — ленинского. Для Коминтерна, для собраний и совещаний его партий, для печати не должно быть запретных вопросов. Надо глубоким плугом марксизма перепахать за этот год все поле. Только в результате такой работы международная партия пролетариата сможет получить программу, то есть великий маяк, правильным светом освещающий прошлое и бросающий надежные лучи далеко в будущее.

Алма-Ата, июль 1928 г.

КИТАЙСКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕ VI КОНГРЕССА

Стратегические и тактические уроки и задачи китайской революции являются сейчас величайшей школой для международного пролетариата. Опыт 1917 г. неузнаваемо изменен, искажен и фальсифицирован эпигонами, которые принесены к власти волнами поражений международного пролетариата. Революцию 1917 г. уже сейчас приходится откапывать из-под гор наваленного на нее мусора. Китайская революция принесла проверку политики большевизма методом от обратного. Стратегия Коминтерна в Китае была гигантской игрой в поддавки. На китайской антитезе октябрьского опыта надо учиться и учить молодое поколение революционеров азбуке большевизма. Китай сам по себе имеет мировое значение. Но в Китае дело идет не о Китае только, а в полном смысле слова о судьбе Коминтерна. VI конгресс не только не подвел правильных итогов и не внес ясности, но, наоборот, освятил все совершенные ошибки и дополнил их новой путаницей, которая может сделать для китайской компартии положение безвыходным на ряд лет. Бюрократические громы отлучения не заставят нас, разумеется, замолчать там, где дело идет о судьбе международной революции. Отлучают ведь нас те самые, которые несут прямую ответственность за поражения и потому боятся света.

* * *

Ни одна партия не пострадала так жестоко от оппортунистического руководства Коминтерна за последние пять лет, как китайская компартия. Мы имели в Китае законченный и именно поэтому катастрофический образец применения меньшевистской политики в революционную эпоху. Более того, меньшевизм был поставлен в монопольные условия, так как от критики большевизма он был защищен авторитетом Коминтерна и материальным аппаратом советской власти. Такое сочетание условий явилось

единственным в своем роде. В результате величайшая по своим возможностям революция была полностью оборвана китайской буржуазией и послужила такому упрочению последней, на которое она, по всем данным, не имела никакого основания рассчитывать. Ошибки оппортунизма не исправлены и до сего дня. Весь ход прений на конгрессе, доклады Бухарина и Куусинена, выступления китайских коммунистов свидетельствуют о том, что линия руководства китайской политикой не только была, но и остается ложной. От оппортунизма, в его открытой соглашательской форме (1924—1927), она сделала в конце 1927 г. крутой зигзаг в сторону авантюризма. После кантонского восстания она отшатывается от путчизма и переходит в третью стадию, наиболее бесплодную, пытаясь старые оппортунистические предпосылки сочетать с чисто формальным и бездейственным радикализмом, который у нас называется в известный период ультиматумом и отзовизмом и который представляет собою худшую разновидность ультралевизны.

Китайский коммунист не может сейчас шагу ступить вперед, не давши правильной оценки оппортунистического руководства, приведшего к поражениям на трех этапах (Шанхай — Ухань — Кантон), и не понявши до конца вызванного этими поражениями гигантского перелома всей общественно-политической внутренней и международной обстановки Китая.

Какие грубые и опасные иллюзии живут в сознании руководящих китайских коммунистов, показывают прения на конгрессе. Защищая кантонское восстание, один из китайских делегатов торжествующе ссылался на то, что после кантонского поражения число членов партии не упало, а возросло. Невероятным кажется здесь, за тысячи километров от театра революционных действий, тот факт, что такого рода чудовищную информацию можно давать на мировом конгрессе и не встречать тут же возмущенного отпора. Из замечаний другого оратора по другому поводу мы узнаем, однако, что если китайская компартия и приобрела (надолго ли?) десятки тысяч новых членов из среды крестьян, зато она потеряла большинство своих рабочих. Вот этот угрожающий процесс, безошибочно характеризующий известную стадию *упадка* партии, китайские коммунисты изображают на конгрессе как признак ее роста и восхождения. После того как революция оказалась разбитой в городах и важнейших центрах рабочего и крестьянского движения, всегда еще будут, особенно в такой гигантской стране, как Китай, свежие, именно вследствие своей отсталости, районы

с еще не исчерпанными революционными силами. На далекой периферии долго еще будут подниматься всплески революционной волны. Не имея непосредственных данных о состоянии юго-западных мусульманских районов Китая, трудно высказаться с определенностью о вероятности в них революционного брожения в ближайший период. Но все китайское прошлое делает эту перспективу возможной. Совершенно очевидно, что это движение было бы только запоздалым отголоском шанхайских, ханькоуских и кантонских боев. После решающего поражения революции в городах партия может еще некоторое время черпать десятки тысяч новых членов из среды пробуждающегося крестьянства. Факт этот имеет значение как предзнаменование великих возможностей будущего. Но для данного периода он является только формой растворения и ликвидации китайской коммунистической партии, ибо, теряя свое пролетарское ядро, она перестает отвечать своему историческому назначению.

Эпоха революционного отлива по самому существу своему есть грозная эпоха для революционной партии. Энгельс в 1852 г. сказал, что революционная партия, которая упустила революционную ситуацию или потерпела в ней решающее поражение, неизбежно сходит со сцены на известный исторический период. Тяжелее всего бьет контрреволюционная эпоха по революционной партии, если поражение революции вызвано не неблагоприятным соотношением сил, а явными и бесспорными ошибками руководства, как это имело место в Китае. Присоедините к этому молодость китайской партии, отсутствие в ней закаленных кадров и крепких традиций, наконец, бесшабашные смены руководства, которое и там, как везде, превращено в ответственного редактора за ошибки Коминтерна. Все это вместе создает прямо-таки гибельные условия для китайской компартии в контрреволюционную эпоху, длительность которой заранее предопределить нельзя.

Оградить китайскую компартию от той участи, о которой говорил Энгельс, то есть от политической ликвидации на известный период, может только ясная, мужественная постановка всех основных вопросов как вчерашнего, так и сегодняшнего дня.

Классовую динамику китайской революции мы рассмотрели в особой главе нашей критики основных положений проекта программы Коминтерна. Пока мы не видим надобности что-либо добавлять к этой главе, тем более изменять в ней. Мы пришли к выводу, что дальнейшее развитие китайской революции может

совершаться лишь в форме борьбы китайского пролетариата, ведущего за собой сотни миллионов крестьянской бедноты, за власть. Разрешение основных буржуазно-демократических задач Китая полностью упирается в диктатуру пролетариата. Противопоставление ей демократической диктатуры пролетариата и крестьянства является реакционной попыткой оттянуть революцию назад, к уже пройденным этапам гоминдановской коалиции. Этот общий политический прогноз, заключающий в себе стратегическую линию следующего этапа китайской революции, или, вернее сказать, будущей третьей китайской революции, не снимает, однако, вопроса о тактических задачах сегодняшнего и завтрашнего дня. VI конгресс прошел по существу мимо этих задач, не попытавшись оценить характер нового периода в политическом развитии Китая. Тактическим задачам этого периода и посвящена настоящая работа.

1. Перманентная революция и кантонское восстание

В ноябре 1927 г. пленум китайского ЦК постановлял:

> «Объективная обстановка в Китае такова, что продолжительность непосредственно революционной ситуации измеряется и будет измеряться не неделями, месяцами, а долгими годами. Китайская революция носит хотя и длительный, но зато непрерывный характер. По своему характеру она является тем, что Маркс называл перманентной революцией».

Верно ли это? Если это верно понимать, то это верно. Но понимать-то это надо по Марксу, а не по Ломинадзе. Бухарин, который изобличал Ломинадзе за эту самую формулировку, сам стоял к Марксу никак не ближе, чем ее автор. Каждая настоящая революция в капиталистическом обществе, особенно в большой стране, тем более теперь, в империалистическую эпоху, имеет тенденцию превратиться в перманентную революцию, то есть не останавливаться ни на одном из достигнутых этапов, не ограничиваться национальными рамками, а расширяться и углубляться до полного преобразования общества, до окончательного упразднения классовых различий, следовательно до полного и окончательного устранения самой возможности новых революций. В этом и состоит Марксово понимание пролетарской революции в отличие от буржуазной или мелкобуржуазной, которая ограничена как своим национальным масштабом, так и своими специальными целями. Китайская революция заключает в себе тенденции

перманентной революции постольку, поскольку заключает в себе возможность завоевания власти пролетариатом. Без этого и помимо этого говорить о перманентной революции значит толочь воду в ступе. Только пролетариат, овладев государственной властью и превратив ее в орудие борьбы против всех видов гнета и эксплуатации как внутри страны, так и за ее пределами, завоевывает тем самым возможность обеспечить за революцией непрерывный характер, то есть довести ее до построения полного социалистического общества. Условием для этого является, следовательно, такая политика, которая своевременно подготовляет пролетариат к завоеванию власти. Ломинадзе же из возможности перманентного развития революции — при условии правильной коммунистической политики — сделал схоластическую формулу, раз и навсегда обеспечивающую революционную ситуацию на «долгие годы». Перманентность революции превращается в надысторический закон, независимый от политики руководства и материального развития революционных событий. Как всегда в таких случаях, свою метафизическую формулу перманентности Ломинадзе и компания догадались провозгласить лишь после того, как политическое руководство Сталина — Бухарина — Чен Дусю — Тан Пинсяна сорвало и доконало революционную ситуацию.

Застраховав непрерывность революции на долгие годы, пленум ЦК киткомпартии уже без больших сомнений выводил из этой формулы наличие условий для восстания.

> «...Сила революционного движения трудящихся масс Китая не только еще не исчерпана, но именно теперь только начинает оказываться в новом подъеме революционной борьбы. Все это заставляет пленум ЦК ККП признать в настоящее время (ноябрь 1927 г.) во всем Китае непосредственно революционную ситуацию».

Из такой оценки положения кантонское восстание вытекало с полнейшей необходимостью. При действительном наличии революционной ситуации самый факт поражения кантонского восстания был бы только частным эпизодом и во всяком случае не превращал бы кантонское восстание в авантюру. Даже при неблагоприятных для восстания условиях в самом Кантоне или вокруг него руководство обязано было сделать все для скорейшего проведения восстания, чтобы тем раздробить и ослабить силы врага и облегчить победу восстания в других частях страны.

Однако спустя не «долгие годы», а короткие месяцы пришлось признать, что политическая ситуация круто повернула вниз,

притом еще до кантонского восстания. Уже походы Хо Луна и Ие Тина происходили в обстановке революционного отлива, отхода рабочих от революции, усиления центробежных тенденций. Этому вовсе не противоречил факт крестьянских движений в отдельных провинциях. Так бывает всегда.

Теперь пусть китайские коммунисты спросят себя: решились ли бы они назначить на декабрь кантонское восстание, если бы уже до декабря поняли, что основные силы революции в данный период исчерпаны и что начался великий отлив? Ясно: если бы они своевременно поняли этот коренной перелом обстановки, они ни в коем случае не поставили бы в порядок дня призыв к вооруженному восстанию в Кантоне. Единственным объяснением политики руководства, назначившего и проведшего восстание в Кантоне, является *непонимание* смысла и последствий поражений в Шанхае и Хубэе. Никакого другого объяснения политика руководства иметь не может. Но факт непонимания тем меньше может служить оправданием для руководства Коминтерна, что оппозиция своевременно предупреждала о новой обстановке и новых опасностях. Тупицы и клеветники обвинили ее за это в ликвидаторстве.

Резолюция VI конгресса свидетельствует, что недостаточный отпор «путчистским настроениям» привел к неудачным восстаниям в Хунани, Хубэе и т. д. Что надо понимать под путчистскими настроениями? Китайские коммунисты считали, в соответствии с директивами Сталина, Бухарина, что обстановка в Китае является непосредственно революционной и что их частичные восстания имеют все шансы развернуться во всеобщее восстание. Таким образом, вспышкопускательство вытекало из ложной оценки обстановки в Китае, как она сложилась во второй половине 1927 г. в результате поражений. В Москве можно было писать о непосредственно революционной ситуации, обвиняя оппозицию в ликвидаторстве, и в то же время страховать себя (особенно после Кантона) оговорками насчет «путчизма». Но на месте действий, в самом Китае, каждый честный революционер обязан был в своем углу делать все для ускорения восстания, раз Коминтерн объявил общую обстановку благоприятной для общенационального восстания. На этом вопросе режим двойной бухгалтерии вскрывает свой заведомо преступный характер.

В то же время резолюция конгресса говорит:

> «Конгресс считает совершенно неправильной попытку рассматривать кантонское восстание как путч. Кантонское восстание,

> бывшее героическим арьергардным боем (??) китайского пролетариата в истекший период китайской революции, несмотря на грубые ошибки руководства, остается знаменем новой советской фазы революции».

Путаница достигает здесь пределов. Героизм кантонского пролетариата выдвигается как ширма для ложного руководства — не кантонского (его резолюция выдает с головой), а московского, которое накануне еще говорило не об «арьергардном бое», а о низвержении гоминдановского правительства.

Почему призыв к восстаниям *после* кантонского опыта объявлен путчизмом? Потому что кантонский опыт подтвердил несвоевременность восстания. Руководству Коминтерна понадобился новый предметный урок для обнаружения того, что было совершенно ясно и без того. Не слишком ли дорого обходятся, однако, пролетариату эти дополнительные предметные уроки для отсталых?

Ломинадзе, один из вундеркиндов революционной стратегии, клялся на XV съезде ВКП, что кантонское восстание было необходимо, правильно и спасительно именно потому, что оно открывает эру непосредственной борьбы рабочих и крестьян за власть. С ним соглашались. На VI конгрессе Ломинадзе согласился, что кантонское восстание не открывало эру побед, а замыкало эру поражений. Тем не менее оно по-прежнему признается необходимым, правильным и спасительным. Из авангардного столкновения сил оно только переименовано в «арьергардный бой». Все остальное остается по-старому. Попытка спрятаться от критики оппозиции за героизм кантонских рабочих имеет тот же вес, как, скажем, попытка царского генерала Ренненкампфа укрыться за героизм русских солдат, которых он своей стратегией утопил в Мазурских болотах. Кантонские пролетарии были без вины повинны только в избытке доверия к руководству. Кантонское руководство было повинно в слепом доверии к руководству Коминтерна, которое политическую слепоту сочетало с авантюризмом.

В корне ложно сравнение кантонского восстания 1927 г. с московским восстанием 1905 г. Русский пролетариат в течение 1905 г. поднимался со ступеньки на ступеньку, исторгая уступки у врагов, вселяя разложение в их ряды, сосредоточивая вокруг своего авангарда все большие народные массы. Октябрьская стачка 1905 г. была гигантской победой всемирно-исторического значения. У пролетариата России была своя собственная партия,

не подчинявшаяся никакой буржуазной или мелкобуржуазной дисциплине. Самостоятельность, непримиримость, наступательность партии крепли от этапа к этапу.

Русский пролетариат создал Советы в десятках городов, притом не накануне восстания, а в процессе массовой стачечной борьбы. Через эти Советы партия установила связь с огромными массами, проверила их революционное настроение, мобилизовала их. Видя, что каждый день приносит изменение соотношения сил в пользу революции, царское правительство перешло в контрнаступление и тем лишило революционное руководство возможности выиграть время для дальнейшей мобилизации сил. В этих условиях революционное руководство могло и должно было все поставить на карту, чтобы проверить в действии настроение последнего решающего фактора — армии. Таков был смысл декабрьского восстания 1905 г.

В Китае события развивались по прямо противоположному пути. Сталинская политика китайской компартии заключалась в ряде капитуляций перед буржуазией и в приучении авангарда рабочих покорно нести на себе ярмо Гоминдана. Партия капитулировала в марте 1926 г. перед Чан Кайши, укрепила его положение, ослабила свое, скомпрометировала знамя марксизма, превратилась во вспомогательное орудие буржуазного руководства. Партия тушила аграрное движение и рабочие стачки, выполняя директивы ИККИ о блоке четырех классов. Партия отказывалась от организации Советов, чтобы не расстраивать генеральский тыл. Партия выдала таким путем шанхайских рабочих Чан Кайши с головою. После разгрома в Шанхае партия, в соответствии с директивами ИККИ, перенесла все свои надежды на левый Гоминдан как на «центр аграрной революции». Коммунисты вошли в уханское правительство, усмирявшее стачечную борьбу и аграрные восстания. Они подготовили этим новый, еще более тяжкий разгром революционных масс. После всего этого была дана авантюристская насквозь директива взять экстренный курс на восстание. Из этой директивы выросла сперва авантюра Хо Луна и Ие Тина, а затем более тяжкая авантюра кантонского переворота.

Нет, на декабрьское восстание 1905 г. все это нимало не похоже.

Если оппортунист назовет кантонские события авантюрой, то потому, что это было *восстание*. Если большевик назовет те же события авантюрой, то потому, что это было *несвоевременное*

восстание. Недаром немецкая пословица гласит, что когда двое говорят одно и тоже, то это совсем не одно и то же.

Пусть чиновники Тельманы по поводу китайского восстания продолжают говорить немецким коммунистам о «ренегатстве» оппозиции. Мы научим немецких коммунистов поворачиваться к Тельманам спиною. Ибо вопрос об оценке кантонского восстания есть вопрос об уроках III конгресса, то есть вопрос о голове немецкого пролетариата.

В марте 1921 г. компартия Германии сделала попытку поднять восстание, опираясь на активное меньшинство пролетариата при пассивности его большинства, утомленного, недоверчивого, выжидательного в результате всех предшествовавших поражений. Тогдашние руководители этой попытки также пытались спрятаться за героизм, проявленный немецкими рабочими в мартовских боях. Однако же III конгресс за эту попытку по головке не погладил, осудив авантюризм руководства. Как оценивали мы тогда мартовские события? «Суть их, — писали мы, — сводится к тому, что молодая коммунистическая партия, испугавшись явного революционного отлива в рабочем движении, сделала отчаянную попытку использовать выступление одного из активно настроенных отрядов пролетариата для того, чтобы «электризовать» рабочий класс и по возможности довести дело до решающего боя» (Л. Троцкий, «Пять лет Коминтерна», стр. 333). Ничего этого Тельман не понял.

С июля 1923 г. мы выдвинули требование назначения срока восстания в Германии — к великому недоумению Клары Цеткин, Варского и других весьма почтенных, но неисправимых старых социал-демократов. А в начале 1924 г., когда Цеткин заявляла, что теперь она «оптимистичнее» смотрит на возможность восстания, чем в прошлом году, мы могли только соболезнующе пожимать плечами.

> «Это азбучная истина марксизма, что тактика социалистического пролетариата не может быть одинакова тогда, когда есть налицо революционная ситуация, и тогда, когда ее нет».
>
> Ленин, т. XV, стр. 499.

Эта азбука ныне всеми признана на словах, но как далеко отсюда до применения ее на деле!

Вопрос не в том, что должны делать коммунисты, когда массы *самопроизвольно* восстают. Это вопрос особый. Когда массы восстают, коммунисты должны быть с массами, организуя и просвещая их. Но вопрос стоит иначе: что делать и что должно было

делать руководство в недели и месяцы, непосредственно предшествовавшие кантонскому восстанию? Руководство обязано было разъяснять революционным рабочим, что в результате поражений, вызванных ложной политикой, соотношение сил полностью изменилось в ущерб пролетариату. Широкие рабочие массы, проделавшие гигантские бои и потрясенные поражениями, покидают поле. Нелепо думать, что можно держать курс на крестьянское восстание при отливе пролетарских масс. Нужно перегруппироваться, нужно вести оборонительные бои, уклоняясь от генерального столкновения, как явно безнадежного. Если бы, *несмотря* на такого рода разъяснительную и воспитательную работу, *вопреки ей*, кантонские массы поднялись на восстание — что мало вероятно, — коммунисты должны были бы встать во главе их. Но дело ведь происходило как раз наоборот. Восстание было сознательно и преднамеренно назначено заранее на основе ложной оценки всей обстановки. Один из отрядов пролетариата был втянут в явно безнадежную борьбу, облегчившую врагу истребление цвета рабочего класса. Не сказать это открыто значит обмануть китайских рабочих и подготовить новые поражения. VI конгресс этого не сказал.

Значит ли все это, что кантонское восстание было *только* авантюрой и что из него вытекает *только* один-единственный вывод: о полной несостоятельности руководства? Нет, совсем не значит. Кантонское восстание показало, что даже после гигантских поражений, при явном отливе революции, даже в неиндустриальном Кантоне с его мелкобуржуазными традициями суньятсенизма, пролетариат оказался способен подняться на восстание, мужественно сражаться и завоевать власть. Это факт огромного значения. Он снова показывает, как огромен удельный вес и как велика возможная политическая роль пролетариата, хотя бы сравнительно и малочисленного, в исторически отсталой стране, с подавляющим большинством распыленного крестьянского и мещанского населения. Этот факт снова — после 1905 и 1917 гг.— наголову разбивает филистеров типа Куусинена, Мартынова и прочих, которые поучают нас, что в «аграрном» Китае немыслимо говорить о диктатуре пролетариата. А ведь Мартыновы и Куусинены являются сейчас повседневными вдохновителями Коминтерна.

Кантонское восстание показало вместе с тем, что в решающий момент пролетариат не нашел даже в мелкобуржуазной столице суньятсенизма какого бы то ни было *политически оформленного*

союзника, хотя бы в виде осколков левого или левейшего Гоминдана. Это значит, что жизненная задача создания союза рабочих и деревенских бедняков ложится в Китае непосредственно и исключительно на компартию. Осуществление этой задачи является основным условием для победы следующей, третьей, китайской революции. А победа этой революции передаст власть авангарду пролетариата, опирающемуся на союз рабочих и крестьянской бедноты.

Если говорить о «ренегатстве», то изменниками по отношению к героям и жертвам кантонского восстания являются те, кто пытается отделаться от уроков этого восстания, чтобы прикрыть преступления руководства. Уроки же таковы:

1. Кантонское восстание показало, что только пролетарский авангард способен в Китае провести восстание и завоевать власть. Восстание показало — после опыта сотрудничества компартии с Гоминданом — полную безжизненность и реакционность лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, противопоставляемого лозунгу диктатуры пролетариата, ведущего за собою крестьянскую бедноту.

2. Кантонское восстание, задуманное и проведенное наперекор ходу революционного развития, ускорило и углубило отлив революции, облегчило буржуазной контрреволюции разгром пролетарских сил. Это придает революционной полосе более тяжелый, затяжной и длительный характер. Величайшей проблемой становится возрождение компартии как организации пролетарского авангарда.

Оба эти вывода одинаково важны. Только в совокупности они дают оценку положения и перспективу. VI конгресс не дал ни того, ни другого. От решений IX пленума ИККИ (февраль 1928 г.) насчет того, что китайская революция «продолжается», конгресс съехал украдкой к утверждению, что китайская революция вступила в подготовительную стадию. Но украдка не поможет. Говорить надо ясно и начистоту, надо твердо, открыто, резко признать совершившийся перелом, приспособить к нему тактику и в то же время вести линию так, чтобы она подводила пролетарский авангард через восстание к роли хозяина в будущем, советском Китае.

2. Межреволюционный период и его задачи

Большевистская политика характеризуется не только революционным размахом, но и политическим реализмом. Эти две стороны большевизма неразрывны. Величайшей задачей является своевременно признать революционную ситуацию и использовать ее до конца. Но не менее важно понять, что революционная ситуация исчерпала себя и политически превратилась в свою противоположность. Махать кулаками после драки — самое пустое и недостойное занятие. В этом, однако, и состоит специальность Бухарина. Сперва он доказывал, что Гоминдан то же, что Советы, и что через Гоминдан коммунисты могут прийти к власти без драки. А когда Гоминдан, при помощи Бухарина, разгромил рабочих, Бухарин начал махать кулаками. Поскольку Бухарин исправлял «или дополнял» Ленина, карикатурность его не выходила за известные скромные пределы. Поскольку же Бухарин посягает на самостоятельное руководство, пользуясь всесторонней неосведомленностью Сталина, Рыкова, Молотова в международных вопросах, постольку маленький Бухарин раздувается в гигантскую карикатуру на большевизм. Стратегия Бухарина сводится к тому, чтоб в эпоху отлива и упадка добить и перекалечить то, что еще вышло живым из упущенной и испакощенной революционной эпохи.

Нужно ясно понять, что революционной ситуации в Китае сейчас нет. Она сменилась контрреволюционной ситуацией, которая переходит в межреволюционный период неопределенной длительности. Кто скажет вам, что это пессимизм и маловерие, отвернитесь от того с презрением. Самый гнусный вид маловерия — это закрывание глаз на факты.

Потенциальная революционная ситуация остается в Китае во всей своей глубине, поскольку все его внутренние и международные противоречия не могут быть разрешены иначе, как на революционном пути. Но в этом смысле нет ни одной страны в мире, где не было бы революционной ситуации и неизбежности ее открытого проявления, — кроме СССР, где, несмотря на пять лет оппортунистического сползания, советская форма пролетарской диктатуры все еще открывает возможность возрождения Октябрьской революции путем реформистских методов.

В одних странах возможность превращения потенциальной революции в действенную ближе, в других — дальше. Очередность предугадать тем труднее, что она определяется не только остротой

внутренних противоречий, но и пересечением факторов мировых. Можно с полным основанием предполагать, что революция в Европе наступит раньше, чем в Северной Америке. Но уже более условный характер будут иметь предсказания относительно того, что революция в Азии наступит раньше, чем в Европе. Это возможно, пожалуй, вероятно, но никакой неизбежности в этом нет. Новые затруднения и осложнения, типа рурской оккупации 1923 г. или обострения торгово-промышленного кризиса под давлением Соединенных Штатов, могут в самом близком будущем поставить государства Европы перед непосредственной революционной ситуацией, как это было в Германии в 1923 г., в Англии в 1926 г. или в Австрии в 1927 г.

Тот факт, что Китай еще вчера проходил через бурную революционную стадию, не приближает революцию сегодня и завтра, а, наоборот, отдаляет ее. Революция 1906 г. в России вызвала в течение следующего затем периода большие революционные потрясения и перевороты в странах Востока (Персия, Турция, Китай). Но в самой России революция возродилась только через 12 лет, в связи с империалистской войной. Конечно, эти сроки совсем не обязательны для Китая. Общий темп развития мировых противоречий сейчас ускорился. Это все, что можно сказать. Но нужно считаться и сообразоваться с тем, что именно в Китае революция отодвинута сейчас в неопределенное будущее. Мало того: не изжиты еще последствия поражения революции. У нас волна снижения и упадка проходила через 1907, 8-й, 9-й и отчасти еще 10-й годы, когда, в значительной мере под влиянием промышленного подъема, начинается оживление в рабочем классе. Перед китайской компартией открылся не менее крутой спуск. Надо на этом крутом спуске вниз уметь хвататься за каждый выступ, цепко держаться за каждую опору, чтобы не сорваться и не расшибиться вдребезги.

Китайский пролетариат, начиная с его авангарда, должен переварить гигантский опыт поражений и по-новому разобраться в новой обстановке; должен собрать свои разбитые ряды; должен возобновить свои массовые организации; должен гораздо яснее и отчетливее установить свои отношения ко всем классам общества на основе стоящих перед страною задач: национального объединения, освобождения и аграрно-революционного преобразования.

С другой стороны, китайская буржуазия должна израсходовать капитал своих побед. Противоречия в ее среде, как и противоре-

чия между нею и внешним миром, снова должны обнажиться и обостриться. Новая перегруппировка сил должна отразиться на крестьянстве, поднять его активность. Это и будет означать возрождение революционной ситуации на более высокой исторической основе.

> «...Те, которым приходилось переживать, — говорил Ленин 23 февраля 1918 г., — долгие годы революционных битв в эпоху подъема революции и в эпоху, когда революция падала в пропасть, когда революционные призывы к массам не находили у них отклика, знают, что все же революция всегда поднималась вновь...».
>
> Ленин, т. XX, ч. II, стр. 217.

Каким темпом китайская революция будет «подниматься вновь», зависит не только от объективных условий, но и от политики Коминтерна.

Вокруг этих коренных вопросов резолюция конгресса ходит дипломатически, натыкая направо и налево спасительные оговорки, то есть по-адвокатски создавая заранее кассационные и апелляционные поводы.

Правда, резолюция конгресса признает, что «лозунг массового восстания превращается в пропагандистский лозунг и лишь в меру... назревания нового революционного подъема он станет вновь лозунгом непосредственной практики». Еще только в феврале этого года — заметим мимоходом — такая позиция объявлялась троцкизмом. Под этим наименованием надлежит, очевидно, понимать способность учитывать факты и их последствия раньше руководства Коминтерна.

Но дальше превращения вооруженного восстания в лозунг пропаганды резолюция конгресса не идет. Не больше того дают и доклады. А чего ждать в ближайший период? К чему готовиться? По какой линии вести работу? Никакой перспективы...

Чтобы понять, как радикально приходится переучиваться в этом вопросе, оглянемся снова на вчерашний день, на ту же резолюцию китайского ЦК, которая дала наиболее яркое выражение «революционному» легкомыслию на подкладке оппортунизма*.

---

* Разумеется, «Правда» этой резолюции, уже цитированной выше, не напечатала. Ее можно найти только в малодоступных «Материалах по китайскому вопросу», № 10, 1928, изд. УТК. Это та самая резолюция, которую официально обвиняют в «троцкизме», хотя на самом деле она является только вывороченным наизнанку сталинско-бухаринским оппортунизмом.

Пленум ЦК киткомпартии под руководством левоцентристских вундеркиндов постановлял в ноябре 1927 г., накануне кантонского восстания:

> «Оценивая общеполитическую обстановку, сложившуюся в Китае после контрреволюционного переворота в Ухане, Центральный комитет ККП еще в своих августовских тезисах выдвинул то положение, что стабилизация буржуазно-милитаристской реакции на базе современных социально-экономических и политических отношений в Китае *совершенно невозможна*».

В этом замечательном тезисе над *стабилизацией* проделана та же самая операция, что и над *революционной ситуацией*. Эти два понятия превращены в некие сущности, непримиримо противостоящие друг другу. Если революционная ситуация при всех условиях обеспечена на «долгие годы», то ясно, что стабилизация, что бы там ни происходило, «совершенно невозможна». Одно дополняет другое в системе метафизических начал. Бухарин и его друго-враг Ломинадзе одинаково не понимают, что *революционная ситуация*, как и противостоящая ей *стабилизация* являются не только предпосылками, но и живым содержанием классовой борьбы. Вне этой последней нет ни стабилизации, ни революционной ситуации. Мы писали однажды, что стабилизация есть «объект» классовой борьбы, а не заранее данная арена ее. Пролетариат хочет развернуть и использовать кризисную ситуацию, буржуазия хочет приостановить и одолеть ее своей стабилизацией. В борьбе этих основных классовых сил стабилизация является «объектом». Бухарин сперва хихикал по поводу этого определения, затем контрабандой включил его дословно в свой печатный доклад одному из пленумов ИККИ. Но, включив нашу формулировку, специально направленную против его схоластики, Бухарин совершено не понял смысла нашего определения. Что же касается левокозлиных прыжков Ломинадзе, то радиус их очень ограничен, ибо храбрый вундеркинд не смеет сорваться с бухаринской веревочки.

Конечно, абсолютная стабилизация абсолютно противостоит абсолютно революционной ситуации. Переход этих абсолютов друг в друга «совершенно невозможен». Но если сойти с этих смехотворных теоретических высот, то окажется, что до полной и окончательной победы социализма относительная революционная ситуация будет переходить в относительную стабилизацию (и наоборот), по всей вероятности, не один раз. При прочих равных условиях опасность перехода революционной ситуации в буржу-

азную стабилизацию тем больше, чем меньше способность пролетарского руководства использовать ситуацию. Руководство клики Чан Кайши было выше, чем руководство Чен Дусю и Тан Пинсяна. Но решало не это руководство: иностранный империализм направлял Чан Кайши угрозами, посулами, прямой помощью. Коминтерн направлял Чен Дусю. Здесь скрестились мечами два руководства мирового масштаба. Руководство Коминтерна оказалось совершенно негодным на всех этапах борьбы и этим до последней степени облегчило задачу империалистскому руководству. При таких условиях превращение революционной ситуации в буржуазную стабилизацию не только не «невозможно», но совершенно *неизбежно.* Более того, оно совершается, оно в *известных* пределах уже произошло.

Для Европы Бухарин объявил период «органической» стабилизации. Он заверял, что в ближайшие годы ждать в Европе повторения венских событий и вообще революционных потрясений не приходится. Почему — неизвестно. Борьба за власть совершенно отодвинута для Европы борьбой против войны. Зато в отношении Китая стабилизация отрицается совершенно так же, как V конгресс отрицал ее для Германии после поражения революции 1923 г. Все течет и меняется, кроме ошибок руководства Коминтерна.

Поражение рабочих и крестьян в Китае означает неизбежно политическое упрочение китайских правящих классов, а это и есть исходная предпосылка экономической стабилизации. Известное упорядочение внутреннего оборота и внешних торговых сношений в результате замирения или сокращения районов гражданской войны автоматически ведет к повышению хозяйственной деятельности. Жизненные потребности вконец разоренной и истощенной страны должны в той или другой степени пробить себе дорогу. Торговля и промышленность должны начать оправляться. Число занятых рабочих должно возрастать.

Было бы слепотой закрывать глаза на наличность известных политических предпосылок для дальнейшего развития производительных сил страны, разумеется, в кабально-капиталистических формах. Одних политических предпосылок недостаточно. Нужен еще экономический толчок, без которого преодоление разрухи шло бы сравнительно медленно. Таким внешним толчком может явиться приток иностранных капиталов. Америка уже пошла наперерез Японии и Европе, согласившись формально «на равноправный договор». Внутренняя депрессия и при избытке

свободных средств делает более чем вероятной широкую экономическую интервенцию в Китае Соединенных Штатов, перед которыми Гоминдан будет, конечно, держать двери «открытыми» настежь. Можно не сомневаться, что и европейские страны, в частности Германия, в борьбе с надвинувшимся вплотную кризисом, попытаются выйти на китайский рынок.

При необъятности Китая и численности его населения даже небольшие успехи в области дорожного строительства, даже простое увеличение безопасности транспорта при некотором упорядочении валютного дела автоматически должны дать значительный рост торгового оборота, а тем самым и оживление промышленности. Дорожным строительством всякого рода заинтересованы сейчас в Китае важнейшие капиталистические страны, не в последнюю очередь Соединенные Штаты, озабоченные сбытом автомобилей.

Для стабилизации китайской валюты, как и для дорожного строительства, необходим большой внешний заем. Возможность его обсуждается и признается вполне реальной в руководящей англосаксонской финансовой печати. Идет речь о международном банковском консорциуме для погашения старой задолженности Китая и предоставления ему новых кредитов. Осведомленная печать уже именует будущую сделку «крупнейшей в мировой истории».

В каких размерах осуществятся эти грандиозные замыслы, предсказать, по крайней мере без более близкого знакомства с материалами, отчасти закулисными, нельзя. Но что в ближайшее время развитие пойдет по этой линии — сомнений быть не может. И сейчас уже печать приносит десятки сообщений, свидетельствующих о том, что крайне относительное замирение и еще более относительное объединение Китая уже дали толчок самым различным отраслям хозяйственной жизни. В том же направлении действует хороший урожай почти во всем Китае. Кривая внутреннего оборота, импорта, экспорта уже обнаружила явные признаки подъема.

Не нужно, разумеется, выворачивать вчерашнюю ошибку наизнанку. Не нужно наделять полуколониально-капиталистическую стабилизацию какими-то несгибаемыми, неизменными, словом, метафизическими чертами. Это будет очень хромоногая стабилизация, открытая всем ветрам мировой политики, как и неустраненным внутренним опасностям. Но эта крайне относительная буржуазная стабилизация коренным образом отличается

все же от революционной ситуации. Конечно, основное материальное соотношение классов осталось то же. Но политическое соотношение их сил для данного периода резко изменилось. Это выражается и в том, что компартия почти целиком отброшена назад, на исходные позиции. Ей придется завоевывать политическое влияние почти с самого начала. Что приобретено, так это опыт. Но и это приобретение станет плюсом, а не минусом только при том условии, если опыт будет усвоен правильно. Буржуазия тем временем действует увереннее, сплоченнее. Она наступает. Она ставит себе большие задачи на завтрашний день. Пролетариат отступает, далеко не всегда обороняясь под ударами. Лишенное сколько-нибудь централизованного руководства, крестьянство там и сям бурлит, но без действительных шансов на победу. А на помощь китайской буржуазии идет мировой капитал, собирающийся через ее посредство еще ниже пригнуть к земле китайские трудящиеся массы. Вот вам механика стабилизационного процесса. Послезавтра, когда Бухарин стукнется о факты лбом, он объявит, что раньше можно было считать стабилизацию «случайной», а теперь ясно, что это стабилизация «органическая». Другими словами, он и здесь перемахнет через постромку, только с правой ноги.

Процесс экономического подъема будет в свою очередь означать мобилизацию новых десятков и сотен китайских рабочих, сплочение их рядов, повышение их удельного веса в общественной жизни страны и тем самым рост их революционного самочувствия. Что оживление китайской торговли и промышленности уже очень скоро обострит проблему империализма, это не требует объяснений. Если бы, однако, китайская компартия под влиянием схоластики Бухарина — Ломинадзе повернулась спиною к реальным процессам в стране, она упустила бы экономическую точку опоры для подъема рабочего движения. На первых порах повышение удельного веса и классового самочувствия пролетариата скажется в возрождении стачечной борьбы, в упрочении профессиональных союзов. Незачем говорить, какие серьезные возможности это откроет перед китайской компартией. Неизвестно, как долго ей придется оставаться в подполье. Нелегальную организацию ей, во всяком случае, необходимо будет в ближайший период укреплять и совершенствовать. Но эту задачу нельзя выполнять в стороне от жизни и борьбы масс. Нелегальный аппарат будет иметь тем больше возможностей развития, чем плотнее его будут облегать открытые легальные и полулегальные

организации рабочего класса, чем глубже он будет в них внедряться. Нужно, чтобы киткомпартия была свободна от доктринерских наглазников и держала руку на пульсе экономической жизни страны. Она должна своевременно стать во главе стачек, взять на себя инициативу возрождения профессиональных союзов и борьбы за восьмичасовой рабочий день. Только в этих условиях и может получить серьезную базу ее участие в политической жизни страны.

* * *

«Не может быть и речи, — говорил на конгрессе один из китайских делегатов, — об упрочении власти Гоминдана» («Правда», 28 августа 1928 г.). Неверно. Вполне может быть «речь» об известном и даже значительном упрочении власти Гоминдана на известный и даже значительный период времени.

Китайская буржуазия одержала с неожиданной для себя легкостью решающие для данного периода победы над рабочими и крестьянами. Выросший отсюда подъем ее классового сознания ясно сказался на экономической конференции, заседавшей в конце июня в Шанхае и представлявшей собой своего рода экономический предпарламент китайской буржуазии. Она показала, что хочет пожать плоды своей победы. На пути к этому стоят милитаристы и империалисты, с помощью которых она одержала победу над массами. Буржуазия хочет таможенной автономии, этого краеугольного камня экономической самостоятельности, возможно полного объединения Китая; упразднения внутренних таможен, дезорганизующих рынок; прекращения самоуправства военных властей, захватывающих подвижной состав железных дорог и нарушающих частную собственность; наконец, сокращения армий, слишком большой тяжестью ложащихся ныне на хозяйство страны. Сюда же относится создание единой валюты и упорядочение администрации. Все эти требования буржуазия формулировала на своем экономическом предпарламенте. Гоминдан формально принял их к сведению, но, разбитый внутренне на военные клики областей, он является сейчас одним из препятствий к их осуществлению.

Более могущественным препятствием являются иностранные империалисты. Буржуазия считает, и не без основания, что она тем успешнее использует противоречия между империалистами и добьется тем более выгодного компромисса с ними, чем успешнее она подчинит военно-гоминдановские клики аппарату централи-

зованного буржуазного государства. В эту сторону идут сейчас устремления наиболее прогрессивных элементов буржуазии и мелкобуржуазной демократии. Отсюда-то и возникает мысль о Национальном собрании как увенчании достигнутых побед, как о средстве обуздания милитаристов, как об авторитетном государственном представительстве китайской буржуазии для сделок с иностранным капиталом. Маячащее впереди экономическое оживление придает духу духу буржуазии, заставляя ее особенно враждебно относиться ко всему, что нарушает закономерность товарного оборота и дезорганизует национальный рынок. Первый этап экономической стабилизации поднимает несомненно шансы китайского парламентаризма, а значит потребует своевременной политической инициативы со стороны киткомпартии и в этом вопросе.

Для китайской буржуазии, победившей рабочих и крестьян, речь может идти об архицензовом собрании, может быть, просто об оформлении представительства торгово-промышленных объединений, на основе которых была созвана шанхайская экономическая конференция. Мелкобуржуазная демократия, которая неизбежно начнет шевелиться, поскольку на убыль пошла революция, выдвинет более «демократические» лозунги. Она будет стремиться найти таким путем связь с верхними слоями народных масс города и деревни.

«Конституционное» развитие Китая, по крайней мере на ближайшем этапе, тесно связано с внутренним развитием Гоминдана, в руках которого, так или иначе, сейчас сосредоточена государственная власть. Последний августовский пленум Гоминдана постановил, насколько можно понять, созвать на 1 января 1929 г. партийный съезд, столь долго откладывавшийся вследствие опасения центра потерять власть (как видим, «своеобразие» Китая не так уже своеобразно). В порядке дня съезда стоит вопрос о конституции Китая. Конечно, те или другие внутренние или внешние события могут сорвать не только январский съезд Гоминдана, но и всю конституционно-стабилизационную эру китайской буржуазии. Эта возможность всегда остается открытой. Но без вторжения новых факторов вопрос государственного строя Китая, конституционные вопросы станут в ближайший период в центре общественного внимания.

Какую позицию займет компартия? Что противопоставит она проекту гоминдановской конституции? Может ли компартия сказать, что так как она готовится в будущем, при новом подъеме,

создавать Советы, то *до этого* ей безразлично, будет или не будет в Китае Национальное собрание и какое именно, цензовое или всенародное? Такая позиция была бы формальна, пуста и пассивна.

Коммунистическая партия может и должна выдвинуть лозунг полновластного учредительного собрания на основе всеобщего равного прямого и тайного избирательного права. В процессе агитации за этот лозунг она будет, конечно, разъяснять массам, что такое собрание вряд ли соберется, а если бы собралось, то оказалось бы бессильным, доколе материальная власть находится в руках гоминдановского генералитета. Отсюда возможность нового подхода к лозунгу вооружения рабочих и крестьян.

Оживление политической активности в стране в связи с экономическим оживлением снова выдвинет на сцену аграрную проблему. Но на известный период она может оказаться поставленной в парламентской плоскости, то есть в плоскости попыток со стороны буржуазии и особенно мелкобуржуазной демократии законодательного «разрешения» аграрного вопроса. Компартия не может, разумеется, приспособляться к буржуазной легальности, то есть капитулировать перед буржуазной собственностью. Компартия может и должна иметь свой законченный и целостный проект разрешения аграрного вопроса, основанный на конфискации частновладельческих земель (выше известного уровня, различного для разных провинций). Коммунистический проект аграрного закона должен быть, по существу, формулой будущей аграрной революции. Но эту свою формулу компартия может и должна внести и в борьбу за Национальное собрание, и в само это Национальное собрание, если бы оно осуществилось.

Лозунг Национального (или учредительного) собрания тесно сочетается, таким образом, с лозунгами 8-часового рабочего дня, конфискации земель и полной национальной независимости Китая. В этих лозунгах и найдет свое выражение демократический этап в развитии китайской революции. В области международной политики компартия будет требовать союза с СССР. Правильно сочетая эти лозунги, своевременно выдвигая каждый из них, компартия сможет вырваться из подполья, сомкнуться с массой, завоевать ее доверие и тем ускорить период создания Советов и прямой борьбы за власть.

Из демократического этапа революции вытекают определенные исторические задачи. Но демократический характер этих задач сам по себе еще вовсе не предопределяет, какие классы и в

каком сочетании будут эти задачи разрешать. В сущности все великие буржуазные революции разрешали однородные задачи. Но разрешались эти задачи разной классовой механикой. В борьбе за демократические задачи Китая в межреволюционный период коммунистическая партия соберет свои силы, проверит себя, свои лозунги и методы действия. Если ей доведется при этом пройти через период парламентаризма — что возможно и даже вероятно, но отнюдь не неизбежно, — это даст пролетарскому авангарду возможность проверить своих врагов и противников в парламентском преломлении. В предпарламентский и парламентский периоды пролетарскому авангарду пришлось бы вести непримиримую борьбу со всеми оттенками буржуазии за влияние на крестьянство, за прямое политическое руководство крестьянством. Если бы даже Национальное собрание осуществилось как архидемократическое, основные проблемы пришлось бы все равно решать силой. Через парламентский период киткомпартия пришла бы к прямой и непосредственной борьбе за власть, но уже на более зрелой исторической основе, то есть с более надежными предпосылками победы.

Мы сказали, что парламентский этап вероятен, но не неизбежен. Помешать его осуществлению могут и новый распад страны, при котором, впрочем, может возникнуть движение за парламенты отдельных областей, и внешние причины. Но этим вовсе не лишается значения *борьба* за демократически созванное Национальное собрание, которая сама по себе войдет клином в группировки имущих классов и раздвинет рамки активности пролетариата.

Мы заранее знаем, что все те «руководители», которые проповедовали блок четырех классов, арбитражные комиссии вместо стачек, по телеграфу приказывали не развертывать аграрное движение, советовали не отпугивать буржуазию, запрещали создание Советов, подчиняли компартию Гоминдану, провозглашали Ван Тинвея вождем аграрной революции, что все эти оппортунистические виновники поражений революции попытаются теперь забежать с левого фланга и обвинить нашу постановку в «конституционных иллюзиях» и в «социал-демократическом уклоне». Мы считаем необходимым своевременно предупредить китайских коммунистов, передовых китайских рабочих против фальшивого и пустопорожнего радикализма вчерашних наперсников Чан Кайши. Подтасованными цитатами, путаницей, километрическими резолюциями, всякими вообще аппаратно-лите-

ратурными фокусами от фактов, от классов, от исторического процесса отделаться нельзя. События придут и проверят. Кому мало прошлой проверки, пусть дожидается будущей. Только пусть все же не забывает, что эта проверка производится на костях пролетарского авангарда.

3. Советы и учредительное собрание

Нет, надеемся, надобности поднимать здесь общий вопрос о формальной, то есть буржуазной, демократии. Наше отношение к ней не имеет ничего общего с голым анархическим отрицанием. Лозунг и нормы формальной демократии вытекают — для разных стран по-разному — из определенного этапа в развитии буржуазного общества. В демократических лозунгах заложены для известного периода не только иллюзии, не только обман, но и движущая историческая сила.

> «...Пока на очереди не стоит борьба рабочего класса за всю власть, использование форм буржуазной демократии для нас обязательно».
>
> Ленин, т. XX, ч. 2, стр. 297, 20 января 1919 г.

Политически вопрос о формальной демократии является для нас вопросом об отношении не только к мелкобуржуазным массам, но и к рабочим массам, поскольку они не достигли революционного классового сознания. В условиях революционного подъема, при наступательном движении пролетариата, вторжение мелкобуржуазных низов в политическую жизнь выражалось в Китае в аграрных мятежах, в столкновениях с правительственными войсками, во всякого рода стачках, в истреблении низовой администрации. Сейчас такого рода движения резко пошли на убыль. Победоносная гоминдановская военщина возвышается над обществом. Каждый дальнейший день стабилизации будут все больше сталкивать эту военщину и бюрократию не только с передовыми рабочими, но и с преобладающей мелкобуржуазной массой населения деревень и городов, в известных пределах — и с крупной буржуазией. Прежде чем эти столкновения разовьются в открытую революционную борьбу, они пройдут, по всем данным, через «конституционную» стадию. Столкновения между буржуазией и ее собственными военными кликами будут неизбежно втягивать — через «третью партию» или иными

путями — верхушки мелкобуржуазных масс. Экономически и культурно эти массы чрезвычайно слабы. Их потенциальная политическая сила — в их численности. Лозунги формальной демократии потому именно захватывают или способны захватить не только мелкобуржуазные, но и широкие рабочие массы, что открывает им возможность, иллюзорную по существу, противопоставить свою волю генералам, помещикам и капиталистам. На этом опыте пролетарский авангард учит массы и ведет их вперед.

Опыт России показывает, что при революционном подъеме пролетариат, организованный в Советы, может при правильной политике, направленной на завоевание власти, повести за собою крестьянство, столкнуть его лбом с формальной демократией, в лице Учредительного собрания, и перевести его на путь советской демократии. Этот результат был, однако, достигнут не путем голого противопоставления Учредительному собранию, а путем вовлечения масс в Советы при сохранении лозунгов формальной демократии до самого момента завоевания власти и даже после того.

> «Что в России в сентябре—ноябре 1917 г. рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики не бойкотировали Учредительного собрания, а участвовали в выборах и до и после завоевания пролетариатом политической власти...
>
> Даже за несколько недель до победы Советской Республики, даже после такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность доказать отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчают успех их разгона, облегчают «политическое изживание» буржуазного парламентаризма».
>
> Ленин, т. XVII, 1920 год, «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 149.

Когда мы принимали непосредственные практические меры к разгону Учредительного собрания, Ленин, помню, особенно настаивал на вызове в Петроград одного-двух латышских полков, батрацких по составу. «Гарнизон питерский почти сплошь крестьянский, как бы он не колебнулся перед учредилкой» — так формулировал Ленин свои опасения. Дело здесь было вовсе не в политических «традициях», ибо серьезных традиций парламентской демократии у русского крестьянства быть не могло. Но суть

в том, что пробужденная к исторической жизни крестьянская масса вовсе не склонна верить авансом городскому руководству, хотя бы и пролетарскому, особенно в нереволюционный период, а ищет простой политической формулы, которая давала бы *непосредственное* выражение ее собственной политической силе, то есть преобладающей численности. Политическим выражением господства большинства является формальная демократия.

Разумеется, было бы жалким педантством, в духе Сталина, утверждать, что народные массы никогда и ни при каких условиях не могут или не должны «перепрыгивать» через «конституционную» ступень. Эпоха парламентаризма в некоторых странах длится в течение долгих десятилетий и даже столетий. В России она знала лишь несколько лет лжеконституционного режима и один день существования учредилки. Исторически вполне мыслимы такие положения, когда не будет и этих нескольких годов и этого одного дня. Так, при правильной революционной политике, при полной самостоятельности компартии от Гоминдана, при построении Советов, в 1925—1927 гг. революционное развитие могло бы уже к сегодняшнему дню привести Китай, минуя демократическую стадию, к диктатуре пролетариата. Но и в этом случае не исключено, что формула Национального собрания, не испробованная крестьянством в самый критический момент, непроверенная и потому не очищенная от иллюзий, могла бы при первой же серьезной размолвке между крестьянством и пролетариатом, на другой день после победы, стать лозунгом крестьянства и городской мелкой буржуазии против пролетариата. А крупные размолвки между пролетариатом и крестьянством, даже при самых благоприятных условиях их союза, совершенно неизбежны, как свидетельствует опыт Октябрьской революции. Величайшим преимуществом нашим явился тот факт, что большинство Учредительного собрания, выросшее из борьбы господствовавших партий за продолжение войны и против захвата крестьянами земли, скомпрометировало себя глубоко и надолго в глазах самого крестьянства уже к моменту созыва Учредительного собрания.

* * *

Как же характеризует нынешний период в развитии Китая и вытекающие из этого периода задачи резолюция конгресса, принятая по докладу Бухарина? § 54 этой резолюции гласит:

> «Главной задачей партии является теперь, в периоде между двумя волнами революционного подъема, борьба за массы, то

> есть массовая работа среди рабочих и крестьян, восстановление их организаций, использование всякого недовольства против помещиков, буржуа, генералов, иностранных империалистов...»

Поистине классический образец двусмысленности, в духе наиболее прославленных оракулов древнего мира. Нынешний период характеризуется как «период между двумя волнами революционного подъема». Эту формулу мы знаем. V конгресс применил ее к Германии. Каждая революционная ситуация развивается неравномерно, волнами прибоя и отлива. Формула «между двумя волнами революционного подъема» выбрана преднамеренно, чтобы ее можно было истолковать как признание наличности революционной ситуации, в которой наступило лишь небольшое «затишье перед бурей». А в случае чего эту же формулу можно будет разъяснить как признание целого периода между двумя революциями. И в том, и в другом случае можно будет начать новую резолюцию словами «как мы предвидели» или «как мы предсказывали».

В каждом историческом прогнозе есть неизбежный элемент условности. Чем короче период, охватываемый прогнозом, тем больше этот элемент условности. Такого прогноза, при котором руководителям пролетариата не пришлось бы в дальнейшем самостоятельно разбираться в обстановке, дать вообще нельзя. Прогноз имеет не командное, но ориентирующее значение. Степень его условности может и должна быть оговорена. Можно в известном положении дать несколько вариантов будущего, обдуманно разграничив их. Можно, наконец, в смутной обстановке временно совсем отказаться от прогноза, ограничившись советом: жди и гляди! Но все это должно быть сделано ясно, открыто, честно. Между тем прогнозы Коминтерна за последние пять лет представляют собою не директивы, а ловушки для руководства национальных партий. Основное назначение этих «прогнозов» — внушить благоговение к мудрости руководства, а в случае провала — спасти «престиж», высший фетиш слабых. Это метод вещаний оракула, а не марксистского исследования. Он предполагает наличие на местах «мальчиков для порки». Деморализующая система. Ультралевые ошибки немецкого руководства в 1925 г. вытекали именно из этой самой вероломно-двусмысленной формулировки насчет «двух волн революционного подъема». Не меньше бедствия может принести и резолюция VI конгресса.

Мы знали предшанхайскую волну, затем «уханскую» волну. Было много более дробных и местных волн. Все они вырастали на

общем революционном подъеме в 1925—1927 гг. Но этот исторический подъем исчерпан. И это надо понять и ясно сказать. Отсюда вытекают важнейшие стратегические последствия.

Резолюция говорит о необходимости «использовать» всякое недовольствие против помещиков, буржуа, генералов, иностранных империалистов. Это бесспорно, но слишком неопределенно. Как использовать? Если мы находимся между двумя волнами продолжающегося революционного подъема, тогда всякое сколько-нибудь значительное проявление недовольства можно рассматривать как пресловутое (по Зиновьеву—Бухарину) «начало второй волны». Тогда пропагандистский лозунг вооруженного восстания надо будет немедленно превращать в действенный. Отсюда и может вырасти «вторая волна» путчизма. Совсем по-другому использует партия недовольство масс, если она будет рассматривать его в правильной исторической перспективе. Но этой «мелочи» — правильной перспективы — не хватает VI конгрессу ни в одном вопросе. На этой нехватке сломал себе голову V конгресс. На этом месте может себе сломать голову и весь Коминтерн.

Осудив снова путчистские тенденции, для которых она сама же подготовляет почву, резолюция конгресса продолжает:

> «С другой стороны, некоторые товарищи впали в оппортунистическую ошибку: они стали выдвигать лозунг Национального собрания».

В чем состоит оппортунизм этого лозунга, резолюция не объясняет. Обжегшись на молоке, руководители просто дуют на воду. Попытку объяснения дал только китайский делегат Страхов в своем заключительном слове по поводу уроков китайской революции. Вот что он сказал:

> «Из опыта китайской революции мы видим, что когда революция в колониях (?) подходит к решающему моменту, тогда вопрос становится ребром: или диктатура помещиков и буржуазии, или диктатура пролетариата и крестьянства».

Конечно, когда революция — и не только, разумеется, в колониях — «подходит к решающему моменту», тогда всякое гоминданство, то есть соглашательство, является роковым преступлением; тогда мыслима либо диктатура имущих, либо диктатура трудящихся. Но как мы уже видели, и в такие моменты революционное преодоление парламентаризма не имеет ничего общего с голым отрицанием его. Страхов идет, однако, дальше:

«Там (в колониях) невозможна буржуазная демократия, возможна только открытая буржуазная диктатура... Никакого пути конституционного... не может быть».

Это вдвойне неправильное расширение правильной мысли. Если в «решающие моменты» революции буржуазная демократия неизбежно взрывается (и не только в колониях), то это вовсе не значит, что она невозможна в межреволюционные периоды. Но в том-то и суть, что вместе со всем конгрессом Страхов не хочет признать, что «решающий момент», когда коммунисты как раз и занимались худшими демократическими фикциями внутри Гоминдана, остался позади. А до нового «решающего момента» остается длинный период *нового* подхода к *старым* вопросам. Утверждать, что в колониях *не может быть* конституционных или парламентских периодов развития, значит отказываться от использования в высшей степени существенных путей борьбы, а главное, полностью затруднять себе правильную политическую ориентировку, загоняя партию в тупик.

Сказать, что для Китая, как, впрочем, и для всех остальных государств мира, нет выхода к свободному, то есть социалистическому, развитию на парламентском пути, — это одно, это правильно. А сказать, что в развитии Китая или колоний вообще не может быть никаких конституционных периодов или этапов, — это другое, это ложно. В Египте был парламент, который теперь распущен. Он может возродиться вновь. Есть парламент в Ирландии, несмотря на ее полуколониальное положение. Точно так же и во всех южноамериканских государствах. О доминионах Великобритании нечего и говорить. Жалкие подобия «парламентов» имеются в Индии. Они могут получить еще дальнейшее развитие: в этих делах британская буржуазия достаточно гибка. Какие основания утверждать, что после происшедшего разгрома революции Китай не пройдет через парламентскую или лжепарламентскую стадию или через серьезную политическую борьбу за такую стадию развития? Такое утверждение ни на чем не основано.

Тот же Страхов говорит, что именно китайские оппортунисты стремятся заменить лозунг Советов лозунгом Национального собрания. Возможно, вероятно, даже неизбежно. Что оппортунисты будут хвататься первыми за методы парламентаризма, за все вообще, что похоже на парламентаризм или приближается к нему, — это доказано всем опытом мирового рабочего движения, русского в частности. Меньшевики цеплялись за думскую деятельность *в противовес* революционной. Использование методов

10. Л. Троцкий

парламентаризма неизбежно порождает все связанные с парламентаризмом опасности: конституционные иллюзии, легализм, склонность к компромиссам и пр. Бороться против этих опасностей и болезней можно только революционным курсом всей политики. Но тот факт, что оппортунисты выдвигают лозунг борьбы за Национальное собрание, ни в коем случае не является доводом за формально отрицательное отношение к парламентаризму с нашей стороны. После государственного переворота в России 3 июня 1907 г. большинство руководящих элементов большевистской партии стояло за бойкот урезанной и поддельной Думы. Меньшевики, наоборот, стояли сплошь за участие в Думе. Это не остановило Ленина от того, чтобы решительно выступить за использование даже и третьеиюньского «парламентаризма». На объединенной тогда еще конференции Ленин был единственным большевиком, который вместе с меньшевиками голосовал за участие в выборах. Разумеется, ленинское «участие», как показал весь дальнейший ход событий, не имело ничего общего с меньшевистским, не противопоставлялось революционным задачам, а служило им в эпоху между двумя революциями. Используя контрреволюционный лжепарламент 3 июня, наша партия, несмотря на большой опыт Советов в 1905 г., продолжала вести борьбу за Учредительное собрание, то есть за наиболее демократическую форму парламентского представительства. Право на отказ от парламентаризма надо завоевать, объединив вокруг партии массы и приведя их к открытой борьбе за власть. Наивно думать, что эту работу можно попросту заменить голым отказом от революционного использования противоречивых и угнетательских методов и форм парламентаризма. В том и состоит грубейшая ошибка резолюции конгресса, которая делает тут легкомысленный ультралевый прыжок.

Смотрите, в самом деле, как все опрокидывается на голову. По логике нынешнего руководства и по смыслу резолюции VI конгресса Коминтерна Китай подходит не к своему 1917, а к своему 1905 году. *Поэтому* — умозаключают руководители — долой лозунг формальной демократии! Поистине нет ни одного живого сустава, который эпигоны не позаботились бы вывихнуть. Как можно отбрасывать лозунг демократии и прежде всего самый коренной из них, демократическое представительство народа, в условиях нереволюционного периода, раз революция не разрешила самых непосредственных своих задач по объединению Китая и очищению его от крепостнического и военно-бюрократического хлама?

Китайская компартия, насколько знаю, не имела своей программы. Партия большевиков дошла до Октябрьской революции и совершила ее, вооруженная старой программой, в политической части которой важнейшее место занимали лозунги демократии. Бухарин в свое время пытался отменить эту минимальную программу, как позже он выступал против переходных требований в программе Коминтерна. Но эта бухаринская позиция осталась в истории партии только как анекдот. Демократическую революцию в России совершила, как известно, диктатура пролетариата. Этого тоже никак не хочет понять нынешнее руководство Коминтерна. Но наша партия привела пролетариат к диктатуре только потому, что с наибольшей энергией, последовательностью и беззаветностью отстаивала все лозунги и требования демократии, в том числе народное представительство на основе всеобщего голосования, ответственность правительства перед народным представительством и пр. Только такая агитация дала возможность партии охранить пролетариат от влияния мелкобуржуазной демократии, подорвать влияние последней в крестьянстве, подготовить союз рабочих и крестьян и вовлечь в свои ряды наиболее решительные революционные элементы. Или все это было оппортунизмом? Спойте, светик, не стыдитесь!

* * *

Страхов говорит, что у нас есть лозунг Советов и что только оппортунисты могут подменять его лозунгом Национального собрания. Этот довод нагляднее всего вскрывает ошибочность резолюции конгресса. Никто не возразил Страхову на конгрессе. Наоборот, его позицию одобрили, она нашла свое закрепление в основной тактической резолюции. Только теперь становится ясно, сколь многие из состава нынешнего руководства проделывали опыт одной, двух и даже трех революций, увлекаемые ходом событий и руководством Ленина, но не вдумываясь самостоятельно в смысл происходящего и не усваивая величайших исторических уроков. Приходится опять повторить некоторые азбучные истины.

В критике программы Коминтерна я показал, как извратили и изуродовали эпигоны ленинскую мысль о том, что Советы являются органами восстания и органами власти. Из этого сделали вывод, что Советы можно создавать только «накануне» вооруженного восстания. Наиболее законченное выражение эта карикатур-

ная мысль нашла все в той же, недавно открытой нами резолюции ноябрьского пленума китайского ЦК в прошлом году. Там говорится:

> «Создавать Советы как органы революционной власти можно и должно лишь в том случае, когда налицо имеется бесспорный крупный подъем революционного движения масс и когда гарантирована прочная победа восстания».

Первое условие — «крупный подъем» — бесспорно. Второе условие — «гарантия победы», да еще «прочной», есть просто педантская глупость. В дальнейшем тексте резолюции эта глупость, однако, пространно развивается:

> «К созданию Советов, конечно, нельзя приступать, когда победа совсем еще не обеспечена, ибо тогда может получиться, что будет обращено все внимание лишь на выборы Советов, а не на военную борьбу, и в результате получится мелкобуржуазный демократизм, что ослабит революционную диктатуру и создаст опасность для руководства партии».

Дух Сталина, преломленный через призму вундеркинда Ломинадзе, витает над этими бессмертными строками. Все это, однако, чистейший вздор. Во время гонконгской стачки, во время шанхайских стачек, во время всего дальнейшего бурного подъема рабочих и крестьян можно и должно было создавать Советы как органы открытой массовой революционной борьбы, которая *раньше или позже*, а вовсе не сразу должна привести к вооруженному восстанию и завоеванию власти. Если борьба на данной стадии не поднимется до вооруженного восстания, то и Советы, разумеется, сойдут на нет. Стать «нормальными» учреждениями буржуазного государства они не могут. Но и в этом случае, то есть при ликвидации Советов до вооруженного восстания, трудящиеся массы получат огромное приобретение, познакомившись с Советами на практике, сроднившись с их механикой. Этим будет на следующем этапе революции обеспечено более успешное и широкое создание Советов, хотя и на следующей стадии они могут еще не привести непосредственно не только к победе, но и к восстанию.

Запомним твердо: лозунг Советов можно и должно выдвигать уже на первых этапах массового революционного подъема. Но это должен быть именно подъем. Рабочие массы должны притекать к революции, становиться под ее знамя. Советы дают организационное выражение центростремительной силе революционного подъема. Но этим самым сказано, что в период революционного

отлива и развития центробежных тенденций в массах лозунг Советов будет доктринерским, безжизненным или, что не лучше, авантюристским. Кантонский опыт показал это как нельзя более ярко и трагически.

Сейчас лозунг Советов имеет в Китае лишь перспективное, и в этом смысле пропагандистское, значение. Ни с чем не сообразно противопоставлять Советы, лозунг третьей китайской революции, Национальному собранию, то есть лозунгу, вытекающему из разгрома второй китайской революции. Бойкотизм для межреволюционного периода, особенно после жестокого поражения, был бы самоубийственной политикой.

Можно сказать — софистов на свете не мало, — что резолюция VI конгресса вовсе не означает бойкотизма: ведь никакого Национального собрания нет, никто его еще не созывает и не обещает созвать, а значит, нечего и бойкотировать. Такое рассуждение было бы, однако, слишком уж жалким, формальным, игрушечным, бухаринским. Если бы Гоминдан оказался вынужденным провозгласить созыв Национального собрания, бойкотировали бы мы его в данной обстановке? Нет. Мы бы беспощадно разоблачали ложь и фальшь гоминдановского парламентаризма, конституционные иллюзиции мелкой буржуазии, требовали бы всемерного расширения избирательных прав и в то же время ринулись бы на политическую арену, чтобы в борьбе за парламент, во время выборов и в самом парламенте противопоставить рабочих и деревенскую бедноту имущим классам и их партиям. Предсказать, насколько велики были бы от этого результаты для нынешней загнанной в подполье и обескровленной партии, никто не возьмется. При правильной политике выгоды могли бы быть очень значительные. Но в таком случае не ясно ли, что партия может и должна не только участвовать в выборах, если Гоминдан провозгласит их, но и требовать этих выборов, мобилизуя вокруг этого лозунга массы.

Вопрос политически уже поставлен, и каждый новый день будет подтверждать это. В критике программы мы говорили о вероятности известной экономической стабилизации в Китае. После этого газеты принесли десятки свидетельств начинающегося экономического оживления (см. «Бюллетень» при Кит. ун-те). Теперь это уже не предположение, а факт, хотя и в самой первоначальной стадии. Но именно в первоначальной-то стадии и надо улавливать тенденции, иначе будет не революционная политика, а хвостизм. То же и с политической борьбой вокруг

конституционных вопросов. Сейчас это уже не теоретический прогноз, то есть не одна лишь возможность, а нечто более конкретное. Недаром же китайский делегат возвращался несколько раз к теме о Национальном собрании, и не случайно конгресс счел нужным вынести особое (и особо ложное) решение по этому вопросу. Не оппозицией был поднят этот вопрос, а развитием китайской политической жизни. И здесь надо уметь уловить тенденцию в самом ее начале. Чем смелее и решительнее выступит компартия с лозунгом демократического учредительного собрания, тем меньше она оставит места всяким промежуточным партиям, тем прочнее будет собственный успех.

Если китайскому пролетариату доведется прожить в течение нескольких лет, да и хотя бы только один год еще, под гоминдановским режимом, сможет ли компартия отказаться от борьбы за расширение всех и всяких легальных возможностей, за свободу печати, собраний, союзов, стачек и пр.? Отказавшись от этой борьбы, она превратилась бы в безжизненную секту. Но это борьба в плоскости демократической. Власть Советов означает монополию печати, собраний и прочее в руках пролетариата. Может быть, китайская компартия выдвинет теперь эти именно лозунги? В данной обстановке это было бы смесью ребячества и сумасшествия. Компартия борется сейчас не за власть, а за удержание, упрочение и развитие своих связей с массами во имя борьбы за власть в дальнейшем. Борьба за массы неизбежно связана с борьбой против насилий гоминдановской бюрократии над массовыми организациями, над их собраниями, печатью и др. Будет ли компартия в ближайший период бороться за свободу печати или предоставит это «третьей партии»? Ограничится ли компартия разрозненными частными демократическими требованиями (свободы печати, собраний и прочее), что означало бы либеральный реформизм, или выдвинет наиболее последовательные лозунги демократии? В области политической это и означает представительство народа на основе всеобщего избирательного права.

* * *

Можно поставить вопрос о том, «осуществимо» ли демократическое учредительное собрание после разбитой революции в условиях полуколониального Китая в империалистическом кольце. На этот вопрос можно давать только гадательный ответ. Но голый критерий осуществимости того или другого требования в условиях буржуазного общества или в условиях *данного состояния*

буржуазного общества не является для нас решающим. Весьма, вероятно, например, что королевская власть и палата лордов не будут сметены в Англии вплоть до революционной диктатуры пролетариата. Тем не менее британская компартия должна выдвигать в числе частичных требований и эти. Решает не эмпирическое гадание насчет осуществимости или неосуществимости того или другого переходного требования. Решает его общественно-исторический характер; прогрессивно ли оно в смысле дальнейшего развития общества; отвечает ли историческим интересам пролетариата; укрепляет ли его революционное сознание; приближает ли его к диктатуре. Так, например, требование запрещения трестов является мелкобуржуазно-реакционным и, как показал опыт Америки, совершенно утопическим. Требование рабочего контроля над трестами является — в известных условиях — вполне прогрессивным и правильным, хотя осуществимость его в рамках буржуазного государства более чем сомнительна. Неосуществление этого требования при господстве буржуазии должно толкать рабочих в сторону революционного низвержения буржуазии. Таким образом, неосуществимость одного лозунга может оказаться политически не менее плодотворной, чем относительная осуществимость другого.

Придет ли Китай на известный период к демократическому парламентаризму? Какова будет степень его демократичности, его сила и его длительность? Все это вопросы гадательные. Но в корне неправильно делать из предполагаемой неосуществимости парламентаризма в Китае тот вывод, что мы не должны тянуть гоминдановские клики на суд китайского народа. Мысль о всенародном представительстве, как показал опыт всех буржуазных и, в частности, национально-освободительных революций, является наиболее элементарной, простой и способной охватить действительно глубокие народные массы. Чем больше командующая буржуазия будет сопротивляться этому «всенародному» требованию, тем больше будет сплачиваться пролетарский авангард вокруг нашего знамени, а народные массы — вокруг пролетарского авангарда, тем больше будут созревать политические условия для действительной победы над буржуазным государством, все равно каким: военно-гоминдановским или парламентарным.

Можно сказать: но ведь созвать «настоящее» учредительное собрание можно было бы только через Советы, значит через восстание. Не проще ли начать с Советов и ими ограничиться? Нет, не проще. Это и значило бы взнуздывать лошадь с хвоста.

Весьма вероятно, что созывать учредительное собрание окажется возможно только через Советы, причем само учредительное собрание может в таком случае оказаться излишним еще до своего созыва. Может оказаться, а может и не оказаться. Если бы налицо уже были те Советы, через посредство которых можно созвать «настоящее» учредительное собрание, то мы стали бы обсуждать, есть ли еще в этом надобность. Но Советов сейчас нет. Приступить к постройке Советов можно только при начале нового массового подъема, который может прийти года через два-три, через пять лет и более того. Никаких советских традиций в Китае нет. Коминтерн вел в Китае агитацию не за Советы, а против Советов. А тем временем вопросы конституции начинают выпирать из всех щелей.

Может ли китайская революция на новом этапе перемахнуть через формальную демократию? Из всего сказанного выше вытекает, что такая возможность исторически не исключена. Но брать установку на эту возможность в условиях, когда она наиболее удалена и наименее вероятна, совершенно недопустимо. Это политическое легкомыслие. Конгресс выносит свои решения не на месяц и даже, как мы знаем, не на год. Как же можно связывать по рукам и по ногам китайских коммунистов, объявляя оппортунизмом ту форму политической борьбы, которая на ближайшем этапе может приобрести крупнейшее значение!

* * *

Несомненно, что переход на путь борьбы за учредительное собрание может оживить и укрепить меньшевистские тенденции в китайской коммунистической партии. Борьба с оппортунизмом при повороте политики в сторону парламентаризма или в сторону борьбы за парламентаризм является не менее важной, чем в условиях прямого революционного наступления. Но отсюда вытекает, как сказано, не объявление оппортунизмом демократических лозунгов, а выработка большевистских гарантий и методов борьбы за эти лозунги. В основных чертах эти методы и гарантии таковы:

1. Партия должна помнить и разъяснять, что по отношению к основной ее цели, завоеванию власти вооруженной рукой, демократические лозунги имеют лишь подсобный, временный, этапный, эпизодический характер. Основное их значение в том, что они выводят на революционную дорогу.

2. Партия должна в процессе борьбы за лозунг демократии разбивать конституционные и демократические иллюзии мелкой

буржуазии и ее реформистских выразителей, разъясняя, что власть в государстве дается не демократическими формами голосования, а собственностью, монополией образования и монополией вооружения.

3. Используя всемерно расхождения в среде крупной и мелкой буржуазии по конституционным вопросам, пробиваясь всеми путями на поле открытой деятельности, борясь за открытое существование профессиональных союзов, рабочих клубов, рабочей печати; создавая, где и когда можно, открытые политические организации пролетариата под прямым влиянием партии; стремясь, как только откроется возможность, к большей или меньшей легализации тех или других частей партийной работы, партия должна прежде всего обеспечить существование правильно построенного, централизованного нелегального партийного аппарата, руководящего всеми, без исключения, отраслями партийной деятельности, как нелегальной, так и легальной.

4. Партия должна вести систематическую революционную работу в войсках буржуазии.

5. Партийное руководство должно беспощадно разоблачать всякие оппортунистические шатания в сторону реформистского разрешения задач, стоящих перед пролетариатом Китая, и отсекать от партии все те элементы, которые сознательно тянут в сторону подчинения партии буржуазному легализму.

Только при соблюдении этих условий партия сохранит необходимые пропорции между разными отраслями своей деятельности, не упустит нового перелома обстановки в сторону революционного подъема, чтобы на первых же шагах его встать на путь создания Советов, мобилизации масс вокруг Советов и противопоставления Советов буржуазному государству со всеми его парламентарно-демократическими прикрытиями, если бы таковые осуществились.

4. Еще о лозунге «демократической диктатуры»

Лозунг учредительного собрания так же мало противопоставляется формуле демократической диктатуры, как и диктатуры пролетариата. Об этом свидетельствует и теоретический анализ и история трех наших революций.

Формула демократической диктатуры пролетариата и кресть-

янства являлась в России алгебраической, то есть наиболее общей, всеобъемлющей формулой сотрудничества пролетариата с низами крестьянства в демократической революции. Правомерность этой формулы обусловливалась тем, что основные величины ее не были проверены в действии. В частности, нельзя было с полной категоричностью предсказать, способно ли крестьянство стать более или менее *самостоятельной* политической силой в условиях новой эпохи, в какой мере и какие, в зависимости от этого, сложатся политические взаимоотношения между союзниками по диктатуре. 1905 год не довел вопроса до решающей проверки. 1917 год показал, что поскольку крестьянство поднимает на своей спине партию (эсеров), самостоятельную по отношению к авангарду пролетариата, постольку эта партия оказывается насквозь зависимой от империалистской буржуазии. За период 1905—1917 гг. империалистское перерождение мелкобуржуазной демократии, как и международной социал-демократии, сделало гигантские успехи. Это и привело к тому, что в 1917 г. лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства по-настоящему реализовался в диктатуре пролетариата, ведущего за собой крестьянские массы. Тем самым «перерастание» революции из демократической в социалистическую стадию происходило уже под диктатурой пролетариата.

В Китае лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства мог еще иметь известную политическую правомерность, гораздо более ограниченную и эпизодическую, чем в России, если бы этот лозунг был выставлен своевременно, в 1925—1926 гг., для проверки движущих сил революции, чтобы быть своевременно же замененным лозунгом диктатуры пролетариата, ведущего за собою деревенскую бедноту. Об этом все необходимое сказано в критике проекта программы. Здесь остается дополнительно спросить: не открывает ли нынешний межреволюционный период, связанный с новой перегруппировкой классовых сил, возможности возрождения лозунга демократической диктатуры? На это мы отвечаем: нет, закрывает эту возможность окончательно. Период межреволюционной стабилизации означает развитие производительных сил, рост национальной буржуазии, рост и сплочение пролетариата, рост дифференциации в деревне и дальнейшее капиталистическое перерождение вантинвеевской и всякой иной мещанской демократии, с ее «третьей партией» и пр. Другими словами, Китай

будет проделывать процессы, в основном аналогичные тем, какие Россия проделывала под третьеиюньским режимом. Мы не сомневались в свое время, что этот режим не вечен и не долговечен и что он завершится революцией. Так оно и случилось (не без помощи войны). Но Россия, вышедшая из столыпинского режима, была уже не той, какою вошла в него. Какие социальные изменения внесет в Китае межреволюционный режим, будет зависеть, в частности, от его длительности. Но общее направление этих изменений бесспорно и сейчас: обострение классовых противоречий и полное выпадение мелкобуржуазной демократии как самостоятельной политической силы. Но это и значит, что в третьей китайской революции «демократическая» коалиция политических партий получила бы еще более реакционное и антипролетарское содержание, чем в Гоминдане 1925—1927 гг. Останется только коалиция классов под прямым руководством пролетарского авангарда. Это и есть октябрьский путь. Он связан с немалыми трудностями, но другого пути нет.

Приложение

Замечательный документ о политике и режиме Коминтерна

Выше мы несколько раз ссылались на замечательную резолюцию пленума ЦК ККП (ноябрь 1927 г.), ту самую, которую IX пленум ИККИ обвинил в «троцкизме» и по поводу которой так разнообразно оправдывался Ломинадзе и так однообразно отмалчивался Сталин. Резолюция эта является на деле сочетанием оппортунизма с авантюризмом, с полной точностью отражая политику ИККИ до июля 1927 г. и после него. Осуждая эту резолюцию *после поражения кантонского восстания*, руководители Коминтерна не только не перепечатывали, но и не цитировали ее. Слишком неудобно было показывать в китайском зеркале себя самих. Резолюция оказалась напечатанной в специальных и мало кому доступных «Материалах», издающихся Китайским университетом имени Сунь Ятсена (№ 10).

В № 14 того же издания, попавшем в наши руки, когда наша работа («Китайский вопрос после VI конгресса») была уже закончена, напечатан не менее замечательный документ, хотя и другого, именно критического, характера: это резолюция, принятая цзянсуским провинциальным комитетом китайской коммунисти-

ческой партии 7 мая 1928 г. в связи с постановлением IX пленума ИККИ. Напомним, что в провинцию Цзянсу входят Шанхай и Ханькоу.

Резолюция представляет собою, как сказано, поистине замечательный документ, несмотря на имеющиеся в ней принципиальные ошибки и политические недоразумения. Существо резолюции сводится к убийственному осуждению не только постановления IX пленума ИККИ, но и всего вообще руководства Коминтерна в вопросах китайской революции. Разумеется, в соответствии со всем режимом Коминтерна критика, направленная против ИККИ, носит замаскированный, условно-дипломатический характер. Непосредственное острие свое резолюция направляет против собственного ЦК, как против ответственного министерства при безответственном монархе, который, как известно, «не может делать зла». По адресу отдельных частей резолюции ИККИ имеются даже вежливые похвалы. Весь этот «маневренный» подход сам по себе является тяжкой критикой режима Коминтерна: лицемерие неотделимо от бюрократизма. Но гораздо более тяжкий обвинительный характер имеет то, что резолюция говорит, по существу, о политическом руководстве и его методах:

> «После конференции 7 августа (1927 г.), — рассказывает комитет Цзянсу, — ЦК дает оценку положения, которая сводится к тому, что хотя революция и трижды потерпела поражение, но все-таки она находится в стадии подъема».

Эта оценка вполне соответствует бухаринской карикатуре на теорию перманентной революции, каковую карикатуру он сперва применял к России, затем к Европе и наконец к Азии. Реальные события борьбы, то есть три поражения, — сами по себе, а перманентный «подъем» — сам по себе.

Из резолюции VIII (майского) пленума ИККИ ЦК китайской партии делает такой вывод:

> «Надо везде, где только имеется объективная возможность, сейчас же подготовлять и организовывать вооруженные восстания».

Каковы же для этого политические предпосылки? В августе 1927 г., рассказывает комитет Цзянсу, «в политическом докладе ЦК указывалось, что уханские *рабочие* после тяжелого поражения *отходят от партийного руководства*, что нет налицо объективной революционной ситуации... но несмотря на это... ЦК определенно говорит, что общая обстановка... с точки зрения экономической,

политической и социальной (вот именно.— *Л.Т.*) благоприятна для восстания. Так как *в городах* уже нет *возможности поднимать восстания*, то надо вооруженную борьбу перенести в деревню. В деревне должны быть очаги восстания, а город должен быть подсобной силой» (стр. 4).

Напомним, что сейчас же вслед за майским пленумом ИККИ, «поручившим» руководить аграрной революцией левому Гоминдану, этот последний стал громить рабочих и крестьян. Положение ИККИ стало совершенно невыносимым. Требовались во что бы то ни стало и притом безотлагательно «левые» действия в Китае, чтобы опровергнуть «клевету» оппозиции, то есть ее безукоризненный прогноз. Вот почему китайский ЦК, находившийся между молотом и наковальней, вынужден был в августе 1927 г. снова опрокидывать на голову пролетарскую политику. Хотя революционной ситуации нет — констатировал он — и рабочие массы отходят от партии, но экономическая и социальная обстановка «благоприятна для восстания». Во всяком случае, успешное восстание было бы очень «благоприятно» для престижа ИККИ. Ввиду же отхода рабочих от революции надо повернуться к городу спиною и попытаться поднять разрозненные восстания в деревне.

Еще на майском (1927 г.) пленуме ИККИ мы указывали на неизбежное крушение авантюристских восстаний Хо Луна и Ие Тина как политически совершенно неподготовленных и не связанных с движением масс. Так оно и случилось. Резолюция цзянсуского комитета говорит на этот счет:

> «Несмотря на поражение армии Хо Луна и Ие Тина в Гуандуне, даже после ноябрьского пленума ЦК все еще держится тактики немедленных восстаний и исходит из оценки прямого подъема революции».

Цзянсуский комитет по понятным причинам умалчивает о том, что такова же была оценка самого ИККИ, который правильную оценку положения называл «ликвидаторской», и что китайский ЦК вынужден был в ноябре 1927 г. под угрозой немедленного свержения и исключения из партии выдавать упадок революции за ее подъем.

Восстание в Кантоне выросло из этой опрокинутой на голову установки; оно рассматривалось, разумеется, не как арьергардный бой — только буйно помешанные могли бы *призывать* к вооруженному восстанию и захвату власти в порядке «арьергардного боя» — нет, восстание было задумано как составная часть общегосударственного переворота. На этот счет цзянсуская резолюция гласит:

> «Во время декабрьского восстания в Кантоне ЦК опять решил вызвать немедленное восстание в Хунани, Хубэе и Цзянсу для защиты Гуандуна, для расширения рамок до всекитайского масштаба (это можно видеть из информационных писем ЦК № 16 и 22). Эти мероприятия вытекали из субъективной оценки положения и не соответствовали объективной обстановке. При таком положении, конечно, поражения будут неизбежны» (стр. 5).

Опыт Кантона испугал руководителей не только в Китае, но и в Москве. Раздается предостережение насчет путчизма, но политическая линия по существу не меняется. Курс остается прежний: на восстание. ЦК киткомпартии передает эту двойственную директиву по инстанциям вниз, он также предостерегает против вспышкопускательства, излагая в циркулярах академические определения авантюризма.

> «Но так как ЦК в отношении оценки революционного движения базировался на непрерывном подъеме, — правильно и метко говорит цзянсуская резолюция, — то в основном не было внесено изменения в этот вопрос. Слишком недооцениваются силы врагов, и в то же время не обращается внимания на то, что наши организации оторвались от масс... Поэтому хотя ЦК и разослал информационное письмо № 28 (о путчизме), но вместе с тем не исправил своих ошибок» (стр. 5).

Опять-таки дело не в китайском ЦК. И февральский пленум ИККИ не внес изменений в свою политику. Наряду с предостережениями против вспышкопускательства вообще (самостраховка), резолюция февральского пленума ИККИ неистово обрушивается на оппозицию, говорившую о необходимости решительного изменения всей ориентировки. В феврале 1928 г. курс попрежнему устанавливался на вооруженное восстание. ЦК киткомпартии служил лишь передаточным механизмом для этой директивы. Цзянсуский комитет говорит:

> «Циркулярное письмо ЦК № 38 от 6 марта (заметьте: 6 марта 1928 г.! — *Л. Т.*) очень ясно обнаруживает, что ЦК все еще находится под влиянием иллюзий благоприятной обстановки для общего восстания в Хунане, Хубэе и Цзянсу и возможности захвата власти во всей провинции Гуандун. Между Политбюро ЦК и инструктором ЦК Хунани и Хубэя все еще шел радикальный спор о центре восстания — Чанша или Ханькоу» (стр. 5).

Таково было пагубное значение резолюции февральского пленума, не только ложной принципиально, но и сознательно-двусмысленной в практическом отношении. Задняя мысль резолюции была все та же: если восстание, паче чаяния, развернется,

то мы будем ссылаться на ту часть резолюции, которая говорит против ликвидаторов; а если восстание не пойдет дальше партизанских вспышек, то мы будем тыкать пальцем в те части резолюции, которые предупреждают против путчизма.

Хотя цзянсуская резолюция нигде прямо не осмеливается критиковать ИККИ — всякий знает, чем это пахнет,— тем не менее ни в одном из своих документов оппозиция не наносила таких убийственных ударов руководству Коминтерна, как цзянсуский комитет в своем обвинительном акте, формально направленном против китайского ЦК. После хронологического очерка политики авантюризма, месяц за месяцем, резолюция обращается к общим причинам пагубного курса.

> «Чем объясняется, — спрашивает она, — такая неправильная оценка положения Центральным комитетом, которая оказывала влияние на практическую борьбу и была чревата серьезными ошибками? Это объясняется тем, что:
>
> 1) Революционное движение оценивалось как непрерывный подъем («перманентная революция» по Бухарину—Ломинадзе.— *Л.Т.*).
>
> 2) Не обращалось внимания на оторванность нашей партии от масс и на разложение массовых организаций при повороте революции.
>
> 3) Не обращалось внимания на новую перегруппировку классовых сил во враждебном лагере при этом повороте.
>
> 4) Не обращалось внимания на руководство городским движением...
>
> 5) Не обращалось внимания на важность антиимпериалистического движения в полуколониальной стране.
>
> 6) При восстании не учитывались объективные условия и, в зависимости от последних, необходимость применения тех или иных способов борьбы.
>
> 7) Замечался крестьянский уклон.
>
> 8) ЦК при оценке положения руководствовался субъективной точкой зрения».

Вряд ли цзянсуский комитет читал то, что писала и говорила по всем этим вопросам оппозиция. Можно даже наверняка сказать, что не читал. Ибо если бы читал, то побоялся бы столь отчетливо формулировать свои соображения, целиком совпадающие в этой части с нашими. Цзянсуский комитет говорит нашей прозой, не подозревая этого.

Все приведенные выше восемь пунктов, характеризующие ложную линию ЦК (то есть ИККИ), одинаково важны. Если мы хотим в нескольких словах остановиться на пункте 5, то только потому, что имеем здесь особо яркое подтверждение «от фактов»

правильности нашей критики по самым основным линиям. Цзянсуская резолюция обвиняет политику ЦК в игнорировании задач антиимпериалистического движения в полуколониальной стране. Как могло это случиться? В силу диалектики ложной политической линии ошибки, как и всё на свете, имеют свою диалектику. Исходная позиция официального оппортунизма состояла в том, что китайская революция есть, по существу, антиимпериалистская революция и что гнет империализма сплачивает все классы или, по крайней мере, «все живые силы страны». Мы возражали, что успешная борьба с империализмом возможна только на путях смелого развертывания классовой борьбы и, стало быть, аграрной революции. Мы непримиримо восставали против попытки подчинить классовую борьбу абстрактному критерию борьбы с империализмом (замена стачечного движения арбитражными комиссиями, телеграфные советы не разжигать аграрной революции, запрещение строить Советы и пр.). Таков первый этап вопроса. После переворота Чан Кайши и особенно после «измены» друга Ван Тинвея произошел поворот на 180°. Теперь оказалось, что вопрос о таможенной самостоятельности, то есть о хозяйственном (а значит, и политическом) суверенитете Китая, есть второстепенный «бюрократический» вопрос (Сталин). Суть же китайской революции состоит в аграрном перевороте. Сосредоточение власти в руках буржуазии, отход рабочих от революции, отрыв партии от масс оценивались как второстепенные явления по сравнению с крестьянскими восстаниями. Вместо подлинной гегемонии пролетариата в борьбе, антиимпериалистской, как и аграрной, то есть в демократической революции в целом, получилась жалкая капитуляция перед крестьянской стихией с «подсобными» авантюрами в городах. Между тем капитуляция перед крестьянской стихией и есть основная предпосылка вспышкопускательства. Об этом говорит вся история революционного движения в России, как и в других странах. Это снова подтверждено событиями последнего года в Китае.

В своих оценках и предупреждениях оппозиция исходила из общих теоретических соображений, опираясь на крайне неполную, отчасти сознательно искаженную официальную информацию. Цзянсуский комитет исходит из непосредственно наблюдаемых им в центре революционного движения фактов; теоретически он еще путается в сетях бухаринской схоластики. Полное совпадение его эмпирических выводов с нашими имеет в политике то же значение, что, скажем, в химии лабораторное открытие

нового элемента, существование которого было заранее предсказано на основании теоретических выкладок. К несчастью, теоретическое торжество нашего марксистского анализа политическим своим фундаментом имеет в данном случае гибельные поражения революции.

* * *

Внезапный, по самой сути своей авантюристский, поворот политики ИККИ в середине 1927 г. не мог не вызвать болезненных потрясений в китайской компартии, которую этот поворот застиг врасплох. Здесь мы от политической линии ИККИ переходим к режиму Коминтерна и организационным методам руководства. Вот что на этот счет говорит резолюция цзянсуского комитета:

> «После конференции 7 августа (1927 г.) ЦК должен взять на себя ответственность за тенденцию путчизма, потому что он строго требовал от местных комитетов проведения *новой политической линии*; если кто-нибудь не соглашался с *новой политической линией*, того без церемонии не допускали к регистрации и даже исключали уже прошедших регистрацию товарищей... В то время во всей партии большое распространение получили путчистские настроения и, если кто-нибудь высказывал сомнение по поводу политики восстаний, того сейчас же называли оппортунистом и беспощадно на него нападали. Это обстоятельство вызвало большие трения внутри партийных организаций» (стр. 6).

Все это производилось под аккомпанемент благочестиво-академических предупреждений против опасностей путчизма «вообще».

Политика внезапного, наспех импровизированного, вооруженного восстания требовала спешной перестройки и перегруппировки всей партии. ЦК оставлял в ней тех, которые безмолвно признавали курс на вооруженное восстание при явном упадке революции. Хорошо бы опубликовать директивы ИККИ за этот период. Их можно бы свести воедино как руководство по организации поражения. Цзянсуская резолюция рассказывает:

> «ЦК продолжает не замечать поражений и упадочных настроений среди рабочих и не видит, что такое положение является результатом ошибок его руководства» (стр. 6).

Мало того:

> «ЦК кого-то (именно.— *Л. Т.*) обвиняет в том, что: а) местные комитеты недостаточно хорошо провели реорганизацию; б) рабочие и крестьянские элементы не *выдвигаются*; в) местные организации не очищены от оппортунистических элементов и пр.».

Все это в порядке телеграфной внезапности: надо ведь чем-нибудь заткнуть рот оппозиции. Так как дело тем не менее не спорится, то ЦК утверждает, что «настроение масс было бы совсем иное, если хотя бы в одной провинции был бы дан сигнал к восстанию. Разве это последнее указание не свидетельствует о стопроцентном путчизме самого ЦК?» (стр. 6) — спрашивает с полной основательностью цзянсуский комитет, осторожно умалчивая при этом, что ЦК лишь выполнял директивы ИККИ.

Пять лет вели и воспитывали партию в духе оппортунизма. Теперь потребовали от нее ультрарадикализма и немедленного «выдвижения» рабочих вождей. Как? Очень просто: по разверстке. Цзянсуский комитет жалуется:

> «1. Не обращается внимания на то, что пополнения руководящих кадров должны выдвинуться в процессе борьбы. ЦК-де ограничивается формальным установлением заранее определенного процента рабочих и крестьян для руководящих органов той или иной организации.
> 2. Несмотря на множество провалов, не обращается внимания, насколько наша партия уже восстановлена, а только формально говорится, что реорганизация нужна...
> 3. ЦК только диктаторски говорит, что местные организации не выдвигают новых элементов, что они не очищаются от оппортунизма, при этом со стороны ЦК делаются необоснованные нападки на кадровых работников и легкомысленно производится смена их.
> 4. Не обращая внимания на неправильность собственного руководства, ЦК между тем требует самой строгой партийной дисциплины от низовых работников».

Не похоже ли на то, что все эти пункты списаны с оппозиционной платформы? Нет, они списаны с жизни. А так как с жизни же списана и платформа, то получается совпадение. Где же «своеобразие» китайских условий? Бюрократизм нивелирует все и всякие особенности. И политика, и режим исходят от ИККИ, точнее — от ЦК ВКП. Китайский ЦК и то и другое спускает по инстанциям вниз. Вот как это делается, по словам цзянсуской резолюции:

> «Весьма характерно заявление одного товарища из райкома: «Теперь очень трудно работать; а ЦК предъявляет чрезвычайный субъективный подход. ЦК обрушивается с обвинением и говорит, что провком (провинциальный комитет) нехорош, провком в свою очередь обвиняет низовые организации и говорит, что райком нехорош. Райком тоже шлет обвинения и говорит, что товарищи, работающие на местах, нехороши. А товарищи ссылаются на то, что массы нереволюционны» (стр. 8).

Замечательно яркая картина. Только в ней нет ничего китайского.

Каждая резолюция ИККИ, регистрируя новые поражения, заявляет, с одной стороны, что все было предвидено, а с другой, что в поражениях виноваты «исполнители», не понявшие преподанной им сверху линии. Остается невыясненным, как же это дальнозоркое руководство предвидело все, кроме того, что его директива не по плечу исполнителям. Суть руководства состоит не в преподании отвлеченной линии, не в писании писем без адреса, а в подборе и воспитании исполнителей. Проверка правильности руководства дается именно исполнителем. Проницательность и надежность руководства подтверждаются только соответствием между словом и делом. Если же хронически, из этапа в этап, на протяжении нескольких лет руководству приходится задним числом жаловаться на каждом повороте, что его не поняли, что его извратили, что исполнители погубили его план, то это верный признак того, что вина полностью лежит на руководстве. Эта самокритика тем более убийственна, что невольна и бессознательна. Оппозиционное руководство должно, по мысли VI конгресса, отвечать за каждую группу зульских перебежчиков; а вот руководство Коминтерна совершенно не отвечает за центральные комитеты всех национальных партий в самые ответственные исторические моменты. Но руководство, которое ни за что не отвечает, есть безответственное руководство. В нем-то и сосредоточен корень всех бед.

Ограждая себя от критики снизу, китайский ЦК ссылается на ИККИ, то есть проводит на полу мелом черту, за которую нельзя переступать. Цзянсуский комитет и не переступает. Но в пределах меловой черты он говорит своему ЦК горчайшие истины, которые автоматически распространяются на ИККИ. Мы опять вынуждены привести цитату из замечательного цзянсуского документа:

> «ЦК говорит, что все прошлое руководство велось в согласии с директивами Коминтерна. Как будто все эти колебания и ошибки зависели только от низовых работников. Если будет взята такая установка, то ЦК не сможет сам и исправить свои ошибки, и не сможет воспитать товарищей для изучения этого опыта. Он не сможет укрепить своих связей с низовым партийным аппаратом. ЦК всегда говорит, что его руководство правильно, а все ошибки возлагает на низовых товарищей, всегда особо подчеркивая колебания низовых партийных комитетов».

И далее:

> «Если руководство только легкомысленно нападает на товарищей или на местные руководящие органы, указывая на их ошибки, но фактически не анализируя причин возникновения этих ошибок, это вызывает лишь трения внутри партии, и такое поведение нелояльно («грубо и нелояльно». — *Л.Т.*) и не может принести пользы для революции и для партии. Если руководство само будет замазывать свои ошибки и сваливать свою вину на других, то такое поведение тоже не принесет пользы партии и революции» (стр. 10).

Простая, но классическая характеристика разлагающей и опустошающей сознание работы бюрократического центризма.

Цзянсуская резолюция с полной наглядностью показывает, как и какими методами китайская революция была доведена до многократных поражений, а китайская партия — до границы гибели. Ибо грубым самообольщением являются мнимые сто тысяч членов, которые значатся на бумаге в киткомпартии и составляют одну шестую часть всего числа членов компартии всех капиталистических стран. Расплата за преступления руководства для китайского коммунизма еще далеко не закончена. Впереди еще спуск вниз. Подниматься вверх придется с величайшим трудом. Каждый неверный шаг будет сбрасывать партию ниже. Резолюция VI конгресса обрекает компартию Китая на ошибки и ложные шаги. При нынешнем курсе Коминтерна и при нынешнем его режиме победа невозможна. Надо менять курс, надо менять режим. Вот о чем еще раз говорит резолюция цзянсуского провинциального комитета.

Алма-Ата, 4 октября 1928 г.

Л. Троцкий

КТО РУКОВОДИТ НЫНЕ КОМИНТЕРНОМ?

Ничто так не характеризует изменившийся характер официальной партии в Советском Союзе, как отношение ее к вопросам международной революции. Для большинства аппаратчиков Коминтерн стал ведомством, о котором заботятся те, коим это присвоено по должности. За последние годы руководство систематически отучало партию интересоваться по-настоящему внутренней жизнью мирового рабочего движения, особенно его коммунистической партии. Надо прямо сказать, что нынешняя газетная информация в СССР о внутренних процессах в мировом рабочем классе несравненно ниже той информации, которую давали лучшие органы *довоенной* социал-демократии. Нынешней насквозь казенной информации, приуроченной всегда к определенному сегодняшнему интересу руководящей верхушки, совершенно нельзя верить. О непрерывном слежении за развитием рабочего движения и внутренней борьбы в нем нет и речи. Одни процессы скрываются, другие, наоборот, раздуваются, да и то эпизодически. После длительного провала, когда та или другая партия вообще как бы исчезает с поля зрения нашей печати, появляется внезапно «новая опасность», новый «уклон»,— катастрофа. Читатель, однако, узнает об этой катастрофе лишь после того, как соответственные органы уже приняли «свои меры». Читателю (то есть партии) просто сообщается, что катастрофа, о нарастании которой он не имел никакого понятия, благополучно ликвидирована вчерашним постановлением президиума и что соответственной национальной партией снова обеспечены условия «монолитного» процветания. Однообразное повторение этого приема отупляет читателя, поселяет в нем безразличие. Средний партиец начинает относиться к очередным катастрофам в Коминтерне, да отчасти их собственной партии, как крестьянин относится к граду или засухе: ничего не поделаешь, приходится терпеть.

Разумеется, самый этот процесс мыслим только на фоне величайших поражений международной революции, причем таких поражений, смысл которых никогда не открывается партийной массе, ибо открыть их смысл значило бы обнаружить несостоятельность руководства. Разрушительная сила таких методов колоссальна. Только огромный идейный морально-политический капитал, унаследованный от прошлого, как самый факт существования рабочего государства, вышедшего из Октябрьской революции, позволяет Коминтерну все еще объединять в рамках своей организации во всем мире (кроме СССР) 400—500 тысяч душ, никак, впрочем, не более.

Теоретическая недобросовестность стала одним из важнейших оружий во внутренней борьбе. Один этот факт является безошибочным признаком глубочайшей болезни, разъедающей организм Коминтерна. Идейная недобросовестность революционного руководства — то же самое, что неряшливость и неопрятность хирурга. И то и другое неизбежно ведет к заражению организма. Между тем теоретическая недобросовестность руководства не случайность и не личное качество: она вытекает из противоречия между принципами ленинизма и действительной политикой сталинской фракции. Чем меньше авторитета и спайки, тем больше зажим. Дисциплина, необходимая как соль и еда, за последние годы призвана заменять самое пищу. Но никому еще не удавалось насытиться солью. В соответствии с курсом и режимом происходит отбор людей. Коммунистических борцов все больше заменяют столоначальники коммунизма. Это грубее и ярче всего обнаруживается в самом средоточии коммунистического руководства, то есть в центральном аппарате Коминтерна.

В высшей степени важно поэтому отдать себе отчет в том, какого рода элементы, представители какого политического типа сосредоточивают в настоящее время в своих руках главные нити Коминтерна. Общей статистики и политической характеристики (коминтерновской) бюрократии в моих руках не имеется. Да в этом и нет прямой надобности. Достаточно просто пальцем указать на наиболее «убедительные» фигуры, представляющие нынешнюю руководящую линию и нынешний режим.

Так как я не претендую в этих беглых строках на сколько-нибудь систематическую работу и так как галерею сталинского Коминтерна надо же с кого-нибудь начать, то назовем первым Бела Куна, отнюдь не выделяя его этим чрезмерно ни в хорошую, ни в дурную сторону. Справедливость требует признать, что *Бела*

Кун является во всяком случае не худшим элементом в правящем слое Коминтерна. Его дополняют два других венгерских коммуниста: Варга и Пеппер. Все трое играют международную роль, вступая почти непрерывно, как учителя и наставники национальных секций. Два из них: Кун и Пеппер являются сверх того квалифицированными специалистами по борьбе с «троцкизмом». Некоторый отблеск авторитета все еще отбрасывает на них недолговечная советская республика в Венгрии. Не нужно, однако, забывать, что этим политикам не приходилось завоевывать власть: она была просто подкинута им попавшей в тупик буржуазией. Взяв власть без боя, венгерские руководители показали, что им совершенно не по плечу было удержать ее. Их политика была цепью ошибок. Достаточно назвать два звена этой цепи: во-первых, они забыли о крестьянстве, не дав ему земли; во-вторых, они на радостях слили молодую компартию с левой социал-демократией, как только последняя примазалась к власти. Этим они показали — и в первую голову Бела Кун, — что опыт русской революции не научил их пониманию ни крестьянского вопроса, ни вопроса о роли партии в революции. Конечно, эти ошибки, стоившие венгерской революции головы, объясняются молодостью венгерской партии и крайней политической неподготовленностью ее вождей. Но разве же не поразительно, что как Бела Кун, так и его социал-демократическая тень Пеппер считают себя призванными обличать нас, оппозиционеров, в недооценке крестьянства и в непонимании роли партии? Где это сказано, что человек, который по легкомыслию переломал своим ближним руки и ноги, является признанным профессором хирургии?

На III конгрессе Бела Кун вместе с его необходимым дополнением, Пеппером, занял ультралевую позицию. Они «оправдывали» мартовскую стратегию по 1921 г. в Германии, одним из ближайших вдохновителей которой был Бела Кун. Позиция их сводилась к тому, что если не вызвать немедленно революцию на Западе, то Советская Республика погибнет. Бела Кун убеждал меня не раз «попробовать счастья» на этом пути. Я неизменно отвергал его авантюризм, вместе с Лениным разъяснял ему на III конгрессе, что задача европейских коммунистов состоит не в «спасении» СССР при помощи революционных инсценировок, а в серьезной подготовке европейских партий к завоеванию власти. Теперь Бела Кун, со всеми прочими Пепперами, считает себя призванным обвинять меня в «неверии» в жизненные силы Советской Республики и в «спекуляции» на одну только мировую

революцию. Так называемая ирония истории получает здесь характер прямого скоморошества. Право же, не случайно III конгресс прошел под аккомпанемент ленинской формулы: «Все это — глупости Бела Куна». И когда я в разговорах с Лениным наедине пытался брать Бела Куна под защиту от слишком уже жестокой расправы, Ленин отвечал: «Не спорю, он человек боевой, но никуда не годный политик; надо научить людей не верить ему».

Что касается *Пеппера*, то это законченный тип приспособленца, политического приживалы. Такие люди прилипали и будут прилипать к победоносной революции так же непреодолимо, как мухи садятся на сахар. Уже после крушения советской республики в Венгрии Пеппер пытался вступить в связь с графом Кароли. На III конгрессе он был ультралевым. В Америке стал глашатаем партии Лафоллета и втащил молодую коммунистическую партию по пояс в болото. Незачем говорить, что он стал пророком социализма в отдельной стране и одним из самых непримиримых антитроцкистов. Сейчас это просто стало его профессией, как у других профессией бывает сватовство или продажа лотерейных билетов.

О *Варге* приходится повторить уже сказанное мною однажды, что это законченный тип теоретического Полония при каждом дежурном руководстве Коминтерна. Несомненно, что по своим знаниям и аналитическим качествам Варга очень полезный и квалифицированный работник. Но у него нет и намека на физическую силу мысли или на революционную волю. С этой стороны Варга является миниатюрным изданием Каутского. Он был брандлерьянцем при Брандлере, масловистом при Маслове, тельманистом при пустом месте, именуемом Тельманом. Он всегда очень добросовестно и тщательно сервирует экономические аргументы к чужой политической линии. Объективное значение его работы целиком исчерпывается политическим качеством заказа, на который он сам не имеет ни малейшего влияния. Теорию социализма в отдельной стране он оправдывает, как я уже рассказывал, ссылкой на политическую некультурность русского рабочего, который нуждается в «утешительной» перспективе.

Мануильский, как и Пеппер, пользуется достаточно определенной репутацией даже в тех фракционных кругах, к которым он сейчас принадлежит. Последнее шестилетие разложило окончательно этого человека, главным свойством которого является духовная вертлявость. У него когда-то были задатки, не теорети-

ческие, не политические, но литературные. Был огонек, хоть и небольшой. Какой-то внутренний червь, однако, постоянно опустошал его. Убегая от себя, Мануильский всегда искал, к кому бы прислониться. В нем всегда было нечто от человека «для поручений». Достаточно сказать, что он умудрился в течение долгого времени состоять при Алексинском. В годы войны Мануильский держал себя неплохо. Его интернационализм, однако, всегда плавал на поверхности. Октябрьский период был для Мануильского периодом колебаний. В 1918 г. он совершенно неожиданно (неожиданнее всего для меня) провозгласил, что Троцкий освободил большевизм от национальной узости. Никто, впрочем, не придавал его писаниям никакого значения. Мануильский тихо увядал на Украине в качестве малопригодного администратора, но хорошего рассказчика анекдотов. Он воспрянул и стал подниматься, как и все нынешние руководители, лишь после болезни и смерти Ленина. Трамплином для него послужила интрига против Раковского. Безраздельное уважение, которым пользовался Раковский на Украине, было таково, что никто не решался в 1923 г. открыть против него кампанию, несмотря на все понукания из Москвы. Мануильский решился. В частных беседах, меж двух анекдотов, он открыто признавал, чье именно поручение он выполняет, издевался над своим заказчиком и еще больше над собой. Знакомство Мануильского с «заграницей» предопределило арену его дальнейших подвигов: Коминтерн. Если бы собрать отзывы о нем Зиновьева и Сталина, то получился бы недурной кодекс политического цинизма. Дело немногим изменилось бы, если б собрать отзывы Мануильского о Зиновьеве и Сталине. На VI конгрессе Мануильский выступал как главный обвинитель оппозиции. Кто знает личный состав партии и ее прошлое, для того один этот факт решает вопрос!

В аппарате Коминтерна и в печати весьма заметную роль играет *Валецкий.* В «Коммунистическом Интернационале» и в «Правде» он нередко обличает троцкизм с «теоретической» и «философской» точек зрения. Для этой задачи он создан самой природой. В глазах младшего поколения Валецкий есть просто почтенный незнакомец. Старшее поколение знает его давно. Еще в самом начале столетия Валецкий появился в сибирской ссылке как бешеный пепэсовец. Идолом его тогда был Пилсудский. В политике Валецкий был националистом, в теории идеалистом и мистиком. Он вел пропаганду декадентства, веры в бога и в Пилсудского. В нашей ссыльной колонии он стоял особняком.

При расколе ППС, вызванном революцией 1905 г., Валецкий оказался в более «социалистическом» крыле («левица»), но только для того, чтобы тут же занять крайнюю меньшевистскую позицию.

Против теории «перманентной революции» он боролся и тогда, то есть он считал не только фантастической, но и безумной самую мысль о том, что в отсталой России пролетариат может оказаться у власти ранее, чем в Западной Европе. Во время войны он в лучшем случае примыкал к Мартову справа. Можно не сомневаться, что еще за пять минут до Октябрьского переворота Валецкий был непримиримым врагом большевизма. Когда он стал «большевиком», у меня сведений нет. Но во всяком случае лишь после того, как пролетариат России твердо взял в свои руки власть. На III конгрессе Валецкий лавировал между ленинской линией и ультралевыми. При Зиновьеве он был зиновьевцем, чтобы своевременно обернуться в сталинца. Его подвижность и эластичность еще не исчерпаны. Ему не трудно с легким багажом пересесть из вагона в вагон. Теперь этот бывший националист, идеалист, мистик, меньшевик учит рабочий класс, как завоевывать власть, хотя сам он узнал об этом впервые после ее завоевания. Люди такого типа, как Валецкий, никогда ничего не завоюют. Погубить завоеванное они способны вполне.

Прошлое *Варского* несравненно более серьезно. Он в течение многих лет шел за Розой Люксембург, к которой Валецкий всегда относился с слепой ненавистью польского шовиниста. Но Варский гораздо полнее усвоил себе слабые стороны Розы Люксембург, чем ее сильные стороны, из которых сильнейшей была революционная непреклонность. В конце концов Варский и по сей день остался «революционным» социал-демократом старого типа. Это его сближает с Кларой Цеткин, что очень ярко проявилось на их отношении к немецким событиям в 1923 г. В большевизме Варскому всегда было не по себе. Этим объясняется его временное, основанное на недоразумении, «примиренчество» по отношению к оппозиции 1923 г. Но как только линии определились, Варский нашел свое естественное место в официальных рядах. Борьба эпигонов с «перманентной революцией» и «недооценкой» крестьянства привела перепуганного Варского к тому, что он принял победоносное восстание Пилсудского за своего рода «демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства» и повел польских коммунистов на поддержку фашистскому перевороту. Один этот факт дает мерило марксистской дальнозоркости и революционной стойкости Варского. Незачем говорить, что,

«признав свою ошибку», он является сейчас одним из столпов сталинизма. Как этот бывший соратник Розы Люксембург — интернационалистки до мозга костей — учит польских рабочих строительству социализма в отдельной стране, я не знаю. Но весьма сомнительно, чтобы люди такого типа способны были научить польских рабочих, как вырвать у буржуазии власть.

Вернемся, однако, к центральному коминтерновскому аппарату, из которого Варский выбыл с тех пор, как стал депутатом Сейма.

Клара Цеткин давно уже стала чисто декоративной фигурой Президиума ИККИ. Этих жестоких слов можно бы избежать, если бы Цеткин не служила патетическим прикрытием для таких методов, которые не только компрометируют ее самое, но наносят величайший вред делу международного пролетариата. Силу Цеткин составлял всегда ее темперамент. Идейной самостоятельности у нее не было никогда. Политический стержень ей доставляла в течение многих лет Роза Люксембург. Цеткин пыталась затем найти новый стержень в лице Павла Леви, отчасти Брандлера.

После мартовских дней 1921 г. Цеткин не просто восставала против «глупостей Бела Куна», но по существу дела отстаивала «старую испытанную политику» непрерывного накопления сил. В беседе, которую Ленин и я вели с ней, Ленин мягко, но настойчиво твердил ей: «Молодые наделают немало глупостей, а все-таки потом сделают хорошую революцию». Цеткин рвала и метала. «Они и плохой не сделают»,— кричала она. Мы переглядывались с Лениным и смеялись.

Кратковременные и неопределенные полусимпатии Цеткин к оппозиции 1923 г. вызывались только тем, что я был против взваливания на группу Брандлера вины Коминтерна за немецкую катастрофу 1923 г. Сама Цеткин в течение 1923 г. проявила все черты доброй старой социал-демократки: она абсолютно не поняла крутого изменения обстановки и необходимости смелого поворота политики. В решении вопросов по существу Цеткин не принимает никакого участия. Но ее традиционный авторитет нужен как прикрытие для Мануильских, Пепперов и Хейнцев Нейманов.

Из тех людей, которые за последний период из недр самого Президиума направляют работу Коминтерна, не последнее место занимает представитель чехословацкой компартии *Шмераль*, тоже ныне один из непреклонных рыцарей большевизма новейшей формации. Шмераль и непреклонность — это то же, что Тартюф и искренность или Шейлок и бескорыстие. Шмераль прошел

солидную австрийскую школу и если отличался от австро-марксистского типа, то лишь тем, что никогда не поднимался до него. В старой чешской социал-демократии Шмераль был в полуоппозиции, характер которой уловить было тем труднее, что «идеи» Шмераля всегда представляли собою расползающееся масляное пятно. Можно сказать, что чешскому социал-национализму Немеца и др. Шмераль противопоставлял австро-венгерскую империалистическую государственность, в духе Реннера, но без его знаний и таланта. Чешская республика, однако, осуществилась — не как плод политики Крамаржа, Бенеша и Немеца, а как побочный продукт работы англо-французского империализма. Но так или иначе независимая Чехия оказалась налицо, и австро-венгерский Шмераль попал в политический тупик. Куда повернуться? Таких рабочих, которые опьянялись на первых порах чехословацкой государственностью, было немало. Еще больше было таких, сердца которых бились навстречу октябрьской России. Но таких, которые бы тосковали по австро-венгерской империи, совершенно не оказывалось. Тогда Шмераль совершил свое паломничество в Москву. Помню, как я вскрывал Ленину психологическую механику шмералевского большевизма. Ильич повторял с задумчивым смешком: «Это вероятно... это знаете, очень вероятно... Теперь к нам такие повалят. И надо ухо держать востро. Надо проверять их на каждом шагу...»

Сам Шмераль был глубоко убежден, что переименование чешской партии в коммунистическую исчерпает вопрос. Во всяком случае, он делал с своей стороны все, что мог, чтобы оправдать в дальнейшем слова Отто Бауэра о двух хороших социал-демократических партиях в Европе: австрийской социал-демократии и чешской компартии. «Красный день» этого года трагически показал, что пять лет зиновьевской, бухаринской, сталинской и шмералевской «большевизации» ничего — ровным счетом ничего — не дали партии, то есть в первую голову ее руководству. Но зато сам Шмераль пустил корни. Чем более идейно и политически снижалось руководство Коминтерна, тем выше оказывался Шмераль. Такого рода люди служат недурным политическим водомером. Незачем говорить, что для этого патентованного «большевика» мы, «оппозиционеры», являемся не чем иным, как отпетыми оппортунистами. Но чешские рабочие должны знать: никогда Шмераль не поведет их на завоевание власти.

Другой разновидностью того же типа, сложившегося за последнее пятилетие в отеле «Люкс», является *Коларов.* Его прошлое

более серьезно, в том смысле, что он в течение долгого периода принадлежал к болгарской партии тесняков, которая стремилась держаться на марксистской основе. Но это был марксизм, при всей своей внешней непримиримости, пропагандистски-выжидательный, пассивный и достаточно безжизненный. В международных делах тесняки гораздо больше тяготели к Плеханову, чем к Ленину. Разгром Болгарии в империалистической войне и затем Октябрьская революция толкнули тесняков в сторону большевизма. Коларов обосновался в Москве. В первые послеоктябрьские годы мы жадно хватались за каждого иностранного марксиста, вернее, за каждого, в котором предполагали революционного марксиста. В этом звании Коларов и был втянут в аппарат Коминтерна, с должностью генерального секретаря в перспективе. Но уже через несколько месяцев мы вполне единодушно отказались от своих надежд. Своим впечатлениям от Коларова Ленин подвел итог в таких словах, которые я не стану здесь воспроизводить. В 1923 г. Коларов дополнительно измерил свой рост в болгарских событиях. Результат был все тот же. Отстранение Коларова от руководящей работы в Коминтерне было предрешено еще при Ленине. Но после болезни и смерти Ленина наступила животворящая борьба с троцкизмом. Коларов сразу окунулся в эту купель и вышел из нее возрожденным. Он шел сперва за Зиновьевым против Троцкого, затем за Бухариным против Зиновьева, сегодня — за Сталиным против Бухарина. Словом, непромокаемый, не горящий в огне и не тонущий в воде большевик из «люкса».

Куусинен — один из тех, которые погубили финляндскую революцию 1918 г. Под напором событий и масс Куусинен, наперекор своим лучшим намерениям, вынужден оказался встать на почву революции, но, как верный себе филистер, он хотел совершить ее по самым лучшим вегетарианским образцам. В период восстания он, со свойственным ему одному красноречием, призывал почтеннейшую публику, во избежание жертв, сидеть по домам. Если бы события на венгерский образец подкинули ему власть, он бы не сразу нагнулся, чтобы поднять ее. Но никто ему не подкинул власти. Ее надо было завоевать. Обстановка была исключительно благоприятна. Необходимы были только: революционная смелость и наступательный дух. То есть нужны были качества, живым отрицанием которых является Куусинен. Наступать против финской буржуазии он оказался совершенно неспособен. Это дало ей возможность утопить героическое восстание в

крови. Но зато тем более наступательный дух развил Куусинен по отношению к левому крылу в Коминтерне, когда он огляделся и убедился, что он, по шекспировскому выражению, не хуже всех тех, которые не лучше его. Здесь он ничем не рисковал. Он плыл по течению, как и те, которые командовали им. Маленький резонер развернулся в большого кляузника. В той лжи, которою эпигоны за последние годы отравляли сознание международных рабочих, можно сказать, львиная доля принадлежит Куусинену. Это звучит парадоксом? Но бывают условия, когда львиная доля достается зайцу. Как показывает его колониальный доклад на VI конгрессе, Куусинен целиком остался тем же, чем был, когда помог финской буржуазии зарезать финский пролетариат, а китайской буржуазии разгромить пролетариат Китая.

Очень активную роль играет сейчас в Коминтерне такой человек, как *Петровский-Беннет*. Именно такие люди сейчас решают, ибо официальные «вожди», независимо от своей компетентности, почти не занимаются вопросами Коминтерна. Руководят на деле Петровские, тщательно страхуясь, то есть своевременно получая авторитетный гриф. Но об этом еще очередь впереди.

Петровский — бундист-меньшевик, особой американской, то есть худшей, складки. В течение продолжительного времени он был одним из столпов жалкой и дрянной желто-социалистической еврейской газеты в Нью-Йорке, которая сперва восторгалась победами немцев, а затем лизала пятки Вильсону. Приехав в 1917 г. в Россию, Петровский терся все в тех же бундистско-меньшевистских кругах. К большевизму он примкнул, как и Гуральский, как и Рафес, лишь после того, как в руках большевиков оказалась государственная власть. Он оказался исполнительным и бойким чиновником на военной работе, но только чиновником. Покойник Фрунзе, превосходный солдат, отнюдь не отличавшийся изощренным политическим чутьем, не раз говорил мне: «Ужасно от Петровского пахнет бундизмом». Не только в военно-административных, но в партийно-политических вопросах Петровский неизменно равнялся по начальству. Не раз приходилось мне шутя выговаривать покойному другу моему Склянскому, что слишком уж Петровский «старается» поддерживать меня. Склянский, который ценил практическую деловитость Петровского и потому отстаивал его, отвечал шуткой на укор: «Ничего не поделаешь, такая уж натура». И действительно, дело тут было не в карьеризме, в собственном смысле слова, а в

самодовлеющем инстинкте приспособления, в жажде покровительственной окраски, в органическом оппортунизме.

Рафес, другая разновидность того же типа, оказался одинаково способен стать министром Петлюры, как и советником китайской революции. В какой мере он содействовал своей поддержкой гибели петлюровщины, судить не берусь. Но что он сделал все, что мог, для того чтоб погубить китайскую революцию, об этом свидетельствует каждая строка его отчетов и статей.

Родной стихией для Петровских, Рафесов, Гуральских является закулисная возня, сватовство и комбинаторство, дипломатические шашни вокруг Англо-русского комитета или Гоминдана, вообще барахтанье вокруг да около революции. Гибкость и приспособляемость этих людей имеют свой роковой предел: они органически не способны ни на революционную инициативу действия, ни на борьбу за свои взгляды в качестве меньшинства. Между тем только эти два качества, дополняющие друг друга, и создают настоящего революционера. Без способности упорно оставаться в меньшинстве нельзя сгруппировать надежное, стойкое, мужественное революционное большинство. С другой стороны, революционное большинство, даже однажды завоеванное, отнюдь не становится постоянным и неизменным достоянием. Пролетарская революция идет через величайшие подъемы и спуски, через ухабы, туннели и откосы. Этих спусков и подъемов хватит еще на десятилетие. Решающее значение для партии имеет постоянный отбор революционеров и их закалка, не только в массовой борьбе с врагом, но и в идейной борьбе внутри партии, постоянная проверка их на больших событиях и на крутых поворотах. Гёте говорил, что однажды приобретенное нужно всегда снова и снова завоевывать, чтоб действительно обладать им.

Во время первой большой чистки партии Ленин советовал выбрасывать 99% бывших меньшевиков. Он брал тут меньшевизм не столько как политическую линию соглашательства, сколько как психологический тип приспособленчества, ищущего покровительственной окраски и потому готового перекраситься и в большевики — только бы не плыть против течения. Если Ленин рекомендовал безжалостно очищать партию от приспособленцев, то в послеленинский период такого рода элементы стали, наоборот, играть огромную, а в Коминтерне — прямо-таки решающую роль. Гуральский венчал и развенчивал вождей французской, германской и других партий, Петровский и Пеппер руководили

англосаксонским миром, Рафес учил китайский народ революционной стратегии, Бородин был государственным советником национальной революции. Все это вариации одного и того же основного типа, то есть приживальщика революции.

Незачем говорить, что нынешний «левый курс» Сталина ни с какой стороны не потревожил эту публику. Наоборот, все Петровские жизнерадостно проделывают сейчас левый курс, и все Рафесы борются против правой опасности. В этой левоцентристской кампании, на три четверти дутой и показной, приспособленцы чувствуют себя, как рыба в воде, задешево показывая себе и другим, какие они замечательные революционеры. А в то же время они остаются самими собою больше, чем когда бы то ни было. Что может погубить Коминтерн, так это тот курс, тот режим, тот дух, который воплощен в Петровских.

Одним из несомненных вдохновителей и воспитателей послеленинского Коминтерна стал *Мартынов* — фигура, совершенно символическая в истории революционного движения. Наиболее последовательный и потому наиболее тупоумный теоретик меньшевизма, Мартынов терпеливо отсиживался в укромном убежище от революции и гражданской войны, как путник отсиживается от непогоды. Он вышел на свет божий лишь на 6-м году после Октября. В 1923 г. Мартынов неожиданно обнаружился, поместив статью в московском журнале «Красная новь». На заседании Политбюро весною 1923 г. я полушутя, полусерьезно, но явно не в добрый час сказал мимоходом: «Смотрите, как бы Мартынов не дополз еще до партии». В ответ на это Ленин сделал из двух ладоней трубку вокруг рта и сказал в мою сторону «шепотом», но на всю комнату: «Так ведь он же дурак». У меня не было никаких оснований оспаривать эту краткую характеристику, сделанную тоном полной убежденности. Я заметил лишь, что нельзя же большую партию строить из одних умных и что Мартынов может ненароком пройти по другой категории. Но шутка повернулась на серьезное. Мартынов не только добрался до партии, но и стал одним из ближайших вдохновителей Коминтерна. Его приблизили и подняли, вернее, к нему приблизились и спустились — исключительно ради его борьбы с «троцкизмом». Ему не пришлось для этого переучиваться. Он продолжал громить «перманентную революцию», то есть делал то же, что и в предшествовавшие двадцать лет. Если прежде он говорил о недооценке мною буржуазного либерализма и буржуазной демократии, то теперь он в то же самое клише вставил крестьянство.

В меньшевистских журналах эпохи реакции можно найти немало статей Мартынова, посвященных доказательству того, что «троцкизм временно восторжествовал в октябре, ноябре и декабре 1905 г.» (буквально), когда разнуздалась стихия и погасила все светильники меньшевистского разума. Высший подъем революции — октябрь, ноябрь и декабрь 1905 г. — оценивался Мартыновым как ее «троцкистское» падение. Подлинный подъем начинался для него с эпохи Государственных дум, блоков с кадетами и прочее, то есть началом контрреволюции.

Переждав в своем убежище новую, несравненно более грозную игру «разнузданных стихий», то есть октябрьский переворот, гражданскую войну, революцию в Германии и Австро-Венгрии, советский переворот в Венгрии, события в Италии и прочее и прочее, Мартынов пришел в 1923 г. к выводу, что настал момент возжечь светильник разума в ВКП. Он начал с того, на чем остановился в эпоху столыпинской реакции. В «Красной нови» он писал:

> «Л. Троцкий в 1905 г. рассуждал логичнее и последовательнее, чем большевики и меньшевики. Но недостаток его рассуждения заключался в том, что он был «слишком последователен». Та картина, которую он рисовал, *весьма точно предвосхитила большевистскую диктатуру в первые три года Октябрьской революции, которая, как известно, пришла в тупик*, оторвав пролетариат от крестьянства, в результате чего большевистская партия вынуждена была отступить далеко назад».
>
> «Красная новь», № 2, 1923 г., стр. 262; подчеркнуто мною.

Мартынов здесь совершенно откровенно рассказывает, что именно примирило его с Октябрем: *большое отступление нэпа*, вынужденное, в свою очередь, задержкой мировой революции. С глубоким убеждением в том, что первые три года Октябрьской революции были не чем иным, как выражением «исторической ошибки троцкизма», Мартынов вошел в партию и сразу же в борьбе с оппозицией занял место тяжелой артиллерии. Один этот факт убедительнее многих теоретических соображений иллюстрирует тот глубокий процесс, который произошел в верхних этажах партийного руководства за последние годы.

В своей неизданной работе «Ленин о диктатуре пролетариата и крестьянства» (в настоящее время серьезные и добросовестные работы сплошь остаются в рукописях: на острые темы печатается только аппаратная халтура) тов. Б. Лившиц дает в коротком примечании поучительную политическую характеристику Мартынова.

«Мне кажется, — говорит он, — что политическая биография этого человека должна привлечь к себе особенное внимание. В самом деле. Он пришел к народовольцам в период начала их эпигонского вырождения (середина 80-х гг.). К марксизму и социал-демократии он приходит для того, чтобы возглавить сползание части социал-демократов с позиции группы «Освобождение труда» и ленинского «Петербургского Союза борьбы» на позиции оппортунистического экономизма. Затем этот вчерашний антиискровец приходит к «Искре» (фактически к новоискровцам) в тот момент, когда оставшиеся ее руководители сползают со староискровских позиций. Здесь, оставаясь как бы на вторых ролях (вне редакции «Искры»), он фактически в своих «Двух диктатурах» дает платформу оппортунистически-соглашательской тактике меньшевиков в революции 1905 г. Затем этот вчерашний меньшевик, наиболее злостный антибольшевик, приходит к большевикам в тот опять-таки момент (1923 г.), когда их эпигонствующие руководители уже сползают с большевистских позиций. Оставаясь и здесь на вторых ролях (вне Политбюро и Президиума Коминтерна), он фактически вдохновляет борьбу против большевистской части партии и в своих статьях и выступлениях дает платформу оппортунистически-соглашательской тактике сталинцев в китайской революции... Действительно нечто роковое сопровождает эту фигуру».

«Роковой» характер мартыновской фигуры прекрасно мирится с ее непроизвольным комизмом. Тихоход и тяжкодум, созданный природой для обозов революции, Мартынов одержим благородной страстью: теоретически сводить концы с концами. Так как он примыкает лишь к идейным течениям упадка либо к упадочным ответвлениям здоровых течений, то в своем стремлении сводить концы с концами он каждую ошибку доводит до предельного тупоумия. Автор «Двух диктатур» дал в 1926—1927 гг. теоретическую формулу «блока четырех классов», разумея под этим тот факт, что китайская буржуазия при помощи Коминтерна плотно села верхом на три класса: рабочих, крестьян и мелкий городской люд. В марте 1927 г. Мартынов выдвинул лозунг: «Прилить рабочей крови Гоминдану» — как раз накануне того, как Чан Кайши приступил к пролитию рабочей крови в Гоминдане. Когда развернулись «англо-русские» и «китайские» споры в партии, Мартынов переживал вторую молодость, преподнося старый меньшевизм без всяких изменений и добавлений, в наиболее его нетронутом и тупоумном виде. В то время как другим приходилось наспех искать и выдумывать теории для политического сползания, Мартынов вытаскивал из-за пазухи давно выдуманное, готовое, но только слегка позабытое. Это обеспечивало ему явный перевес.

И этот «роковой» человек является одним из ближайших вдохновителей Коммунистического Интернационала. Он учит ориентироваться в обстановке, предвидеть будущий ход развития, отбирать на этом кадры, своевременно распознавать революционную обстановку и мобилизовать массы для низвержения буржуазии. Более злой карикатуры выдумать нельзя.

В пропагандистском отделе Коминтерна работает, чуть ли не заведует им, некий *Ленцнер*. Как ни незначительна эта фигура, но и об ней стоит сказать несколько слов, как о неслучайной части целого. Ленцнер одно время работал над изданием моих сочинений. Там я впервые познакомился с ним, как с представителем «красной профессуры». Никакого революционного прошлого у него не было. Само по себе это не могло быть поставлено ему в укор: он был молод. В политику он вошел, когда революция уже была совершена. Хуже было то, что хаотическая ломка во всех областях дала ему возможность с минимальнейшими теоретическими ресурсами выйти в «красные профессора». Другими словами, революция означала для него прежде всего карьеру. Больше всего поражала меня его неграмотность. В примечаниях, какие он писал, приходилось следить не только за мыслью, но и за этимологией и синтаксисом господина «профессора». Особенно же приходилось следить за тем, чтоб не было избытка усердия: Ленцнер походил не столько на единомышленника, сколько на приспешника. В тот период — 1923 г.— многие нетерпеливые карьеристы и не определившиеся молодые аппаратчики еще пробовали счастья и здесь и там. К поверхностности и малограмотности Ленцнера приходилось, однако, относиться снисходительно, потому что более серьезные работники были сплошь заняты: оппозиционеров тогда еще не снимали с работы.

Ленцнер подготовлял мне материалы для «Уроков Октября», то есть наводил справки, подбирал по моим указаниям цитаты и пр. Когда же давно подготовлявшаяся антитроцкистская кампания была открыта и формально приурочена именно к «Урокам Октября», Ленцнер забегал глазами по углам и в 24 часа переменил курс. Чтоб застраховать себя покрепче, он использовал подобранные им материалы в прямо противоположном направлении, то есть для борьбы с «троцкизмом». Он написал брошюру, разумеется, о перманентной революции, эта брошюра уже печаталась, но набор был разбит по распоряжению Политбюро в самый последний момент: решили, что слишком уж неудобно связываться с такой фигурой. Тем не менее Зиновьев приютил его и обласкал в

Коминтерне. Рядом с Куусиненами и Мартыновыми Ленцнер стал одним из руководителей повседневной работы Интернационала. Этот красный профессор пишет руководящие статьи в руководящем органе Коминтерна. Тех немногих строк, которые я читал, достаточно для того, чтобы убедиться, что Ленцнер и сегодня не умеет грамотно связать двух слов, а в редакции «Коммунистического Интернационала», очевидно, некому следить не только за марксизмом, но и за грамматикой. Такие Ленцнеры образуют физиономию аппарата Коминтерна.

Руководящее место в Профинтерне и влиятельное в Коминтерне занимает *Лозовский*. Если на первых порах, при старом руководстве партии, роль его была чисто технической, причем и в этом качестве подвергалась большому сомнению и считалась временной, то за последний период Лозовский выдвинулся в самый передний ряд.

Лозовскому нельзя отказать в известных способностях, в быстроте соображения, в некотором нюхе. Но все эти качества имеют у него крайне беглый и поверхностный характер. Он начал, кажется, с большевизма, но отходил на много лет. Был примиренцем, во время войны интернационалистом, работал со мной в парижском «Нашем слове», представляя все время крайнее правое его крыло. И во внутренних вопросах французского рабочего движения, и в вопросах Интернационала, и в вопросах русской революции он неизменно тяготел вправо — в сторону пацифистского центризма. Единственный из группы «Нашего слова» он в 1917 г. не примкнул к большевикам. К Октябрьской революции он относился как злейший враг. Врагом он оставался, кажется, до 1920 г., мобилизуя против партии часть железнодорожников и профессионалистов вообще. Он присоединился к Октябрьской революции раньше Мартынова; но, во всяком случае, после того, как она не только совершилась, но и отстояла себя от наиболее грозных опасностей. Знание языков и знакомство с жизнью Запада привели его в те годы, когда распределение работников происходило еще очень хаотично, в Профинтерн. Когда в Политбюро наталкивались на этот факт, все мы, и первым Ленин, покачивали головами, и все утешали себя: при первой возможности надо сменить. Но обстановка переменилась. Ленин заболел, потом умер. Началась смена вех, тщательно подготовленная за аппаратными кулисами. Всплыл и Лозовский. Он попал в струю. Ведь полемизировал же он со мной во время войны в защиту

лонгетизма и мелкобуржуазной демократии в России. Ведь полемизировал же он против Октябрьской революции, красного террора, гражданской войны. С маленьким перерывом он опять возобновил борьбу с «троцкизмом». Это обеспечило его положение в Профинтерне и сразу создало ему положение в Коминтерне. В разгар мартыновского курса Лозовский оказался даже в некотором смысле на левом крыле. Но это отнюдь не опасно ни для Лозовского, ни для Коминтерна, ибо при всей своей торопливой поверхностности Лозовский очень твердо знает пределы, за коими левизна перестает поощряться. Прыгающая живость мысли, как это часто бывает, уживается у Лозовского с идейным консерватизмом. Он может в хлесткой статье порекомендовать рабочим Южной Африки или туземцам Филиппин опрокинуть свою буржуазию, чтоб через час самому забыть о своем совете. Но во всех тех случаях, где нужно по-серьезному принимать ответственные решения, Лозовский всегда метнется вправо. Это не человек революционного действия, а органический пацифист. Будущее покажет это еще не раз.

Вопрос о руководстве молодыми партиями Востока, перед которыми стоят грандиозные задачи, представляет едва ли не самую мрачную часть послеленинской главы Коминтерна.

Достаточно сказать, что руководящую роль в этих делах играет *Раскольников.* В отличие от всех перечисленных выше это несомненно боевой революционер, большевик с некоторым дореволюционным прошлым. Но только ужасающее опустошение руководящих рядов могло привести к тому, что Раскольников оказался руководителем... русской литературы и азиатских революций. Он одинаково непригоден для того и другого. Дела его всегда были лучше его речей и статей. Слова его всегда набегают наперед мысли. Его не плохо иметь рядом с собою в гражданской войне. Но много хуже иметь его рядом в идейной борьбе. Вернувшись в 1923 г. из Афганистана, Раскольников рвался в бой на стороне оппозиции. Я настойчиво удерживал его, ибо опасался, что он может причинить больше вреда, чем пользы. По этой или другой причине он через несколько дней оказался активным борцом — на другой стороне. Не знаю, насколько глубоко изучал он Восток, сидя в Афганистане. Но зато он писал там много воспоминаний о первых годах революции и в этих воспоминаниях считал нужным немало места отвести автору этих строк. В 1924 г. он переделал эти — уже напечатанные — воспоминания заново, причем там, где стоял плюс, поставил минус и наоборот. Передел-

ка имеет настолько ребячески-первобытный характер, что ее нельзя даже всерьез принять за фальсификацию. В основе здесь лежит исключительная примитивность мышления. Деятельность Раскольникова в области пролетарской литературы войдет одним из самых забавных анекдотов в историю революции. Но здесь нас эта тема не касается. Гораздо более трагический характер носит работа Раскольникова как руководителя восточного отдела Коминтерна. Достаточно прочитать предисловие Раскольникова к докладу Тан Пинсяна, чтобы убедиться еще раз в том, как легко люди известного склада впадают в подходящих условиях в рецидив политической безграмотности. К меньшевистскому докладу Тан Пинсяна Раскольников написал хвалебно-меньшевистское предисловие. Надо, правда, прибавить, что доклад Тан Пинсяна был одобрен VII Исполкомом Коминтерна. Подумать только, сколько тратится усилий и средств, чтобы сбивать людей с толку. Раскольников является не столько ответственным вдохновителем, сколько жертвой всей этой механики. Но злополучное руководство его, в свою очередь, становится источником величайших бедствий и жертв.

Индийское движение представлено в Коминтерне *Роем*. Вряд ли можно вообще больше причинить вреда индийскому пролетариату, чем причинили Зиновьев, Сталин и Бухарин через посредство Роя. В Индии, как и в Китае, велась и ведется работа сплошь на буржуазный национализм. Рой в течение всего послеленинского периода вел пропаганду в пользу создания «народной партии», которая, как он выражался, «ни по имени, ни по существу» не должна быть партией пролетарского авангарда. Это есть приспособление гоминдановщины, сталинщины и лафоллетизма к условиям национального движения в Индии. Политически это значит: через посредство Роя руководство Коминтерна поддерживает стремя будущим индийским Чан Кайши. Взгляды Роя — помесь из эсеровщины и либерализма под соусом борьбы с империализмом. В то время как «коммунисты» строят «рабоче-крестьянские» партии, индийские националисты прибирают к рукам профессиональные союзы. Катастрофа подготовляется в Индии с такой же планомерностью, как это было проделано в Китае. На китайских образцах учился Рой, и сам он выступал на китайских съездах в качестве учителя. Незачем говорить, что этот национал-демократ, отравленный маргариновым «марксизмом», является непримиримым борцом против «троцкизма», подобно своему духовному сородичу Тан Пинсяну.

В Японии дела идут нисколько не лучше. Японская компартия неизменно представлена в Коминтерне *Катаямой*. По мере опустошения руководства Коминтерна и Катаяма стал большевистским столпом. По сути дела, Катаяма представляет собою сплошное недоразумение. В отличие от Клары Цеткин, его нельзя даже назвать декоративной фигурой, ибо он лишен какой бы то ни было декоративности. Взгляды его представляют чуть-чуть марксистски окрашенный прогрессизм. По всему своему складу Катаяма несравненно ближе к миру идей Сунь Ятсена, чем Ленина. Это не мешает Катаяме исключать из Коминтерна большевиков-ленинцев и вообще решать своим голосом судьбы пролетарской революции. В награду за службу по борьбе с оппозицией Коминтерн поддерживает в Японии фиктивный авторитет Катаямы. Молодые японские коммунисты глядят на него снизу вверх и учатся у него. Чему? Недаром существует японская поговорка: «Можно молиться и голове сардинки: все дело в вере».

Тем временем в Японии идет непрерывная канитель объединительных попыток разных «рабоче-крестьянских партий», правой, центристской и левой, которые все в одинаковой степени представляют собою организованное покушение на политическую самостоятельность пролетарского авангарда. Дипломатические ноты и контрноты, объединительные конференции и контрконференции плодятся и множатся, рассасывая и развращая немногочисленных коммунистов, отрывая их от подлинной работы над сплочением и воспитанием рабочих-революционеров. Печать Коминтерна почти ничего не сообщает о настоящей революционной работе коммунистов, о подполье, о строительстве организации, о прокламациях и пр. Зато почти каждую неделю мы узнаем о новых шагах нового комитета по воссозданию левой рабоче-крестьянской партии в направлении объединения с левым крылом центристской рабоче-крестьянской партии, которая в свою очередь обращается к левому крылу правой партии и прочее и прочее, без конца. Причем тут большевизм? Какое отношение имеют Маркс и Ленин к этой непристойной мышиной возне?

Но к жгучим вопросам Востока придется еще вернуться более основательно и в другой связи.

* * *

Общий дух перемен, происшедших в руководстве Коминтерна, приобретает, как видим, при дефилировании его ответственных фигур полную наглядность. Руководят Коминтерном мартынов-

цы и приспособленцы разных степеней. У французов есть политический термин «ралье», что значит присоединившийся. Необходимость в таком термине выросла из частых политических переворотов. Если республиканцам приходилось мириться с империей, то монархистам и бонапартистам приходилось мириться с республикой. Они это делали не сразу, а после того, как убеждались в прочности республиканского режима. Это не те республиканцы, которые боролись за республику, а те, которые милостиво соглашались принимать из ее рук должности и оклады. Вот это и есть «ралье». Не надо думать, что такой тип свойствен только буржуазной революции. Основой присоединенчества является не революция, а ее победа и создаваемая победой государственная власть.

Разумеется, не только из молодых, но отчасти и из старших поколений к Октябрьской революции присоединились и присоединяются подлинные борцы, особенно в других странах. Но нынешний режим Коминтерна не дает им подняться на степень самостоятельных руководителей, тем более революционных вождей. Он отталкивает, отметает, калечит, топчет все самостоятельное, идейно устойчивое и волевое. Ему нужны приспособленцы. Он их без труда находит, группирует и вооружает.

Среди присоединенцев имеются все оттенки, от честных политических тихоходов, лишенных предвидения и инициативы, до оголтелых карьеристов. Но даже и лучшие из этих «ралье», как подсказывает психология и показывает опыт, проявляют по отношению к новым революциям те же качества, какие они обнаруживали до Октября и даже накануне его: неспособность предвидения, недостаток творческого воображения и отсутствие подлинно революционного мужества. Коларовы, Пепперы, Куусинены, Валецкие, Мартыновы, Петровские, Лозовские и прочие герои, прозевавшие, прогадавшие или погубившие по одной, по две, по три и более революций, несомненно твердят про себя: «Попадется нам еще одна революция, мы на этот раз себя покажем». Так незадачливый охотник после каждого нового промаха клянется себе, что по следующей дичи возьмет уж твердый прицел. Помня о своих грезах и беспокоясь, что грехи не забыты, эти послеоктябрьские октябристы всегда готовы по мановению начальства проявить дерзание — за тридевять земель. Вот почему трагические упущения революционных ситуаций чередуются с не менее трагическими революционными авантюрами.

Самое лучшее, что можно сделать по отношению ко всем разновидностям Мартынова, Куусинена и Пеппера,— это держать их на пушечный выстрел от тех учреждений, где решаются судьбы революции.

* * *

Можно возразить, что выше мною перечислены все же лишь фигуры второго порядка, что «настоящее» руководство сосредоточено в Политбюро ВКП. Но это иллюзия. При Ленине *непосредственное* ведение дел Коминтерна сосредоточивалось в руках Зиновьева, Радека и Бухарина. При решении сколько-нибудь существенных вопросов принимали участие Ленин и автор этих строк. Незачем говорить, что камертон по всем основным вопросам Коминтерна был в руках Ленина. *Из нынешних членов Политбюро*, не считая Бухарина, *никто не принимал никакого участия в руководстве Коминтерном*, и, разумеется, не случайно. По самому существу своему эта работа предполагает не только известный теоретический и общеполитический уровень, но и непосредственное знакомство со внутренней жизнью западных государств и знание иностранных языков, дающее возможность постоянно следить за иностранной печатью. Из состава нынешнего Политбюро даже и этими формальными данными не обладает никто, кроме Бухарина, который при Ленине был лишь кандидатом в Политбюро.

В так называемом ленинском «Завещании» *Бухарину* дается как бы противоречивая характеристика. С одной стороны, о нем говорится как о «ценнейшем» и крупнейшем теоретике партии, с другой стороны, указывается, что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не понимал вполне диалектики)». Каким же образом недиалектик и схоласт может быть теоретиком марксистской партии? Не буду здесь останавливаться на том, что «Завещание», написанное с определенной партийной целью, проникнуто стремлением «уравновесить», хоть до некоторой степени, отзывы о руководящих работниках партии: Ленин тщательно ограничивает слишком ярко выраженную хвалу, как и смягчает слишком жестокое осуждение. Но это все же касается лишь формы «Завещания», а не существа и не объясняет, каким образом могут быть «ценными» марксистские работы писателя, который не овладел диалектикой. Между тем отзыв Ленина, несмотря на внешнюю противоречи-

вость, которая должна несколько позолотить пилюлю, по существу не противоречив и вполне правилен.

Диалектика не отменяет формальной логики, как синтез не отменяет анализа, а, наоборот, опирается на него. Мышление Бухарина формально-логично и абстрактно-аналитично насквозь. Лучшие из написанных им страниц относятся к области формально-логического анализа. Где мысль Бухарина движется в колеях, уже проложенных диалектическим резцом Маркса и Ленина, там она может давать ценные *частные* результаты; правда, почти всегда сопровождаемые схоластическим привкусом. Но там, где Бухарин самостоятельно входит в новую сферу или где ему приходится сочетать элементы разных плоскостей — экономики и политики, социологии и идеологии, вообще базиса и надстройки,— там он развивает совершенно безответственный и безудержный произвол, снимая обобщения с потолка и жонглируя понятиями, как мечами. Если дать себе труд подобрать и расположить хронологически все те «теории», которые Бухарин сервировал Коминтерну с 1919 г. и особенно с 1923 г., то получится картина вальпургиевой ночи, в которой бедные тени марксизма бешено треплются всеми сквозными ветрами схоластики.

VI конгресс Коминтерна довел противоречия аппаратного руководства до высшего выражения и тем самым до абсурда. Внешним образом руководство как бы принадлежало Бухарину: он читал отчетный доклад, давал стратегическую линию, предложил и провел программу — дело не малое, — наконец, открывал и закрывал конгресс, подводя ему итоги. Его господство казалось полным. А между тем все знают, что действительное влияние Бухарина на конгрессе было очень близко к нулю. Бесконечные бухаринские словеса похожи были на пузыри, которые пускает утопающий. А тем временем, совершенно независимо от духа докладов и в противовес ему, среди делегатов происходила перегруппировка элементов и их фракционное закрепление. В этой чудовищной двойственности обнаружилось, какую в сущности второстепенную, подчиненную, декоративную роль играет так называемая «идеология» при аппаратно-бюрократическом режиме. Если, таким образом, о руководстве Бухарина говорить теперь совершенно не приходится, ибо гвоздем VI конгресса была ликвидация Бухарина, то остается *Сталин*. Но здесь мы из одного парадокса попадаем в другой: ибо тот, кого называют сейчас с известным основанием руководителем Коминтерна, вообще не появлялся на конгрессе, а в позднейших докладах отделывался от

вопросов программы и стратегии Коминтерна несколькими ничего не значащими фразами. И это опять-таки не случайно.

Нет надобности снова распространяться здесь о грубоэмпирическом характере сталинской политики. С тем или другим запозданием она лишь пассивно отражает подземные классовые толчки. В эмпирическом приспособлении и состоит сила аппаратного централизма на известный период и в определенных условиях. Но в этом же — его ахиллесова пята.

И людям, стоящим в стороне, трудно себе даже представить, на каком первобытном уровне находятся научные познания и теоретические ресурсы Сталина. При жизни Ленина никому из нас никогда не приходило в голову привлекать его к обсуждению теоретических проблем или стратегических вопросов Коминтерна. Самое большое, ему приходилось иногда голосовать за тот или другой вопрос, поскольку разногласия в среде русских руководителей Коминтерна вынуждали формально провести вопрос через Политбюро. Во всяком случае до 1924 г. нельзя найти ни одной статьи и ни одной речи Сталина, которые были бы посвящены международным проблемам. Однако именно это его «качество» — личная несвязанность какими бы то ни было идейными обязательствами и традициями в основных теоретических и международных вопросах — сделало его как нельзя более пригодным для руководства попятной, отступательной политикой, когда в стране начали возрождаться разбитые Октябрем классы, давя на партию. Сталин понадобился, когда октябрьскую фильму начали разворачивать в обратном порядке. «Каждая общественная эпоха — говорит Маркс, ссылаясь на Гельвеция, — требует своих великих людей, а когда таковых не находит, то она изобретает их» («Борьба классов во Франции»). Таким «изобретенным» великим человеком периода противооктябрьской реакции и является Сталин.

Марксизм, как известно, отнюдь не «отрицает» роль личного начала в истории, наоборот, лучше всякой другой доктрины способен выяснить историческую функцию выдающейся личности. Но марксизму совершенно чужд фетишизм личного начала. Роль личности всегда объясняется объективными условиями, заложенными в соотношении классов. Бывали такие исторические периоды, когда, по выражению умного врага Устрялова, «для спасения страны» нужна оказывалась выдающаяся посредственность — и только. В своем «Восемнадцатом брюмера» Маркс показал, по собственным его словам, «каким образом классовая борьба создала обстоятельства и условия, позволившие посред-

ственному и вульгарному персонажу разыграть роль героя». Речь у Маркса шла о Наполеоне III. Социальную подпочву его власти составляло распыленное парцелярное крестьянство при взаимной нейтрализации буржуазии и пролетариата. Основные элементы этой обстановки имеются и у нас. Весь вопрос — в их соотношении и в тенденциях дальнейшего развития. За эти тенденции мы еще поборемся. Но пока что неоспоримо, что сталинский режим чем дальше, тем все больше становится репетицией бонапартизма.

Безразличие в принципиальных вопросах и политическое короткомыслие сопровождали Сталина всегда. В 1925 г. тифлисская партийная газета «Заря Востока» оказала ему дурную услугу, напечатавши его письмо от 24 января 1911 г. Блок Ленина с Плехановым для борьбы с ликвидаторами и примиренцами Сталин называет в этом письме «заграничной бурей в стакане» — ни более и ни менее — и затем продолжает:

> «Вообще, на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно; пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работает, остальное же приложится. — Это, по-моему, к лучшему».

Таким образом, в 1911 г. Сталин пренебрежительно предоставлял Ленину «лезть на стену» в борьбе с ликвидаторством, а идейно оформлявшуюся Лениным группировку Сталин презрительно называл «заграничной бурей в стакане». Какой отвратительной фальшью является сегодняшняя непримиримость Сталина задним числом, по отношению к старой идейной борьбе!

Но дело не ограничивается 11-м годом. Весною 1917 г. полуоборонец Сталин принципиально соглашался объединить партию с оборонцем Церетели. В скрываемых до сих пор протоколах мартовского партийного совещания 1917 г. читаем:

> «В порядке дня предложение Церетели об объединении. Сталин: мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения о линии объединения: возможно объединение по линии Циммервальда—Кинталя».

На опасения отдельных делегатов совещания Сталин отвечает:

> «Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия».

Разногласия с Церетели казались Сталину мелкими разногласиями, как шесть лет перед тем теоретическая борьба Ленина с ликвидаторством представлялась ему «бурей в стакане». В этом

циничном безразличии к принципиальным основам политики и в этом соглашательском эмпиризме заложены целиком: и будущий союз с Чан Кайши, и содружество с Перселем, и социализм в отдельной стране, и двухсоставная рабоче-крестьянская партия, и объединение с Мартыновыми, Пепперами и Петровскими для борьбы с большевиками-ленинцами.

Процитируем еще письмо Сталина, написанное им 7 августа 1923 г. по поводу положения в Германии:

> «Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без с.-д., созрели ли они уже для этого, — в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как а) мир, б) землю крестьянам, в) поддержку громадного большинства рабочего класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого (??) у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству советскую страну, чего у нас не было, но что можем дать им в данный момент. Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском (?!). Это «в лучшем» случае. А в худшем случае их разобьют вдребезги и отбросят назад. Дело не в том, что Брандлер хочет «учить массы», — дело в том, что буржуазия плюс правые с.-д. наверняка превратили бы учебу—демонстрацию — в генеральный бой (они имеют пока что все шансы для этого) и разгромили бы их. Конечно, фашисты не дремлют, но нам выгоднее, чтобы фашисты первые напали: это сплотит весь рабочий класс вокруг коммунистов (Германия не Болгария). Кроме того, фашисты по всем данным слабы в Германии. *По-моему, немцев надо удерживать, а не поощрять*».

К этому поразительному документу, от разбора которого мы вынуждены здесь воздержаться, надо только прибавить, что весною 1917 г., до приезда Ленина в Россию, Сталин ставил вопрос о завоевании власти ничуть не революционнее, чем он ставит его в 1923 г. по отношению к Германии. Не ясно ли, что Сталин является наиболее подходящим лицом для сокрушения Брандлера и правых вообще?

Что касается теоретического уровня Сталина, то достаточно, в сущности, напомнить, как он, пытаясь объяснить, почему Маркс и Энгельс отбрасывали реакционную мысль о построении социализма в отдельной стране, заявил, что в эпоху Маркса—Энгельса *«о законе неравномерного развития в капиталистических странах не могло быть и речи»*. Не могло быть и речи! Это написано 15 сентября 1925 г.

Что сказали бы о математике, который стал бы утверждать, что Лагранж, Гаусс или Лобачевский не мог еще знать логарифмичес-

ких исчислений? У Сталина это отнюдь не исключение. Если присмотреться к рубленой эклектике сталинских речей и статей, то они сплошь состоят из такого рода перлов и адамантов почти девственного невежества.

В целом ряде своих выступлений, сперва против «троцкизма», затем против Зиновьева и Каменева, Сталин бил в одну точку: против старых революционных эмигрантов. Эмигранты — это люди беспочвенные, у которых на уме только международная революция, а теперь нужны новые руководители, способные осуществлять социализм в отдельной стране. Борьба против эмиграции, как бы продолжающая сталинское письмо 1911 г. против Ленина, входит неразрывной частью в сталинскую идеологию национал-социализма. Лишь полное незнакомство с историей позволяет ему открыто прибегать к такому заведомо реакционному аргументу. После каждой революции реакция начиналась с борьбы против эмигрантов, против чужаков и против инородцев. Если бы Октябрьская революция откатилась еще на один этап, на устряловском пути, то следующий, третий набор вождей несомненно поднял бы травлю против профессиональных революционеров вообще: в то время как они, мол, отрывались от жизни, уходя в подполье, мы, новые «вожди», всегда были почвенными людьми.

Ни в чем, пожалуй, провинциально-национальная ограниченность Сталина не сказывается так грубо, как в этом запугивании старыми революционными «эмигрантами». Дело в том, что эмиграция означает для Сталина уход от борьбы и от политической жизни. Ему органически чужда мысль, что русский марксист, живя во Франции или Соединенных Штатах, становился участником борьбы французского или американского рабочего класса, не говоря о том, что в большинстве случаев русские эмигранты выполняли важные функции на службе русской революции.

Курьезнейшим образом Сталин не замечает, что своими почвенными ударами по старой эмиграции он, прежде всего, бьет по Исполкому Коминтерна, состоящему из иностранцев, которые пребывают в советской эмиграции и тем не менее призваны руководить международным рабочим движением. Больнее же всего Сталин бьет по себе как «вождю» Коминтерна, ибо более законченного, то есть более оторванного, «эмигранта» по отношению ко всем иностранным государствам нельзя себе представить. Без всякого знакомства с историей и внутренней жизнью иностранных государств, без личного знакомства с их рабочим движе-

нием, даже без возможности следить за иностранной печатью Сталин призван ныне вязать и решать вопросы международной революции. Иными словами, Сталин представляет собою наиболее абсолютное воплощение того карикатурного типа эмиграции, который рисуется его собственному воображению. Но этим-то и объясняется, почему вторжения Сталина в область международных вопросов, начавшиеся с осени 1924 г. (можно без труда установить день и число), имеют всегда эпизодический, отрывистый, случайный, хотя от этого и не менее зловещий характер.

Насквозь циническийй эмпиризм Сталина и бухаринская страсть к игре в обобщения не случайно шли в течение довольно длительного времени рядом. Сталин орудовал под действием непосредственных социальных толчков, Бухарин приводил мизинцем в движение небо и преисподнюю, чтоб оправдать очередной зигзаг. Сталин относился к бухаринским сообщениям как к неизбежному злу. В душе он по-прежнему считал, что не стоит волноваться из-за теоретических «бурь в стакане воды». Но идеи живут в некотором смысле своей самостоятельной жизнью. За идеи цепляются интересы. Опираясь на интересы, идеи сплачивают людей воедино. Так, обслуживая Сталина, Бухарин стал теоретически питать правую группировку, тогда как Сталин оставался практиком центристских зигзагов. Здесь причина их расхождения. На VI конгрессе расхождение проявилось тем более скандально, чем более его маскировали.

Действительный, а не показной интерес к Коминтерну определяется у Сталина заботой о том, чтобы иметь со стороны руководящих кадров Коминтерна надлежащую поддержку очередному зигзагу внутренней политики. Другими словами, от Коминтерна требуется аппаратная покорность.

Бухарин огласил на VI конгрессе записку Ленина к Зиновьеву и самому Бухарину с предупреждением о том, что если они станут в Коминтерне заменять умных и самостоятельных людей покорными дураками, то погубят Коминтерн наверняка. Бухарин рискнул привести эти строки только потому, что они понадобились ему самому в его обороне против Сталина. По существу же ленинское предупреждение, столь трагически звучащее сегодня, целиком охватывает зиновьевский, бухаринский, как и сталинский, режим. И эта часть «Завещания» оказалась растоптанной. *Сейчас уже не только в ВКП, но и во всех, без исключения, иностранных партиях отстранены от руководства и отсечены от партии все те элементы, которые строили Коминтерн и руководили*

им в эпоху первых четырех конгрессов. Эта поголовная смена руководящего слоя, разумеется, не случайна. Сталинская линия требует сталинских, а не ленинских людей.

Вот почему столь необходимы и незаменимы Пепперы, Куусинены, Мартыновы, Петровские, Рафесы, Мануильские и прочие. Приспособленчество есть их родная стихия. Добиваясь покорности от Интернационала, они тем самым осуществляют свое высшее предназначение. Для многих приживал высший бюрократизм стал предпосылкой высшей личной «свободы». Они готовы на любой поворот при условии, что за их спиною будет «аппарат», и в то же время они чувствуют себя прямыми наследниками Октябрьской революции, ее провозвестниками во всем мире. Чего им еще? Поистине они строят Коминтерн по образу и подобию своему.

В этой «работе» есть, однако, роковой пробел: она не учитывает сопротивления материала, то есть живой рабочей массы. В капиталистических странах сопротивление обнаруживается раньше, ибо там у коммунистов нет аппарата принуждения. При всем сочувствии к Октябрьской революции масса вовсе не склонна верить каждой палке, назначенной в вожди, и молиться «голове сардинки». Масса не способна и не хочет понимать аппаратной механики. Она учится на больших фактах. Она не видит ничего, кроме ошибок, путаницы и поражений. Рабочие-коммунисты чувствуют вокруг себя холодок. Их тревога превращается в идейное брожение, которое становится основой фракционных группировок.

Ясно: Коминтерн вошел в период тяжелой расплаты за грехи шести лет, когда с идеями обращались, как с обесцененными кредитками, с революционерами — как с чиновниками, а с массой — как с покорным хором. Главные кризисы еще впереди. Идейные запросы пролетарского авангарда прорываются наружу, сбрасывая с себя аппаратные обручи. Фальшивая монолитность рассыпается в Коминтерне быстрее, чем в ВКП, где партийно-аппаратные скрепы уже полностью заменены экономической и государственной репрессией.

Незачем говорить, какую опасность представляет фракционное расщепление. Но причитаниями против фракционности никому еще никогда не удавалось преодолеть ее. Примиренчество, на которое так жалуются во всех резолюциях, меньше всего способно ослабить фракционность. Оно само является в одно и то же время и продуктом фракционной борьбы, и ее полуфабрикатом. Примиренчество будет неизбежно дифференцироваться и

рассасываться. Всякое смазывание или затушевывание разногласий только увеличивало бы хаос и придавало бы фракционным формированиям более затяжной и болезненный характер. Победить нарастающую смуту фракционности можно только ясной принципиальной линией. С этой точки зрения нынешний период открытой идейной борьбы представляется глубоко прогрессивным фактом. Надо только сравнивать его не с отвлеченным идеалом «монолитности», а с убийственной реальностью последних лет.

Три основные линии вышли наружу в международном масштабе. Правая линия, которая есть безнадежная попытка возродить в новых условиях довоенную социал-демократию, в лучшем случае бебелевского типа (Брандлер и прочие). Левая линия, которая есть продолжение и развитие большевизма и Октябрьской революции. Это наша линия. Наконец, центристская линия, которая колеблется между двумя основными, отталкиваясь то от одной, то от другой, лишенная собственного принципиального содержания и, в последнем счете, всегда являющаяся прикрытием правого крыла (Сталин и его единомышленники).

Личные передвижки еще будут даже на верхах. Что же касается основной коммунистической массы, партийной и внепартийной, то ее самоопределение еще целиком впереди. Вопрос идет именно о завоевании массы. Это-то и должно придать борьбе высшую непримиримость. Масса никогда не завоевывается намеками и полусловами. Диалектика развития такова, что спасти Коминтерн от опасностей фракционного распада можно только смелым, твердым, непримиримым сплочением международной фракции большевиков-ленинцев.

[Сентябрь 1928 г.]

Л. Троцкий

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лев Давидович Троцкий

Коммунистический Интернационал после Ленина
(Великий организатор поражений)

Подписано в печать 10.11.93. Формат 60x84/16. Объем 19,5 усл. печ. л.
Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Тираж 25000 экз. Зак. № 2983.
Оригинал-макет подготовлен АО "Принтима"
103006, г. Москва, ул. Каретный ряд, д. 5/10.
АПП "Джангар", 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.